

Елена
МИХАЙЛОВА

Настоящий
детектив

Новинка
средневековый
детектив

Жайна
замка Вержи

Annotation

Мир Птички-Николь населен ведьмами и привидениями, цвергами и феями. Но реальная жизнь оказывается страшнее самой жуткой сказки. Во все времена преступления совершают не призраки, а люди. И раскрыть преступление может только человек, который твердо верит в разум и не позволяет фантазиям сбить его с толку. Окунитесь в прошлое, войдите в стены старинного замка и следуйте за лекарем Венсаном Бонне по лабиринту, полному загадок и тайн! Кто убивает в замке Вержи? Кого коснется проклятие колдуньи? И кто сорвет завесу тайн, душным покрывалом укутывающих стены замка? Читайте в средневековом детективе Елены Михалковой Тайна замка Вержи .

- [Елена Михалкова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Эпилог](#)
-

Елена Михалкова

Тайна замка Вержи

© Михалкова Е., 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Глава 1

– Говори что хочешь, Матье, но когда ты попадешься ей, болтовня тебя не спасет. Знаешь, что она с тобой сделает?

Бернадетта обвела притихшую дворню угрожающим взглядом. В переполненной кухне воцарилось такое безмолвие, что стало слышно, как лезет из чана разбухшее тесто.

Старуха перехватила поудобнее нож, высунула язык – и вдруг с размаху чиркнула по кончику.

Все ахнули. Новая судомойка, пышнотелая девица с голубыми глазами навывкате, завизжала от ужаса. Даже Николь, видевшая эту проделку не первый раз, не удержалась от вскрика.

Лезвие рассекло воздух в полудюйме от кожи, а Бернадетта откинула голову и разразилась громогласным хохотом.

Отсмеявшись, она с размаху воткнула нож в щель между досок. Матье попятился, не сводя глаз с покачивающегося лезвия.

– Что, наложил в штаны? – прокаркала старуха. – Паршивый могильный крот!

– Я не...

– Молчать! Или забыл?

Подняв к закопченному потолку палец, Бернадетта торжественно провозгласила:

– Всякий, кто осмелится прийти на кладбище Левен, будет считаться осквернителем!

Юноша умоляюще посмотрел на Николь. Та едва заметно покачала головой: и не проси, ни за что не стану перечить рассерженной старухе. Во всей округе нет никого, равного Бернадетте в умении сквернословить. От ее ругани линяют куры, скисает молоко и дохнут мыши!

Что касается мышей, то и пусть себе дохнут. Но в руках у Николь был кувшин с горячим молоком.

Оцепенелое молчание нарушил голос судомойки:

– Кому он попадется, Бернадетта?

Старуха обернулась так резко, что сидевшие поблизости отпрянули.

– Что?

– Ты сказала, что Матье попадется кому-то, – пояснила девица, глупо улыбаясь. – Это какая-то сказка, да?

Единственный глаз Бернадетты яростно сверкнул.

– Безмозглая гусыня, тухлые харчи тебе в глотку! – загремела старуха. – Чтоб твой поганый язык копытом отдавило! Хочешь навлечь беду на всех нас?!

Николь метнулась к двери, каждый миг ожидая окрика. К счастью, взгляд старой карги был прикован к остолбеневшей от ужаса судомойке.

Девочка просочилась в щель и со всех ног бросилась прочь. Она промчалась по коридору, юркнула на лестницу, взлетела вверх, крепко прижимая кувшин к груди, свернула в галерею и лишь тогда замедлила шаг.

Никто не должен видеть ее носящейся по замку. Особенно теперь, когда все ждут важного гостя. Хороший слуга ходит чинно, говорит тихо, держится незаметно – так наставляла их Бернадетта каждое утро.

Сюда свирепые вопли старухи уже не доносились, лишь потрескивало масло в светильниках да вдалеке глухо лаяли собаки.

Николь перевела дух. Хвала Деве Марии, ей удалось улизнуть. Если бы одноглазая что-то заподозрила...

Из прохода справа потянуло стылостью. На стенах галереи чадили масляные плоски, отбрасывая дрожащие тени, но в узком коридоре плавала густая тьма.

Девочка поежилась. Быстрее бы миновать нехорошее место! Луна, пухлая, как щеки кухарки, уже повисла над главной башней замка. А если в начале лета под полной луной на тебя повеет холодом из-за угла, жди встречи с Симоном де Вержи. Говорят, если призрак протянет тебе свою отрубленную руку, будешь болеть и чахнуть, пока не помрешь.

Мари рассказывала, что прошлым летом видела его своими глазами. Но Симон пощадил ее и не стал предлагать свой жуткий дар.

Правда, Мари известная врушка и к тому же страшна, как нетопырь. Если бы призрак убитого графа и впрямь попался на ее пути, еще неизвестно, кто из них обмер бы от ужаса.

Убеждая себя, что мертвый хозяин не бродит по замку в эту ночь, Николь ускорила шаг. Внезапно до ее слуха донеслось заунывное бормотание.

Девочка похолодела. Молясь, чтобы ей почудилось, она застыла на месте. Но сквозняк явственно донес до нее негромкий тоскливый голос.

Симон де Вержи! Возвращается в башню, где нашли его бездыханное тело!

Не помня себя от страха, Николь заметалась по галерее.

В стене через каждые двадцать шагов чернели провалы заложенных окон. Когда-то они предназначались для стрелков, но потом окна заложили, а поверх стены возвели крытую дозорную дорожку. В стене галереи

остались только глубокие ниши.

В одну из них и скользнула Николь.

«Пресвятая Дева, спаси меня!»

До ее слуха донеслись шаги. Девочка перестала дышать и зажмурилась.

– Только не Валери. Пусть будет Озорник, – послышался резкий голос.

– Ваша милость, простите, но Озорник с норовом... – возразил тягучий унылый бас.

От облегчения Николь едва не выронила кувшин. Дядюшка! Его карканье она приняла за голос призрака.

Но радость девочки длилась недолго. Ей хватило нескольких слов, чтобы узнать его собеседника, и она еще сильнее вжалась в стену.

Кое-кто из слуг признавался шепотом, что согласился бы скорее вызвать гнев покойного Симона, чем его брата, здравствующего и поныне. Граф Гуго де Вержи, полновластный владелец замка и окрестных земель, славился крутым нравом. Они со старшим конюхом приближались к тому месту, где пряталась за выступом стены Николь. Если заметят ее, непременно решат, что подслушивала.

– С норовом, говоришь... – усмехнулся граф. – Ничего, нашему гостю это придется по душе.

Чеканные шаги отдавались грохотом в ушах Николь. Казалось, хозяин и слуга идут прямо на нее. Девочка прижала к себе кувшин с такой силой, словно он мог сделать ее невидимой.

Мимо ниши прошли два человека. Николь приоткрыла глаза и уткнулась взглядом в темно-зеленый камзол Гуго де Вержи. Гастон в своей серой рубахе двигался за ним, как тень.

– Приготовь испанские седла, – отрывисто распорядился Гуго, – и Птичку на замену. Если маркиз загонит Озорника, ему должны сразу подать новую лошадь.

– Будет исполнено, ваша милость.

«Птичку? – удивилась Николь. – Но ведь Птичка...»

Граф остановился так резко, что старший конюх сбился с шага. Девочка оцепенела.

У его милости нюх, как у волка. Неужели почувствовал, что кто-то смотрит ему в спину из темноты?

Несколько томительных мгновений Гуго де Вержи стоял неподвижно, будто прислушиваясь. Затем снова двинулся вперед, не говоря ни слова, и покорный его воле слуга последовал за ним.

Когда две фигуры исчезли в глубине коридора, Николь вытерла пот с похолодевшего лба и поспешила покинуть свое ненадежное укрытие.

Но из головы у нее не выходили слова графа.

Подать Птичку на замену Озорнику... Что за странный приказ!

Спору нет, Птичка на редкость красива – тонкая, хрупкая, редкой золотистой масти. Под солнцем она светится, точно капля меда. Дядюшка говорит, что быстрее этой кобылки не сыщешь на всем белом свете. «Несется так, словно пичужка удирает от ястреба», – сказал Гастон, когда первый раз сел на нее, и с тех пор лошадь не звали иначе как Птичка.

Но до чего же строптивым характером наделил ее Создатель! Выезжать на Птичке могли только старший конюх и сам Гуго де Вержи, превосходный наездник. Жермен, младший конюх графа, однажды решил приручить норовистую кобылу. Хитрая Птичка сперва встала на дыбы, а затем взбрыкнула задом, и несчастный Жермен вылетел из седла. Не увернись он, быть бы его костям размолоченными мощными копытами лошади.

Злобное животное кусало всех с таким ожесточением, что давно уже не находилось желающих приблизиться к ее стойлу.

Единственным человеком, безбоязненно подходившим к Птичке, была Николь. Она расчесывала и заплетала каштановую гриву, кормила кобылу с руки, и ни разу та не обидела ее.

Конюхи шутили, что лошадь чует в девчонке свою. Ведь Птичкой когда-то прозвали и саму Николь.

Николь пела. Ее негромкий нежный голосок можно было услышать с раннего утра. Под песенки маленькой служанки замок просыпался, под них же и засыпал.

– Ветер согнет траву, разметает стога, – пропела Николь, подбегая к двери, – спутает волосы крошке Мари...

Дверь распахнулась, не успела она постучать.

– Где тебя носит? – злым шепотом воскликнула нянька.

Николь торопливо протянула кувшин с молоком.

– Вот! Немного остыло, пока я шла...

Коринна выхватила кувшин.

– Заходи, да побыстрее!

Глава 2

Из комнаты на Николь дохнуло теплом: по углам были расставлены железные чаны с горячими углями. Красные точки мерцали сквозь решетку. В камине догорал огонь, языки пламени юркими ящерицами шныряли по обугленным поленьям.

– Стой здесь! – приказала нянька. – Не вздумай удрать!

– Я и не думала, – пробормотала под нос Николь, изрядно погрешив против истины. Дай ей волю, она была бы уже далеко.

Забыв про Птичку и странное распоряжение Гуго де Вержи, девочка исподлобья наблюдала за нянькой.

Все считают Коринну милой и жалеют ее: овдовела рано, а детей бог не дал. Нянюшка пышна, как свежая булочка, и когда идет, перебирает своими толстенькими короткими ножками мелко-мелко, будто катится.

Другая такая вдовица давно бы вышла замуж. Только не Коринна.

Сама нянюшка отшучивается старой пословицей: кто женится – поступает хорошо, а кто не женится – поступает еще лучше. Но Николь-то знает, что дело в другом: мужчины отчего-то не горят желанием заполучить аппетитную вдовушку. Если кто и отпустит шуточку в сторону Коринны, второй раз не повторит, хотя нянюшка никогда не осаживает наглецов.

Лицо у Коринны, если посмотреть на него вблизи, похоже на размокший булочный мякиш. Кажется, ткнешь в него – и палец провалится глубоко-глубоко. Нет, думает Николь, это вовсе не румяная булочка. Скорее уж кусок непропеченного теста.

Неудивительно, что мужчины обходят ее стороной. Чутье вопит в них во весь голос: беги прочь, старина, удирай, иначе как-нибудь утром найдут тебя задохнувшимся на супружеском ложе, а в глотке у тебя будет забит тестяной ком.

Николь ни с кем не делится этими своими мыслями. Назовут дурой, а то и донесут дядюшке – тот ненавидит, когда она заводит свои выдумки. Но никто во всем мире не разубедит Николь, что нянюшку Коринну, пухлую, голубоглазую, славную Коринну стоит опасаться.

Нянька подхватила со стола кружку и просеменила к кровати.

– Дитя мое, выпейте теплого молочка, – проворковала она сладким голосом. – Ваша Коринна позаботилась обо всем!

Из-под балдахина высунулось разругавшееся личико младшей

дочери Гуго де Вержи.

– Это Николь принесла? – нетерпеливо спросила девочка. – Она здесь?

– Здесь, здесь. Но вы обязательно должны выпить молоко, вам сразу станет лучше.

– Пусть сначала споет! – потребовала Беатрис. – Хочу, чтобы она спела!

– Но как же молоко?..

– Не хочу! Ненавижу его! Хочу колыбельную!

– Тише, тише... У вас снова будет жар.

– Тогда пускай Николь споет!

Личико Беатрис скривилось, и женщина поняла, что придется уступить.

– Хорошо, – с неудовольствием согласилась она. – Но вы пообещаете мне лечь в постель.

– Обещаю!

– Николь, подойди сюда.

Девочка приблизилась. Коринна вцепилась в ее плечо, надавила и усадила на стул.

– Пой сейчас же, – прошипела она ей на ухо. – Да старайся как следует. Из-за тебя молодая госпожа не может уснуть!

Нянька отдернула полог, и Беатрис придвинулась к краю постели.

– Николь, я снова не сплю, – голосок ее звучал жалобно. – Только закрою глаза, в ушах начинает звонить колокол.

Она доверчиво взяла горничную за руку. Сейчас, съездившись под одеялом, Беатрис казалась совсем ребенком. Вьющиеся черные волосы разметались по подушке: младшая из дочерей графа де Вержи не разрешала заплетать себе косы на ночь.

Глядя на нежное личико с блестящими темными глазами, Николь пришлось в который раз напомнить себе, что Беатрис младше нее всего на одну зиму. Скоро ей будут подыскивать супруга. Но пока каждая служанка в замке убеждена, что их Беатрис – невинный маленький ангел.

«Маленькая притворщица», – беззлобно подумала Николь. Трудно не капризничать и не ломаться, когда все вокруг балуют тебя. К тому же Беатрис крошечная, как куколка. Одно время даже поговаривали, что у графини родилась карлица, но когда дитя подросло, стало ясно, что девочка просто ростом не выдалась.

– Ветер гудит так страшно. – Беатрис страдальчески сморщилась. – Не могу его слушать!

Коринна не выдержала:

– Бог мой, дитя, ветер давно утомился. Ночь тихая и холодная, как вода в колодце.

Беатрис даже не взглянула на нее.

– Закройте глаза, – ласково попросила Николь. – Нет, не зажмурьтесь, просто закройте. Вот так. Ветер – ваш друг. Он придет к вам ночью и принесет счастливые сны.

И она негромко запела, наклонившись к девочке:

Ветер согнет траву,
Разметает стога,
Спутает волосы крошке Мари,
Сдует с крыши воробьев,
А меня погладит,
Всего лишь погладит...

Коринна со вздохом отставила в сторону остывшее молоко. А Николь пела, прикрыв глаза:

Ветер примчится с моря,
По дороге заглянет на вересковые холмы,
Навестит дубовые рощи,
Принесет мне подарки:
С холмов – ожерелье,
Из дубрав – корону,
А с моря лодочку,
Маленькую лодочку.

Лицо Беатрис разгладилось, дыхание выровнялось.

Мне не нужно ожерелье,
И корона мне ни к чему,
Я возьму только лодочку,
Маленькую лодочку.
Сяду в нее,
И ветер понесет меня
Далеко-далеко,
Дальше вересковых холмов,

Дальше зеленых дубрав,
До самого моря,
До светлого моря.

Коринна почувствовала, что у нее самой от чарующего голоса Николь слипаются глаза.

Она никогда не упускала случая напомнить, что еще в колыбели чернявого приемыша поцеловала лесная фея. Один поцелуй – один дар. Значит, фея дважды дотронулась до лба младенца прохладными устами. Вот откуда у грязной девки волшебный голосок и власть над зверями.

Каждый раз за такие слова нянюшку поднимали на смех. Чушь, Коринна! Птичка-Николь возится с любой бессловесной тварью, подкармливает их и ласкает, в этом-то все и дело.

Как же! Коринна однажды попыталась погладить одну из тех дворняг, что вечно крутятся рядом с девчонкой. В отместку за доброту подлая сука цапнула ее и удрала, поджав хвост. Пришлось отравить мерзавку.

А песенки Николь! Разве не странно, что она никогда не поет про венки в ручье, про суженого, что снимет с нее белую рубашку и распустит ей волосы – ни одну из тех славных старых песен, которыми славится их край? Девка выдумывает свои. От них становится тревожно и странно, будто ветер подул тебе прямо в сердце.

Уж конечно, без феи не обошлось! А дары лесного народа рано или поздно приносят несчастье.

Если не верите, посмотрите на старшего конюха. Девчонка высосала из дядюшки все силы, а ведь четырнадцать лет назад он был еще крепок и силен. Теперь же иссох, как осока на безводье. Лишь нрав остался прежний: все тот же несгибаемый Гастон Огюстен.

Такие люди, как он, всегда в цене. Много лет старший конюх неотлучно жил в Вержи, и лишь одно событие заставило его покинуть стены замка.

Именно тогда здесь и появилась Николь.

Ветер понесет меня
Дальше вересковых холмов,
Дальше зеленых дубрав...

Нянька попыталась ущипнуть себя, чтобы не заснуть, но без особого

удивления обнаружила, что руки успели обрасти тугими перьями, а комната расплылась и пропала. Вокруг убаюкивающе шумел ночной лес. Коринна одобрительно кивнула круглой головой, открыла рот и услышала собственное уханье. Хорошо быть птицей, хищной птицей с острым клювом, загнутым, чтобы ловчее выклевывать кусочки теплого нежного мяса. Где-то поблизости шныряет в палой листве девчонка, обратившаяся в тощую юркую мышь.

Сова расправила крылья и обрушилась вниз, туда, откуда слышался шорох. Но крыло задело за предательский сук, и птица жалобно вскрикнула.

Коринна вздрогнула, открыла глаза и едва успела подхватить падающий кувшин, уже плеснувший на пол лужицу молока.

Горничная сидела к ней спиной, наматывая на палец прядь вьющихся черных волос. Беатрис крепко спала.

Коринна поднялась, протирая глаза. Бог ты мой, да она, оказывается, и впрямь задремала! А все скверная девка с ее убаюкивающими русалочьими песнями!

Бесшумно переступая, нянька двинулась к ней, заноса руку.

...Николь болтала ногой, глядя в камин. Огонь притих, и только алые огоньки прыгали туда-сюда, как живые.

Лекарь Венсан Бонне говорит, эти огоньки – всего лишь раскаленные угли. Он образованный человек, потому что умеет читать. И воспитанный: может сдерживаться, когда хочется выругаться. Еще он хорошо смешивает снадобья и за пятнадцать денье берется вылечить человека от любой бородавки с помощью желтого порошка.

Николь не знает ни одной буквы, а бородавки сводит куском сырого мяса. Зато ей отлично известно, что за огоньки играют в потухшем камине. Это крошки-домовые отплясывают под песни ветра в трубе. Подошвы их башмачков подбиты красным золотом: оно делает невидимым обладателя, но в темноте ярко светится.

Засмотревшись на танцы огоньков, Николь совсем забылась, но вдруг каким-то чутьем уловила легкое движение сзади.

Девочка, не раздумывая, уклонилась и отскочила. Как раз вовремя! Крепко сжатый кулак няньки проткнул то место, где была ее спина. Не зря Коринна славится умением передвигаться беззвучно, как рыба, и появляться из ниоткуда.

Нянька, не удержавшись на ногах, покачнулась и схватилась за каминную полку.

– Ты что, Птичка? – обиженно удивилась она. – У тебя на спине сидит паук!

Девочка вздрогнула и быстро провела ладонью по лопатке. Мохнатый черный комок приземлился на пол, выпустил тонкие лапки и словно всосался в ближайшую щель.

Когда Николь подняла глаза, она обнаружила, что Коринна смотрит на нее сочувственно.

– Ох-ох-ох, недобрый знак!

Николь и сама это знала. Если паук забрался на плечо, жди беды.

– Можешь идти, – разрешила Коринна. И добавила: – Будь осторожна в ближайшие дни, малютка. Прядильщик сетей не просто так заполз на тебя.

Она мягко улыбнулась на прощанье.

Но странное дело: эта улыбка показалась девочке еще более зловещим предзнаменованием, чем встреча с пауком.

Вместо того чтобы отправиться в комнату горничных, где уже храпела Мари, Николь вновь пробежала по галерее и спустилась вниз. В кухне звучали голоса, гремели подносы, и запах печеного мяса тянулся по всему замку.

Но к поварам Николь даже не заглянула. Она проскочила мимо принюхивавшегося стражника, водившего носом туда-сюда, и выбежала наружу.

Никого.

На башне покачивался и скрипел фонарь, подхваченный кованым зажимом. Николь обошла его стороной. Чего доброго, закапаешь платье конопляным маслом – потом не отстираешь.

Фонарщика наняли лишь две зимы назад, когда по заказу графа в Вержи доставили три дюжины настоящих стеклянных фонарей. На них сбегались смотреть, как на диковинку. Стекла толстые, волнистые, пузыристые – красота! Правда, слуги все равно продолжали использовать сальные свечи: привычнее, да и ярче.

Но куда же пропал Матье?

Николь заплясала от холода. Что за начало лета – хуже осени!

Из-за угловой башни донесся негромкий свист.

– Где тебя носит? – сердито проворчал помощник кузнеца, выступая из темноты.

– Беатрис не могла уснуть. Принес?

– Думаешь, я больно-то хочу оставить его себе?

Матье вытащил из-за пазухи туго набитый мешочек.

– Держи! Наконец-то избавлюсь от этой гадости.

Николь присела на корточки и принялась развязывать тесемки.

– Хочешь сразу сунуть туда любопытный нос, чтобы он стал еще длиннее? – насмешливо спросил парень, глядя сверху на белеющий в темноте чепец. – Или боишься, я напихал туда козых какашек?

– Хочу убедиться, что ты ничего не перепутал.

– Может и перепутал бы, если б шлялся на кладбище Левен каждую ночь, – отрезал Матье. – Но мне и одного раза хватило.

Николь наконец-то справилась с завязками и погрузила пальцы в горловину. Растерла щепоть влажной земли, среди крупниц которой попадались тонкие, как нить, корешки.

Девочка задрала голову и просияла:

– Спасибо, Матье!

– Да брось ты...

Юноша немного смягчился и присел рядом.

– Бернадетта рыщет зверем. Кажется, все-таки подозревает, что без тебя не обошлось.

– Постой! – встревожилась Николь. – Разве ее не отвлекла эта глупая корова?

Матье хмыкнул. Корова? Он заглядывался на новую судомойку с первого же дня, как она вильнула перед ним своей пухлой задницей. А вчера подстерег ее у входа в погреб и ущипнул так, что она завизжала. Уж он-то знает, как доставить девке удовольствие! Ущипни ее хорошенько за гузно, и она твоя.

С Николь таких шалостей не позволишь. Его приятель как-то раз попытался завалить ее на сеновале... Ничего дурного – просто хотел малость потискать. Так девчонка чуть не отхватила ему нос и на руках оставила следы острых клыков. Искусала беднягу не хуже крысы.

– Я чуток подразнил одноглазую, – признался Матье. – Не удержался напоследок.

Николь в ужасе прижала к губам испачканную в земле руку.

– Что ты ей сказал?

– Про нас – ни словечка. Только спросил, откуда узнали про ведьму, если все жители Левен сгинули, как один.

– Ты дурень, Матье! Зачем дергать неприятности за подол? К тому же мы с тобой видели белые камни своими глазами. И кое-что еще, кроме камней и могил...

Оба вздрогнули и дружно перекрестились. Матье беспокойно

огляделся и попросил:

– Давай не будем об этом.

Они помолчали.

Николь спрятала заветный мешочек и поднялась.

– Знаешь, может, то, что болтают про Левен, и в самом деле выдумки, – медленно проговорила она, – но про ведьму – правда.

И добавила, понизив голос:

– Кому как не нам с тобой знать об этом.

Матье резко выпрямился. Некоторое время они смотрели друг на друга, не говоря ни слова.

Первым сдался парень.

– И вспоминать не хочу. Забыли!

– Забыли, – согласилась Николь. – Подожди!

– Ну, чего еще?

– Повторяй за мной...

Она вырвала из земли несколько травинок и стиснула в левом кулаке. Два пальца правой руки растопырила рогаткой, прижала сверху.

Матье хоть и фыркнул пренебрежительно – опять за свои глупости! – но сделал так же.

– Давай!

Они прошептали хором, с каждым словом ударяя «рогаткой» по кулаку:

– От дурного глаза, от худого часа, от пряденого волоса – откуда явилось, туда и провалилось!

Швырнули травинки за левое плечо и трижды сплюнули.

Николь облегченно выдохнула. Заговор был простой, но действенный. Она на себе проверяла: когда разболелась голова, сказала нужное слово, развеяла пучок травы с крыши часовни – и все прошло.

Матье вытер губы рукавом, отступил за угол башни и пропал.

Теперь оставалось исполнить вторую часть замысла.

Спрятав ценную поклажу в рукав, Николь миновала ворота башни и спустилась на нижний двор. Караульный сонно глянул на девчонку, но даже поленился качнуть головой в ответ на ее приветствие.

Нижний двор давно спал. Рабочий люд ложится рано, не то что знатные господа.

Николь любила это место. Днем здесь вечно стоял такой шум, что хоть уши затыкай: громыхали своими железяками кузнецы и оружейники, смачно переругивались забияки каменщики, надрывались псы в обеих

псарнях – охотничьей и сторожевой. Лошади выбивали из булыжников звонкую дробь, мальчишки вились вокруг, точно мошकारа – эй, не зевай, не то налетят озорной вопящей тучей, сдернут штаны – и прочь, хохоча во все горло, – и толстяк-управляющий щедро отвешивал им подзатыльники, костеря на все лады.

С раннего утра заводили свою скрипучую песню ворота трех колодцев, а важному стуку молота в кузне вторил размашистый «шмяк! шмяк! шмяк!»: уставшие от ноши крестьяне с размаху плюхали тяжеленные корзины с провизией на выщербленный стол под навесом. Изредка Клод-гробовщик привозил свой груз на дребезжащей телеге, стараясь успеть до того, как появятся на площади первые люди.

Стена видела жизнь и смерть, но оставалась молчаливой. Огромная, холодная, древняя, как холм, она не разговаривала даже под щедрыми потоками ливней. Вода, умеющая извлекать звук из всего, что существует, будь то листья или песок, проигрывала в схватке с ее надменной немотой. Струи дождя, расшибаясь о серые глыбы, теряли свои певучие голоса. Они бесшумно струились вниз и смиренно уходили в землю, питая подводные реки, а камни оставались – могучие, величественные в своем незыблемом молчании.

Но так было не всегда. В незапамятные времена люди, сложившие стену, оставили в ней углубления и превратили в жилища. Они ютились в них, точно ящерицы в скальных норах, и были крикливы, как сойки.

Конец их птичьему гомону настал лишь той страшной ночью, когда оборвалась жизнь Симона де Вержи. Граф Гуго, восстанавливая замок, приказал возвести для прислуги отдельные постройки.

Теперь к стене лепились ульи домов. Целая улица выросла на том месте, где когда-то было лишь месиво грязи под копытами лошадей и коров. Жилища в камне опустели, голоса ушли навсегда.

Но одна нора после долгого перерыва вновь стала обитаемой. К ней и лежал путь Николь.

Девочка обогнула последний, самый захудалый домишко, остановилась в глубокой тени каменной кладки и постучала.

Клин света распорол темноту, когда стрельчатая дверь приоткрылась.

– Входи, – сказал лекарь.

Миг – и Николь исчезла внутри.

Глава 3

Между главной залой и кухней сновали слуги, без конца поднося все новые и новые кушанья. Граф приказал повару порадовать гостя, и тот не подвел господина.

Фаршированные куропатки, обложенные просвечивающими до сердцевины мочеными яблоками; утки в глянцевых озерах малинового соуса; жареный олень, истекающий жиром на гигантском блюде, которое шесть человек едва доволокли до стола; розовое, как гранат, мясо вепря в сушеных сливах; лоснящиеся колбасы, источающие упоительный запах, паштеты, копченая рыба в золотистой чешуе... Главный повар замка Вержи опустошил все свои хранилища. Николь не видела прежде доброй половины тех блюд, что подавали нынче на стол в честь приезда маркиза.

Жан Лоран де Мортемар восседал на самом почетном месте. По правую руку от него улыбался граф, обнажая острые, как у хорька, белоснежные зубы. За спиной маркиза де Мортемара замер худой бородатый человек с землистым лицом, положив руку на эфес шпаги. Каждый раз при взгляде на него Николь становилось не по себе.

Маркиз де Мортемар, про которого говорили, что он почти принц, оказался больше похож на мясника: жирный, как отъевшийся на желудях боров, с заплывшими глазами и широким приплюснутым носом. Хороши были только густые рыжие кудри с отливом в благородное золото.

Трудно было бы найти людей, менее схожих друг с другом, чем гость и хозяин. Гуго де Вержи, тонкий, как хлыст, ловко орудовал вилкой, справляясь с утиной грудкой. Маркиз ел как простолудин: без церемоний схватив баранью ногу, впивался в нее кривыми желтыми зубами, отдирая кусок и небрежно утирал рукавом стекающий по подбородку жир.

Граф редко смеялся – лишь время от времени молча скалился, что должно было означать улыбку. Маркиз де Мортемар оглушительно хохотал, и от его смеха вино дрожало в бокалах. Гуго подзывал слугу изящным жестом маленькой белой кисти. У маркиза де Мортемара ладони и запястья были красные, крепкие: руки кузнеца, а не господина.

Зато когда Николь оказалась неподалеку от маркиза, выяснилось, что от него пахнет тонкими духами. Даже терпкий запах вин не мог заглушить нежный цветочный аромат.

А вино лилось рекой. Де Мортемар пил за десятерых, не пьянея. Граф подносил к губам кубок – и ставил на место, едва пригубив. Он зорко

следил за тем, что творилось вокруг. Николь несколько раз ловила на себе его пристальный взгляд.

Ей уже давно не приходилось прислуживать за столом, но утром оказалось, что одна из двух девушек, которым предстояло исполнять эту почетную обязанность, заболела. Вторая то и дело принималась рыдать от страха, и даже щедрые оплеухи Бернадетты не исправили дела.

Тогда послали за Николь.

– Если хочешь, чтобы я забыла последнюю выходку твоего дружка, делай что говорят, – проворчала Бернадетта. – Будешь прислуживать юным господам. Остальное не твоя забота.

Про себя старуха подумала, что расторопная девчонка справится за двоих. Как говаривала бабка, одна пчела лучше пригоршни мух.

– Да не вздумай глазеть по сторонам! С кухни пришлют троих помощников. Если что забудешь, смотри на них.

Но разве до помощников было Николь! Хоть Бернадетта и велела ей не отвлекаться, девочка успевала посматривать и на графа с хозяйкой, и на прожорливого гостя.

Она заметила, как заблестели глаза маркиза, стоило ему увидеть старшую дочь графа.

Элен только исполнилось шестнадцать, и все вокруг твердили, что второй такой красавицы не найти в целой Франции. От отца она унаследовала кожу матовой белизны, синие глаза под черными, как перо ворона, бровями, и мелкие, очень ровные и блестящие зубки. От матери – осанку королевы и улыбку, полную значительности.

Правда, улыбалась она редко. В отличие от ребячливой Беатрис, Элен как будто родилась с выражением надменного спокойствия на лице. Казалось, ничто не может вывести ее из себя.

Никто лучше Николь не знал, как обманчиво это выражение. За несколько лет службы она так и не научилась предсказывать вспышки гнева своей хозяйки. Ледяная королева, что мечет иглы сосуллек в нерадивых подданных – вот кого напоминала в ярости Элен де Вержи.

В супруги ей был выбран Шарль, сын барона Анри де Суи. Брак сулил выгоду обоим семействам, обещая принести одному – новые земли, другому – поддержку при дворе.

Будущего мужа Элен не видела ни разу в жизни, но жених и невеста обменялись портретами. С картины застенчиво улыбался красивый хрупкий юноша лет семнадцати. Беатрис посмеивалась над сестрой, твердя, что ждет не дождется свадьбы – тогда-то они узнают, как сильно художник польстил жениху.

Для торжественного ужина Элен выбрала синее платье, подчеркивающее нежность ее кожи. Вырез лифа открывал лилейно-белую грудь и узкую тень ложбинки, в которую стекала жемчужная капля на серебряной цепочке.

– Ваши дочери очаровательны, – не преминул заметить гость, обращаясь к графине. – Их присутствие украсило бы и королевский двор.

И надолго задержал взгляд на Элен.

Та сидела, скромно опустив глаза. Жан Лоран де Мортемар облизнул губы и громогласно потребовал еще вина.

В очередной раз вбежав в кухню с подносом, Николь едва не столкнулась с лекарем. Венсан Бонне отливал из каждой бутылки по ложке вина, добавлял несколько капель из темного пузырька и тщательно принохивался. Рядом с ним неотступно держались двое из свиты маркиза.

С Жаном Лораном де Мортемаром прибыло всего шесть человек. Сам маркиз – в карете, а его маленький отряд – верхом, под предводительством костлявого бородатого мужчины, наводившего страх на Николь. Маркиз обращался к нему «Андрэ».

Увидев гостей, Николь с первого взгляда поняла, что простыми слугами здесь и не пахнет. Приехавшие держались особняком, ни с кем из местных без лишней надобности не заговаривали. Под неброскими плащами каждый из них прятал на поясе короткий меч.

Николь от природы была наблюдательна: она отметила и мечи, и военную выправку, и уверенную посадку в седле. Шестеро слуг – совсем немного для дальнего путешествия, но шестеро воинов – не так уж мало.

– Забирайте, – кратко скомандовал лекарь, кивнув на бутылки.

– Ты уверен? – один из сопровождающих впервые разомкнул губы. – Проверил на совесть? Лучше повтори еще раз.

Венсан Бонне задержал на нем тяжелый взгляд.

– Этого достаточно.

Несколько секунд двое мужчин смотрели друг на друга. В кухне, только что заполненной криками, шарканьем шагов и звяканьем блюд, внезапно воцарилась нехорошая тишина.

Слуга маркиза сдался первым.

– Коли хозяину будет плохо от вина, тебе несдобровать, – процедил он.

Лекарь не удостоил его ответом. Быстро прошел мимо Николь и, кажется, даже не заметил маленькую запыхавшуюся горничную. Ее улыбка, намекавшая на их общую тайну, пропала зря.

– А ну не стой! – подтолкнул ее сзади повар. – Хватай пирог и бегом

тащи на стол. Да шевелись же! – прикрикнул он, видя, что Николь провожает Бонне взглядом. – Или ждешь, что он клизму тебе вставит? Ах-ха-ха!

Вокруг загоготали. Девочка вспыхнула, схватила поднос и метнулась прочь.

Венсана Бонне не зря прозвали молчуном. Он из той породы людей, которых мало что может вывести из себя. И ты никогда не знаешь, когда и от чего случится взрыв.

Лишь однажды Николь видела, как он злится.

В тот день к нему пришла Матильда. Она задыхалась, еле переставляя толстые, как бревна, ноги. Прежде, чем лекарь успел сказать хоть слово, Матильда бухнулась перед ним на колени и заплакала.

Видит бог, Николь вовсе не хотела подглядывать! Она всего лишь прибежала за сладкими пастилками для Элен (от них дыхание становится ароматное, будто съела корзину фиалок) и заглянула в окошко. А там такое!

Венсан постоял, без выражения глядя на рыдающую женщину, а затем достал что-то из ящичка и протянул ей.

Когда Матильда ушла, размазывая слезы по отеку лицу, лекарь застыл посреди комнаты. И вдруг с размаху обрушил на стол сжатый кулак.

Дубовая столешница вздрогнула и застонала, жалобно звякнули бесчисленные склянки и пробирки, а Бонне только зашипел от боли сквозь сжатые зубы и уставился в окно.

Тут-то перепуганная Николь и попалась ему на глаза.

Все побаивались Венсана. Во-первых, чужак. Во-вторых, молчун. В-третьих, на лекаря мало похож.

Лекарь – он какой? Щуплый да лысый, с выпуклыми, как у стрекозы, глазами.

Именно так выглядел прежний.

Венсан Бонне жилист, как морской канат. Щеки у него впалые, глаза глубоко посажены, нос перебит и скривлен набок, словно на нем черти плясали. А лысины, которая, как известно, есть признак любого ученого человека, у Бонне даже не намечается: волос густой, жесткий, той масти, которую в Вержи называют волчьей. Черный, значит, с обильной проседью.

– Госпожа Элен ждет... – пролепетала Николь, пробравшись бочком в его жилище. – Лакомство, что вы готовите для нее, месье.

Лекарь молча подвинул на край стола жестяную коробочку. Николь проворно сцапала ее – и скорее к двери. Но у самого выхода что-то заставило ее обернуться.

Венсан Бонне стоял, опираясь обеими руками о край стола и низко

наклонив голову, словно на шее у него висело ярмо.

– Эта женщина не может больше рожать, – глуховато проговорил он. – Следующий ребенок убил бы ее. Я дал ей... ладно, ты все равно не поймешь. Но детей у нее теперь не будет. И можешь пойти и донести вашему священнику, что я совершил страшный грех.

Николь остановилась. Помолчала, и вдруг неожиданно для самой себя сказала:

– Когда Матильда родила восьмое дитя, повитуха заявила, что если она зачнет в ближайший год, роды убьют ее. Ее муж, Хромой Ганс, слышал это. Но Матильда все равно вскоре понесла.

Лекарь ничем не показал, что слышит слова маленькой служанки.

– Когда она рожала, то кричала так, что взбесились лошади в конюшне. Она чудом осталась жива. Младенец прожил только до утра. Это случилось незадолго до того, как вы появились здесь, месье.

Венсан Бонне по-прежнему молчал. А Николь уже не могла остановиться:

– Ее умершее дитя посылает теперь ливни на наши поля. Когда дождь, Матильде не нужно вывозить помои. Она может хоть немного отдохнуть.

Лекарь поднял на нее глаза. Девочке показалось, что в них мелькнул вопрос.

– Хорошо, что погодой с небес управляют дети, умершие некрещеными, – задумчиво сказала она и перекрестилась. – Хоть им, бедняжкам, заказан путь в рай, они все же сидят на облаках. Наверное, там мягко и тепло. Как вы думаете, месье?

Венсан прокашлялся.

– Дети?

– Конечно. – Николь удивилась его невежеству. – Ведь ни рай, ни ад не могут их принять. Разве вы не знали?

Лекарь теперь внимательно смотрел на нее.

Николь снова стало не по себе.

– Я лишь хотела сказать, что Матильда... Она останется жива. Благодаря вам, месье.

– А отец Годфри сказал бы, что я совершил страшный грех, – глуховато возразил Бонне.

– Отец Годфри? – переспросила девочка, краснея от злости. – Отец Годфри обрюхатил дурочку Катрин! Он завел ее за калитку возле часовни, где растет бузина, и велел лечь на траву. А к концу осени Катрин стала похожа на пивную бочку. Не отцу Годфри говорить о грехе!

Она спохватилась и зажала рот ладонью.

Но было поздно. Глаза Венсана Бонне блеснули.

– Откуда ты знаешь?

Николь помолчала и неохотно призналась:

– Видела. Я сидела на крыше часовни, а они... Он...

– На крыше, – понимающе кивнул лекарь.

Николь снова почувствовала, что краснеет.

– Оттуда очень здорово смотреть вниз, – пробормотала она. – На сторожевые-то башни меня не пускают.

– Зря. Ты бы и с них углядела что-нибудь интересное.

Николь насупилась. Она уже пожалела, что сболтнула про священника. Но очень уж она разозлилась, когда брюхатая Катрин прыгнула с моста и утонула, а отец Годфри отказался отпевать ее – мол, самоубийцам не положено.

Самоубийца? Вот еще! Уж ему ли, жирному распутнику, не знать, что дурочка Катрин даже не понимала, что такое распрощаться с жизнью. Наверняка углядела в тине рыбку и решила, что перед ней серебряная монетка, вот и нырнула с моста.

– Всего доброго, месье. – Николь взялась за ручку двери. – И простите меня.

– Моя жена умерла, рожая нашего первенца, – в спину ей проговорил Венсан Бонне.

Девочка остановилась и изумленно взглянула на него. Никто никогда не слышал от лекаря о его прежней жизни.

– Я сирота, вырос при монастыре, оттуда и мое ремесло. Нас учили, как принимать роды. Только это не помогло. С тех пор...

Бонне оборвал свою речь.

Николь вскинула голову:

– Да простит меня господь, но Хромой Ганс – дурной человек. У него только одно на уме. Он свел бы Матильду в могилу. Вы спасли ее.

– Ты никому не сболтнешь об этом?

Николь покачала головой.

– Я умею молчать, месье. Хотя, может, по мне этого и не скажешь.

Тогда-то она и увидела в первый раз, как смеется Венсан Бонне.

* * *

Разгорячившись от выпитого, маркиз без стеснения расстегнул ворот рубашки. Всем бросился в глаза мешочек, висевший на его груди.

– Ваш амулет? – с улыбкой спросила Алиса де Вержи.

Мортемар нежно провел пальцем по истертому шнуру, обвивавшему бычью шею.

– Внутри всего лишь горстка земли с моей родины. Матушка подарила мне его, когда я дал обет истреблять ведьм. Она считала, что он защитит меня от их проклятий.

– Ваша сыновняя почтительность делает вам честь, ваша светлость.

– Хвала господу, теперь мои земли очищены!

– Я слышал, ваша светлость, – вмешался Гуго, – что вы истребляете также и знахарок, не делая различия между ведовством и колдовством.

Маркиз пожал плечами:

– Пьер де Ланкр в своем труде «Примеры непостоянства злых духов и демонов» убедительно доказал, что ведьмы и ведуньи суть одно и то же. Все обвиняемые в суде сознались в колдовстве, наведении порчи и сношении с дьяволом.

За спиной Николь прошуршал подол.

– Посадить бы твою благородную задницу на стул, утыканный иглами, и послушать, как ты запоешь, – тихо проговорила старуха Бернадетта, почти не разжимая губ. – Вспомнишь не то что про дьявола – про сношения твоей неподмытой прабабки сдохлым меринком.

Какой только хулы не доводилось слышать Николь от одноглазой чертовки! Но в отношении господ она никогда не позволяла себе лишнего слова.

Скрывая изумление, девочка незаметно отступила назад и, поравнявшись с ключницей, украдкой взглянула на нее.

Бернадетта стала страшна. Ноздри ее раздувались, желваки ходили на потемневшем от ярости лице. Повязка задралась, приоткрыв слепой провал глазницы. Воздух со свистом вырывался сквозь узкую щель запавшего рта.

– Бернадетта! – Николь дернула ее за край юбки.

Старуха не отозвалась.

– Бернадетта!

В их сторону уже начали поглядывать. Пока только слуги, но стоит графу или маркизу обратить на них внимание...

Острым кулачком Николь со всей силы ткнула в костлявый бок ключницы и замерла в ужасе от содеянного.

Бернадетта вздрогнула и вышла из забытья.

– Николь Огюстен, ты в своем уме?!

Даже ругаясь, старуха сохраняла лицо почти неподвижным – умение, которым владели лишь самые опытные слуги.

– Прости! – Девочка тщетно попыталась изобразить ровную улыбку, которая обманула бы окружающих. – Но ты... Ты испугала меня!

Бернадетта выхватила у проходящего мимо разносчика тарелку и сунула ее слуге, шедшему следом.

– Унеси это на кухню и скажи идиоту повару, чтобы напялил колпак на свою тупую башку. Иначе в другой раз его волосы слетят вместе с головой.

Тот бросил короткий взгляд на содержимое тарелки, поменялся в лице и, придушенно булькнув, умчался на кухню.

Николь потихоньку стала отступать, но старуха ухватила ее костистыми пальцами за запястье.

– Удар твоего кулака до сих пор отзывается в моих ребрах, – с угрожающей ласковостью проговорила она. – Ты чуть не пробила меня насквозь, как гнилой забор. Осел и тот лягнул бы нежнее.

– Умоляю, Бернадетта...

– Молодец, что сообразила сделать это.

Забыв, где они находятся, Николь выпучила глаза на старуху.

Должно быть, она ослышалась.

– Да не таращся на меня, козья отрыжка! – прошипела та. И поскольку Николь не пошевелилась, прибавила: – Шмель тебе в зад! Отвернись, кому сказано. Ах ты шмат мышинового дерьма! Да проснись же, дура ты пустобрехая, выскребыш подзаборный, чтоб тебе соплей подавиться!

Произнося все это, Бернадетта ни на миг не утратила невозмутимого выражения лица. Со стороны казалось, что старуха незаметно дает горничной наставления.

Заряд свирепой силы, вложенной Бернадеттой в ругань, оказался таков, что Николь явственно увидела шмеля, с неохотой подлетающего к назначенному для него старухой месту. Ее передернуло. Она уставилась перед собой, напрягла губы в улыбке. Теперь, даже если бы старуха вдруг лопнула и разлетелась на кусочки, Николь не повернула бы головы в ее сторону.

Бернадетта выпустила ее руку.

– На допросе у маркиза даже ангел признается в том, что перерезал горло товарищу и пропил его крылья, – вполголоса заметила она. – Ну да это не твое дело. Госпожа Элен вот-вот докушает. Подойди к ней ближе и будь готова унести тарелки.

За столом господ разговор о ведьмах уже закончился. Маркиз бережно прикрыл ладанку краем ворота и обратился к Гуго де Вержи:

– Вы обещали, мой друг, что завтра мы сможем поехать на охоту.

– Лошади будут готовы, ваша светлость. Я уже выбрал тех, что придется вам по нраву.

– Горячие?

– Пылкие, как наложницы султана, – тонко улыбнулся Гуго. – Я помню о вашей маленькой страсти.

Николь, стоявшая за спиной Элен, наострила уши. Но господа уже заговорили о другом.

Она не могла дождаться, когда утомительный ужин подойдет к концу. Однако маркиз, казалось, был поражен проклятием ненасытности. Он все ел и ел, обильно запивая трапезу вином, и постепенно начал пьянеть. Голубые глаза помутнели, смех стал громче и развязнее. Наконец де Мортемар хлопнул ладонью по столу и встал, покачиваясь.

– Ваше гостеприимство, Гуго, не знает границ. Но пора и отдохнуть. Завтра нас ждет отличный день!

– Надеюсь на это, ваша светлость.

Маркиз похлопал его по плечу:

– Оставьте церемонии для двора, дорогой друг! А сейчас... Ик!.. Сейчас мне хотелось бы выспаться.

«До чего же он уродлив, – подумала Николь, отводя глаза. – И этому борову достанется Птичка!»

Когда на замок опустилась ночь, двери конюшни со скрипом приотворились.

Лошади уютно посапывали в стойлах. В узкие прорези окон под крышей лился холодный лунный свет.

– Где он?

– Вон, пятый.

Пегий мерин, проснувшись от голосов, заволновался, зафыркал.

– Чш-ш! Притуши.

Фонарь мигнул, тени на стенах стали едва различимы.

Два конюха Вержи прошли в глубь конюшни, пристально вглядываясь в спящих животных, и остановились у стойла крупного гнедого коня.

– Да, Озорник подойдет, – после недолгого молчания согласился младший конюх. – Только надолго его не хватит.

– Руссенская порода, – напомнил старший. – Они выносливые.

– Мортемар выносливее, – отрезал Жермен. – Загоняет лошадей до кровавой пены из ноздрей.

– Ты видел это?

– Своими глазами. Поверь мне, Гастон, ему это по душе.

Старший конюх помрачнел.

– Вот для чего ему норовистые лошади...

– А ты как думал? Он от них распаляется. Его любимое развлечение – загнать побольше за один выезд.

– Ты правда видел это или просто треплешь своим жирным языком?

– Одна как шла, так и свалилась мне под ноги – едва успел отскочить. Ноздри у нее до того раздулись, что можно было в каждую сунуть два твоих кулака. А бока ходили так, что седло подпрыгивало почище скачущего зайца.

– Довольно, – оборвал Гастон.

Раздался короткий смешок.

– Как хочешь... Но я бы на твоём месте приготовил завтра троих. Двумя может не обойтись.

– Думаешь, он загонит и Птичку тоже? – голос старшего конюха дрогнул.

– До смерти, может, и нет. Но из-под седла надолго выбьет. Вряд ли она оклемается.

Гастон не удержался и выругался.

– А не оклемается, туда ей и дорога, – хладнокровно отозвался Жермен, не простивший злобной кобыле ее выходки. – Купишь новых. Твое дело – чтобы Мортемар остался доволен.

Прошуршали, удаляясь, шаги, вздохнула дверь – и стало тихо.

Тогда из дальнего темного угла, крадучись, выбралась высокая фигура.

– Матье! – удивленно проворковали из угла. – Куда ты?

Парень не отозвался. Стряхнув солому, он подошел к деннику, в котором дремала золотистая лошадь.

– Вернись ко мне, малыш!

Юноша принялся грызть коготь, не сводя глаз с кобылы. Подметка дьявола, до чего же паршивое дело! Николь с ума сойдет от горя.

Над Матье посмеивались из-за его дружбы со служанкой. Приятели отпускали похабные шуточки, да он и сам не без удовольствия похохатывал вместе ними. «Кто, Николь? Она для меня не важнее прошлогоднего мышинового помета!» – поклялся он судомойке, прежде чем завалить ее на кучу соломы.

Но сейчас Матье отчетливо представил заплаканное лицо девочки, и у него сжалось сердце.

– Птичка! – тихонько позвал он, сам не зная, чего ждет.

Тонконогая кобыла вскочила так живо, словно и не спала.

Матье отшатнулся, когда выразительная морда с блестящими глазами

оказалась рядом. Его лицо овеяло теплое дыхание.

– Ну, где же ты? – окликнули из угла.

Если бы Птичка не проснулась, Матье плюнул бы на все и уже возился в соломе с пышнотелой девицей. Но сейчас он не мог уйти. Какое-то странное чувство грызло его, и от него было больно везде, не только в сердце.

Лошадь смотрела с печальным пониманием, и юношей внезапно овладела безумная мысль.

Когда недовольная судомойка выбралась из остывшего гнездышка, то от изумления выпучила глаза. Красавчик Матье, полуголый, стоял возле бешеной кобылы, затягивая подпругу. Птичка помахивала головой, но не делала даже попыток лягнуть нахального юнца.

– Иди сюда! – выдавил парень, покраснев от натуги. – Поможешь мне.

Девушка фыркнула и бросилась бежать подальше от свихнувшегося любовника и злобной кобылы.

– Не вздумай никому рассказать! – крикнул он вдогонку.

Но той уже и след простыл.

Матье даже головы не повернул вслед. Затянув подпругу, он принес из кормушки горсть овса и присел на корточки перед Птичкой.

– Наклонись! Ну же, давай!

Кобыла послушно опустила голову и принялась жевать овес.

Матье заставил ее повторить это несколько раз, и только тогда распустил подпругу. Пальцы нащупали в подмышке лошади стремительно набухающие уплотнения. По губам его пробежала довольная ухмылка.

Все, теперь запрячь ее долго не удастся!

Конечно, Гастон изведет всех, пытаясь понять, отчего здоровая кобыла вдруг заподпружилась. Но пройдет не меньше недели, прежде чем Птичка сможет снова ходить под седлом.

– Ты умная зверюга, – тихо сказал Матье, отступая назад. – Только не выдавай меня.

Лошадь вскинула голову и посмотрела на него так, что у юноши мурашки побежали по коже.

Возле двери взгляд его упал на огромного вороного жеребца – одного из тех, на которых прискакал отряд маркиза. Мышцы перекатывались под лоснящейся кожей, когда жеребец, волнуясь и горячась от близости лошадей, переступал копытами.

Матье восхищенно присвистнул.

Если бы он мог знать, чем обернется дело, то своими руками перерезал бы сухожилия этому коню.

Глава 4

Граф Гуго де Вержи, гостеприимный хозяин и любящий отец, держал за руку свою старшую дочь. Элен попыталась вырваться, но мертвой хватке графа не смог бы противиться и более сильный человек.

– Ты пойдешь к нему, – размеренно и внятно повторил граф. – И сделаешь все, что он захочет.

– Но отец!..

– Поверь, ты будешь вознаграждена за неудобство.

– Неудобство?! – вспыхнула девушка.

– Тихо! – граф предупреждающе стиснул ей локоть. Элен едва удержалась, чтобы не застонать.

В отчаянии она прибегла к последнему средству.

– Но я обручена! Шарль де Суи... Я должна выйти за него девственницей! Его отец – строгий ревнитель устоев!

Гуго снисходительно улыбнулся:

– Поверь мне, твой брак с Шарлем не так важен, как благосклонность нашего гостя. Так ты сделаешь то, о чем я тебя прошу?

Он подчеркнул слово «прошу».

Девушка молчала.

– Я не хочу от тебя многого, – с пугающей мягкостью заверил Гуго, сжимая пальцы. Элен стиснула зубы, чтобы не закричать от боли. – В конце концов, разве не для этого предназначила тебя природа? У тебя сейчас особенные дни?

Элен не сразу поняла, о чем ее спрашивают.

– Нет, – выдавила она. – Они уже были в этом месяце.

– Жаль... – с видимым огорчением сказал граф. – Ему бы...

Он оборвал себя, наклонился к дочери и пристально посмотрел ей в глаза.

– Отправляйся к нему. Сейчас же. Пока он хочет тебя.

Элен не была труслива. Но глядя в невозмутимое лицо отца, она ощутила такой страх, какой испытала лишь дважды в жизни. Первый раз – когда чуть не утонула в реке, запутавшись в браконьерских сетях. Второй – когда подглядела, как пляшут в воздухе ноги пойманного браконьера, вздернутого графом в тот же день.

– Хорошо, – беззвучно проговорила она. – Я... Я пойду к нему.

Гуго удовлетворенно улыбнулся и отпустил ее руку.

– Ты вся дрожишь, – заботливо заметил он. – Возьми накидку и отправляйся к маркизу.

Девушка сделала шаг в сторону.

– Пстой!

Она в страхе взглянула на отца. Что еще он придумал?

– Переоденься, – решил Гуго, оценивающе оглядев ее. – Спрячь под накидкой что-нибудь более... м-м-м... обольстительное.

– Да, отец. – Голос Элен звучал почти ровно. – Я зайду к себе, а потом отправлюсь порадовать нашего дорогого гостя.

Граф одобрительно кивнул.

– Ты умница, дитя моя. Если все пройдет хорошо и маркиз останется доволен, не сомневайся, ты будешь довольна еще больше.

– Я никогда не подвергала сомнению ваши слова, – одними губами улыбнулась Элен. Она уже окончательно овладела собой.

– Умница, – повторил отец.

И махнул рукой: иди, иди.

...Беатрис сидела на кровати и спорила с нянькой, пытавшейся напоить девочку молоком. Когда Элен вошла, Коринна почти уломала строптивицу сделать один глоток.

– Оно сладкое, моя душа! Вам понравится.

«Никого из горничных нет, – отметила Элен. – Что ж, хорошо...»

– Выйди, – непререкаемым тоном приказала она.

Нянька обернулась к ней и захлопала ресницами.

– Что?

– Выйди! – жестко повторила Элен.

– Но, ваша милость...

Коринна растерялась. Беатрис, почувствовав, что происходит нечто необычное, приподнялась на кровати и с любопытством переводила взгляд с сестры на няньку.

– Я хочу, чтобы ты оставила нас одних. – Элен подошла к постели и взяла из рук оторопевшей женщины кружку. – Иди. Я сама уговорю ее выпить это.

Коринна в немом изумлении таращилась на старшую дочь графа. Ох, да что же это творится?! Куда подевалась ее скромница Элен? Может, за ужином угостилась вином? Иначе с чего бы девчонке такое чудить! Выгонять ее на ночь глядя из покоев, ну надо же!

Нянька покровительственно улыбнулась девушке:

– Ваша милость, ну разве вы сможете уговорить ее? Уж поверьте, у меня выйдет лучше.

– Не сомневаюсь, – в ответ холодно улыбнулась Элен.

Коринна почувствовала себя неуверенно. В эту минуту девушка стала пугающе похожа на Гуго де Вержи, а его улыбка обычно не сулила слугам ничего хорошего.

– Но если ты сейчас же не сделаешь то, что велено, я позову отца. И расскажу ему, как ты своевольничаешь. Беатрис подтвердит мои слова. Правда, Беатрис?

– Конечно! – важно кивнула девочка.

Коринна всхлипнула и выбежала из комнаты.

Элен проверила, не осталась ли нянька подслушивать за дверью. И лишь убедившись, что они с сестрой и в самом деле одни, позволила себе выдохнуть:

– Святой Николая, можно ли быть такой дурой!

– Они все глупые, – с уверенностью ответила Беатрис. – Зато Коринна незлая.

– Еще какая злая! Добра она только с тобой.

Беатрис пожала плечами:

– Думаешь, мне есть дело до того, какова она с другими?

– Тебе вообще ни до кого нет дела!

– Неправда! – живо возразила девочка. – Мне есть дело до тебя. Что случилось, Элен? Ты такая бледная...

Элен, не отвечая, качнула головой.

– Если бы ничего не случилось, ты не стала бы выгонять Коринну, – настаивала Беатрис. – Скажи мне! Ну же, скажи!

– Хорошо, – сдалась Элен. – Но только пойдём ко мне.

Оказавшись в комнате старшей сестры, Беатрис первым делом подбежала к портрету Шарля де Суи, послала ему воздушный поцелуй и повернула лицом к стене.

– Пусть не подслушивает, – серьезно объяснила она. – Теперь можешь рассказывать!

Элен опустилась на кровать.

– Отец хочет, чтобы я пошла к маркизу де Мортемару.

Она крепко сжала губы, будто испугавшись сказанного.

Несколько мгновений сестры молча смотрели друг на друга. На лице младшей сначала выразилось непонимание, затем она звонко рассмеялась.

– К маркизу? Ты будешь развлекать эту толстую жабу?

Элен изменилась в лице, и смех Беатрис оборвался.

– Постой! Уж не хочешь ли ты сказать...

Она внезапно сделала неприличный жест, который не полагалось знать

юной девице благородного происхождения, не говоря уже о том, чтобы повторять его. Но Элен, не выказав ни малейшего возмущения, только кивнула.

Девочка ахнула.

– Нет, не может быть! Дева Мария, он же старый!

– И от него воняет, как от дохлой лягушки, полежавшей на жаре, – безжалостно добавила Элен. – Сколько бы он ни поливался дорогими духами.

– Ты не можешь!

– Я должна.

– Почему? Разве он возьмет тебя замуж?

Элен подумала и покачала головой:

– Вряд ли.

– Но тогда зачем же...

Девушка встала и подошла к окну, распахнула створку. Холодный воздух ворвался в комнату, поколебав огоньки свечей. Она несколько раз жадно вдохнула, будто хотела напиться.

– Зачем, Элен? – настойчиво повторила Беатрис.

– Думаю, отец что-то хочет получить от маркиза. Что-то очень важное. Он готов ублажать его как угодно, даже отдать ему меня.

Беатрис вскочила и босиком пробежала по холодному полу, обняла сестру.

– Бедная моя Элен... Не ходи!

Та осторожно высвободилась из объятий.

– Я не могу. Ты бы видела отца! Если бы я отказалась...

Она замолчала. Но Беатрис и без слов все поняла. Граф Гуго де Вержи всегда добивался своего, не брезгуя никакими средствами.

– Может быть, рассказать матери? – предложила девочка.

Глаза Элен яростно сверкнули.

– Тогда она сама возьмет меня за руку и отведет к этой жирной свинье.

В ответ младшая сестра лишь вздохнула. Обе знали, что Алиса де Вержи была прекрасной женой графу. Настолько прекрасной, что для хорошей матери в ней не оставалось места.

– Надеюсь, отец знает что делает, – заключила Элен.

Она достала из сундука длинную батистовую рубашку, приложила к себе и обернулась к зеркалу.

Ее мало пугало предстоящее. Как и Беатрис, она рано узнала об этой стороне жизни и испытывала скорее интерес, чем страх. Но при мысли о том, при каких обстоятельствах ей предстоит лечь в постель с Жаном

Лораном де Мортемаром, Элен охватывали бессильная ярость и отвращение.

Она заметила, как он смотрел на нее во время долгого ужина. Что скрывать – ей нравилось его внимание. Пусть де Мортемар толст и некрасив, но от него исходит мощь и сила, как от свирепого животного. Будь Элен его женой, она преодолела бы свою брезгливость. Но ей, дочери графа де Вержи, идти к нему ночью, словно продажной девке! Удовлетворять похоть полупьяного кобеля! А если о ее позоре станет известно?

На миг Элен задумалась о том, чтобы нарушить жестокий приказ графа. Но вспомнила, как тот сжимал ее руку, и испугалась собственных мыслей. Нет, нет! Ее меньше страшит позор и унижение, чем гнев отца.

– Ты знаешь, что Жан Лоран станет делать с тобой? – прошептала Беатрис. Вид у нее был испуганный, но в глазах мелькнуло любопытство.

– То, что все мужчины проделывают с женщинами, – отрезала Элен. – А может, и что-нибудь похуже. Помогите распусть корсет!

– Расскажешь мне потом?

Тонкие пальчики неумело задержали шнуровку.

– Даже не подумаю! Ой! Не тяни!

– А вдруг он захочет и со мной...

Беатрис не договорила: снаружи почтительно постучали.

– Если Коринна заявила сюда, я сверну ей шею, как курице, – пригрозила Элен.

Прижимая к себе ночную рубашку, она подошла к двери и распахнула ее.

– Ваша милость... – пробормотала растерявшаяся Николь, опускаясь в глубоком реверансе. – Простите, я хотела приготовить вашу постель.

– Входи.

Горничная выпрямилась и несмело проследовала за Элен. Наметанным глазом она ухватила беспорядок в комнате, запутавшуюся шнуровку корсета...

– Помогите мне раздеться, – приказала Элен. – От Беатрис мало толку.

Николь беспрекословно подчинилась. Ловкие пальчики быстро справились со шнурами вверху, но внизу пришлось повозиться.

Все время, пока Николь стояла за ее спиной, Элен не сводила глаз с их отражения в зеркале. Если бы горничная не сутулилась, они были бы одного роста. Правда, Николь смуглая, а Элен белокожая, зато если распусть им волосы, в полумраке девушек не различить.

У обеих широко расставленные глаза, и ямочки на щеках, и прямые

брови. Вот только у дочери графа подбородок округлый, а у служанки острый, как у крысы. И уж конечно, пухлые и розовые, точно бутон, губы Элен и сравнить нельзя с лягушачьим ртом Николь. К тому же Элен пышногруда и полна в плечах, Николь худа, как селедка.

Но если прикрыть ее тело ночной рубашкой...

В зеркале Элен поймала обеспокоенный взгляд младшей сестры и обернулась к служанке.

– Послушай, Николь... Я хочу, чтобы ты сделала для меня кое-что.

Та осторожно сняла с нее корсет.

– Все, что угодно вашей милости.

– Надень!

Элен протянула ей батистовую рубашку, которую по-прежнему сжимала в руках.

– Ваше ночное платье? – Николь непонимающе взглянула на нее.

На миг в душе Элен зародилось зерно сомнения. Перед глазами поплыли воспоминания из далекого детства: вот они вместе с Николь и маленькой Беатрис носятся вокруг колодца, а запыхавшиеся няньки бегут за ними следом; вот Николь поет своим серебряным голоском, сложив руки на коленях; вот Николь заплетает ей косы, нежно, не дергая ни единого волоса.

До чего же много Элен знает о своей горничной! Знает, что когда Николь хохочет во весь свой лягушачий рот, видно, что резцы у нее сильно выдаются вперед. Что, задумавшись, она принимается грызть выбившуюся из-под чепца прядь волос. Что она фальшиво свистит, когда уверена, что ее никто не слышит.

От этих мыслей в груди старшей дочери графа поднялась волна возмущения. «Почему я думаю об этом? Разве мне есть дело до ее кривых зубов? Она всего лишь грязная девка, которой оказали великую честь, отмыв и взяв в дом. Пусть оплатит добром!»

Ей захотелось ударить Николь, сильно, до крови – лишь бы не видеть этой виноватой улыбки, вопросительно наклоненной головы с тонким темным завитком, выбившимся из-под чепца, обкусанным на конце до крысиного хвостика.

– Я чем-то не угодила вашей милости? – испуганно спросила Николь, уловив перемену в ее настроении.

Элен овладела собой. Сомнения прочь! Нельзя позволить чувствам погубить такой прекрасный замысел. Небольшая толика удачи – и у нее все получится.

Она доверительно наклонилась к горничной и придала голосу

бархатистую вкрадчивость:

– Напротив! Я не могу никому довериться, кроме тебя.

– Элен... – неуверенно начала Беатрис.

– Не перебивай, дорогая. Так вот, Николь, ты нужна мне...

– Нет, не нужна! – снова вмешалась Беатрис.

– Стой здесь! – приказала горничной Элен, схватила сестру за руку и оттащила за ширму.

– Что ты делаешь? – зашептала девочка. – Элен, не надо!

– Заткнись! Или ты поможешь мне, или убирайся.

Беатрис заморгала, глаза наполнились слезами:

– Мне жалко ее!

– А меня? – прошипела Элен.

Девочка всхлипнула.

– Послушай... – Элен взяла себя в руки и утерла ей слезы с той же мягкостью, с какой чуть раньше это сделал отец. – Я все равно уговорю ее, с тобой или без тебя. Выбирай.

Беатрис бросила взгляд за ширму, где послушно замерла Николь, и закусил губу.

Элен наблюдала за ней, пытаясь понять, чем склонить девочку на свою сторону. Пусть Беатрис мала, но ее помощь может быть неоценимой.

– Через пару лет Николь найдет себе мужа, – начала Элен, подбирая слова. – Кто знает, кем он будет? Он может увезти ее из Вержи, и ты больше никогда не увидишься с ней.

Беатрис заволновалась.

– Не будет песен перед сном, – продолжала Элен увереннее, чувствуя, что она на правильном пути. – Не будет сказок. Ты навсегда потеряешь ее, милая.

Она помолчала, чтобы девочка прочувствовала весь ужас сказанного. Если не будет Николь, кто убаюкает маленькую Беатрис? Кто прогонит ее кошмары?

– Я не хочу... – прошептала Беатрис.

– Этого не случится, если Николь не выйдет замуж. А она не выйдет замуж, если пойдет к маркизу. Кому она будет нужна – опорочившая себя бедная девушка?

Судя по изменившемуся лицу Беатрис, девочка поняла и смысл речей старшей сестры, и всю выгоду, которую она может извлечь. Элен с волнением следила, как в душе младшей де Вержи сражаются себялюбие и милосердие.

– Хорошо, – решила Беатрис. И плаксиво попросила: – Обещай мне,

что ей не будет больно!

– Обещаю! – с легким сердцем поклялась Элен.

Конечно, бедняжке Николь будет больно. Но разве страдания служанки можно сравнить со страданиями дочери графа?

Когда сестры вышли из-за ширмы, Николь выжидательно взглянула на них.

– Что вам угодно, ваша милость?

Элен с нежной улыбкой посмотрела на нее. «Ах ты мой черненький барашек... Барашек на заклатие».

– Я хочу, чтобы ты примерила мою рубашку.

– Но я не смею...

– Я же сама тебя прошу.

Беатрис схватила Николь за руку:

– Пожалуйста-пожалуйста, Птичка! Ты должна нам помочь!

– Вы задумали какую-то шалость? – озадаченно спросила Николь, но подчинилась.

Элен знала, что так и будет. Никто, кроме отца, не мог противиться сестрам Вержи, если они чего-то хотели.

– Нет, вовсе не шалость. – Они уже раздевали Николь в четыре руки. – Это никому не причинит вреда.

Чепец полетел в одну сторону, унылое серое платье – в другую. «Словно утку ощипываем, – пришло в голову Элен. – Маленькую серую уточку...»

Она сунула ей свою рубашку:

– Быстрее!

Пока Николь не опомнилась, сестры натянули на нее нижнее платье, распустили девушке волосы. Сообразительная Беатрис принесла мягкие туфли из козьей кожи и заставила горничную снять ее собственные, простые и разношенные.

Спустя несколько минут преобразование было завершено.

– Мою накидку, – скомандовала Элен. – Да нет же, Беатрис! Ту, что с капюшоном.

Николь стояла неподвижно, пока ей под подбородком завязывали бант. Только не смогла отказать себе в удовольствии провести ладонями по мягкой ткани.

Пальцы нащупали справа небольшую дыру.

«Шов разошелся, – подумала она. – Мари невнимательна, ей следует лучше следить за нарядами госпожи».

Отчего-то этот разошедшийся шов был неприятен Николь. В нем заключалась какая-то неправильность – так же, как и в том, что происходило сейчас. У дочери графа де Вержи не может быть рваной накидки. И дочь графа де Вержи не может переодевать горничную в свою одежду.

Элен незаметно схватила ее чепец.

– Быстрее, у нас мало времени!

В этот час они неизбежно должны были столкнуться со стражей замка. Но Элен предположила, что граф позаботился об этом, и не ошиблась.

Галерея была совершенно пуста. Три девушки почти бегом пересекли ее, взбежали по лестнице, миновали еще один коридор и оказались в восточной части замка.

Беатрис осторожно выглянула из-за угла и тут же спряталась обратно.

– Там вооруженный слуга у двери, – шепотом доложила она. – Что будем делать?

– То, что и задумали. – Элен по-прежнему была преисполнена решимости.

Сейчас, как никогда, она чувствовала, что ее план удастся. Все останутся довольны – и отец, и маркиз. А после, когда все закончится, она как следует вознаградит горничную.

– Слуга узнает, узнает ее! – заныла Беатрис.

– Она не будет снимать капюшон.

– Но сам маркиз!..

Николь молча переводила взгляд с младшей сестры на старшую.

– Он пьян, – напомнила Элен. – А она, когда войдет, сразу потушит свечи.

– Ваша милость, зачем мы здесь? – громче, чем следовало, спросила Николь.

– Чш-ш! – Беатрис прижала ладонь к ее губам. – Не кричи!

– Ваша милость...

Девочка попыталась снять капюшон, но Элен удержала ее руки.

– Маркиз пожелал, чтобы я пришла к нему на ночь, – быстро сказала она. – Отец не смог отказать ему. От расположения маркиза зависит судьба нашей семьи. Ты знаешь, что всего месяц назад был раскрыт заговор против короля?

Николь помотала головой. «Откуда тебе знать, глупышка, – про себя усмехнулась Элен. – Даже я знаю об этом лишь потому, что подслушала разговор отца и матери».

– Все заговорщики приговорены к казни, – продолжала она, крепче

сжимая руки Николь. – Но несколько из них остались на свободе. Ты знаешь, что с ними будет, когда их отыщут?

– Но, ваша милость, при чем здесь...

– ...моя семья? Я скажу тебе, Николь. Маркиз хочет заслужить расположение короля, а заодно заполучить Вержи и Божани в свое распоряжение. Он узнал, что отец одолжил денег одному из заговорщиков – и собирается донести, что граф де Вержи поддерживал бунтовщиков!

Глаза Николь недоверчиво расширились. Элен заметила, что у стоявшей за ней Беатрис тоже вытянулось лицо.

«Я после объясню ей, что здесь правда».

– Но граф Гуго...

Элен не позволила обдумать ее слова.

– Мортемар ждет меня. Это единственная возможность спасти нашу семью. Умоляю тебя, Николь, только ты можешь это сделать!

Николь отшатнулась. Наконец-то она окончательно поняла, чего от нее хотят. Девочка попыталась вырваться, но Элен удержала ее.

– Прошу тебя, Николь! Если ты не сделаешь этого, мы с Беатрис закончим свои дни на плахе.

Николь обернулась к Беатрис. К счастью для Элен, ее рассказ испугал младшую сестру не меньше, чем служанку. Девочка была так бледна, словно ее уже вели на эшафот.

– Спаси Беатрис! – шепнула Элен, закрепляя успех. – Спаси ее! Это можешь только ты!

И, не давая Николь времени одуматься, подтолкнула ее в спину.

Стражник обернулся. Но Элен предусмотрительно надела чепец Николь и сдвинула его низко на лоб, а платье скрывал длинный темный плащ.

Человек, охранявший покой маркиза Жана Лорана де Мортемара, увидел всего лишь двух девушек, служанку и госпожу. Нечто странное почудилось ему в том, как они приближались: служанка как будто силком гнала свою хозяйку к двери. Но в галерее было не слишком светло, и он решил, что ему показалось.

Он знал, что его господин сластолюбив и распутен. Маркиза не устраивали дорогие шлюхи с пышной грудью, бесстыже выставившие напоказ свои налитые прелести. Он не желал и простолоудинок с вислыми задницами, на которых заглядывался весь отряд. Где бы они ни останавливались, Жан Лоран требовал молоденьких курочек.

Что ж, похоже, эта ночь выдаться для его господина веселой.

– Его светлость ждет, – негромко, но твердо сказала служанка. Таким

голосом отдают распоряжения и приказы. Но стражнику понравилась настойчивость этой крошки.

«Должно быть, не терпится отделаться от госпожи и самой задрать юбки в укромном местечке».

– Я доложу его светлости, – важно кивнул он.

В жарко натопленной комнате на кровати под роскошным балдахинном – шелковым, с вышитыми серебряными звездами – оглушительно храпел маркиз де Мортемар.

Слуга постоял в сомнении, но все же решил, что утехе господину важнее сна.

– Ваша светлость! К вам гостя.

Надо отдать должное де Мортемару: тот проснулся немедленно. В каком бы состоянии ни засыпал маркиз, на пробуждение ему не приходилось тратить усилий. Налитые кровью глаза остановились на стражнике.

– Что ты сказал? – хрипло выдохнул Жан Лоран. – Повтори.

– Там у дверей девица, ваша светлость. Что с ней делать? Отправить восвояси?

Некоторое время маркиз бессмысленно смотрел перед собой.

– Девица... – наконец повторил он без выражения. – Кто такая?

Слуга не успел ответить. Сообразив что-то, Жан Лоран причмокнул и с удовольствием похлопал себя по ляжке.

– Я тебе дам восвояси! Пусть войдет.

Низко поклонившись, стражник попятился и вышел. Он распахнул дверь перед девушкой в накидке и со всей учтивостью сообщил:

– Его светлость ждет!

Но, сделав нетвердый шаг, та вдруг встала, как вкопанная. Губы ее задрожали. Она вцепилась в рукав своей служанки и, кажется, собралась бежать.

Подавшись к ней, служанка шепнула пару слов. Мужчина наострил уши, но ничего не расслышал. Что бы ни сказала горничная, фраза ее произвела магическое воздействие: госпожа обмякла и, низко опустив голову, шагнула в покои маркиза.

Закрыв тяжелую дверь, мужчина подмигнул горничной:

– А ты ничего, милашка! Не хочешь вместе скоротать ночь?

Та даже не взглянула на него: развернулась – и скрылась за углом. Слуге почудилось, будто оттуда донесся шепот и шуршание платьев. Но он лишь пожал плечами и прислонился к стене поудобнее. До утра еще

далеко...

Глава 5

В первый миг оцепеневшая от страха Николь увидела лишь медвежью шкуру, приколоченную к стене, а под ней – небрежно брошенный на пол красный камзол. Будто лужа крови натекла с убитого зверя.

Дурной знак!

Николь пыталась сделать шаг, но ноги от страха стали студенистыми.

От чужой одежды, в которую ее обрядили, пахло до отвращения сладко, и девочку затошнило. Глупая, глупая! Почему она не сбежала, когда поняла, чего хочет от нее Элен?

А теперь поздно. Оскаленная голова убитого зверя таращится на нее стеклянными глазами, словно предупреждая: «И тебе висеть рядом со мной, если выдашь себя!»

Из отупения горничную вывел хриплый бас:

– Иди сюда, красавица! Не заставляй меня ждать.

Николь вздрогнула и повернулась. За синей завесой шелкового полога виднелся силуэт, показавшийся ей огромным.

Она приблизилась к ложу, переставляя ноги с таким трудом, словно ее заковали в кандалы. Человек за пологом заворочался и начал подниматься. Еще миг – и он увидел бы ее. Отпрянув, Николь схватила со столика канделябр и отчаянно принялась задувать свечи.

Капли оплавившегося воска потекли ей на руку, но боль не могла остановить Николь. Восьмая свеча, десятая, одиннадцатая... Святая Мария, сколько же их здесь!

Наконец погас огонек последней.

– Любишь темноту, милая? – сочно рассмеялся маркиз.

Полог раздвинулся, две мощных руки высунулись оттуда, будто лапы великана из пещеры, схватили Николь и затащили внутрь. В нос ей ударил запах перегара и острого мужского пота. Шершавые ладони скользнули по ее телу, задирая накидку и тонкую рубашку. Николь зажмурилась.

– Сними! – коротко приказал Жан Лоран.

Дрожащими пальцами девочка развязала бант, откинула капюшон, и накидка полетела в сторону. В камине тлели угли, но они давали слишком мало света, чтобы можно было разглядеть ее лицо.

– Тощевата, – проворчал маркиз, облапив ее. – Ну-ка подожди...

Он встал, протопал к двери. Что-то проскрежетало, и Жан Лоран вернулся обратно. Сопя, он забрался под полог, навис над Николь и взялся

обеими руками за кружевной воротник ее рубашки. Когда мужчина с силой развел руки, атласные завязки с треском лопнули и девочка вскрикнула от неожиданности.

«Дева Мария, умоляю, пусть это побыстрее закончится. Только бы побыстрее. Только бы побыстрее».

– Не вздумай кричать, я этого не люблю... – заскорузлые пальцы шарили по ее телу. – Тебе очень повезло, малютка.

Схватив девочку за бедра, Жан Лоран рывком перевернул ее на живот. Николь проехала лбом по деревянной панели и втянула воздух от боли.

Точно таким же коротким резким шипением отозвался сзади маркиз.

Николь почувствовала, что его пальцы разжались. Она напряглась, готовясь к какому-то новому, неизвестному ужасу, но ничего не последовало.

Негромкий стон заставил ее обернуться.

Маркиз замер на кровати, прижав руку ко лбу. В полумраке он был похож на огромного розового младенца.

Стон повторился. Жан Лоран де Мортемар повалился на бок и, скривившись, уткнулся лбом в ладонь.

– Проклятое вино, – сквозь зубы процедил он.

Поворочал шеей и тяжело поднялся, явно сделав над собой усилие.

– Ложись!

Николь помедлила.

– Я сказал, ло...

Не договорив, маркиз прошипел «о, дьявольщина!» и схватился за висок.

Перед Николь забрезжил призрак надежды. Дрожа от страха, она все же нашла в себе силы спросить:

– Что с вами, ваша светлость?

Вместо ответа маркиз обрушил на нее поток площадной брани. Излив душу, он оскалил желтые зубы и зажмурился.

Николь отползла в сторону. Она с детства знала: если рядом с тобой зверь, испытывающий боль, уйди подальше. Иначе он дотянется до тебя, и тогда не поздоровится уже тебе...

– Ваша светлость... Может быть, я могу помочь?

– Можешь, если ляжешь и раздвинешь ноги!

На этот раз Николь не подчинилась. Старательно следя за голосом, чтобы не дрожал, она выговорила:

– Вас мучает головная боль, ваша светлость? Обо мне говорят, что я могу руками излечить ее. Позвольте мне, прошу вас.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь тяжелым сиплым дыханием. С каждым выдохом Николь обдавало вонючим облаком винных паров.

Наконец маркиз протянул руку к Николь, ухватил ее за локоть и подтянул к себе. Вторую руку Жан Лоран положил ей на грудь и сильно сжал.

– Такое случается от паршивого вина, – сказал он, дыша ей в лицо.

– Я могу помочь, – прошептала Николь, едва терпя, чтоб не морщиться. – А потом мы... – она собралась с силами и закончила: – ...мы вернемся к тому, с чего начали.

Жан Лоран помолчал. Затем нехотя отнял ладонь от ее груди и буркнул:

– Попробуй.

И, видя, что она медлит, сам прижал ее руку к своему лицу.

Первым побуждением Николь было отдернуть пальцы от горячей потной кожи. Но она удержалась.

– Если ты солгала мне, красавица, я прикажу отрубить тебе ноги, за жарю их и заставлю тебя съесть.

Прежде, чем Николь успела подумать, с губ ее сорвалось:

– Вряд ли они придутся мне по вкусу, хоть жареные, хоть свежие.

Маркиз издал короткий смешок и подался вперед, пытаясь разглядеть ее лицо. Николь перепугалась до смерти: если он поймет, что перед ним не дочь графа, завтра ей будет не до ног – остаться бы с головой на плечах.

– Пожалуйста, прилягте на подушку, ваша светлость, – пролепетала она. – Вам будет легче.

Поколебавшись, Жан Лоран подчинился.

– Закройте глаза.

Николь опустила обе ладони на лоб маркиза. Уняла предательскую дрожь.

На память ей пришла старинная песенка, которую в Вержи пели на ночь маленьким детям. Песенка была совсем немудреная, да и коротенькая, но Николь все равно не могла больше ничего ни придумать, ни вспомнить.

Чуть ночь за окном
Под окошком ходит гном.
Колокольчик динь-дон,
Он приносит сон-сон.

Несколько раз она пропела про колокольчик и сон, каждый раз все

тише и тише.

Чуть свет у ворот,
За окошком бродит кот.
Тихо, словно тень-тень,
Он приносит день-день.

– А ты не врала, – сонно заметил маркиз. – Паршивое вино твоего отца больше не гудит в моей несчастной голове.

Не отвечая ему, Николь закончила:

Так и бродят круглый год
Гном и кот, гном и кот.
Так и бродят под окном
Кот и гном, кот и гном...

Она спела песенку снова, с самого начала, каждый миг ожидая гневного рыка маркиза.

Николь прижимала руки к его голове, представляя, что из ее пальцев вырастают, извиваясь, побеги хмеля, исподволь оплетают голову мужчины, тянут ее к подушке, и вот уже он погружается в тягучую дрему, убаюканный темно-зелеными волнами. Она видела огромного дымчато-серого кота с глазами как янтарь, светящимися в темноте, и малютку гнома из тех, что обитают в заброшенных мышинных норах. Колокольчик на его колпаке позвякивает, травы льнут к земле под серебристый звон. А после, крадучись, проходит кот, мурлыча песню в усы, и ночной сумрак развеивается за ним, будто ключья тумана.

Николь пришла в себя оттого, что дотронулась плечом до полога. Легкое прикосновение сразу разбудило девочку.

Ее саму одолел сон!

Маркиз де Мортемар крепко спал на спине, раскинув руки в стороны. Из угла приоткрытого рта стекала ниточка слюны. Глубоко в горле зарождался и клочкотал храп.

Николь осторожно провела ладонью над лицом маркиза. Хвала Марии, спит как ребенок! Она даже решилась дотронуться до мощного, шириной в три ее собственных, волосатого запястья.

Маркиз не отдернул руку, но поморщился и перестал храпеть. Николь как ветром сдуло с постели. Она спряталась за столиком, на котором растопырил витые серебряные лапы канделябр, и затаила дыхание, наблюдая за спящим.

Но ничего страшного не последовало. Когда лоб Жана Лорана разгладился, а храп возобновился, Николь выбралась из-за столика и задернула полог. Оказавшись отделенной от маркиза тонкой тканью, она почувствовала себя в относительной безопасности.

Что ж, теперь можно поразмыслить над своим положением.

Девочка забралась в кресло из телячьей кожи и обхватила колени руками.

Маркиз не будет спать вечно. Когда он очнется, подмена неизбежно откроется, и вспыльчивый Жан Лоран де Мортемар обрушит свой гнев на всех обитателей замка.

Нужно исчезнуть до того, как он придет в себя.

«Я расскажу Элен, что маркиз уснул, – решила Николь. – Пусть теперь она думает, что соврать».

Девочка сползла с кресла, отыскивала на полу рубашку, накидку и туфли. Обувшись и кое-как затянув порванный ворот, Николь подошла к двери.

Здесь ее ожидало ужасное потрясение: дверь оказалась заперта изнутри на ключ. Маркиз де Мортемар не желал, чтобы его ночные утехы прервали.

Николь вспомнила, как он протопал к двери, оставив ее ждать в постели. Но куда делся ключ потом?

Она обыскала всю комнату. Забыв о страхе, забралась под балдахин и перерыла одеяло и простыни. «Дева Мария, помоги мне!»

Но после изнурительных поисков стало ясно, что Дева Мария не поможет. Ключа нигде не было.

Бессильно уронив руки, Николь села возле спящего маркиза и с тоской уставилась на него. Неужели придется ждать его пробуждения? Выходов отсюда только два – дверь и окно.

Впрочем...

Окна покоев, отведенных маркизу, выходили на крышу амбара. Николь высунулась наружу и посмотрела вниз. Ох, как далеко! Графская дочь никогда бы не осмелилась прыгнуть с такой высоты. Сказать по правде, и сама Николь, безбоязненно лазившая по всему замку, вряд ли решилась бы на такой прыжок. Разве что в этом крыле разгорится пожар...

Николь трижды сплюнула через левое плечо и пять раз крутнулась на правой ноге, чтобы заморочить дьявола. Пусть у него закружится голова и

он не исполнит нечаянно оброненных Николь слов. Не нужно пожаров в Вержи! Хватит того, что случился четырнадцать лет назад.

Что ж, побег откладывается. Николь посидела на краю кровати, предаваясь размышлениям о том, как именно расправится с ней рассерженный маркиз.

Но это ей быстро прискучило.

«Пока горя нет, горевать нечего, – сказала себе Николь. – А иначе как начнешь печалиться раньше времени, так горе и придет к тебе, раз уж его ждут именно здесь».

Подумав так, она зажгла свечи на увесистом канделябре и отправилась изучать временную темницу.

Когда-то над этой комнатой потрудились мастера-краснодеревщики и художники. Стены были обиты дубовыми панелями с богатой резьбой и декорированы сафьяновыми вставками. На потолке художник изобразил трех ангелов, парящих среди облаков.

Здрав голову, Николь внимательно рассмотрела ангелов и очень удивилась. Самый крупный ангел обладал фигурой совершенно женской, с грудью, талией, округлыми ягодицами и даже ямочкой над ними. Второй, поменьше, телосложение имел более приличествующее посланнику господу, однако его пухлая ручка отчего-то лежала на ягодице первого. А третий и сложение имел подобающее, и руки держал при себе, однако на лице его играла улыбка, которую Николь, не будь перед ней безгрешное создание, назвала бы блудливой.

Срам один, а не ангелы.

Громоздкие сундуки у стены были заперты крепкими замками. Шпагу в ножнах, висевшую на стуле, Николь обошла далеко стороной. А вот предмет на столе заставил ее приблизиться: длинный блестящий кинжал с рукоятью, украшенной двумя крупными синими камнями. Даже при неярком свете камни сверкали так, что хотелось сощуриться.

Николь понимала: одна эта вещь стоит больше, чем все содержимое комнаты. Она благоговейно взяла оружие. Рукоять кинжала была холодна, как лед. Обоюдоострый прямой клинок тускло сиял, будто пытаясь рассеять полумрак.

Николь не удержалась: плотно обхватила рукоять, выставила кинжал перед собой, точно шпагу. Она даже помахала им немного, подражая мальчишкам, что сражались на палках.

Однако красивое оружие оказалось тяжелее, чем самый здоровый тесак с кухни. Полюбовавшись еще немного на синие камни, девочка положила кинжал на место и вернулась в кресло.

Что ж, выбраться через дверь она не может, раз маркиз спрятал ключ. Удрать через окно – и подавно. Что остается? Только ждать.

Когда луна проплыла по небу и повисла над главной башней, покачиваясь в быстро бегущих облаках, точно спелое яблоко на ветке, Николь проснулась. Она снова задремала – на этот раз от усталости.

Маркиз по-прежнему храпел. «Хорошую песню я ему спела, хватит до утра. Что же, мне сидеть здесь до рассвета?»

Николь потянулась и потеряла глаза. Где же может быть ключ? Кажется, она всюду искала...

Доносящийся с постели храп стал громче, и Николь вдруг поняла, что искала она не везде.

Она мигом перебралась на постель. Свечи в канделябре давно оплыли и потухли, пришлось зажечь новые. Фитильки вспыхнули ярко и радостно, словно хотели помочь Николь.

Девочка раздвинула полог, чтобы на кровать падало больше света, и склонилась над спящим маркизом. В распахнутом вороте нижней рубашки виднелся какой-то шнурок.

Уж не на шею ли Жан Лоран повесил ключ?

Николь очень медленно и осторожно расстегнула еще пару пуговиц. Пальцам привычнее было иметь дело со шнуровкой, но она справилась. Маркиз дважды переставал храпеть, и каждый раз она замирала в страхе. Но он лишь набирал воздуха и издавал новую руладу.

«Ключ! Пусть это будет ключ!» – умоляла про себя Николь.

Но, расстегнув рубашку, поняла, что ошиблась. На шнурке висел небольшой мешочек – тот самый, о котором Жан Лоран рассказывал за ужином.

Николь взвыла бы от огорчения, если бы не боялась разбудить маркиза. Как она могла забыть? Да и кому взбредет в голову вешать на шею ключ от комнаты? Разве что такой дурочке, как она!

Николь начала застегивать пуговицы. Боже упаси, если маркиз, проснувшись, решит, что она обыскивала его.

Зажав в пальцах нижнюю пуговицу, она внезапно заметила, что мешочек наполовину истлел. Его носили долго, не снимая. Сквозь ветхую ткань поблескивало что-то черное, похожее на чешую молодой гадюки.

Николь придвинулась ближе, пытаясь понять, откуда этот блеск. Так не блестят ни золото, ни серебро, ни драгоценные камни. Николь насмотрелась на украшения за то время, что прислуживала дочерям графа.

«И это вовсе не земля».

Зачем маркиз де Мортемар солгал?

Содержимое мешочка притягивало взгляд Николь. «Я только посмотрю, – оправдываясь, подумала она. – Ведь если там не земля, то что же?»

Она ослабила узел, затянутый на горловине ладанки, и очень осторожно потрясла ее, не выпуская из рук. На ладонь ей выскользнул... Камень?

В первый миг Николь удивилась, во второй испытала разочарование.

Всего лишь камень. Глубоко черный, без малейших проблесков – видно, ей почудилось. Одно необычно: по ровной поверхности ползет красная прожилка, разветвляется на множество тонких ручейков – и обрывается.

Николь повертела камешек, пытаясь догадаться, зачем маркизу де Мортемару носить его с собой. Может быть, это тоже реликвия? Не найдя ответа, она пожала плечами и вернула камень на место. Красная прожилка завилась под ее пальцами, точно крохотная змейка. Николь перехватила мешочек поудобнее и принялась затягивать узел.

В этот миг Жан Лоран открыл глаза.

Николь в ужасе уставилась на него. Взгляд маркиза, сперва мутный, вдруг приобрел пугающую ясность. Несколько мгновений он смотрел на нее, не узнавая, затем отпрянул, не понимая, что за встрепанное существо сидит перед ним.

Раздался негромкий треск. Шнурок порвался, и камень в полуистлевшей оболочке остался у Николь в руке.

«Он отрубит мне ноги, изжарит и заставит съесть их!»

Девочка спрыгнула с кровати и рухнула на колени:

– Простите, ваша светлость! Клянусь вам, я не нарочно!

Но маркиз не услышал ее. Он судорожным движением прижал руку к груди, будто проверяя, бьется ли сердце. Глаза его расширились, губы беззвучно зашевелились. Жан Лоран де Мортемар лихорадочно оглядел постель, и взгляд его упал на обрывок шнура.

Утробный рык сотряс комнату.

– Я виновата, ваша светлость, – заикаясь, пролепетала Николь. – Позвольте мне объяснить...

Вздрагнув, маркиз посмотрел на коленопреклоненную девочку. Снова перевел взгляд на оборванный шнурок. Тень понимания скользнула по его лицу, и Жан Лоран медленно начал приподниматься с постели.

– Подлая тварь... – прошептал он. – Воровка...

– Нет, ваша светлость, клянусь вам!

– Кто тебя подослал? Отвечай, дрянь!

Он спрыгнул с кровати и пошел на нее, багрово-красный от бешенства. Лицо его исказилось, глаза налились кровью, как у буйного быка.

Николь вскочила с колен и в ужасе отступила.

– Никто!

– Куда ты его спрятала?

– Что?

– Отвечай! – проревел маркиз.

– Я не понимаю!

– Ты уже отдала его своим сообщникам? Где они? Когда это случилось?

– Я ничего не знаю, клянусь, ваша светлость! Я не хотела дурного...

Жан Лоран де Мортемар остановился. Толстые губы раздвинулись в подобии улыбки.

– Не хотела дурного... – повторил он. – И ты ничего не знаешь. Что ж, в это можно поверить.

Николь перевела дух. Хвала Марии, он понял, что она не лжет!

Не тратя слов, маркиз выхватил шпагу из ножен и взмахнул ею прежде, чем Николь успела что-то добавить.

Девочка уклонилась, как сотни раз уклонялась от палок, заменявших сабли Матье и его приятелям. Это и спасло ее. Острие вспороло воздух в дюйме от ее горла.

Не веря своим глазам, Николь уставилась на маркиза. Святой Франциск, он едва не убил ее!

– За что, ваша светлость?!

Его светлость снова легко, будто играючи, вскинул шпагу. Кончик ее просвистел в воздухе, как свистит рассерженная гадюка. На этот раз выпад достиг цели.

Острая боль обожгла чуть ниже плеча. Николь вскрикнула и отскочила.

– А ну иди сюда, – позвал маркиз и вздернул верхнюю губу.

Этот оскал больше, чем нанесенная рана, убедил Николь, что пощады ей ждать не стоит. Жан Лоран де Мортемар сошел с ума. Быть может, виной тому слишком крепкое вино из подвалов Гуго де Вержи или полнолуние, пробудившее в маркизе дьявола.

Если бы Николь верила, что ее смерти желает сам маркиз, она не смогла бы сопротивляться. Но Мортемаром овладели бесы! Они направляют его руку, ведь она не сделала ничего, что могло бы вызвать столь жуткую ярость.

Бесов Николь тоже боялась. Но с ними она готова была сражаться.

Девочка изо всех сил ударила ногой по столику, и тот опрокинулся. Упал канделябр, горящая свеча ткнулась в брошенный на полу камзол. Огонь сперва робко пробежал по рукаву, затем, осмелев, лизнул ворот – и вдруг вскинулся вверх длинной плетью. Горячая красная пасть жадно распахнулась, и весь камзол запылал, пожираемый пламенем.

Жан Лоран обернулся. Воспользовавшись короткой передышкой, Николь подбежала к двери и заколотила в нее.

– Спасите! Помогите, горим!

Она вовремя заметила тень на двери и успела отскочить. Шпага вонзилась в доску там, где только что было ее плечо.

– Помогите! – в ужасе закричала Николь. – Кто-нибудь!

Не сводя с нее безумных глаз, в которых отражалось пламя, маркиз сдернул со стены медвежью шкуру и набросил на камзол. Огонь притих.

Маркиз удовлетворенно кивнул и быстрыми шагами пошел на Николь. Теперь между ними не было столика, и ей оставалось только пятиться, надеясь на чудо.

Вместо чуда под ногу подвернулось что-то твердое, и Николь упала на спину. Ее и Мортемара разделяло не больше трех шагов. Девочка поползла назад, и вдруг рука ее наткнулась на то, что послужило причиной падения.

Кинжал с двумя синими камнями на рукояти.

Жан Лоран поднял шпагу, целясь ей в грудь, и тогда Николь молча швырнула кинжал ему в лицо.

Тяжелая рукоять ударила маркиза в переносицу. Он пошатнулся и вскрикнул: боль на несколько мгновений ослепила его. И пока Жан Лоран стоял, прижав руку к лицу, Николь вскочила, бросилась к окну и выпрыгнула наружу.

Никогда прежде ей не доводилось падать с такой высоты. Сердце ухнуло и провалилось в живот, кожу опалил ледяной ветер. «Я умру...» – успела подумать Николь за миг до того, как ее ударило о соломенную крышу амбара.

Раненую руку как будто вновь пронзили раскаленным острием. Она закричала и на короткое время потеряла сознание.

Но солома смягчила удар. Николь подбросило вверх, она покатилась вниз по крутому скату. Пальцы тщетно цеплялись за солому: ей не хватало сил, чтобы удержаться. Докатившись до края крыши, Николь рухнула вниз и повалилась на бок.

Сознание ее вновь погрузилось во тьму.

Когда Николь пришла в себя, ей показалось, что она пролежала

неподвижно очень долго. Тело окоченело. Только плечо горело, будто объятые огнем.

Вверху в башне кто-то высунулся в окно, замелькали факелы в галерее. Тишину ночного двора нарушил протяжный вопль:

– Найти ее!

«Мортемар!»

Николь поднялась, застонав от боли, схватилась здоровой рукой за стену. Скорее, скорее, прочь отсюда! Страх преследуемого зверя гнал ее. Спрятаться, скрыться, пересидеть облаву!

Пошатываясь, девочка бросилась бежать. Но мчалась она не прочь от замка, а к нему. Держась возле стены, чтобы не выходить на свет, Николь пересекла двор, спустилась по каменным ступеням, откинула засов и нырнула в приоткрывшуюся темную щель.

Крики сразу стали глуше. Николь опустилась на ближайшую скамью, пытаясь усмирить колотившую ее дрожь. Весь рукав ночной рубашки был залит липкой кровью. Стиснув зубы, она оторвала подол и наспех перевязала рану.

Со стороны Николь было чистейшим кощунством прятаться в фамильной церкви де Вержи, но у нее не было иного способа пробраться в замок.

Часовня дальней стеной примыкала к жилым помещениям. Главный вход, которым воспользовалась Николь, выходил на малый двор. Даже во время осады граф и его семья должны иметь возможность молиться о спасении души и тела.

Но был и еще один вход. Священник приходил на богослужения прямо из замка, из комнатки, что была отведена ему в южном крыле.

Молясь о том, чтобы он не закрывал на ночь этот проход, Николь бросилась в глубь часовни.

Она двигалась почти бесшумно, но ей казалось, что топот ее ног слышен даже в опочивальне графа. Эхо отражалось от стен, святые смотрели на нее с суровостью судей: «Что ты здесь делаешь, Николь Огюстен? Как ты посмела явиться сюда?»

Николь всхлипнула. Она ни в чем не виновата!

«Виновата! – откликнулись статуи. – Грязное подзаборное отродье! Ты посмела заявиться к маркизу, пролезла к нему в постель. Ты пыталась похитить его реликвию. Разве не заслужила ты смерти?»

Николь даже остановилась. Святой Франциск! Должно быть, со стороны все выглядит именно так.

– Но это не я... Меня заставила Элен!

«Разве можно заставить порядочную девушку отправиться ночью к мужчине? Нет, голубушка, ты потаскуха, и всегда такой была!»

Николь внезапно осознала, что ей знаком голос, звучащий в ее голове. Нянюшка Коринна!

– Не буду слушать тебя, не буду! – пробормотала она, плохо понимая, что говорит.

Свернув за колонну, она поискала глазами дверь в стене. Но чернота была сплошной – ни единого проблеска.

У входа в часовню послышались голоса.

Страх придал Николь сил. Она помчалась вдоль стены, ведя по ней рукой, и чуть не проскочила выход. Вот же он! Девочка толкнула обитую железом дверь, но та не открылась.

Заперта! И слуги маркиза де Мортемара все ближе. У них лампы и факелы, от которых не спрячешься в тени.

От отчаяния Николь ударилась в дверь всем телом, и вдруг та вздрогнула и подалась.

Эхо шагов еще не успело стихнуть в часовне, а Николь уже неслась по запутанным коридорам южного крыла.

Глава 6

Луна плавала в облаках, как толстый карась. Золотистый копченый карась из тех, что подавали маркизу на ужин.

Стоило Николь вспомнить о вчерашнем ужине, к горлу поднялась тошнота.

Девочка лежала на крыше южной галереи, прильнув щекой к шершавой черепице. Лишь в этой части замка труба водостока на краю ската была такой широкой, что за ней можно было спрятаться.

Она и представить не могла, что придется скрываться именно здесь.

Когда Николь выбралась из часовни, бег ее не был бесцельным.

Пару лет назад Бернадетта упросила выделить ей одну из пустующих комнат южной галереи. Никто не стал возражать. С тех пор старуха сваливала там всякий хлам.

Расползшиеся дряхлые коврики, проеденный молью гобелен, плесневелая простыня – все это Бернадетта, как запасливая мышь, относила в свою каморку. Она твердо знала, что когда-нибудь – когда будет чуть меньше дел – у нее дойдут до них руки.

Бернадетта была очень экономна.

Наружный засов на двери каморки не использовался – никто не заботился о сохранности старья. Но Николь знала, как можно закрыть его изнутри.

«Я спрячусь там и подожду, пока все утихнет».

Она надеялась, что никому не придет в голову искать ее в запертом снаружи чулане. А еще больше уповала на то, что маркиз проспится, и к утру мысли о мести улетучатся из его головы вместе с бесами.

Конечно, ее накажут. Ей предстоит объяснить, как она оказалась в постели Жана Лорана де Мортемара. Но все это случится потом, а сейчас ей необходима передышка.

Добравшись до чулана, Николь присела на корточки и нащупала почти истлевшую доску. Без труда оторвала длинную щепу, которой собиралась задвинуть засов изнутри, поднялась и толкнула дверь кладовки.

Слишком поздно она заметила в углу приглушенный свет лампы и почуяла запах горелого сала. На нее налетела, как стервятник, тощая фигура, оттолкнула к дальней стене. Не успела Николь ахнуть, как дверь

захлопнулась.

– Я знала, где тебя ждать, Николь Огюстен, – удовлетворенно прошипела Бернадетта. – Думала, никого поумнее тебя не найдется? Держи карман шире.

Старуха вцепилась Николь в плечо, и девочка вскрикнула.

– Что там у тебя? – резко спросила ключница.

– Он меня ранил.

– Врешь! Ты сама ободрала руку, пока носилась, как драная кошка!

Она рывком сорвала повязку, и с губ Николь слетел стон.

Бернадетта изменилась в лице.

– Бесовы подштанники! Так это правда.

Она поднесла лампу поближе к плечу Николь и озадаченно зацокала языком.

– Ну-ка, сядь!

Николь не села, а повалилась на хромоногую скамью.

Некоторое время Бернадетта рассматривала глубокий кривой порез. Потом оторвала лоскут от нижней рубашки девочки и протянула ей:

– Плюй! Да как следует!

Но в горле у Николь пересохло. Она не понимала, чего хочет от нее злая старуха, и лишь покачала головой.

– Чтоб тебя! – выругалась та и сама смачно плюнула на тряпку. – Сиди тихо!

Закрепив лампу на полке, Бернадетта протерла кровь вокруг раны, сложила лоскут вдвое и сноровисто перевязала предплечье. На тряпице сразу расплылось бледно-красное пятно.

– Чем ты разозлила маркиза?

Николь покачала головой.

– Не знаю. Он был пьян, когда проснулся и увидел меня.

– А ты где была?

– Я сидела рядом с ним... на постели. – Старуха хмыкнула, но Николь предпочла не обращать на это внимания. – Он открыл глаза и словно взбесился.

Бернадетта проницательно взглянула на нее.

– Что-то ты недоговариваешь. Мало какой мужчина, обнаружив в своей постели хорошенькую мордашку вроде тебя, схватится за нож.

– За шпагу, – поправила Николь. – Это была шпага.

Она закрыла глаза. У нее не осталось сил, чтобы упрашивать одноглазую ведьму о жалости. Пускай Бернадетта зовет слуг – ей все равно.

Но вместо того, чтобы сдать добычу в руки маркизу и получить награду, старуха больно ткнула девушку в бедро:

– Поднимайся! Нечего расслаживаться. Если я догадалась, куда ты пойдешь, то и они догадаются.

– Никто не знает об этом укрытии, кроме Мари! – слабо возразила Николь.

– Твоя Мари первая выдаст тебя. Вставай!

– Подожди!

Но Бернадетта уже волокла Николь к двери.

Горничная остановилась и сама схватила ее за руку:

– Что ты делаешь?

– Спасая твою куриную голову, Николь Огюстен, – проворчала та. – Куда это годится – резать молоденьких девчонок! Будь ты хоть сам король, негоже так поступать со слугами в чужом доме. Постой-ка...

Старуха отошла и зарылась в груды тряпья. Вернулась она, волоча за собой истрепанную рванину, в которой Николь, приглядевшись, узнала охотничий плащ графа, подбитый мехом. Когда-то плащ был роскошен, но время превратило богатую ткань в жалкие обноски, а моль завершила дело, обглодав их со всех сторон.

Бернадетта приоткрыла дверь, высунула нос наружу и принюхалась. «Значит, правду говорят, что она своим острым длинным носом чует не хуже крыс и может с закрытыми глазами отличить одного человека от другого по запаху».

– Ты прошла через часовню? – приглушенно спросила старуха.

Николь кивнула.

– Так я и думала. Если не наследила, они не сразу поймут, куда ты делась. Возьми! – Она всучила Николь плащ.

– Зачем?

– Тебе придется выбираться наружу. Внутри оставаться нельзя. Если, конечно, не хочешь, чтобы маркиз насадил тебя на свою шпагу, как куропатку на вертел.

– Я ни в чем не виновата...

Бернадетта приблизила к ней лицо и зашептала:

– Не говори мне, девочка, что ты не знаешь, где спрятаться. Подумай хорошенько и сообрази. Только молчи, не болтай попусту языком. Он у тебя и без того слишком длинный.

– Я спрячусь, – прошептала в ответ Николь. – Но что потом?

– Маркиз к утру опамятуется и отменит свой приказ. За ним успокоится и граф. Или ты не заметила, что наш хозяин готов выполнить

все, что гость ни потребует? Грех говорить такое, но коли маркиз де Мортемар захотел бы, чтобы Гуго де Вержи сплясал на крыше голышом, так граф, поди, уже снимал бы с себя исподнее.

Бернадетта подтолкнула девушку в спину крепким кулаком.

– Не стой как овца!

Отвернувшись и заковыляла прочь, поднимая лампу над головой.

На благодарности не оставалось времени. Накинув на плечи тяжелый пыльный плащ, Николь торопливо пошла в другую сторону.

Бернадетта уверена, что ей удастся спрятаться хотя бы до утра. Но дворы наводнены людьми, и если старуха сказала правду, на поиски Николь сейчас поднимут весь замок.

Значит, нельзя оставаться ни в замке, ни во дворах.

Крепостная стена охраняется днем и ночью, туда и подавно не сунешься.

Что остается?

На крышу Николь забралась по выщербленной стене южной галереи. Путь, который она всегда преодолевала играючи, на этот раз дался ей с большим трудом: ныла рана, да еще и плащ висел на плечах бесполезным грузом, тянул вниз.

Но, оказавшись наверху, Николь в полной мере оценила предусмотрительность старухи.

Между трубами бродил голодный ветер, крутился вокруг главной башни, как бродячий пес возле кухни: ждал, не распахнутся ли ставни, чтобы радостно взвыть и ворваться внутрь, хватая все, что подвернется по пути.

Нагревшаяся за день черепица к ночи остыла. Тонкая рубашка не спасала от холода.

Тут-то и пригодился плащ. Закутавшись, девочка вытянулась вдоль водосточного желоба, чтобы высокий бортик закрывал ее.

Со всеми приготовлениями она едва успела: черное пятно двора внизу осветилось факелами, замельтешили огни. Николь вжалась в крышу. Луна, как назло, выплыла из-за облака и повисла над ней, словно насмехаясь.

Понемногу шум стих, но девочка по-прежнему боялась поднять голову. Правая рука затекла, левая ныла, а пошевелиться страшно: ну как потеряешь равновесие и перевалишься через водосток? То-то обрадуются слуги маркиза, когда она упадет им на головы.

Однако постепенно Николь привыкла к своему положению. А ухитрившись закрыть голову полкой плаща, даже подумала, что и впрямь

сможет продержаться до утра. Лишь бы никто не догадался проверить крышу галереи.

Вот разве что в бедро, как ни повернись, впивается какой-то выступ. И вдобавок от плаща воняет козлом и плесенью. Интересно, для чего он Бернадетте? Вряд ли старуха предполагала, что изношенная одежда когда-нибудь пригодится служанке, скрывающейся от сумасшедшего маркиза.

Николь вспомнила, что забыла спросить у Бернадетты, какой приказ должен отменить Жан Лоран де Мортемар. «К утру он опамятуется», – сказала старуха.

– ...не успеет.

Николь вздрогнула.

Что это? Или ей послышалось?

Внизу раздалось глухое покашливание. Кто-то стоял возле окна, из которого она выбралась по стене на крышу.

– Ты уверен, Гуго?

– Я приказал открыть ворота. Мои люди доскачут до деревни. Если она там, ее быстро найдут.

– А если нет?

– Ее поймают. Дайте им немного времени.

– Ты предупредил, чтобы ее взяли живой?

– Разумеется.

– Я своими руками сверну ей шею.

– Понятное желание, ваша светлость. Но сперва – камень...

– Я помню об этом каждый миг, – оборвал его собеседник. – Надеюсь, к рассвету с ней будет покончено.

Маркиз де Мортемар и граф стояли у окна под скатом крыши.

Николь покрылась холодным потом. Как она могла забыть, что дальний балкон южной галереи – любимое место Гуго де Вержи! Слуги шепчутся, что он часто бродит здесь по ночам: ищет встречи с призраком Симона. Хочет узнать, как найти Головореза, убившего старшего брата. Ведь проклятый разбойник избежал виселицы, скрывшись в лесах, и смерть наследника старинного рода осталась неотомщенной.

– Кто-нибудь подозревает, почему я здесь? – спросил маркиз де Мортемар после недолгого молчания.

– Ни одна живая душа. Все уверены, что за вашим визитом скрывается интерес к Божани. Местный люд спорит, уступлю ли я вам эти земли, и если да, то на сколько нагрее вашу светлость.

Оба засмеялись. Но смех маркиза оборвался раньше, и Жан Лоран раздраженно бросил:

– Дьявол раздери эту сучку! Ни о чем не могу думать, кроме камня.
– Его вернут, – пообещал Гуго. – Наберитесь терпения. А с девчонкой вы сделаете все, что захотите.

«Кроме камня?!»

Николь переместила руку вниз – туда, где в бедро впивался выступ. Пальцы пролезли в складки ткани и наткнулись на какой-то предмет. Небольшой, округлый, размером и формой напоминающий яйцо...

«Святой Франциск!» – мысленно ахнула девочка.

До сих пор она была уверена, что камень выпал во время стычки. Выходит, она не уронила его, а безотчетно сунула в прореху накидки.

Неудивительно, что все считают ее воровкой! Но если она объяснит, как все было, то, может быть, маркиз ограничится поркой?

«Его милость хорошо знает меня, он подтвердит, что я не лгунья».

– Как только девчонку поймают и отберут камень, ее нужно будет заставить молчать, – проговорил Гуго де Вержи. – Если это сделаете вы, могут пойти слухи. Неудобные слухи...

Он немного помолчал.

– И что же ты предлагаешь? Если не убить ее, она начнет болтать.

– Кто-нибудь из моих людей придушит ее. А остальным сообщат, что девка повесилась, не выдержав мук совести. Вы останетесь вне подозрений.

У Николь в горле что-то булькнуло.

– Ладно, пусть так, – нехотя проговорил маркиз. – Видит бог, у меня чешутся руки... Но ты прав. Ты всегда отличался благоразумием. Единственный из всех.

– Благодарю, ваша светлость. Но вы несправедливы к своим слугам. Как же Дюбуа? А Фурнье?

– И где теперь Дюбуа и Фурнье? – с горечью бросил маркиз. – Сидят в каменном мешке и ожидают встречи с палачом. Ты знаешь, Гуго, каким пыткам подвергают тех, кого обвиняют в заговоре против короля? Но ни один не выдал меня. Иначе сюда уже скакали бы отряды гвардейцев.

Голос маркиза де Мортемара изменился. С графом сейчас был уже не тот шумный толстяк, что рассыпал за столом сальные остроты. Жан Лоран говорил резко и властно, и слова его были чеканны, как монеты.

Сейчас он был настоящий. А тот, за ужином, – притворялся. Лежа на крыше южной галереи, Николь поняла это очень хорошо.

– Не исключено, что они и скажут, – спокойно заметил Гуго де Вержи.

В ответ маркиз зло рассмеялся.

– О да, ты прав! Теперь, как никогда, нам нужен камень. Дьявол,

почему ее никак не найдут?

У входа в часовню раздались крики.

– Смотри, Гуго! Неужели поймали?

– Надеюсь... – согласился тот после небольшой заминки. – Пойдемте к ним, ваша светлость.

Николь дождалась, пока в галерее станет тихо, и спустилась вниз тем же путем, которым поднялась. Когда ее босые пятки коснулись земли, она замерла, прислушиваясь.

Никого. Лишь гул голосов доносится от часовни.

Они спохватятся очень быстро, нужно спешить.

... – Элен, ее схватили? Что происходит?

Девушка откликнулась не сразу:

– Ничего...

Она застыла у окна, вцепившись в прутья оконной решетки, и пыталась рассмотреть знакомое лицо в толпе возле часовни. Но за мельтешением факелов невозможно было ничего угадать.

Беатрис скорчилась на кровати, обхватив колени руками.

– Мне холодно!

– Укройся.

– Прошу тебя, закрой окно! Почему они шумят? Когда все закончится?

– Заткнись! – сквозь зубы прошипела Элен. – Заткнись сейчас же! Я не знаю, когда все закончится, не знаю! Господи, – вырвалось у девушки, – хоть бы они убили ее!

Беатрис широко раскрыла глаза.

– Почему ты так говоришь? Ты желаешь Николь смерти?

Элен с презрительной жалостью покачала головой:

– Бог мой, какая ты глупая! Я хочу жизни нам, тебе и мне.

Сестра крепче обняла колени, не сводя с нее непонимающего взгляда. Элен усмехнулась:

– Как ты думаешь, что расскажет Николь, когда ее схватят? Она скажет отцу, что мы с тобой подговорили ее отправиться к маркизу.

– Отец накажет тебя, – прошептала Беатрис.

– И тебя, моя маленькая глупышка.

Губы девочки задрожали.

– Но ведь я ни в чем не виновата! – захныкала она. – Ты подтвердишь это, правда?

Элен присела перед кроватью, взяла ледяные руки сестры в свои.

– Я поклянусь перед отцом, что ты ни при чем. Вот только Николь

будет клясться в обратном.

Воцарилось молчание. Беатрис осмысливала сказанное.

– А если... если ее убьют? – запинаясь, выговорила она наконец.

– Тогда некому будет опровергнуть наши слова. Мы заверим всех, что она по своей воле отправилась к маркизу, опередив меня.

– Но там был стражник, он видел вас!

Элен усмехнулась:

– С ним, уж поверь, я что-нибудь придумаю.

Крики в часовне стали громче. За окном раздался шорох, и искаженное от боли лицо Николь появилось за решеткой.

Беатрис вскрикнула, но Элен быстро зажала ей рот.

– Молчи!

Выпустив сестру, она подбежала к окну.

– Господь всемогущий! Как ты забралась сюда?

Николь не ответила. На объяснения не оставалось ни сил, ни времени.

Тяжело дыша, горничная просунула руку сквозь прутья решетки.

В кулаке болтался мешочек.

– Ваша милость, возьмите. Оно принадлежит маркизу.

– Что это?

– Не важно. Прошу вас, верните это ему. Я не хочу быть воровкой.

– А как же ты?

– Попытаюсь бежать.

– Куда?

Николь переступила по узкому каменному парапету и почувствовала, как из-под ее босых ног с тихим шуршанием осыпается каменная крошка.

– Возьмите! – скованным от напряжения голосом повторила она и разжала кулак. – Быстрее!

Элен закусила губу, обдумывая что-то. Из-за ее спины молча выглядывала перепуганная Беатрис.

– Скорее, ваша милость! Я едва держусь!

– Если я возьму эту вещь и отдам маркизу, мне придется объяснять, как она оказалась у меня, – будто рассуждая вслух, проговорила Элен. – Если спрячу, ее могут найти. Как ни крути, выходит нехорошо.

– Ваша милость...

– Пусть остается у тебя!

С этими словами она приблизилась к горничной и толкнула ее в грудь. Николь сорвалась со стены и полетела вниз, не успев даже вскрикнуть.

Беатрис кинулась к окну.

– Ты убила ее!

– Надеюсь! – резко отозвалась Элен.

В дверь требовательно забарабанили. Сестры отскочили от решетки и испуганно взглянули друг на друга.

Будь на месте Николь другой человек, он неминуемо разбился бы насмерть. Но для девочки не прошли даром годы детских забав, во время которых она излазила все стены замка Вержи.

Выпустив из пальцев мешочек, Николь на лету ухватила за толстые стебли плюща, с помощью которых забралась наверх. Побег с жалобным треском отрывался от стены, выдирая за собой и камни, со стуком разбивавшиеся внизу. Последние десять футов Николь проехала вниз по стеблям, как по веревке, в кровь обдирая ладони.

Ударившись о землю, она упала на спину и долго лежала, хватая воздух ртом. Затем перевернулась и, пошатываясь, как пьяная, принялась на корточках ползать вокруг.

Камень нашелся в десяти шагах. Сунув его в прореху, как в карман, девочка поднялась и побрела к конюшне, тихо поскуливая от боли.

Три дворняги, чутких и злобных, поднялись ей навстречу. Самый крупный пес, подпалый, с исполосованной шрамами брылястой мордой, оскалил клыки и угрожающе зарычал.

– Мрак, это я! – всхлипнула Николь.

Пес тотчас умолк.

Второй лохматый сторож гавкнул было для порядка, но тут же устыдился и приветственно забил обрубком хвоста. Третий повалился на землю и зевнул во всю пасть.

Птичка встретила Николь недовольным сонным фырканьем. Девочка молча прильнула к лошади. Постояла, успокаиваясь, пока сердце не перестало выскакивать из груди, а дрожь не утихла. Тогда она отошла в угол, сгребла солому в кучу и легла, сжавшись в комок, подтянув коленки к животу.

Бородач Андрэ с отвращением смотрел, как бестолково суетятся слуги графа. Бегают, сталкиваясь лбами, и чуть что – вопят.

Вот и сейчас: стоило ему обнаружить засохшие капли крови на спинке церковной скамьи, как они подняли крик. Андрэ не удостоил их ни единым словом, лишь презрительно скривил губы. Толпа баранов!

Что ему с этих пятен? И без них было известно, что девчонка ранена.

Слуга маркиза поднялся во весь огромный рост и направился в глубь часовни. Тех, кто оказывался на его пути, Андрэ бесцеремонно

расталкивал.

Вторая дверь. Так он и думал.

Присев на корточки, он провел ладонью по каменной плите. На пальцах осталась земля. Воровка была здесь, ее перепачканные ноги скользили по каменным плитам.

Сзади деликатно покашлиали.

Обернувшись, Андрэ наткнулся взглядом на невысокого тучного человека с обманчиво добродушным лицом. Что добродушие напускное, Андрэ понял, едва взглянув на его рот: губы толстые и изгибаются, как раздавленные пиявки.

По глазам бородач не судил никогда – глазам можно придать любое выражение. А вот рот не обманет. Если скривлен на одну сторону, значит, перед тобой человек бешеного нрава, но прикидывающийся тихоней. Если верхняя губа вдвое толще нижней – порочный. Если обе губы тонкие, а уголки загибаются вверх – лживый и подлый; опущены вниз – злобен и себе на уме.

Выходило, конечно, что вокруг люди сплошь подлые, злые да распутные. Но случалось встретить и других. К примеру, нижняя губа, вздутая посредине, ясно показывала, что обладатель ее жаден и злопамятен, как ростовщик. Рассеченная надвое – что руки его обгарены кровью по локоть.

А какие рты бывают у людей добрых, щедрых и милосердных, Андрэ не знал. Ему такие не встречались.

Толстячок шаркнул ножкой, будто собираясь раскланяться. Младший конюх графа по имени Жермен, припомнил Андрэ.

– Куда ведет? – кратко спросил бородач, кивнув на дверь. Он предпочитал не тратить время на лишние слова.

– В южную галерею, – охотно отозвался конюх.

Что ж, ясно. Девка пряталась здесь. Наверняка перевязала руку. До этого кровь встречалась каждые десять шагов. Андрэ не везде видел пятна, но чувствовал запах крови, крови – и страха.

Чутье его не подвело. Первый раз за все время поисков они действительно наткнулись на ее след. До этого безмозглые слуги утверждали, что горничная скрывается в одном из погребов или многочисленных подвалов. Она-де когда-то работала на кухне, и с тех пор ей известны все подземные норы, скрытые в толще холма.

Бородач был уверен, что в погребах искать нет смысла. Там холодно. Она предпочтет другое укрытие.

Он оказался прав. Воровка была здесь и вернулась в замок.

Андрэ встал, толкнул дверь. Из щели потянуло сквозняком и сыростью.

– Из галереи – куда? – по-прежнему кратко спросил он у конюха.

– Куда угодно, – хмыкнул Жермен. – Хоть в главную башню, хоть в другие галереи. Птичка знает все лазейки.

Заметив приоткрытую дверь, люди взволновались. По толпе пробежал гул.

– Она там! – крикнул кто-то. – За мной!

– Южная галерея!

– Обыскать все!

Мимо пронеслась стража, едва не сбив Андрэ. Бородач нахмурился, но не двинулся с места. Что проку обшаривать те закоулки, где девчонка уже побывала? Нужно идти туда, где она сейчас.

Как сказал толстяк? «Птичка знает все лазейки».

Андрэ поднял глаза на младшего конюха. Тот, казалось, с любопытством ждал следующего вопроса.

– Что еще?

Тот недоуменно вскинул брови. Пришлось разъяснить:

– Ты сказал, она хорошо знает замок. Что еще она умеет?

Жермен задумался. Ему потребовалось некоторое время, чтобы понять, чего хочет странный бородач.

– Поет красиво, – сообщил он. – Голос у нее нежный, как колокольчик.

Андрэ обдумал сказанное и качнул головой: не то.

– Прислуживает Элен, старшей дочке нашего господина.

Бородач снова дал понять, что это не подходит. В покои девиц уже отправили стражников.

– Что еще? – Жермен поскребся в шапке курчавых волос. – А, вспомнил! Когда она играет в «палку-веревку», от нее глаз не отведешь, клянусь покойным папашей! Вот уж что удается ей лучше всего! Сиськи-то у нее так и подпрыгивают!

Слуга маркиза даже не улыбнулся. Таращился, словно не понимая, о чем ему говорят.

– Ты что, бабы ни разу в жизни не видел? – хохотнул младший конюх. Прижал к себе две ладони и показал, подергивая вверх-вниз: – Вот так: прыг-скок, прыг-скок!

Он радостно загоготал и смеялся до тех пор, пока бородач не шагнул к нему.

Взглянув на его лицо, Жермен осекся и прикрылся рукой.

Однако Андрэ просто прошел мимо. Верно говорят: чем полнее бочка,

тем меньше звона. Толстяк гроыхает так, словно внутри у него ничего, кроме пары дырявых монет на самом дне.

Конюх сразу пожалел о своей шуточке. Если это костлявое пугало пожалуется господину, ему не поздоровится.

– Она много возится с лошадьми, – заискивающе поведал Жермен в узкую, обтянутую рубахой спину. – И с собаками. Каждый шелудивый кобель в округе слушается Птичку. Видать, девка знает к ним подход.

Андрэ остановился и всем телом обернулся к нему:

– С лошадьми, ты сказал?

– Лезет ко всем подряд, – с готовностью подтвердил Жермен. – Даже к тем, кто...

– Заткнись.

Андрэ к чему-то прислушивался. Неподалеку приглушенно гавкнул пес и смолк, будто передумав.

– Где это?

– Возле конюшни, – не задумываясь, ответил Жермен.

По мертвенному лицу Андрэ скользнула кривая улыбка. Увидев ее, младший конюх пожалел о своем намерении подшутить над бородачом.

– Показывай дорогу, – велел Андрэ. – Она там!

Николь напилась из бадьи, забытой в конюшне кем-то из нерадивых подручных Гастона. Застоявшаяся вода плескалась на самом дне и воняла болотом, но девочка жадно выпила все до последней капли.

В ней не было злости на Элен, лишь глухое тоскливое недоумение. Но маркиза де Мортемара она боялась так, что при одном воспоминании о его вздернутой губе из желудка подскакивал к горлу отвратительный ком.

Воздух конюшни, привычный с детства, понемногу привел ее в себя. Над свежим ароматом опилок и тяжелым духом конского навоза витал летний запах сена и распаренного овса. Утром овес разложат по кормушкам загорелые руки конюхов.

Но до этого времени Гастон придет на свой первый обход.

У Николь созрел план побега. Она дождется дядюшку и умолит тайком вывезти ее из замка. В крестьянских хозяйствах под Божани всегда требуются помощницы. Она укроется в самой глуши, а там...

А там будет видно.

Николь подавила смутную тревогу, которую внушала ей главная фигура ее замысла, Гастон Огюстен. Преданность старшего конюха хозяину вошла в поговорку. «Служит как Гастон», – говорили о верном и усердном слуге.

Но не выдаст же он собственную племянницу!

Девочка притащила охапку соломы, сгребла для тепла опилки. Опустилась на колени и вознесла краткую молитву Святому Франциску, покровителю путешественников и беглецов.

Внезапно лошадь, до этой поры стоявшая смиренно, подалась вперед и раздула ноздри.

Насторожилась и Николь.

– Что там, Птичка?

С кобылой творилось что-то неладное. Она вытянула шею и стала похожа на гончую. Уши плотно прижаты, белки глаз сверкают в лунном свете, зубы оскалены.

– Тише, тише, милая! Все хорошо.

Выскользнув из денника, Николь приблизилась к воротам конюшни. И вдруг сквозь щель между досок заметила снаружи свет.

Девочка замерла.

Послышались шаги, к первому факелу прибавился второй.

– Здесь лаяли, – заверил грубоватый голос. Николь узнала младшего конюха.

– Собаки-то вроде как спят, – возразили ему.

Но кто-то проговорил сипло и медлительно, растягивая слова:

– Они бы не брехали на нее. Девка в конюшне.

Николь прижала ладонь к губам.

Ох, вот и дождалась Гастона.

Глава 7

– Р-р-рав! Р-р-р... Рав!

Черный пес, вздыбив шерсть на холке, рычал на Андрэ. Вторая дворняга заходила в визгливом лае, от которого Жермен едва не оглох.

– Убери его! – угрожающе приказал бородач. – Или брюхо ему распорю!

Жермен оттащил Мрака и привязал к конуре.

– А ну тихо! – рявкнул он.

В воздухе щелкнули зубы. Младший конюх едва успел отдернуть руку.

– Сдурел?! – На всякий случай он отошел подальше от разозлившегося пса.

Вторая псина сама отбежала в сторону. Третья настороженно следила за ними.

«Чертова девка! – со злостью подумал Жермен. – Не знаю, как она это делает, но собаки сходят с ума по ее вине».

Выходит, бородач, похожий на ожившего мертвеца, был прав: Николь и впрямь пробралась на конюшню.

Если Андрэ рассчитывал тихо схватить ее сам и доставить хозяину, то просчитался. Стоило ему подойти к воротам конюшни, как сперва Мрак, а за ним и другие две собаки вскочили и подняли оголтелый лай.

На шум сбежались слуги, размахивая факелами. Жермен заметил в толпе узкое костлявое лицо старшего конюха и скривился.

Он недолюбливал Гастона со времен одного старого случая. Старик всю жизнь был нестибаем, как сухой прут. И сейчас он стоял очень прямо, сцепив руки за спиной. «Стервятник, – подумал младший конюх. – Заклюют Птичку, а ему и горя мало».

Откровенно говоря, Жермену и самому было плевать на Николь. Воруешь – не попадайся, а попалась – так отвечай. Он даже получал удовольствие от происходящего. Давно в Вержи не было так весело!

Андрэ протянул руку к воротам, но тут старший конюх будто проснулся.

– Позвольте мне, – хмуро попросил он. – Я выведу ее, если она там.

«Боится, – понял Жермен. – Не за племянницу, за лошадей».

Но Андрэ цыкнул на старика:

– А ну посторонись!

Гастон нехотя сделал шаг в сторону. Бородач распахнул дверь

конюшни, а в следующий миг рыжая кобыла вылетела изнутри, как птица из клетки. На спине ее сидела девчонка, вцепившись в гриву.

Кобыла сбила с ног Андрэ и галопом промчалась через двор.

– Вон она!

– Лови!

– Стой!

Поднялся дикий крик. Снова залаяли псы, будто взбесившись, и пробудившиеся лошади заржали в конюшне. Мимо Жермена пробежали слуги маркиза, за ними, страшно ругаясь, проковылял Андрэ. Взвизгнула служанка, что-то упало с грохотом – то ли ведро, то ли бочка – и покатило через двор.

И, перекрывая поднявшийся шум, над всем этим пронесся громкий крик невесты откуда взявшегося графа:

– Закрывать ворота! Двадцать ливров тому, кто схватит ее!

До этого окрика Жермен стоял на месте. Он понимал, что Николь некуда деться из замка. Хоть кобылу и нарекли Птичкой, летать она не умеет.

Но, услышав грозный крик, конюх вдруг сообразил, что в соседнюю деревню недавно выслали нескольких всадников. Отряд должен вот-вот вернуться, а значит, проезд для него держат открытым.

– Стой! – заорал Жермен во все горло и бросился к воротам крепостной стены.

Он успел как раз вовремя, чтобы увидеть, как хвост лошади мелькнул на мосту.

– Ушла, тварь!

Его грубо толкнули в плечо.

– По коням, живо! – скомандовал Андрэ и скрылся в конюшне.

«Двадцать ливров!» Охваченный жадностью и охотничьим азартом, младший конюх бросился за ним. Они догонят воровку! Граф наградит его звонкой монетой!

Никто не седлал лошадей быстрее Жермена. Конюх был уверен, что слуги маркиза устроят неразбериху, в которой он опередит всех. Однако не успел он и глазом моргнуть, как седла были расхвачаны.

Жермен заскрипел зубами от злости. Но увидев, что Озорник дожидается в стойле, успокоился. Может, лошади у гостей и неплохи, но вряд ли они смогут соперничать с застоявшимся жеребцом.

Андрэ бросил мимолетный взгляд на толстяка, взлетевшего с неожиданной ловкостью в седло высоченного гнедого коня, и подумал, что от этого дурня может быть толк.

– Куда она поскачет? – крикнул он, осаживая своего Ворона.
– В Божани! – заорал в ответ Жермен, перекрикивая шум и лай. – Ей некуда свернуть!

Андрэ яростно пришпорил коня.

Вслед за ним из ворот замка вылетел верховой отряд и помчался прочь, провожаемый свирепым лаем.

Ветер свистел в ушах Николь, перед глазами мелькала грива бешено несущейся лошади. Деревья, кусты, луна, облака – все летело вместе с ней в безумной скачке. Подгоняемая топотом копыт и криками, доносящимися сзади, Птичка мчалась по лесной дороге, ведущей к Божани.

Николь не слышала ничего, кроме разбойничьего посвиста ветра. От ужаса она вцепилась в Птичку мертвой хваткой. Бока кобылы ходили под ней ходуном, наездницу швыряло то вверх, то вниз. Она чувствовала себя пловцом, которого тащит по камням бурлящий поток, с каждым мигмом приближая несчастного к водопаду.

«Я не смогу долго выдержать ее галоп. Надо остановить Птичку».

Но стоило Николь подумать об этом, как до ее ушей донеслись торжествующие крики.

Рискуя свалиться, девочка обернулась и увидела в свете луны растянувшийся по дороге отряд.

Погоня!

Николь еще крепче сжала колени, и Птичка рванулась вперед с удвоенной силой.

Увидев, что расстояние до рыжей кобылы снова увеличивается, Жермен выругался и пришпорил Озорника. Он догонит ее первым!

Но сколько младший конюх ни погонял своего гнедого, Андрэ на вороном коне не отставал от него.

– Уходит! – крикнули сзади.

Жермен знал, что Николь не уйти. Как долго девчонка продержится на Птичке без седла? Ее жалких силенок не хватит даже дотянуть до Божани. Она свалится, и тогда они возьмут ее.

«Лишь бы не свернула шею! Граф требовал привезти ее живой».

– Хэй-йей! – завизжали сзади, и Жермена обогнал невысокий щуплый всадник на белом коньке себе под-стать, маленьком и сухопаром. Жермен оценил резвый галоп и мрачно подумал, что у него прибавляется соперников. Вот и еще один, мечтающий выслужиться перед хозяином.

– Пошел! – прикрикнул он на Озорника, и оскорбленный конь припустил что было мочи.

Птичка славилась быстрым бегом, но на ней сидела неопытная девчонка. А преследователи ее были искусными наездниками. Понемногу от отряда отделились трое, обогнав остальных: Андрэ, Жермен и щуплый слуга маркиза. Впереди, как вихрь, несся маленький белый конек, за ним могучие Озорник и Ворон.

Жермен не мог бы сказать, в какой момент погоня превратилась в состязание охотников. Если подумать, он вовсе не испытывал ненависти к бедняжке Николь. И даже двадцать ливров, обещанных за ее поимку, не подвигли бы его на преследование, будь он один.

Но что-то безумное нашло на них в эту ночь. Луна в мерцающей кровавой дымке вдохнула ярость, напоила азартом преследования, внушила злобу к маленькой беглянке, а заодно и ее легконогой рыжей союзнице. Они преследовали добычу в каком-то свирепом исступлении, словно хищные звери.

И коням передалось состояние всадников. Они хрипели, рвались вперед. Их уже не нужно было погонять. Кони неслись так, будто единственным смыслом их жизни было догнать золотистую лошадь, сияющую в лунном свете.

И понемногу расстояние до Птички начало сокращаться. До этого преследователи понукали своих коней, но теперь все замолчали. Только drobный топот копыт нарушал ночную тишину. Отряд настигал Николь.

Обернувшись, девочка увидела, как близки ее враги, и вскрикнула от неожиданности.

В тот же миг Птичка, испугавшись сухой ветки на дороге, резко вскинулась и подалась вбок. Николь удержалась каким-то чудом. Лошадь встала на дыбы, молотя передними копытами воздух. Девочка закричала, и в ответ раздалось звонкое ржание перепуганной кобылы.

Рядом отозвался Озорник. Он наконец-то вырвался вперед. И конь, и наездник видели, как близка их добыча, это придало им сил.

Николь теперь отделяло от преследователей не больше сотни шагов. Драгоценное время было потеряно.

– Беги! – вскричала она, и перепуганная лошадь внезапно подчинилась ее приказу.

Но вместо того, чтобы вернуться на дорогу, Птичка пустилась в сторону леса. Миг – и она уже мчалась среди деревьев, не разбирая пути.

После недолгого замешательства Жермен повернул туда же. Остальные последовали за младшим конюхом, но теперь бег их коней стал куда осторожнее. В темноте, того и гляди, копыто провалится в яму или нору, или подвернется под ногу лошади коряга... Никому не хотелось

остаться в этом лесу с переломанной шеей.

– Видишь ее? – крикнул конюх, обращаясь к Андрэ.

– Слышу, – коротко отозвался тот, прислушиваясь к треску сухих сучьев. – Туда!

Николь держалась из последних сил. Птичка больше не подчинялась ни окрикам, ни тычкам, и после нескольких попыток остановить лошадь девочка смирилась с беспомощностью. «Не упасть-не упасть-не упасть», – как заклинание твердила она в такт галопу.

Но теперь к ее врагам добавился лес.

Древняя чаща разгневалась от непрошеного вторжения. Из черной глубины она обрушила сотни игл, гномьими стрелами впивавшихся в кожу, исхлестала чужаков жгучими побегами, шипящими, как змеи. Дубы возникали из темноты, распахнув корявые ветви в смертельном объятии. Каждый миг Николь ждала, что ее разmozжит о ствол.

Плечо от тряски вновь начало кровоточить. Во время бешеной скачки на дороге Николь совсем забыла про свою рану, но теперь не могла думать ни о чем другом.

– Птичка, стой! – простонала она.

Бесполезно.

– Да поворачивай же!

Николь попыталась свернуть лошадь с выбранного пути. Но та упорно стремилась в самую чашу леса.

Огромное искореженное дерево промелькнуло в стороне, протягивая к ней скрюченные лапы, точно восставший из могилы мертвец, и девочка внезапно догадалась, куда мчит ее взбесившаяся лошадь. Черный лес! Они все ближе и ближе к кладбищу Левен!

От ужаса Николь похолодела.

– Не смей!

Лошадь все же немного замедлила свой безумный бег, но не встала, а принялась кружить среди деревьев. Вокруг них заплясали в оголтелом хороводе кривые стволы, замелькали косматые кусты, словно распущенные волосы злобных ведьм. Вырви-трава вскидывала вверх свои тонкие плети, секла Николь по голым ногам.

Трава-то и помогла ей.

В отчаянии вспоминая все, что слышала от конюхов, Николь отчетливо представила вечерний луг, травяные нити, стелющиеся под ногами. Ей припомнился негромкий голос Жермена: «Не дергай повод, малютка. Хорошо выезженная лошадь послушается тебя и без уздечки».

Это было славное время, когда толстяк учил местную ребятню ездить верхом. По вечерам, на закате они собирались на лугу, и старенькая Верба послушно катала детей.

К Николь Жермен проявлял особое внимание. Подсаживал ее, когда она пыталась вскарабкаться на лошадь. Своими руками вставлял ее ногу в стремя. Николь гордилась его вниманием – не каждой девчонке младший конюх графа оказывает столько почтения.

На третий день Жермен улучил момент, когда рядом никого не было, и предложил поучить ее одну, без Тома, Матье и прочей мелюзги. Польщенная Николь непременно согласилась бы, но их разговор был прерван самым грубым образом. На лугу появился дядюшка.

Мальчишки рассыпались в разные стороны. Жермен исчез еще раньше, едва лишь заметил вдали прямую, как оглобля, фигуру старшего конюха. Одна Николь осталась вместе с Вербой, глупо улыбаясь и надеясь, что Гастон похвалит ее за старания.

На людях старший конюх всегда был сдержан, да и дома с племянницей не слишком многословен, но в тот раз он отвел душу. Обозвал Николь и дурой, и бараньей задницей, и тупой курицей. Николь крепилась-крепилась, но в конце концов расплакалась. Она не понимала, отчего так ругается Гастон. А тот, прокричав напоследок: «Спуталась, дрянь, с похотливым козлом!», занес руку для удара. Но не ударил: выругался страшно и так стегнул Вербу, что бедная старушка взвилась от боли.

Николь была уверена, что забыла все, чему учил ее Жермен. Но теперь его голос зазвучал в ее голове.

«Представь, что ты выпустила повод. Это худшее, что ты можешь сделать. Все же и такое случается, особенно с неопытными наездниками.

Падать на полном скаку – опасное дело, малютка. Да и на рыси мало приятного. Хочешь остановить лошадь – отклонись назад. Откинись как можно дальше, словно собираешься лечь на ее круп».

Самое трудное – выпустить шею кобылы. Разожмешь руки, слетишь – и прощай, Николь Огюстен. Хорошо, если умрешь на месте. А ну как сломаешь хребет или ноги?

Николь сглотнула. Она не будет думать об этом. Но как же страшно...

«Святой Франциск, помоги мне!»

Девочка выпустила гриву из онемевших пальцев. Сжала ноги до боли в бедрах. Зажмурилась – и откинулась назад.

Птичка встала как вкопанная, и Николь, совершенно не ожидавшая этого, покачнулась и съехала вниз. Чтобы подняться, она схватилась за ногу

лошади, и вдруг пальцы ее нащупали плотный комок под кожей, где должна была быть подпруга. Девочка ахнула и отдернула руку, но было поздно: кобыла взвилась от боли, протяжно заржала и сорвалась с места.

Не успела Николь крикнуть «Птичка!», лошадь пропала. Только хруст веток затихал вдали.

Девочка перевела дух и огляделась.

Зловещая чаща осталась далеко в стороне. Лес вокруг дышал волшебством, и тремя красками был расцвечен он: черной, серебряной и золотой. Трава светилась, присыпанная серебряными искрами. Над головой шумела облитая лунным золотом листва. Черные стволы уходили высоко вверх и загадочно шумели, словно звали по дороге к луне.

Прекрасный, мрачный, таинственный лес. И самый жуткий из всех окрестных лесов.

Николь сделала несколько шагов, выискивая просвет между деревьями, но темнота слева ничем не отличалась от темноты справа.

Опустившись на колени, девочка уткнулась в росистую траву. Разве ей под силу выбраться отсюда? Запах крови привлечет хищников, а она слишком устала, чтобы забраться на дерево.

Да и без хищников Черный лес полон опасностей. По ночам из-под корней бьют ледяные родники и выносят на поверхность подземных эльфов с темной кожей и волосами белыми, как пух аиста. До утра они танцуют на мерцающих полянах, приманивают заблудившихся путников песнями, чтобы лишить их рассудка и обратить в своих слуг.

Но лучше уж прислуживать эльфам, чем встретиться с пастырем волков! Его логово под елью, ветви которой грязны и мохнаты, как паучьи лапы. Случалось, охотники находили то, что осталось от заблудившихся в Черном лесу: обглоданные дочиста кости, сложенные горкой.

От пастыря можно сбежать, если спалить на его глазах клочок волчьей шерсти. Но как уйти от болотняника? Услышишь булькающие стоны со всех сторон – значит, вот-вот под ногами завьется спасительная тропа. Да только она ведет напрямик в его трясины, где из-под мутной воды белеют безглазые лица утопленников.

Куда ни беги, повсюду смерть, и лики ее один страшнее другого.

Где-то вдалеке зашептались листья: гроза, идет гроза! Николь подняла глаза к небу. К луне со всех сторон подобралась туча. Словно льдины, сковывающие единственную полянку, они теснили друг друга. Пройдет совсем немного времени, и она останется в крошечной тьме, под дождем.

Николь совсем было решила встретить погибель, не сходя с этого

места. И вдруг на ветке над ее головой просвистела ночная птица.

– Хороший знак, – пробормотала девочка. – По правде говоря, я буду считать хорошим знаком даже твой помет, упавший мне на голову, милая пташка.

Она с трудом встала.

Капли забарабанили по листьям над ее головой. Издалека налетел порыв ветра, согнул тонкие верхушки осин, разогнал тучи. Приоткрывшийся разрыв заполнила собой луна, и в ее свете Николь увидела вдалеке белое пятно.

«Цветущий куст? – думала Николь, вглядываясь сквозь полумрак. – Не будь я в чаще леса, сказала бы, что это побеленная стена дома».

Сколь ни было нелепо предположение, ей не оставалось ничего другого, как проверить его. Она медленно направилась к белому пятну, переступая через сухие ветви.

И вдруг весь лес потемнел. Серебро под ногами потускнело, золото листьев растаяло без следа. Подняв глаза, Николь увидела, что луна исчезла – тучи поглотили ее, не оставив и капли волшебного света.

Ветер стих, все замерло. И вдруг деревья разом ахнули и застонали, замахали ветвями, будто отбиваясь от великана, пытающегося вырвать их с корнем. Вспышка молнии озарила все вокруг. Николь перекрестилась, и небеса ответили ударом грома.

Когда раскаты стихли, Николь услышала, что к робкому шуму дождя добавился еще какой-то звук. «Хруст веток!» – поняла она.

Птичка возвращается! Кобыла покружила вокруг и решила, что лучше быть с неопытной всадницей, чем бегать одной по незнакомому лесу.

Николь обрадовалась так, как не обрадовалась бы и человеку. Быть может, кобыла, спасшая ее один раз, выручит и во второй.

– Птичка! – пронзительно закричала она. – Птичка, сюда!

До нее слишком поздно дошло, что она слышит не легкую поступь одной лошади, а топот многих копыт, приглушенный дождем.

– Вон она! – раздался крик. – Я ее вижу!

Вспыхнули факелы. Ослепленная Николь зажмурилась, но успела разглядеть бородатого слугу Мортемара. Он несся прямо на нее, оскалив зубы, и так же страшно скалился под ним вороной конь.

Николь сорвалась с места.

Гнедой конь догнал ее, с другой стороны из-за осины на Николь вылетел вороной. Петляя, как заяц, девочка уклонилась от одного, увернулась от копыт другого и снова бросилась бежать, слыша яростные крики за спиной.

Ноги скользят по мокрой траве. Сухие ветки царапают лодыжки, раздражают кожу на коленях. Не хватает воздуха, что-то рвет грудь изнутри. Сердце частит: беги! Беги! Беги! Беги!

Небеса ощерились молнией, хохоча над Николь. «Как же глупо ты попала, девчонка! Куда ты мчишься? От смерти не уйти».

– Где она?

Туча разверзла жирное брюхо и обрушила на Николь тяжелый водопад. Бежать стало невозможно, пришлось идти, хватаясь за стволы, чтобы не упасть. А белая стена и вовсе скрылась за пеленой воды.

Но ливень сослужил девочке и хорошую службу. Он спрятал Николь от преследователей. Они вслепую метались по лесу, до нее доносились их проклятия. Факелы с шипением гасли, а от тех, что еще горели, не было никакой пользы.

«К стене!» – приказала себе Николь.

Теперь она двигалась почти наугад, надеясь, что верно запомнила направление. Один раз из дождя проявился силуэт человека на лошади, но Николь прижалась к дереву, и всадник растворился в серой завесе.

Шаг, второй, третий... Ладонь девочки скользнула по обрубку ствола. Ствол оказался неожиданно гладким и холодным, как камень. Николь от удивления даже наклонилась, отирая лицо от струй воды.

Это и был камень. Серый, покосившийся, неровно обтесанный могильный камень.

Ливень внезапно стих, словно небеса сжалились над измученными людьми. Вновь сверкнула молния, и в ее свете Николь увидела то, чего боялась больше всего.

Ее окружали надгробия. А белое пятно, которое Николь приняла за стену дома, было не чем иным, как останками разрушенной церкви.

Она стояла на кладбище Левен.

Николь в ужасе отдернула руку от надгробия. На несколько мгновений она забыла даже о тех, кто охотился на нее. Но крик, полный свирепой радости, вернул ее к действительности.

– Хватайте ее!

К ней направлялись сразу двое. Остальные окружили поляну, держась под деревьями.

Первый подбежавший к Николь – коренастый, с багровым шрамом через все лицо – выхватил меч.

– Взять живой! – раздался яростный крик. – Приказ графа!

Но воин покачал головой и ухмыльнулся. Улыбка у него была веселая и бешеная.

– Пусть граф не беспокоится, – крикнул он, – привезем живьем! Только без ног. Больше не удерет!

Он раскрутил меч над головой. Голубое, как лед, лезвие с тихим свистом разрезало струи дождя.

Девочка попятилась, не сводя глаз с оружия. Брызги от меча разлетались во все стороны, и она вдруг с ужасающей ясностью представила, что так же будут разлетаться и капли ее крови. Свист становился все громче – вот уже не лезвие, а сплошной блестящий круг рассекает сумрак.

Не прекращая вращать кистью, воин шагнул к Николь. Видение травы, скользкой от черной крови – ее крови! – стало ярче. Нападавший сделал еще шаг – и поскользнулся. Нога его поехала вперед, и мужчина, нелепо дернувшись, грохнулся на спину.

Николь отбежала назад, затравленно озираясь. В этот миг она готова была искать защиты у любого из всадников, лишь бы не быть разрубленной, словно курица.

Но те замешкались. Их кони отчего-то отказывались сдвинуться с места, будто чутких животных кладбище пугало так же сильно, как саму Николь.

– Спасите! – взмолилась она.

Неужели никто не защитит ее от этого безумца с мечом? Мужчина со шрамом снова враскачку двигался к ней, ускоряя шаг.

Неудача взбесила его. Теперь его не могли остановить ни усиливающийся дождь, ни окрики товарищей. Краем глаза девочка видела, как бородач наконец справился с конем – единственный из всех – и направляет своего вороного к ним.

– Не смей! – кричал Андрэ. – Убью!

Но в глазах человека со шрамом горел огонь одержимости. Вороной шарахнулся от надгробия, едва не сбросив седока, и жалобно заржал.

Таким же испуганным ржанием отозвались ему и остальные лошади.

Больше спасения ждать было неоткуда.

– Провались ты в ад! – выдохнул воин и вскинул меч.

Позади Николь раздался странный звук – липкое чавканье и хлюпанье. Точно и вправду разверзлась бездна, готовясь принять душу грешницы.

Убийца перевел взгляд с Николь на то, что происходило за ее спиной.

Увиденное заставило его выронить меч. Он поднял руку для крестного знамения, но не смог донести ее до лба и застыл, превратившись в статую с перекошенным от страха лицом.

Николь медленно начала поворачиваться. Она слышала вскрики,

видела, как другой всадник вдалеке попятился, упал и пополз прочь, завывая от ужаса. Лошади подались назад, не слушаясь наездников.

И когда она обернулась, ей стало понятно, почему.

Земля и впрямь разверзлась. За покосившимся камнем открылась зияющая могила. А из нее, освещенная яростными вспышками молний, вылезала старуха в лохмотьях с черным, как смерть, лицом.

Ничего страшнее Николь не видела в своей жизни. Будто повинуюсь брошенному проклятию, скелет, наспех обросший плотью, подбирался к живым. Сладковатый тленный дух распространялся по всему кладбищу.

Ухватившись за надгробие, старуха выбралась из ямы и шагнула вперед.

Рвущийся наружу крик застрял у Николь в горле.

Старуха протянула к ней когтистую лапу и ухватила девочку за раненое плечо.

Даже боль не заставила Николь выдавить хотя бы звук. Она онемела.

Ведьма запрокинула голову к небу, и над могилами разнесся визгливый хохот. Ответом ему было ржание перепуганных лошадей.

Леденящий кровь смех оборвался. Подтащив добычу к могиле, чудовище столкнуло ее вниз, и торжествующий крик огласил окрестности.

А затем старуха обвела взглядом людей, застывших в ужасе, облизнулась и шагнула к ближнему всаднику.

Им оказался Андрэ.

Под взглядом кошмарной твари верный слуга маркиза ощутил, что волосы у него на голове шевелятся. Он уже видел, как и его тянут в могилу костлявые пальцы, видел, как смыкается над ним земля, как летит он в бездонную тьму.

Молния ослепила людей, а следом ударил оглушительный гром. От него вскрикнул лес, отозвались протяжным гулом подземные воды. Старуха закрылась рукой, словно устранившись от небесной кары.

Андрэ пришел в себя.

– А-а-а! – закричал он и хлестнул Ворона.

Жеребец вздрогнул и бросился с места в карьер. За ним помчались и остальные, изо всех сил погоняя мокрых лошадей.

Когда кладбище опустело, карга склонилась над могилой, в которую упала Николь.

– Ну здравствуй, малютка, – сказала она и оскалилась. – Сейчас спущусь к тебе.

Святой Франциск напоследок оказался милосерден к девочке: прежде,

чем старуха исполнила обещанное, Николь потеряла сознание.

Глава 8

– Месье Бонне! Месье Бонне!

Лекарь вскочил с постели. За окном мельтешили огни, кричали люди, и потому первая его мысль была о пожаре.

Он отодвинул засов.

– Месье Бонне...

В комнату ввалился запыхавшийся слуга. Венсан принюхался, но его чуткий нос не уловил ни дыма, ни гари.

– Что случилось? На нас напали?

– Его милость требует вас, – задыхаясь, выговорил тот. – Скорее! В северное крыло!

...Плач и крики Венсан Бонне услышал, едва только завернул в галерею. В конце ее, у входа в покои дочерей графа, толпились люди. Одутловатая женщина, в которой Венсан не сразу признал няньку, громко читала молитву.

– Лекарь... Пустите лекаря... – зашептались вокруг, когда он приблизился.

Слуги расступились, отворачивая от него перепуганные лица. Кто-то плакал. Белый, как мел, стражник у дверей шевелил губами, бессмысленно глядя перед собой.

Венсан протиснулся мимо него.

Он уже догадывался, что увидит. Но даже у него вырвалось невнятное восклицание, когда взгляд его упал на кровать.

Элен де Вержи лежала на спине и смотрела в потолок навсегда остановившимся взглядом.

– Лекарь здесь, ваша милость, – почтительно сказал кто-то.

Гуго де Вержи обернулся к лекарю. Лицо его было спокойно и страшно.

– Подойди.

Бонне остановился возле постели, склонив голову.

– Все прочь, – сухим негромким голосом приказал граф.

Комната опустела. Возле тела, кроме Венсана, остались только сам Гуго и Пьер Рю, начальник охраны замка Вержи – могучий мужчина лет сорока, прозванный Медведем за силу и хитрость.

– Проверь, точно ли она мертва, – приказал Гуго.

Бонне вопросительно взглянул на него. Не нужно было обладать

особыми познаниями, чтобы понять, что перед ними труп.

– Проверь, – повторил граф и отошел к открытому окну.

Насторожившийся лекарь протянул руку к покрывалу, укутывавшему Элен до подбородка. Отдернул его – и вновь не удержался от возгласа.

– Я выразился еще крепче, когда увидел ее, – негромко проворчал Пьер-Медведь и отвернулся.

На Элен была шелковая туника, оставлявшая открытыми лишь руки и шею. Но, глядя на синюшные пятна величиной с монету, покрывавшие ее кожу, Бонне не сомневался, что все тело девушки усыпано ими.

– Случается, люди умирают и их хоронят, – сказал Гуго, – но это не смерть, а лишь необычайно крепкий сон. Тебе об этом должно быть известно.

Венсан молча кивнул.

– Убедись, что моя дочь мертва, а не одурманена. Ты понял меня?

– Да, ваша милость.

Он проделал все, что требовалось в подобных случаях. Послушал сердце. Поднес зеркальце к похолодевшим губам. Распорядился, чтобы из его дома принесли арабскую соль, и долго держал пузырек у носа Элен. Наконец, с молчаливого согласия графа применил последний способ, хоть и древний, но действенный: прижал к пятке девушки раскаленную кочергу.

Все было напрасно. Они могли жечь неподвижное тело хоть до Страшного суда: Элен ничто не вернуло бы к жизни.

– Ваша милость, она мертва. Точно мертва.

Граф открыл шире окно, чтобы выветрился отвратительный запах горелого мяса. Пьер-Медведь бережно прикрыл лицо покойницы.

– Надеюсь, ее привезут живой, – вполголоса сказал он.

– Кого? – так же тихо спросил Бонне.

– Эту девку, Николь Огюстен.

– Служанку? При чем здесь она?

– А, так вы ничего не знаете! Это ее рук дело.

Венсан Бонне давно научился не меняться в лице, что бы ни видели его глаза и ни слышали уши. Но в эту минуту невозмутимость далась ему с большим трудом.

– Откуда известно? – ровным голосом спросил он.

– В ее комнате нашли флакон из-под яда и еще кое-что. Подсунула отраву и сбежала. Колдовское зелье, дьявол его возьми! – Пьер сложил три пальца левой руки, плюнул на щепоть и прочертил крест в воздухе.

– Флакон из-под яда... – Венсан пытался собраться с мыслями.

– Пустой.

– Зачем ей травить свою госпожу?

Пьер удивленно взглянул на него голубыми глазами – такими ясными, что закрадывалось сомнение в его чистосердечии.

– Кому же еще, мой дорогой Бонне?

– И где она сейчас?

– Уже здесь, – холодно сказал Гуго де Вержи.

Венсан посмотрел на него. Граф стоял, вцепившись в подоконник, и не сводил глаз с отряда, въезжавшего в ворота замка. Когда послышался скрежет опускающейся решетки, он быстро вышел из комнаты. Лекарю почудилось, будто граф, проходя мимо него, по-волчьи щелкнул зубами.

Они с начальником охраны остались одни.

– Дьявольщина! – рассерженно проворчал Медведь, сбрасывая маску глубокой скорби. – До чего не вовремя. Похороны, траур... Графу долго еще будет не до сделки с Мортемаром.

Он вразвалку прошелся по комнате, кажется, совершенно забыв о существовании лекаря.

Венсан Бонне ждал, не донесется ли со двора крик. Но снаружи было тихо.

– Месье Рю, нельзя ли взглянуть, что нашли в комнате у горничной?

Проницательный взгляд Медведя заставил Бонне вспомнить, за что начальника охраны наградили этим прозвищем. Пьер мог казаться неуклюжим и даже туповатым, но при необходимости соображал очень быстро. В его глазах застыл вопрос.

– Меня учили разбираться в ядах, – пояснил Венсан. – Возможно, я смогу узнать отраву.

Пьер Рю пожал плечами:

– Какой сейчас в этом прок? Девица умерла. Вы сами сказали, что ее не вернешь.

– Вы правы. Проку никакого.

– Тогда зачем?

– Любопытство, – кратко отозвался лекарь.

Пьер хмыкнул и неожиданно кивнул, словно признавая за Венсаном это право:

– Понимаю... Что ж, смотрите.

Он расстегнул поясную сумку и вытащил стеклянный флакон высотой с ладонь, узкое горлышко которого было заткнуто стеклянной же пробкой.

На лице Бонне не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на флакон безразлично, и лишь несколько мгновений спустя спохватился и добавил во взгляд каплю заинтересованности. В конце концов, он сам признался, что

ему любопытно. Будет странно, если он не проявит ни малейшего интереса.

– Позвольте поближе?

Пьер сунул ему пузырек.

– Что-нибудь чувствуете, а, Бонне?

Делая вид, что рассматривает остатки содержимого, растекшегося по стенкам, лекарь нахмурил брови. Нужно выиграть хотя бы немного времени. Опасно недооценивать Медведя: стоит Пьеру что-то заподозрить, и Венсан окончит свои дни на виселице.

Он медленно покачал головой. Для убедительности и впрямь принюхался к пробке. Слабый запах тины заставил его задержать дыхание.

– Девчонка побывала в Черном лесу, – задумчиво протянул Пьер, не отрывая глаз от флакона в его руке. – Возможно, сама ведьма замыслила известить семейство графа и для этого воспользовалась ее помощью.

Теперь настал черед Венсана внимательно смотреть на начальника охраны. Уж не издевается ли он? Или и впрямь верит во всю эту чепуху насчет ведьмы?

Но разве поймешь что-нибудь по непроницаемому лицу Пьера Рю!

Венсан решил рискнуть. Если Медведю что-то известно и он пытается вывести лекаря на чистую воду, то пара вопросов уже ничего не изменит.

– Отчего вы так уверены, что Николь получила зелье от этой... знахарки? И в самом замке мог найтись тот, кто желал Элен смерти.

– И кто же? – усмехнулся Пьер.

Лекарь не ответил. Это был глупый вопрос. А когда умные люди начинают задавать глупые вопросы, жди подвоха.

– Молчите... Что ж, так и быть, раскрою карты. – Начальник охраны опустил на стул и потер массивную шею. – Об этом вскоре будет знать каждая собака, так что к чему секреты! У горничной нашли еще кое-что, кроме яда. То, что неоспоримо доказывает ее вину.

– Что же?

– Мешочек с землей, пропитанной медом. Медом!

Он со значением поднял указательный палец.

– Я слышал, – ровным голосом начал Венсан, – девушки любят разные странные притирания...

– Не глупите, Бонне! Земля наверняка с могилы на кладбище Левен! Ясно вам, что это значит? Старое испытанное средство: взять земли, в которой когда-то разложился покойник, добавить туда меда диких пчел. Если хочешь известить человека, нужно только каждый день посыпать его следы этой гадостью. Месяц спустя он сойдет в могилу без всяких видимых признаков болезни или отравления. Должно быть, она замышляла

отравить старшую дочь графа, а адское зелье использовать для Беатрис.

– Кто вам сказал, что она взяла землю в Левен?

– Вторая горничная, Мари. Она сразу во всем созналась, едва только ей сунули под нос доказательство.

«Значит, ты все-таки проболталась ей, глупая маленькая Птичка, – отстраненно подумал Венсан. – Расчирикалась, да? Я не оценил твой подвиг, и тебе захотелось поделиться с тем, кто оценит».

– Мари ходила с ней? – спросил он, чтобы заполнить молчание.

– Нет, девка была одна.

«Что ж, она хотя бы не выдала своего дружка».

– Не побоялась отправиться в Черный лес! – продолжал Медведь. – Интересно, чем так насолили ей дочери графа?

«Мы это очень скоро узнаем, – с той же отстраненностью мысленно ответил Венсан. – У Гуго де Вержи достаточно слуг, готовых исполнить обязанности пыточных дел мастера».

Жалость, острая, как боль от пореза ножом, внезапно охватила его, пробившись через стену безучастия. «Что же ты наделала, маленькая веселая певунья!»

– Что с вами, Бонне?

Венсан неловко дернул подбородком.

– Мне не по себе здесь, – глуховато сказал он, указывая на мертвое тело.

– Пойдемте. Нам тут больше нечего делать.

Лекарь кивнул и двинулся к выходу.

Но возле двери ему на плечо опустилась тяжелая рука. Венсан остановился и мысленно усмехнулся. Выходит, он ошибся, и весь разговор был лишь прелюдией к тому, что произойдет сейчас. Пьер приблизит к нему загорелое лицо, и голос его будет исполнен некоторого сочувствия, когда он скажет: «А теперь объясните мне, дорогой Бонне, зачем вы отравили Элен?»

Начальник охраны наклонился к нему и доверительно спросил:

– Вы ничего не забыли, мой дорогой Бонне?

Он кивнул на флакон, который Венсан по-прежнему сжимал в ладони.

– Гуго доверил мне хранить его... – начал Пьер.

Его слова были прерваны пронзительным женским криком.

Мужчины переглянулись. Определенно, кричала не Николь Огюстен.

– Что там еще... – начал Пьер, рывком отворяя дверь.

Стоявший снаружи слуга принял вопрос на свой счет и попятился от нахмурившегося начальника охраны.

– Н-н-не знаю, ваша милость...

Люди вокруг зашумели.

– Где кричали?

– Да вроде в покоях графа... – сказал кто-то. – Пречистая Дева Мария, неужто еще кого убили?

– Что ж ты такое говоришь!

– Придержи-ка язык! Убили! Накличешь еще беду.

– Сами придержите, – огрызнулся первый. – Накликали уже, дальше некуда.

Завязалась перепалка, конец которой положил начальник охраны.

– А ну тихо!

Все споры оборвались на полуслове.

– Быстро разошлись! – громовым голосомскомандовал он. – Или у вас мало дел? Ты! – Пьер выхватил из стремительно разбегавшейся толпы служанку с живым круглым личиком. – Бегом за священником. Приведи его сюда, он знает что делать.

– Слушаюсь, ваша милость! – девушка почтительно присела, и Рю раздраженно махнул рукой:

– Живее, живее!

Спустя минуту галерея опустела. Только стражник топтался у двери.

– Месье Бонне, – шепотом позвал он, пока Пьер отдавал приказания. – Месье Бонне! Правду ли говорят, что... – он помялся, но все же договорил: – ...ну, что мадемуазель Элен умерла из-за ведьмы?

Венсан пригляделся к нему. Рослый, здоровый парень с глуповатым крестьянским лицом, покрытым каплями пота. Он определенно старался отодвинуться подальше от двери, которую ему полагалось охранять.

Видя, что лекарь молчит, стражник промямлил:

– Я чего хотел-то... Не найдется ли у вас какого-нибудь средства, чтобы, значит, это... Уберечь меня.

– Тебя? – поднял брови Венсан. – От чего?

Стражник вытер пот.

– От дурного глаза, месье. Девка-то, которую поймали, эта Огюстен... Видал я ее. Она, когда проходила, так зыркнула, что меня всего перекосило. Я сразу-то не догадался, а теперь понял. Должно быть, кровь она мне испортила, или семя, или еще чего...

«Вот и первая ласточка, – подумал Венсан. – Так оно обычно и бывает. Помешательство охватывает всех, как пожар. Завтра самая последняя судомойка будет рассказывать, как от взгляда Николь у нее начинались запоры, а повар припомнит, что стоило девочке оказаться возле свежего

мяса, как оно протухало на глазах. Они жили рядом с ней, болтали с ней, слушали ее песни, и вот уже готовы приписать ей все мыслимые грехи».

Он поморщился. Сколько раз ему уже доводилось видеть подобное. Людям мало просто жить своей жизнью, заботясь о хлебе насущном и спасении собственной души. Им непременно нужны еще жертва и враг. О, когда есть жертва и враг, существование их становится осмысленным! Они принимают оплакивать первую и проклинать второго, подбрасывая поленья в костер своей ярости. Как будто им не согреться без этого костра!

– Так что скажете, господин лекарь? – Стражник угодливо заглядывал в глаза и пытался ухватить за рукав.

Венсан так зыркнул на него исподлобья, что тот мигом отдернул руку.

– Бонне! – позвал начальник охраны.

Венсан отошел от стражника, не испытывая ни капли жалости к трусливому здоровяку.

– Идите за мной, – распорядился Медведь. – Нужно выяснить, кто кричал.

Венсан едва успевал за размашистой походкой Пьера. Начальник охраны впечатывал каждый шаг в каменный пол, и плиты как будто проседали под ним.

Пространство перед комнатами графа было забито вооруженными солдатами.

– Кто кричал? – властно спросил Пьер, перекрывая гул.

– Ее милость, – подобострастно ответили ему.

Медведь обернулся, и лекарь успел заметить промелькнувшее на его лице выражение ужаса.

– Что с ней?!

Дверь распахнулась, и на пороге появилась Алиса де Вержи.

В первый миг Венсан испытал облегчение. Супруга графа, пусть и убитая горем, была жива и невредима.

Во второй миг он понял, что ошибся. Женщина не была убита горем. Тщетно лекарь выискивал на красивом лице следы отчаяния или скорби. Глаза Алисы были сухи, щеки пылали от возбуждения, рот кривился в уничижительной гримасе.

Не обращая внимания на склонившихся при ее появлении людей, Алиса быстро подошла к Пьеру Рю.

– Они ее упустили! – звенящим от ярости голосом сказала она.

И выкрикнула снова – так громко, что эхо заполошной чайкой заметалось среди стен:

– Они упустили девчонку!

Глава 9

В комнате Беатрис стояла влажная, густая духота – такая бывает на болоте жарким июльским днем. Воздух, насыщенный тяжелыми испарениями, казался липким, как прокисшее молоко. И пах он кислотой, потом и еще чем-то неуловимо противным, чему Венсан никак не мог подобрать названия.

Он начал с того, что приказал потушить огонь в камине и вынести три из пяти жаровен. Нянька девочки с поджатыми губами неодобрительно следила за действиями слуг, которых отрядили в помощь лекарю. Но когда Венсан распахнул окно, она не выдержала:

– Да что ж это делается! Или вы и вторую голубку решили свести в могилу?

Венсан искоса взглянул на нее. Возмущенная Коринна была похожа куропатку, распушившую перья и отважно бросающуюся на незваного гостя.

Птенец, которого она так оберегала, спрятался в кресле за ее спиной, сжавшись в комочек. Беатрис не плакала, ничего не говорила, она только смотрела прямо перед собой блестящими глазами. Лекарь видел такой взгляд у больных лихорадкой.

А тут еще эти проклятые жаровни.

Открыв окно, Венсан подозвал молоденькую служанку и приказал укрыть Беатрис теплым одеялом. Служанка захлопотала около девочки, но та осталась неподвижна. Только гладкий выпуклый лоб прорезала крохотная морщинка – и сразу пропала.

– У нее кашель! – не унималась нянька. – Вы застудите ее насмерть! Хотите, чтобы их милости оплакивали сразу двух дочерей?!

Венсан про себя усмехнулся: судя по тому, что ему пришлось увидеть, вряд ли покойница дождется от отца и матери слез скорби.

– Вам, поди, и дела нет до гибели нашей любимой Элен! – взвилась Коринна, выведенная из себя его упорным молчанием. – Даже если все мы перемрем, как чумные коровы, месье Бонне и глазом не моргнет! Помяните мое слово – очень скоро смерть заберет еще кое-кого в Вержи.

– Если ты не угомонишься, я даже знаю, кто это будет, – заметил лекарь.

На некоторое время Коринна потеряла дар речи. В себя ее привели смешки слуг.

– Вы угрожаете мне, месье Бонне? – вкрадчиво начала она. – Что ж, должна сказать, я ничуть не удивлена. О вас ведь говорят всякое...

Смешки стихли. Венсан пожал плечами и отвернулся к столику, на котором уже были выставлены его пузырьки.

Но он знал, что нянька таращится ему в спину своими пронзительно-голубыми глазами. Это цвет речной воды, его любимый цвет, но отчего же ему так неприятно смотреть в них?

Ну же, милая, славная Коринна, скажи обо мне какую-нибудь гадость. Я затылком чую, что твой язычок уже раздвоился наподобие змеиного и в нетерпении касается кончиком изнанки губ.

– Вы прибыли из Каркассона, не так ли? – проворковала нянюшка. – Моя кузина живет там.

Венсан ощутил, что все превратилось в слух – все, кроме младшей дочери графа, которая, похоже, рассудком и душой находилась далеко отсюда.

Любопытство – физически ощутимое, вязкое, как грязь, – сгустилось вокруг него. С притворным равнодушием все ждали, что будет сказано дальше. В эту грязь, в благодарный жирный замес из любопытства, страха, жадности до чужих тайн, упоения от причастности к постыдным секретам – в эту грязь должно было упасть слово и прорасти вездесущими сорняками слухов. Выдирай их потом сколько влезет, выпалывай, пока не помутнеет в глазах, – все напрасно: они появятся снова, неистребимые, как гидра.

Коринна вскинула голову, наслаждаясь мигом своего триумфа.

Наконец-то ей удалось поставить высокомерного негодяя на место. Смотрите-ка, он мигом утратил всю свою самонадеянность: стоит к ней спиной, вжав голову в плечи. Должно быть, в этот миг зазнайка Бонне мысленно умоляет о снисхождении.

Но разве заслуживает жалости человек, привечавший мерзавку Николь Огюстен? Человек, покусившийся на благополучие ее дорогой Беатрис?

– О чем я говорила? Ах да, о моей родственнице! – Голос Коринны сочился патокой. – Она рассказывала об одном очень странном происшествии... Пару лет назад в Каркассоне скончалась девушка, дочка священника.

Коринна замолчала. Молчание, насыщенное невысказанными словами и намеками, молчание, заявлявшее слушателям: это только начало истории. Многообещающее, выразительное и гулкое, как звон колокола. В таком замирает толпа на площади за несколько ударов сердца до мига, когда палач выбьет бочку из-под ног приговоренного.

Молчание, предшествующее крику.

Лекарь медленно начал поворачиваться. Коринна успела представить болезненную гримасу на его лице. Начнет ли он лепетать оправдания? Или бросится на нее, подтверждая произнесенное обвинение? Ах, как славно было бы, если бы бросился... Поводов для пересудов хватит тогда на целый год, и все будет вертеться вокруг нее, нянюшки Коринны.

Лекарь наконец повернулся, и смелость женщины куда-то испарилась. Негодяй Бонне ухмылялся! Выглядел он на диво безмятежным, и только приглядевшись, можно было заметить в серых сощуренных глазах недобрые искорки.

Волчище, как есть волчище. Оборотень, втершийся в доверие к графу.

– И что же рассказывала твоя родственница? – осведомился Бонне. – Скажи, да погромче, чтобы все слышали.

Коринна, только что прочно стоявшая обеими ногами на земле, почувствовала, как незаметно для себя оказалась на тонком льду. Кузина лишь упоминала, что дочь священника пользовал лекарь, который спешно уехал вскоре после ее смерти. И никаких подтверждений его вины у няньки не было. Сказать начистоту, она рассчитывала, что Бонне сам загонит себя в ловушку, едва услышит о Каркассоне. А теперь выходит, что ловушка захлопнулась за ее спиной.

Коринна беспомощно обвела взглядом слуг и сделала попытку улыбнуться. Быть может, ей удастся перевести все в шутку, пока дело не зашло слишком далеко?

– Ах, месье Бонне, вы же знаете нас, женщин, – кокетливо хихикнула она. – Мы иной раз наговорим такого, что сами потом удивляемся.

«Ничегошеньки тебе не известно, глупая курица, – подумал Венсан. – И теперь ты не знаешь, как выкрутиться».

Он смотрел на рыхлую няньку, нервно облизывавшую губы, и перед его глазами вставали десятки таких же, как она. Подобный сорт баб всегда имеет за пазухой целую грудку камней. Окажись блудница в их власти, они бы забили ее еще до того, как Иисус закончил увещевать их. А после досталось бы и ему.

Венсан не испытывал ни злости, ни гнева. В юности он гневался так часто, что понемногу это чувство сточилось в нем, как стачивается нож от многократного применения. Затупившаяся ярость обернулась глухим раздражением. Со временем он научился укрощать и его.

Если что-то и могло поколебать его угрюмую безмятежность, это были не нападки Коринны.

Венсан не собирался протягивать руку помощи самодовольной дуре;

он молчал, словно не слыша жалобного предложения о перемирии. Взгляды слуг из выжидательных стали насмешливыми. Определенно, Коринна проигрывала этот бой.

На ее счастье, Беатрис внезапно закашлялась.

– Ох, бедняжка! – вскрикнула нянька.

– Госпожа Беатрис!

Поднялась суматоха. Все мужчины, кроме лекаря, были изгнаны из комнаты, а женщины окружили Беатрис и излили на нее поток благих глупостей.

«Итак, они не поймали Птичку, – думал Венсан, размешивая лекарство. – Дюжина взрослых мужчин не смогла схватить молоденькую девушку».

Учитывая положение дел, радоваться было особенно нечему, а некоторые обстоятельства, выйдя наружу, могли погубить его самого. Но лекарь был благодарен провидению за спасение Николь Огюстен.

Он хорошенько проветрил комнату, распорядился перенести дочь графа в кровать и принес разведенный в теплой воде настой травы «львиный хвост». Сколько ни бились служанки, ни одной не удалось уговорить Беатрис выпить хотя бы глоток. Тогда лекарь сам сел рядом и с сожалением посмотрел на бледное личико с застывшим взглядом.

– Попробуйте, ваша милость, – негромко сказал он, протягивая кружку. – Вам станет легче.

Он не ожидал, что Беатрис отзовется. Но девочка вдруг заморгала, будто проснувшись, и перевела взгляд на лекаря.

– Она выпила весь бокал, – шепотом проговорила Беатрис. – Я видела!

Венсан оглянулся на служанок и горничную, застывших в почтительном отдалении. Бдительная Коринна сидела в кресле с другой стороны постели и не сводила глаз со своей питомицы, но девочка говорила так тихо, что вряд ли нянька могла что-то расслышать.

– Как это случилось? – тихо спросил он.

– Элен взяла со стола бокал. Она сильно волновалась и хотела успокоиться. Она сказала, что это средство ей поможет.

«В каком-то смысле так оно и вышло, – подумал Венсан. – Она действительно успокоилась».

Он понимал, что не должен расспрашивать девочку, но ему необходимо было кое-что выяснить.

– О чем это вы беседуете, моя радость? – встревожилась Коринна и сделала движение, будто собиралась встать.

– Кто налил в бокал лекарство? – быстро спросил Венсан, делая вид,

что добавляет в питье еще несколько капель настоя. – Служанка?

– Николь? О, нет, месье Бонне! Элен не сказала мне, откуда оно у нее.

– Тогда почему вы уверены, что это не Николь?

Девочка широко раскрытыми глазами смотрела сквозь него, и Венсан чертыхнулся про себя: кажется, она снова впадает в забытие. К тому же к ним уже спешила Коринна.

Но удача сегодня была на его стороне: торопясь, нянька споткнулась и замешкалась, и Беатрис успела сказать:

– Николь никогда не смогла бы этого сделать.

И только тогда расплакалась.

Теперь лекарь был спокоен за нее. Слезы для горящего – то же, что кровопускание для больного: они приносят облегчение и покой.

Вволю наплакавшись, девочка уснула.

Дождавшись, пока смолкнут всхлипы и дыхание Беатрис станет ровным, Венсан встал.

– Следи, чтобы в комнате было прохладно, – распорядился он. – Поверь, я не хочу убить твою госпожу. Духота действует на нее пагубно. Когда она проснется, уговори ее выпить остатки лекарства, только перед этим взболтай его. Если она начнет плакать и плач перейдет в икоту, пусть пошлют за мной.

– Уж она непременно начнет, – голос Коринны дрогнул. – Они ведь так дружны были с Элен. Ох, бедное, бедное дитя!

Сдерживая слезы, Коринна прижала пухлую руку к губам, но горестное рыдание все равно прорвалось наружу. Нянька торопливо отошла от кровати, чтобы не разбудить девочку, и застыла у двери, зажимая ладонью рот.

Мучения ее были столь явственными, что в Венсане проснулось что-то вроде сочувствия.

– Тебе тоже нужно лекарство, – спокойно сказал он. – Я оставлю для тебя немного.

Но Коринна покачала головой:

– Ни за что, месье Бонне.

– Отчего же? Поверь, тебе станет легче.

Она вскинула подбородок:

– Я не желаю, чтобы мне становилось легче.

Знакомая история, подумал Венсан. Самобичевание! Разве не забавно, что за пределами монастыря оно встречается куда чаще, чем внутри...

Он пожал плечами:

– Тебе не в чем упрекать себя.

– Упрекать? – Коринна плотно сжала губы. – Я ни в чем не упрекаю себя, месье Бонне.

Венсан присмотрелся к ней. Страдание во взгляде няньки сменилось ожесточением.

Нет, он ошибся: здесь пахнет не покаянием за воображаемый грех, а чем-то другим.

– Тогда почему ты отказываешься от помощи?

Коринна вытерла слезы со щек.

– Не хочу потерять ни капли из того горя, что я пережила сегодня. Пусть оно остается со мной, пусть я буду помнить о нем постоянно. Тогда я смогу проклинать ее так сильно, как она того заслуживает.

– Кого?

Мягкие, расплывчатые черты заплаканного лица словно заострились. Пальцы Коринны непроизвольно сжались в кулаки, на побелевших костяшках натянулась кожа. Полные губы с отвращением выплюнули одно слово:

– Николь!

Венсан умолк, озадаченный силой ее чувств. Слезы Коринны высохли, будто влага, испарившаяся с горячей поверхности. Она стала страшна в эту минуту – опухшая, нелепая, но переполненная до краев своей ненавистью. Ненависть сочилась из ее глаз, и тяжелый запах, исходивший от ее рыхлого тела, был запах ненависти.

– Но послушай... – Он должен был хотя бы попытаться. – С чего ты взяла, что Птичка убила Элен?

– Не трудитесь защищать ее, месье Бонне. Меня вы не переубедите.

– Возможно, я хотел бы, чтобы ты переубедила меня.

Он подбавил в голос смирения – самую малость.

Это ее проняло. Коринна уставилась на лекаря. Голубые глазки под воспаленными веками буравили его, выискивая подвох.

– Я человек пришлый, – напомнил Венсан. – Как я смогу разобраться, если все молчат? Может, они только прикидываются осведомленными...

– Но только не я! – перебила Коринна. – Здесь не найти человека, который знал бы обо всем лучше меня.

На это он и рассчитывал. Одноглазая Бернадетта, без сомнения, могла бы рассказать ему куда больше, но разговорить умную старуху нелегко. Проще подцепить Коринну на крючок ее спеси. Никому мы не хотим понравиться так сильно, как людям, которые не нравятся нам самим. Коринна терпеть его не может с первого же дня появления в Вержи. Именно поэтому неприятная уловка может принести плоды.

Главное – не спугнуть ее.

– Николь казалась мне порядочной девушкой, – взвешивая слова, начал Венсан. – У нее строгий отец...

– Он ей не отец! – отрезала Коринна.

Венсан недоверчиво поднял брови, делая вид, что впервые слышит об этом.

– Ее подбросили ему! Ночью, тайком. А прежде ее испортила фея!

Удивление на лице Венсана стало неподдельным.

Коринна скрестила руки на груди. В ней боролись два желания: оставить всезнайку Бонне в неведении и доказать ему, что и она кое-что знает. Она торопилась как следует все обдумать, пока лекарь не ушел. Но быстро размышлять у Коринны всегда получалось плохо, мысли начинали спотыкаться друг об друга, она расстраивалась и окончательно переставала понимать, что нужно делать.

А лекарь уже стоит одной ногой на пороге. Если ее молчание продлится еще чуть-чуть, он потеряет терпение и уйдет в убеждении, что она всего лишь пустоболка.

Это перевесило чашу весов. Коринна подала знак, чтобы Бонне подождал, и отошла к кровати. Ничто не насторожило ее в ровном дыхании Беатрис. Вернувшись обратно, она с загадочным и строгим видом поманила Венсана за собой.

В маленькой комнатушке без окон нянька опустилась на стул и сложила руки на коленях. Ее важничанье выглядело смешным, но Венсан оставался серьезным и внимательным.

– Ты что-то сказала про фею.

– Началось все не с нее, месье Бонне, а со старшей сестры нашего Гастона Огюстена. Я ее никогда не видала. Знаю только, что она рано вышла замуж и поселилась с мужем в Лионе. Огюстен уверял, что она выучилась на белошвейку. Вот уж не думаю! Но муженек ее оборванец и негодяй, здесь и сомневаться не приходится.

– Ты его видела?

– Никто даже имени его не знает. А своими глазами его видели только Гастон да караульные, которые несли службу в тот ужасный день.

* * *

Оборванец прискакал поздней ночью. Вид его не вызывал доверия, и стража не пропустила чужака даже за первые ворота. Он не настаивал:

спешился и расхаживал вокруг своего коня, посвистывая на все лады, пока не показался заспанный конюх.

Не тратя лишнего времени на приветствия, приезжий сразу объявил Гастону Огюстену, что сестра его внезапно скончалась от грудной немочи.

Новоявленный вдовец, сообщая эту скорбную весть, не пролил и слезинки. А вместо пояснений снял притороченную к седлу корзину и откинул грубое шерстяное покрывало.

В корзине, привязанный к днищу широкими лентами, спал младенец.

– Мне ребенок ни к чему! – с грубой прямоотой заявил мужчина. – Я человек вольный, перекаати-поле. Хотел сдать ее в приютский дом, да у них своих подкидышей больше, чем пивок в луже. А потом вспомнил про тебя. Франсуаза частенько рассказывала про своего любимого братца. Она ведь вырастила тебя вместо матери, так? Настало время возвращать должок, Гастон.

С этими словами ночной визитер вскочил на лошадь и поскакал прочь. Да так быстро, словно черти за ним гнались. Пусть после этого кто-нибудь скажет, будто он не знал, что младенца поцеловала фея!

Но не таков был Гастон Огюстен, чтобы подчиниться чужой воле. Да и зачем ему было оставлять у себя это отродье?

Вот почему старший конюх поместья Вержи спустя короткое время вылетел из замка на быстром жеребце, прихватив с собой младенца в корзинке.

Гастон потом рассказывал, что девчонка спала как убитая. Ни единого раза за ночь не проснулась и не заплакала, хотя конь несся во весь опор. Что это, спрашивается, как не чары? Лесная фея постаралась, усыпила ребеночка.

Конюх знал, что сделает, когда догонит муженька сестры: отдаст ему младенца, и пусть родной отец хоть в лесу на растерзание волкам оставляет свое дитя. Грех ляжет на папашу, а Гастон будет ни при чем.

От замка Вержи через лес вела единственная дорога. Свернуть с нее ближайšie десять лье некуда. Но сколько ни подгонял коня разгневанный Гастон Огюстен, его ночной гость как сквозь землю провалился.

Огюстены всегда слыли упрямыми. Гастон, вбив себе в голову, что вернет младенца родному отцу, скакал всю ночь. И лишь под утро, когда солнце осветило верхушки деревьев, а вдалеке из рассеивающегося тумана выплыла замшелая стена, конюх понял, что добрался до соседнего Божани.

Но и там никто не видел пришельца из самого Лиона. Он не появлялся в замке ни накануне, ни ночью.

Гастон растерялся, что случилось с ним нечасто. Вдобавок ребенок

наконец проснулся и истошно заголосил от голода. Пришлось искать кормилицу и лишь затем выдвигаться в обратный путь.

Домой Огюстен возвращался куда медленнее, внимательно поглядывая по сторонам. Должно быть, муженек сестры решил заночевать в лесу, а Гастон в спешке проскочил мимо. Ничего, дайте только встретить его!

Он все ехал и ехал, но навстречу попадались лишь олени, белки и зайцы. Его терзало нехорошее подозрение, что оборванец перехитрил его, а старший конюх терпеть не мог оставаться в дураках. Неужели хитрец переждал в кустах, пока он проедет, и теперь празднует победу в каком-нибудь трактире?

И отчего эдакому проходимцу взбрело в башку проделать неблизкий путь, чтобы избавиться от ребенка? Подкинул бы его под первую же попавшуюся дверь, а то и утопил бы, как кутенка.

В этих размышлениях мрачный, как туча, Гастон возвращался домой. Но все мысли разом вылетели из его головы, когда он выехал из-под тенистого полога леса и увидел вдалеке башни родного замка.

Башни окутывал густой дым.

Черный дым поднимался над Вержи, и черные птицы кружились в небе, точно хлопья пепла. Потрясенный, Гастон прищипорил коня. Когда они промчались через распахнутые ворота, глазам всадника открылась страшная картина.

Да, это была та самая ночь, когда банда Головореза добралась до замка Вержи. Прежде разбойники грабили деревни, нападали на путников. Грабителей в те времена водилось предостаточно, но Головорез заслужил свое прозвище тем, что в живых не оставлял никого: ни старика, ни младенца, ни домашнюю скотину.

Он не изменил своим правилам и в этот раз.

Гастон шел, переступая через обугленные тела. Конюх ни разу не наклонился проверить, не теплится ли жизнь в ком-нибудь из лежащих на земле. Головорез не оставлял свидетелей.

Да и не выжившие слуги интересовали Гастона. Он шел туда, где надеялся найти любимого хозяина.

И он его отыскал.

Симон де Вержи защищался отчаянно. Об этом говорила кровь, обогрившая каменные плиты вокруг того места, где он упал. Наметанным глазом человека, умеющего читать следы, Гастон увидел, что убитых им врагов было много, не меньше пяти. Но все тела были унесены с места битвы.

Лишь одно осталось лежать – тело Симона. В жестокой схватке он

лишился руки. Но, расправившись с графом, разбойники не осмелились глумиться над его телом. Они даже воздали последние почести павшему хозяину замка: меч и щит его лежали рядом, принесенные, быть может, той самой рукой, что нанесла смертельный удар.

Гастон опустился на колени возле своего владыки и зарыдал. Он предпочел бы умереть, сражаясь за хозяина, чем остаться в живых и держать сейчас на руках его безжизненное тело.

Но пока он оплакивал Симона де Вержи, во дворе закричал ребенок. И охрипшим граем отозвались с неба вороны.

Гастон поднялся, утирая слезы, и пошел к надрывавшемуся младенцу.

* * *

– Вот так она осталась при дядюшке. Поначалу-то он пристроил ее деревенской кормилице. Но девчонка, стоило ей чуток подрасти, стала проситься к Гастону. Она уже тогда начала петь, а ведь ей было не больше двух!

Последние слова Коринна произнесла с заметным осуждением.

Трижды Огюстен оставлял эту дрянь в деревне, и трижды она пешком приходила в замок. Последний побег случился осенью, в самую распутицу. Девчонка чуть не утонула по дороге в грязи – ее нашли барахтающейся в луже, как лягушку, с забитыми грязью ртом и ушами. Тогда уж конюх сдался и оставил ее у себя.

И кто-то еще смел утверждать, будто Гастон мог бы обращаться с сиротой и помягче! Таких злопыхателей нянька всегда ставила на место. Разве не должна дрянная Николь быть благодарной уже за то, что дядя сделал для нее? Любой другой на его месте бросил бы младенца в лесу.

Учитывая то, что случилось потом, ему так и нужно было сделать.

Вернувшись к себе, лекарь плеснул в кружку вина и уселся за стол.

Стол был дубовый, прочный и до того тяжелый, что Венсану не удалось бы сдвинуть его в одиночку. Он стоял основательно, будто вырос из этого каменного пола. И другая мебель – полки, кровать, узкий шкаф – казались принадлежащими этому древнему жилищу, а вовсе не человеку, который пользовался ими.

– Фея поцеловала, – презрительно фыркнул он.

Черт знает каким мусором забиты головы у этих людей. Иногда ему хотелось бы залезть кое-кому в череп и посмотреть, что там внутри.

Надо же поверить в чушь про ребенка сестры! Дураку ясно, Огюстен прижил младенца на стороне. Кто заставил его забрать дитя, теперь уж и не узнать, но, похоже, мать Николь была из тех женщин, которым ребятишки – только обуза в их тяжелой, но не слишком почетной работе.

Но кем бы она ни была, ее ребенок спас Гастону Огюстену жизнь. Говорят, люди Головореза в ту ночь всех истребили подчистую, даже древнюю слепую старуху не пощадили. Вырезали, как коров на забое.

Венсан отхлебнул вина и отставил бокал в сторону.

Когда год назад он появился в Вержи, управляющий выделил ему просторную чистую комнату в замке. Однако Венсан, обойдя крепость, обнаружил в стене старые жилища – неглубокие, но отлично защищенные и с прочными стенами. Их использовали как кладовки и склады. Одна такая нора пустовала.

Едва только войдя в сырую промозглую комнату, он понял, что хочет здесь остаться.

К его затее управляющий отнесся без воодушевления. К тому же он был весьма удивлен, что Венсан прибыл без ученика. «Надеюсь, месье Бонне, вскоре вы обзаведетесь помощником!» – ворчал он, и во взгляде его читалось неприкрытое огорчение. Как же – такой несолидный доктор будет подвизаться в Вержи!

Да только плевать хотел Венсан Бонне на его расстройство. В монастыре он сам прошел долгий путь: ученик, помощник и, наконец, лекарь с правом врачевать и продавать снадобья собственного изготовления. За это время он твердо решил, что будет работать один.

Впрочем, ему пока и не встретился юноша, который выказал бы достаточно рвения и ума, чтобы Венсан захотел взять его на обучение.

Он приготовился к тому, что в новом жилье будет зябко и неудобно. Но очень скоро выяснилось, что Венсан недооценил строителей.

Две стены его берлоги были обиты толстыми деревянными панелями. Они задерживали холод, а небольшой печи хватало на обогрев всего помещения. Отмытые от грязи и пыли, две другие стены явили взгляду белую краску, отражавшую свет таким образом, что комната казалась просторнее, чем в действительности.

Вдоль одной стены Венсан разместил собственноручно сколоченные полки и аптекарский шкафчик. На полках расставил книги, в шкафу над ними – часть лекарств.

Его новое жилище приобрело законченный вид. А если оно и напоминало монастырскую келью, Венсан Бонне был последним человеком, которого это беспокоило.

Именно на распахнутый шкаф в эту минуту был устремлен мрачный взгляд лекаря. Он мог бы с закрытыми глазами перечислить все до единого названия лекарств, выстроившихся вдоль стены.

Одно место на полке зияло пустотой. И это выглядело до того отвратительно, что Венсан никак не мог отвести от него глаз! Хуже, чем выбитый передний зуб во рту невесты. Хуже, чем черная яма после пожара в середине улицы. Хуже, чем дыра в груди, из которой уже не льется кровь.

Одного флакона не хватало.

Настой элесии синелистной, травы, чьи корешки на разломе сочатся густым белым молочком, а желтые цветки пахнут болотной тиной – вот что содержалось в нем.

Элесия синелистная... Звучит как имя прекрасной дамы. Она и была для него прекрасной дамой, той, ради которой он готов был пойти на смерть.

Со смертью почти так и вышло. От болота поднимался необычный мутно-желтый пар. Венсан ничего подобного прежде не видел, и пузырей таких не видел – вздувавшихся над черной пленкой воды, как брюхо напившегося клеща, лопающихся с неприятным свистом. И странных коротких белых веток без коры, беспорядочно торчавших из мха, не встречал тоже.

Пшшшшшёл прочь, шипело болото, пшшшшшёл.

Проводник остался далеко позади, наотрез отказавшись подходить к болоту поближе. Это не насторожило Венсана, привыкшего к самым безумным суевериям крестьян. Не насторожили его и пузыри, и даже желтый пар, показавшийся всего лишь любопытным и редким явлением.

А когда он увидел мертвого оленя, было уже поздно.

У него подогнулись ноги, а на голову будто обрушился ствол дерева. Боммм! – отозвалось в затылке, и перед глазами все поплыло. Венсан упал на колени в сочный хлюпающий мох. И только тогда скорее догадался, чем увидел, что это за мелкие белые ветки без коры.

Должно быть, они приходили напиться. Они прибежали сюда – зайцы и белки, ежи и барсуки, крысы и мыши, а за ними следовали хищники, потому что хищники всегда чувствуют падаль. Но все они остались здесь.

Если поискать, подумал он, то среди этих костей обнаружатся и человечьи. Не зря мне твердили, что нельзя ходить на болото. Но искать уже не получится. Жадный мох, в котором я копошусь, как червяк, не отпустит меня. Это особенно обидно, потому что на расстоянии вытянутой руки на кочке призывно распустила листья та, за которой я пришел. Вот

она, элесия. Точно такая же, как на рисунках в старинных монастырских книгах: длинные узкие листья с синими прожилками, а из них поднимается тонкий опушенный стебель, увенчанный рассыпчатой короной из желтых цветков. Я был прав, когда говорил, что она не легенда. Но что толку, если мне предстоит навсегда остаться здесь, рядом с моей принцессой...

От этой мысли Венсана охватила злость. Сдохнуть в шаге от цели, надыхавшись по собственной глупости сладковатыми ядовитыми испарениями? Ничего не скажешь, впечатляющий конец для того, кто провозглашал ум всепобеждающей силой! Где же твой разум, Венсан Бонне? Или, вернее, где он был раньше, когда ты заявился сюда с бесстрашием дурака?

Венсан пополз. В тело впивались острые кости, под животом и коленями недовольно причмокивал мох. В голове нарастал тяжелый гул, словно рой диких пчел кружился в пустом черепе.

Нет, не пчелы. Это крепкое вино созрело внутри, как в бочке, и гудит, и шумит, и клонит его голову вниз. Не зря у него все двоится перед глазами, как у пьянчуги, а руки и ноги не подчиняются ему.

Когда его живот лизнула холодная вода, точно радостный щенок, встречающий хозяина, а потом так же ласково облизала правую щеку, Венсан понял, что он уже лежит, распластавшись, на земле. Ядовитое облако проникло внутрь него, и он слышал его зов: останься, не мучай себя напрасными попытками, конец уже близко.

Но Венсан был упрям. Он пополз опять, стараясь задержать дыхание, он промок насквозь и уже не понимал, движется ли на самом деле или это всего лишь видение его умирающего мозга, в то время как тело безвольно лежит посреди болота.

Но когда его ладони ткнулись в отсыревший ворс оленьей шкуры, он понял, что все-таки получил шанс на спасение.

Нож с пояса он отцепил без труда – пальцы еще подчинялись ему. Предстояло самое сложное.

Работая почти на ощупь – от глаз остались слезящиеся щели, сквозь которые он видел все словно через толстое стекло – Венсан вознес хвалу за годы изнурительной монастырской учебы, когда он резал самых разных животных, от мыши до медведя, кромсал, извлекал внутренние органы, вспарывал, зашивал, снова резал – и так без конца. Тогда он ненавидел эту науку, поскольку был убежден, что исцелять с помощью звериных внутренностей – нелепость. «Сделай свечу из жира старого барана, смешай с семенем козла, полгода выдержанного без соития, и бурым секретом, взятым из мозга свежеебитой выдры, и поднеси зажженную свечу к

гнилому зубу больного, а под ним пускай держат тряпицу, пропитанную льняным маслом. Черви, грызущие зуб, выпадут на тряпицу и сдохнут, а больной исцелится». Проще взять целого барана, думал Венсан, живого старого барана с крепкими рогами, и постучать об его рога лбами тех, кто много лет пользовал своих больных, применяя этот рецепт. Покажите мне хоть одного несчастного, которому бы он принес облегчение! Если, конечно, не брать в расчет козла.

Но стоило Венсану вонзить нож в шкуру мертвого оленя, вся полузабытая наука ожила в его пальцах.

Медленными, но уверенными движениями он вслепую очертил кусок шкуры, поддел и отделил его от мяса. Кожа подалась легко. Венсан ожидал увидеть сотни насекомых, покидающих место пиршества, но ни один жучок не выбежал из потревоженной мертвой туши.

Молясь о том, чтобы олень погиб недавно и не успел пропитаться испарениями, Венсан прижал вырезанный лоскут к лицу. Плотнее, еще плотнее... Он не чувствовал запахов, не обращал внимания на мокрое и склизкое, залепившее изнутри ноздри. А теперь нужно постараться встать. У самой поверхности воды желтый туман гуще и темнее, выше он понемногу рассеивается. Там яд действует не так сильно, как внизу.

Ему удалось подняться с пятой попытки. А затем минуты растянулись на тысячу лет, на протяжении которых он шел, шел, шел, шел, падал, вставал и снова шел, прижимая к носу тонкую оленью шкуру в надежде, что она задержит вредоносный газ, и чувствуя, что после еще одного падения он уже не поднимется.

Но когда он упал снова, то локтем ударился о камень. Его измученной голове потребовалось немало времени, чтобы осознать этот факт. Камень! Это означало, что мох и вода закончились; под ним была обычная лесная земля.

Он выбрался.

Спустя неделю Венсан вернулся на то же место. На этот раз он подготовился. Маску собственного изобретения, в которой чередовались тонкие слои угольного порошка и чистого песка, он проверил десятки раз, входя в задымленную комнату, и на всякий случай имел с собой запасную.

Он снова надыхался желтым болотным газом и после возвращения свалился в постель уже не на три дня, а на месяц. Но зато принес добычу: прекрасные длинные листья элесии и белые корешки.

Венсан работал с ними очень бережно, строго следуя всем советам древнего травника. И элесия отплатила ему сполна. Он получил из ее корней вязкое молочко, а из него извлек экстракт с выраженным горьким

вкусом. После долгих манипуляций в его руках было готовое лекарство. Когда Венсан взглядывал на граненую бутылочку с узкой стеклянной пробкой, он чувствовал приятную и объяснимую гордость.

Именно этого лекарства теперь не хватало на полке. Венсан отлично знал, где оно. Еще недавно его флакон находился в сумке Пьера Рю. А еще раньше – в руках Элен, которая выпила его целиком.

«А от цветка, именуемого элесией синелистной, наступает облегчение страдающим головным недугом, иначе – мигренью. Но врачующему надлежит проявить сугубую осторожность, ибо взятое всего вчетверо больше противу указанного, средство приведет к сердечной дрожи. Смерть же будет скоро и безмучительна, но по коже пойдут синие пятна сродни скалистому лишайнику».

Знал старый травник, о чем говорил. Для «сердечной дрожи», она же грудная колотьба, она же заячья хворь, достаточно было и десятой доли того, что выпила старшая дочь графа. Венсан представил, как бешено, словно пытаясь выскочить наружу, зачастило сердце в груди несчастной девушки.

Должно быть, она сильно испугалась. Но бояться ей пришлось недолго. В его флаконе оставалась почти половина лекарства, а это значит, что Элен скончалась примерно две минуты спустя после того, как допила снадобье.

Но по коже пойдут синие пятна...

Кто-то отравил дочь графа, похитив лекарство из дома Венсана Бонне.

Глава 10

Когда Николь пришла в себя, первым, что она увидела, был огонь.

Не жар из адских печей, куда бесы подкидывают вместо дров человеческие грехи (и потому дьявольское пламя никогда не потухнет, ибо несть грехам числа). Этот огонь казался укрощенным и ласковым, как любимая кошка кухарки. Он нес тепло и свет.

Николь напряглась, вглядываясь в лоскуты пламени – не прошьет ли их тонкой иглой красная змейка с изумрудными глазами? Если да, жди за ней следом подземных бесов, ворующих души спящих и больных.

Никого: ни змейки, ни бесов.

Куда же она попала?

Сморгнув выступившие от напряжения слезы, девочка увидела, что весело пляшущий огонь – только пленник за каминной решеткой. Сама она лежала напротив на низком топчане, укрытая тяжелой шкурой.

От слабости Николь не могла пошевелить даже пальцем. Губы стали как потрескавшаяся от засухи земля, в глотке царапались злые кошки.

– Пить...

Слово, едва упав с губ, растворилось в тишине без остатка. Так мог бы шипеть полумертвый уж.

Но ее услышали.

– А-а, оклемалась.

Старуха подошла и склонилась над Николь. Положила ей на лоб шершавую ладонь, постояла, озабоченно хмурясь.

– Будет тебе питье.

Она исчезла и вскоре вернулась с глиняной чашей. С кончика деревянной ложки, которую старуха вынула из чаши, упала капля густой коричневой жижи.

Николь во все глаза смотрела на старуху. Вот как выглядит чудовище, утащившее ее в могилу!

Хозяйка оказалась далеко не такой дряхлой, как почудилось ей на кладбище: пожалуй, не старше Бернадетты и чем-то похожа на нее. Худобой, вот чем. Но одноглазая ключница – словно сухая ветка, которую не согнешь – сломается. А эта – будто ивовая розга, что хлещет не до крови, а до мяса: гибкая и гладкая.

Небрежно заплетенные в косу волосы белы, как борода козы, и глаза под безбровым смуглым лбом – козы: овальные, точно виноградины,

широко расставленные, с болотной желтизной в зеленой радужке. Николь пригляделась, не мерцает ли в них безумие. Люди с козьими глазами часто бывают помешанными.

Но старуха стояла спиной к огню, и ни по глазам ее, ни по длинному рту, похожему на линиящую ящерицу – всю в сухих чешуйках, – ничего нельзя было прочесть.

Тогда девочка попыталась оглядеться.

С того места, где она лежала, ей был виден косматый край укрывшей ее шкуры и камин. Над очагом до самого потолка высились полки, уставленные глиняными горшками. С самой верхней свисали связки с чем-то белесым и перекрученным, вроде бараньих кишок, но только куда длиннее. Николь показалось, что там что-то шевелится, и она поспешно отвела взгляд.

– Оближи, – приказала старуха и сунула ложку ей ко рту.

В нос Николь ударил незнакомый резкий запах. Девочка зажмурилась и крепко сжала губы.

– Ну-ну-ну, – засмеялась старуха, показав крепкие, на удивление белые зубы без единой гнилинки. – Даже не думай.

Быстрее, чем Николь успела сообразить, что сейчас произойдет, она поставила ложку на пол и своими костлявыми пальцами больно надавила ей на щеки с обеих сторон. Рот у Николь сам приоткрылся, и старая карга ловко влила в него полную ложку.

От запаха и вкуса Николь чуть не задохнулась. Куриный помет, разведенный прокисшим вином, показался бы нектаром по сравнению с этим варевом.

Старуха зажала ей нос, дождалась, пока она все проглотит, и лишь тогда убрала цепкие пальцы.

– То-то же. И не вздумай выплюнуть.

Николь облизнула губы и сморщилась от отвращения: рот словно обмазали изнутри жирной пленкой.

Но странное дело: горло перестало болеть. Гадкий отвар прогнал когтистых кошек. И язык теперь ворочался, так что она даже могла говорить.

Что Николь тут же и попробовала сделать.

– Я хочу пить.

Старуха снова нависла над ней. На этот раз в ее руках была грубая жестяная кружка.

– Пей.

Приподняв голову Николь, она влила в нее несколько глотков.

В кружке оказалась вода. Но и у нее имелся слабый привкус. Он напомнил Николь, как в детстве они искали один цветок: маленький, белый, на хрупком зеленом стебельке, он изредка встречался на склонах тенистых оврагов. Корешки его были сочными, и от них во рту становилось кисло и свежо.

– Русалочьи слезы, – вспомнила она.

Старуха покосилась на нее.

– Они самые. Этот настой не вылечит, но охладит жар. Об тебя лучину можно зажигать.

– Что с моим плечом? – Николь попробовала вытащить руку из-под шкуры.

– А ну тихо! – прикрикнула ведьма.

Она сама откинула меховое покрывало. Нагнулась низко-низко к перевязанной ране, зачем-то понюхала воздух над ней. Пробормотала «гляну, пожалуй» и принялась разматывать повязку.

Николь скосила глаза. Оказалось, что под шкурой она лежит нагишом.

– Ну-ка, ну-ка...

Николь почувствовала запах, идущий из ее раны. Повернув голову, она увидела, что порез покрыт черно-коричневой мазью.

– Вряд ли ты знаешь, что это, – усмехнулась старуха, заметив, что девочка принюхивается. – Кое-что посложнее «русалочьих слез».

– Смола с навозом, – хрипло выговорила Николь.

– Почти угадала. А теперь лежи смирно.

Старуха выудила из складок потрепанной юбки деревянную пластину. Заточенным краем она принялась осторожно соскребать с кожи мазь, обтирая вонючую смесь о тряпку. Очистив рану, она ушла.

На этот раз Николь пришлось ждать дольше. Пока она лежала, закрыв глаза, ей показалось, что ступни у нее обмотаны веревкой. Девочка попробовала пошевелить ногами, но это ей не удалось. Значит, старуха связала ее.

Николь давно догадалась, к кому попала. Но что хочет сделать с ней колдунья Черного леса?

Если бы сутки назад кто-то сказал Николь, что она пожелает оказаться в руках маркиза де Мортемара, девочка бы расхохоталась. Но сейчас ей было не до смеха. Колдуны – не люди. Дьявол владеет их душами так давно, что внутри они сгнили, как дурное дерево.

Что бы ни делала с ней колдунья, она делает это во имя зла.

Святой Франциск, пусть маркиз отыщет их! Он убьет Николь, но уж лучше принять христианскую смерть от его рук, чем сгинуть здесь в лапах

прислужницы дьявола.

Старуха подошла к ней, неся на вытянутых руках холщовую тряпицу, пропитанную какой-то жидкостью. Капли стекали с нее на пол и с легким шипением испарялись.

– Н-нет! – взмолилась Николь и попыталась отодвинуться. – Н-не надо!

– Лежи! – шикнула колдунья.

Одной рукой она прижала плечо Николь к постели, а другой наложила тряпицу.

Николь обожгло, словно огнем. Она закричала, выгибаясь дугой. Но старуха держала ее крепко и лишь сильнее вдавливала тряпку в рану.

Пытка продолжалась недолго, но отняла у девочки последние силы. Когда ведьма выпустила ее, она обмякла на постели.

Воспользовавшись этим, старуха вновь намазала рану черно-коричневой мазью. Теперь Николь даже не пыталась сопротивляться.

– Вот так, – пробурчала ведьма, закончив накладывать повязку. – А сейчас тебе нужно поспать. Ночь будет тяжелой.

Она поводила раскрытой ладонью над лицом Николь. Девочка учуяла запах ее кожи – сочный и горький, словно ведьма растерла в пальцах стебли одуванчиков.

– Спи.

– Зачем ты лечишь меня? – слабо ворочая языком, спросила Николь. – Что ты хочешь сделать со мной? Съесть?

– Слишком много болтовни. Закрывай глаза.

– Я хочу знать, что меня ждет!

Колдунья приблизила к ней смуглое лицо и ухмыльнулась:

– Уверена?

Николь замолчала.

– Вот то-то и оно. Ты не хочешь знать, что тебя ждет. Никто не хочет.

Девочка попыталась возразить, но старуха еще раз провела ладонью над ее лицом. Горьковатый аромат опустился на Николь, и она почувствовала, что вместе с ним ее окутывает сон.

Ее забытие прерывалось дважды.

От первого раза у Николь остались смутные воспоминания. Окровавленная повязка, рука с пылающим белым мечом... Николь летит с крыши, снизу взметнулся к ней цветок пламени. Это маркиз поджег конюшню, и в ней горят лошади. Только рыжая Птичка несется по полю, как факел, а за ней остается жаркий огненный след.

Поймайте ее!

– Чш-ш! Тише, девочка...

Сколько крови! Все красное. Почему повязка в крови Птички? Зачем убили ее любимую лошадь?

– Сейчас будет легче.

Колдунья растет, и вот уже голова ее возвышается где-то под крышей, а руки – будто два ствола. Она тянет их к Николь, голос ее – глас трубы:

– Назови свое имя, девочка! Назови его!

«Чтобы ты навсегда оставила меня в своем подземелье?» – хочет ответить Николь.

– Имя даст тебе власть надо мной! – изо всех сил кричит она.

Но ведьма уже уменьшилась, стала совсем крошечной – не разглядишь. Летает рядом комариком, звенит в ухо:

– Как тебя называла мать?

– У меня не было матери, – шепчет Николь.

Кто там выглядывает из щели? Крыса! Она вскарабкалась на постель, ее крохотные лапки царапают Николь. Розовый нос обнюхивает подбородок, усы щекочут кожу. Крыса распухает, словно бычий пузырь, в который заливают воду. Святая дева, да у нее лицо маркиза де Мортемара! Он сидит верхом на ней – голый, жирный – и яростно бьет себя чешуйчатым хвостом по бокам. От него исходит нежный аромат фиалок, но это запах смерти.

«Куда ты спрятала камень? Признавайся, дрянь!»

Волосатые руки смыкаются на ее горле, маркиз наваливается всей тяжестью. Он задушит ее! Сними его, прогони, пожалуйста!

– Умоляю тебя... – хрипит девочка, широко раскрыв глаза.

– Имя! Я ничего не могу без него!

Отчего у ведьмы такое измученное лицо? Неужели она не может прогнать голую розовую тварь, что не дает дышать?

– Имя!

– Николь!

Старуха исчезла в тот же миг, как девочка сдалась и произнесла свое имя вслух. Значит, ведьма отступила перед маркизом. Теперь ее ничто не спасет.

Николь задыхается. Маркиз растекся, превратился в пылающее масло. Так казнили преступников. И ее казнят, потому что она воровка.

– Из-под черной земли, из-под красного камня, из-под синего холма вытекай вода, дева звонкая, пролейся на Николь. У той волосы черны, лицо бело, сердце чисто...

Кто это поет таким ясным голосом?

– Уноси, вода, ее печаль, крик-бессонницу, в темные леса, за лисью нору. Спрячь под брюхо зверю, под гнилую колоду, под зелен мох.

Это старуха. Она уже не поет, а проговаривает слова, все быстрее и быстрее.

– Страх – черный жар, сойди с Николь, упади на хромого зайца, на порченный каштан, на брусничную кочку. Уходи в болота, по нехоженным тропам – по звериному следу, по крутому оврагу.

Маркиз де Мортемар начал таять, как утренний туман.

– Чистая вода, росистая светлая дева! Окуни Николь в сон со всех сторон, веди по мокрому доньшку.

Николь вдохнула полной грудью. Рука больше не пылала, крыса исчезла.

– От четырех углов, от пяти ветров, огонь, выйди вон! Белая кобыла бежала – земля дрожала, реки проливались, до нас дотекли, несут Николь до моря, до синей волны, до чистой колыбели. Там ей спать, там ей огонь переждать.

Николь перенеслась из жаркой постели на пустынный берег моря. Волна выплеснула на берег лодочку. Девочка опустилась в нее и почувствовала, что та же волна подхватила ее и несет по морю, покачивая бережно, как дитя в люльке.

Не было больше ни маркиза, ни яростного огня, ни боли. Только душный аромат фиалок повисел немного – и растаял.

Во второй раз, открыв глаза, она увидела, что ведьма привязывает к ее ступням крылья.

Николь громко рассмеялась.

– Хочешь, чтобы я полетела?

Но старуха даже не подняла на нее глаз. Она обматывала каждую ступню, и крылья холодили девочке ноги.

Николь полетит! Полетит туда, где бородатый северный ветер носится в горах, щекоча их снежными перьями. Туда, где горластые великаны играют свадьбу и топчут, вызывая обвалы.

Она полетит!

Она увидит, как под еловыми ветвями пляшут раскосые цверги, а из потайных дверей в земле выползают кривоногие тролли, чтобы искать их сокровища. Россыпи драконьего золота, спрятанного гномами, ослепят ее. Но она не тронет ни монетки – гномье золото не приносит счастья.

Она полетит...

Николь спала. Старуха опустила на стул, присмотрелась. Нет, не почудилось: на измученном личике показалась улыбка. Что-то хорошее снилось бедняжке, чуть не покинувшей ночью этот мир.

Теперь можно позаботиться и о себе.

Колдунья, морщась, выпила чашку крепкого отвара. Вытащила из подпола мешок рябиновых веток. Свежие, всего пару дней назад заготовленные. Как знала!

Кряхтя, она разложила по полу ветки, разделась догола и легла сверху. Сгребла с краю рябину, забросала себя листьями. Закрыла глаза.

Тот, кто распорол девчонке плечо, хотел ее смерти. Старуха чувствовала силу его ненависти. Черное пламя, питавшее этого человека, разгоралось все ярче, и против него не помог бы ни один ее заговор.

Рана девочки сильно кровоточила, кровь ушла в землю под ее жилищем. Пусть не вся, лишь малая часть. Но и этого достаточно. Она может привести сюда того, кто заставил ее пролиться. Кровь всегда зовет к себе громче любого голоса.

Старухе был известен лишь один способ отвести зло от своего дома.

Она прочитала вслух наговор, встала и, как была, нагая, собрала ветки в мешок. Внимательно осмотрела доски, чтобы не осталось ни единого листика.

Костер рассерженно зашипел, когда ведьма подкинула в него первую охапку.

– Все съешь, не подавишься, – бросила старуха, как старому приятелю. – Знаю, что не любишь свежатину. Терпи.

Костер дымил, чадил, но понемногу от рябиновых веток осталась одна зола.

– Вот и славно, – пробормотала старуха.

Сгребла золу на лопату и рассыпала под дубами, стоявшими позади ее дома. Ночной лес отозвался совиным уханьем.

Лопату старуха воткнула в землю и не успокоилась, пока не прочитала и над ней заговор. Но тревога уже покинула ее. Ничто не способно защитить от дурного глаза лучше рябины – дерева, когда-то обагреного кровью бога. Древесное ведовство – самое сильное.

Оно всегда помогало. Поможет и на сей раз.

Из-за деревьев, где старуха рассыпала золу, выбежал черный пес и замер, увидев ее.

– Где тебя носило? – беззлобно бросила хозяйка. – А ну домой, живо!

Пес опроретью бросился к крыльцу и свернулся у ступеньки.

– Будешь отлучаться по ночам – отравлю, – пригрозила она. – Ишь, взял привычку!

Пес накрыл лапой морду и коротко проскулил.

– Молчи, бесстыжая морда.

Старуха поднялась на крыльцо и напоследок каркнула:

– Спи вполглаза! Проворонишь чужого – шкуру спущу.

Глава 11

Николь разбудило птичье пение. Еще не успев открыть глаза, девочка сжалась, не зная, чего ожидать.

Ох, как страшно размыкать ресницы. Что она увидит?

Вдруг над ней склонился Веревочник, помощник ведьмы? Он сплетен из веревок, на которых вешали отцеубийц, и оживлен древним заклинанием. Попробуешь сбежать – просунет тонкую змеиную ручонку в ухо, протащит через нос, и оглянуться не успеешь, как подвесит тебя на верхушке сосны.

Птаха снова завела песенку. Триль-триль, тюриль-тюриль! Звуки беспечного чириканья заставили Николь устыдиться своих выдумок. Как говорит Венсан Бонне, у страха глаза велики, особенно если они закрыты.

Она глубоко вдохнула и подняла веки.

В комнате никого не было. Потухший камин сонно разевал серую пасть, присыпанную золой. На закопченных балках потолка дрожали размытые светло-желтые пятна. Углы были темны, в них таились сгорбившиеся тени, но от окна до пола наискосок комнату пронзал столб света. В нем медленно кружились пылинки. Они оседали внизу и снова выплывали откуда-то сверху, словно эльфы, танцующие в луче.

Приподнявшись, Николь разглядела на полу скомканную тряпку в бурых пятнах – ночную сорочку, что дала ей Элен. Значит, камень, принадлежащий маркизу, все еще при ней. До тех пор, пока Мортемар не отыщет его, он не отступится.

Интересно, правда ли, что некоторые камни, будучи украденными, притягивают к себе старых владельцев? Зовут их неслышными голосами, пока снова не окажутся в их руках?

– Вижу, ты проснулась.

Николь вздрогнула и повернула голову.

У двери стояла старуха, сжимая в руке ведро, из которого свисали, переваливаясь через край, дряблые листья лопуха.

– Как раз вовремя.

Ведьма прошаркала к камину, уселась перед ним и принялась развешивать на решетке один лист за другим, откладывая рваные в сторону. Закончив, встала и подошла к топчану.

– Тебе они больше не понадобятся. – С этими словами она откинула с ног Николь одеяло.

Перепугавшись до смерти, девочка поджала ноги под себя.

– Ты что это? – нахмурилась старуха. – А ну дай.

Она ловко цапнула Николь за пятку и подтянула к себе.

«Не надо! – хотела крикнуть Николь. – Не отрезай мне ноги!»

Старуха вытащила из кармана замусоленного фартука ножницы и защелкала ими, будто заправский портной. При виде серебристого клюва, сверкающего в воздухе, Николь обмерла, а потом задержалась, как комар в паутине.

Ведьма не отнеслась к ее слабому дрыганью серьезно. Ножницы нырнули вниз, к голой ступне. К коже будто ледышку прижали.

– Перестаралась я, – проворчала старуха. – И когда столько узлов успела навертеть...

Ножницы щелкнули, и Николь почувствовала, как что-то, стягивавшее ее ступню, спадает вниз. Только теперь она ощутила, что и вторая нога чем-то обмотана. Не будь она так испугана, вспомнила бы, что ей еще ночью показалось, будто она привязана к кровати.

Выходит, не привязана.

С правой ногой старуха расправилась быстрее. Смахнула на пол обрывки нитей и отклеила от ступней девочки прилипшие листья.

– Простое средство, но до чего действенное, – пробормотала она.

Убедившись, что и на этот раз ноги останутся при ней, Николь осмелела.

– Что это?

Старуха искоса глянула на нее.

– Это капустный лист. Снимает жар.

Она небрежно бросила листья на пол.

Николь проследила за их полетом и увидела, что они упали на целую грудку таких же. Их мясистая поверхность была исчерчена потемневшими бороздками – следами нити.

– Все эти листья тебегодились? – недоверчиво спросила Николь.

Старуха не ответила.

– Зачем их столько?

Ведьма нагнулась, собрала ошметки и запихнула в ведро. Двигалась она быстро и легко, острые обветренные локти так и мелькали перед глазами Николь, точно спицы с костяными набалдашниками.

– Хватило бы и четырех, – пробормотала девочка.

Старуха распрямилась.

– Четырех? Ты была как лягушка, изжарившаяся на камне.

Она отряхнула ладони.

Николь боялась ведьмы, но тяга к истине была сильнее.

– Лягушки не могут изжариться на камнях, – неуверенно возразила она.

– Еще как могут. Когда они перебираются из одного болота в другое, предчувствуя засуху. Об этом ты знаешь?

Николь не знала, но на всякий случай кивнула.

– Лягушка скачет себе по тропинке в поисках лучшей доли и думает, что опасаться ей следует только аистов да ежей. В тени попадаетесь прохладный камень, и она решает, что можно бы и отдохнуть. Лягушка распластывается на камне, – старуха растопырила руки, – и засыпает. Но тень сдвигается, земля начинает нагреваться. Глупая лягушка не замечает этого. Она чувствует, что под ее желтым брюхом стало тепло, но не думает, что это опасно.

Ведьма хлопнула в ладоши и усмехнулась:

– В том-то вся и беда. Опасность нужно распознавать загодя, лягушонок. Еще тогда, когда тебе тепло и хорошо, а впереди ждет уютное глубокое болото. Но кто думает о смерти в такие минуты, правда? А уж лягушка вообще ни о чем не думает. Ведь это всего лишь пупырчатая тварь. Но когда она вспоминает, что нужно идти дальше, у нее уже нет сил сдвинуться с места. Она поджарилась, как лепешка на сковороде.

Ведьма помолчала и вдруг щелкнула пальцами:

– Лепешка. Вот чем я тебя попотчую!

– Я хочу только воды...

Но старуха будто бы и не слышала ее – ушла, брэнча ведром, и вскоре принялась громыхать кастрюлями у дальней стены.

«Если меня и съедят, то не сейчас», – равнодушно подумала Николь. Страха в ней больше не осталось. Как если бы его долго зачерпывали и поднимали наружу из темных глубин души, выплескивая ковш за ковшом, а потом снова попытались зачерпнуть – а страха-то и нету. Закончился.

Николь закрыла глаза. Собственное нагое тело казалось ей невесомым и бесплотным. Быть может, ведьма решила раскормить свою пленницу, как раскармливают гуся?

Что ж, тогда до рождества можно ни о чем не беспокоиться.

Собственное безразличие мимолетно удивило Николь. Почему она не ломает себе голову над тем, что случилось, когда ведьма утащила ее в могилу? Почему не обдумывает, как сбежать? Почему не хочет даже взглянуть на раненую руку? И безумный маркиз де Мортемар не занимает больше ее мыслей.

Может быть, это она – лягушка на камне? Ну и пусть. Кто знает, отчего

они засыпают, эти несчастные лягушки. Что, если на них снисходит озарение и они внезапно понимают, что зря тратили свою жизнь на прозябание в болоте? И под согревающими лучами солнца, благословляя его, радостно принимают смерть.

На этот раз собственные рассуждения ужаснули Николь. Святой Франциск, она набралась ереси от Венсана Бонне!

– Хочешь ты или нет, а подкрепиться тебе придется.

Старуха со стуком поставила на пол рядом с топчаном чашку и миску. В миске чернело что-то, по форме и впрямь напоминавшее лепешку, но только не из тех, что съедобны – во всяком случае, если речь идет о людях, а не о червяках. Николь разом забыла лягушек.

– Мне нужно съесть это?

– На вид не очень, – согласилась ведьма. – Разевай рот.

В мучительных попытках найти способ увильнуть от старухино лакомства, Николь вдруг вспомнила слова Алисы де Вержи. «Хорошие манеры открывают любые двери», – не раз повторяла графиня дочерям.

Призвав на помощь всю свою любезность, Николь произнесла, подражая благородной госпоже:

– Благодарю тебя. Я бы предпочла что-нибудь другое.

Ведьма хмыкнула, подняла к ней желтое лицо и предложила:

– Лапку жабы? Хвост гремучей змеи? Коготки саламандры?

У девочки мелькнуло подозрение, что над ней потешаются. Но старуха выглядела серьезной и говорила так учтиво...

Взбив подушку, ведьма посадила ее повыше. Длинными сухими пальцами, коричневыми от ввевшегося травяного сока, она стала отламывать кусочки от лепешки и подносить их к губам девочки.

Первый кусок Николь проглотила, зажмурившись от брезгливости. Но оказалось, что вкус хоть и не слишком приятный, но и не тошнотворный.

– Жуй тщательно, – посоветовала ведьма. – После всего, что случилось, не слишком-то умно было бы умереть, поперхнувшись крошкой, верно?

– Смерть нас не спрашивает! – слова Венсана Бонне сорвались с губ Николь раньше, чем она успела подумать.

Вообще-то лекарь говорил не совсем так. Жизнь спрашивает нас, смерть – нет. Когда Николь поинтересовалась, что это значит, он объяснил: пока ты жив, можешь выбирать. Только смерть отнимает у тебя эту возможность.

Не слишком-то Николь ему тогда поверила. Разве может она выбрать, служить ей Элен или нет? Вот то-то и оно.

Старуха пристально посмотрела на нее своими виноградными прозрачными глазами.

– Смерть? Не спрашивает, верно. Иначе вряд ли ты выбрала бы помереть в лесу, затравленная паршивыми псами.

– Собак у них не было, – тихо возразила Николь.

– А кто сказал, что я о собаках?

Она поднесла к ее губам чашку с отваром.

– Пей, не болтай.

Снова этот запах от ее ладоней – свежий и горький, отгоняющий дурные сны и плохие мысли.

– Он снился мне сегодня, – вслух подумала Николь.

– Кто?

– Маркиз де Мортемар.

– Сегодня? – хмыкнула старуха. – Как бы не так.

Николь непонимающе уставилась на нее.

– Я притащила тебя сюда, когда была гроза. Позапрошлой ночью. И с тех пор ты не просыпалась.

Девочка чуть не поперхнулась лепешкой.

Ведьма хлопнула ее по спине – удар вышел чувствительный, будто лопатой приложили, – и успокаивающе заметила:

– Это хорошо. Крепкий сон лечит тело и душу. А у тебя болело и то, и другое.

Она проследила, чтобы Николь выпила отвар до последней капли, и обтерла ей губы чистой тряпицей.

– Может быть, в этом месте время течет по-другому? – Николь никак не могла поверить, что прошло больше суток. Ведь пропал же когда-то трубадур Гильом Шестипалый, заслушавшись песней феи. Пока фея пела, лист, упавший с макушки дуба, успел лишь опуститься на траву рядом с Гильомом, а у людей минуло двести лет.

– В этом месте? – хмыкнула старуха. – Уж не думаешь ли ты, что попала в рай?

Николь покачала головой:

– Вряд ли там так паршиво кормят.

Ведьма затряслась от смеха.

– Твоя правда, лягушоночек! Хоть мне и не доводилось бывать в раю, но думаю, что кушанья там будут повкуснее этих.

Она сгребла посуду и ушла.

Безразличие, охватившее было Николь, рассеялось без следа. То ли помогла лепешка, больше похожая на лекарство, чем на еду, то ли крепкий

травяной отвар. И тело, еще недавно невесомое, как стрекозиное крылышко, понемногу налилось тяжестью.

И все-таки, где она?

Последнее, что помнила Николь, – короткий полет, закончившийся ударом о всхлипнувшую размокшую землю. Едва ее тело коснулось дна, со всех сторон потянулись растопыренные лапы, вылезаящие из стен могилы. Потом сверху возникло лицо с белыми космами, в нос ударил тяжелый запах мертвечины – и все закончилось.

Николь заскреблась на постели, пытаясь подняться.

– Эй, лягушоночек, – окликнула старуха. – Что это ты задумала?

Медвежья шкура тяжела, как могильная плита! Николь со стоном свалила на пол покрывало и села на топчане. Босые ноги окунулись в пушистый мех.

– А ну стой!

Прежде, чем старуха добежала до нее, Николь невероятным усилием вытолкнула тело вверх и застыла, покачиваясь, как стебелек на ветру.

Получилось!

Но радость ее продлилась недолго. Ноги подогнулись, и Николь свалилась прямо на руки подоспевшей ведьме. Забытая рана тотчас напомнила о себе пронизывающей болью.

Старуха подхватила ее, подняла и переложила на топчан.

– Куда это ты собралась? – осведомилась она. – Решила сбежать от меня, лягушоночек?

От бессилия и слабости Николь расплакалась. Голая, жалкая, как полудохлый червяк, она скрючилась на кровати и уткнулась лицом в сгиб локтя, чтобы укрыться от насмешливого взгляда. Она чувствовала, что старуха смотрит на нее с довольной ухмылкой: можно не бояться, что птичка улетит из клетки. Да и какая из нее теперь Птичка... Лягушоночек – и только, права ведьма.

– Что с тобой, Николь?

Девочка вздрогнула от изумления.

Топчан скрипнул, когда старуха села рядом с ней.

– Тебе рано вставать на ноги. Неужели ты и в самом деле думала убежать? Зачем? Я не стану держать тебя силой, поверь мне.

Грубоватый голос ведьмы звучал теперь мягко, и насмешки в нем не было.

Николь шмыгнула носом и неожиданно для себя призналась:

– Я хотела взглянуть, что за дверью.

– И для этого встала на ноги? Золотце, из тебя вылилось столько

крови, что даже опорожняться тебе нужно с молитвой. А ты решила полюбоваться на солнышко?

Николь молча помотала головой. Не объяснять же ведьме, что она лишь надеялась понять, где они находятся. Вдруг снаружи светит вовсе не солнце, а багровые костры, которые жгут гномы глубоко в подземельях? И чирикающая птичка – вовсе не птичка, а обманка. Колдуньи горазды на такие проделки. Гильом Шестипалый четыре года развлекал троллей своим пением, думая, что выступает перед королем на пирах, а все потому, что колдун навел на него морок по просьбе подземного народа.

– Что ж, ладно, – вдруг раздалось сверху. – Вставай, только тихо.

Ведьма помогла девочке сесть. Не успела Николь опомниться, как на ее плечи набросили длинную накидку из тонкой серой шерсти, перепоясали простой веревкой, ноги обули в войлочные башмаки.

– Держись за меня.

Старуха подвела пленницу к двери, отодвинула засов и толкнула дверь.

Николь окатило, точно волной, теплым воздухом, птичьим щебетом и взволнованным шелестом листвы. Схватившись за перила, девочка сама сделала несколько шагов и остановилась, широко раскрыв глаза.

Вокруг был лес. Солнце ткало золотую паутину в его раскидистой кроне, подпиравшей небо, вспыхивало в непросохшей с ночи росистой траве. Николь никогда не доводилось видеть таких огромных дубов. Среди могучих кряжистых стволов, настоящих великанов лесного царства, стояли навтыжку темно-синие стражи – колючие веретена можжевельника. Запах их – крепкий, смолистый – был словно густое пьянящее вино, способное сбить с ног одним ароматом.

– Насладились? – грубовато спросили сзади. – А теперь живо давай обратно.

Вместо того, чтобы послушаться, Николь опустилась на нагретые доски крыльца и облизнула пересохшие губы.

В высокой траве искрились стрекозы. На краю леса щедро разливалась розовая пена благоухающей жимолости.

– Как мы здесь очутились?

– Вышли через дверь, – фыркнула старуха.

– После кладбища.

– Не твое дело. Дай-ка руку.

– Я помню, что лежала в могиле, – настойчиво повторила Николь. – Как мы оказались посреди леса?

Старуха обогнула сидящую девочку, присела перед ней на корточки. В зеленых глазах засветилось насмешливое любопытство.

– Да ты осмелела, лягушоночек. От свежего воздуха, а?
Николь не отвела упрямого взгляда.
– Как мы здесь оказались?
Ведьма сдалась:
– Я вытащила тебя из ямы и принесла сюда. Ты лежала в
беспмятстве, волочить тебя было не так уж и тяжело.
– А всадники?
– Удрали. Может, ты не знаешь, – старуха оскалилась в неприятной
усмешке, – но меня здесь побаиваются.
Николь отвела глаза. Ее разрывали противоречивые чувства.
Ведьмы служат дьяволу.
Но эта ведьма спасла ее.
Она желает тебе зла!
Она привязывала капустные листья к ее ногам, чтобы унять жар.
Вспомни, что она сотворила с деревней Левен!
Она пообещала, что Николь уйдет, когда пожелает.
Маркиз де Мортемар найдет ее и прикончит, он сможет, ему хватит
сил.
Если бы не она, я бы уже была мертва.
– Ты – колдунья! – сердито воскликнула Николь, пытаясь убедить саму
себя.
Старуха оскалилась шире:
– Это уж как тебе будет угодно, лягушоночек.
– Ты выбралась из гроба! – жалобно сказала Николь.
– Из могилы, – поправила колдунья. – Неплохо вышло, э? Малость
разукрасила себя землей, как слышала конское ржание. А потом увидала
тебя и решила, что не повредит напустить страху на этих дурней.
– Ты ведь не знала, зачем они преследуют меня.
– Не знала, – кивнула старуха. – Считай, что они пришлись мне не по
душе.
– Потому что зашли на твое кладбище?
– Может и так. А может, мне не по нраву, когда дюжина вооруженных
мужиков пытается расправиться с одной маленькой дурочкой.
– Ты... ты... Ты глумишься над мертвыми!
Усмешка исчезла с лица старухи. Она прищурилась.
– И что же, по-твоему, я с ними делаю?
– Ты достаешь из гробов истлевшие кости и пускаешь их на отвар, –
отчеканила Николь.
– Ох, и крепкий же, должно быть, получается бульончик! – ведьма

потерла руки. – Хотя от курицы было бы больше проку, и не нужно возиться в земле. Что еще?

– Ты отрезаешь у них волосы и плетешь сети для снов, – чуть менее уверенно сказала Николь.

– Тоже неплохо, – согласилась старуха. – Плести сети из волос – мое любимое занятие. Не сгодятся для кошмаров, так подойдут для плотвы. И это все? Не может быть. Выкладывай.

Девочка замялась. Как же трудно говорить, когда колдунья сидит всего в одном шаге от тебя!

И не потому, что страшно.

Но эти жуткие ведьминские тайны при дневном свете кажутся отчего-то...

Глупыми. Как не раз говорил вредный лекарь Венсан Бонне.

– Еще ты вынимаешь кишки из их чрева, – тихо проговорила Николь, – и раскладываешь вокруг нор цвергов, набив их любимым лакомством, жареными птичьими горлышками.

– Это зачем же? – удивилась старуха. – Жареные птичьи горлышки я бы охотно съела и сама.

– Карлики выползают на запах, забираются в них и не могут выпутаться. Они умеют распутывать все на свете узлы, кроме тех, что связаны из человеческих кишок.

– Ах, вон оно как! – в голосе ведьмы звучал неподдельный интерес. – И что же я с цвергами делаю потом?

– Ты вешаешь их под потолком...

– Зачем?

– Они там чахнут и сохнут.

– А высохших карликов я измельчаю и добавляю в чай, – догадалась старуха.

Николь покраснела.

– Н-н-нет. Ты ждешь, когда они ослабеют настолько, что будут не в силах сложить знак защиты. И тогда ты можешь состричь шерсть с их ушей и пустить по ветру. Пряди из ушей цвергов всегда летят туда, где они зарыли сокровища.

Старуха почесала нос.

– Заковыристо. Но, знаешь, я бы предпочла хорошую заварку.

Она поднялась и ушла за дом. Растерянная Николь осталась сидеть на крыльце, не чувствуя тепла солнечных лучей.

Ведьма вернулась очень скоро. Через ее запястье были переброшены связанные пучки подсохшей травы с разлапистыми листьями.

– Это – Евина ладонь. – Она бросила на колени девочке одну связку. – Достать ее нелегко. Любит ямы и тенистые овраги, а цветет всего неделю в году.

Николь смотрела на пожухлые листья, пытаясь понять, где она уже их видела.

– Щепотку высушенных цветков этой травы можно обменять на превосходную лошадь. Евина ладонь облегчает мучения рожениц.

Николь покрутила в пальцах стебель и вдруг заметила в розетке листьев один-единственный маленький сиреневый цветок с пятью лепестками. Николь поднесла его к лицу – и с отвращением отдернула руку.

Запах тлена! Удушливый, приторный, тяжелый аромат, от которого к горлу подкатила тошнота.

Этот запах в один миг перенес Николь назад, в размокшую под дождем яму. Она вновь увидела черное, отяжелевшее брюхо неба, край покосившегося надгробия и хищные лапы, тянущиеся к ней из земли.

Это было растение! Всего лишь трава, облюбовавшая кладбище. И пахло не мертвечиной, а цветками, за щепотку которых можно получить хорошую лошадь.

Вот что ведьма делала в могиле!

– Что-то ты притихла, – заметила старуха. – Ну, расскажи мне еще что-нибудь. Обещаю, я не стану подвешивать тебя к потолку, как несчастных карликов. У тебя и с ушей-то нечего состричь.

Николь до онемения стиснула пальцы.

Поможешь ведьме – поможешь дьяволу. Она с детства знала, что нечистый искушает род людской на каждом шагу. Вот и сейчас он пытается свернуть Николь с пути истинного: подстроил все так, что старуха сохранила ей жизнь. Расстроить его козни несложно. Сделай так, чтобы ведьма попалась Жану Лорану де Мортемару, и душа твоя спасется, Птичка-Николь.

Всего лишь заплати неблагодарностью в ответ на добро.

Это совсем немного.

Тебе даже не придется ничего делать.

Только промолчать.

– Ты, никак, побледнела, лягушоночек, – ведьма присмотрелась к ней и перехватила повыше локтя. – Поднимайся!

Николь вскинула на ведьму потемневшие глаза.

– Маркиз де Мортемар охотился на меня, потому что я украла то, что ему принадлежит, – сказала она. – Мортемар истребляет ведьм, от него не спаслась ни одна. Теперь он наверняка ищет и тебя тоже.

И хотя писклявый голосок в ее голове вопил, что она будет гореть в аду до Страшного суда, девочка твердо добавила:

– Тебе нужно уходить отсюда.

Глава 12

Венсан спускался все ниже и ниже: коридор вел под уклон. От каменных стен тянуло холодом, но снизу его временами обдавало потоком теплого воздуха, словно там, в чреве старого холма, затаился и жарко дышал дракон.

Лекарь поймал за руку раскрасневшуюся девушку, несущуюся мимо:

– Где Бернадетта?

– Возле печей, месье.

Жизнь на кухне была ключом, как будто ничего не случилось и люди не скорбели по дочери графа. Лишь черные чепцы на женщинах свидетельствовали о том, что в замке траур.

Мертвые хотят покоя, живые хотят еды.

– Подай мясо, Мартен!

– Да сыпь же соль, ведьмина отрыжка!

– Где эта несносная тупица с рыбой? Долго еще мне ждать?

Девушка шмыгнула мимо лекаря обратно с огромным подносом, на котором тускло блестели чешуей и разевали багровые пасти выпотрошенных животов толстые рыбины. Она так спешила, что чуть не сбила его с ног.

– Несешься, как шлюха на случку! – свирепо рявкнули сзади.

От хриплого окрика бедняжка встала как вкопанная, и скользкие рыбы тушки поехали вперед, грозя шмякнуться на пол.

Вот и та, кто ему нужен.

– Здравствуй, Бернадетта, – без улыбки сказал Венсан, обернувшись.

– Господин лекарь, – нахмурилась старуха, тоном лишь слегка обозначая приветствие. Во взгляде ее читался недвусмысленный вопрос.

– Я разыскивал тебя.

– Чему обязана высокой чести, месье Бонне?

Она не издевалась, но и не была серьезна. И, в отличие от прочих, не боялась его ни на йоту.

Венсан на миг задумался, кого вообще могла бояться эта острая, как рыба кость, высушенная годами старуха. Дьявола? Вот уж нет. Она сама та еще чертовка.

– Я хочу узнать про кладбище Левен.

Ему все-таки удалось удивить ее.

– Кладбище Левен? – повторила Бернадетта, всматриваясь в его лицо.

Венсан молча ждал.

Она почесала нос, не скрывая сомнений, и, наконец, проворчала:

– Эту историю знают все, и вы тоже.

– Но не в подробностях.

– Расспросите любого мальчика, он вам ее вывалит.

– Ты отказываешь мне?

Подумай, говорил его предостерегающий взгляд. Не боишься сердить лекаря? А ну как в другой раз вместо снадобья от недуга, скрутившего твои старые кости, он подсунет тебе разведенный илом ослиный помет?

Но Бернадетту угрозами было не пронять.

– К чему вам знать про Левен?

– Надоело чувствовать себя дураком, когда все вокруг только и твердят о ведьме.

Венсан спокойно выдержал ее впившийся взгляд. В конце концов, отчасти он говорил правду.

– За это вы даром дадите мне банку той мази, которую я втираю в колени, – предупредила Бернадетта.

– Идёт.

Каморка, в которую старуха привела его, была снизу доверху набита разнообразным хламом и провоняла мышами. Бернадетта опустилась на изъеденную жучками скамью, достала из кармана горсть орехов и задумчиво пересыпала из одной ладони в другую.

С пояса ее свисала огромная связка ключей. Говорили, что Бернадетта, ложась спать, кладет конец самого длинного ключа себе в рот, а челюсть подвязывает, и ни один вор-ловкач в мире не может стащить связку, не потревожив сон одноглазой.

Венсан придвинул колченогий табурет и устроился в углу. Через узенькое пыльное оконце с трудом просачивался неясный свет, которого хватало лишь на то, чтобы обрисовать контуры тощей фигуры в черном чепце. Седые волосы Бернадетты, выбившиеся из-под оборок чепца, в этом неверном свете напоминали нити паутины.

Старуха пересыпала орешки обратно. Скорлупки постукивали друг о друга: ток-ток-ток, ток-ток-ток.

– Это случилось давным-давно, в Лютую зиму...

Венсан вздрогнул и внимательно взглянул на Бернадетту. Голос ее изменился до неузнаваемости, будто внутри проснулся другой человек. И говорил этот другой протяжно и мягко, словно гладил по бархатистой шкуре пушистого зверя, и знал такие слова, которые вряд ли ожидаешь

услышать от простой старухи.

– Чужаки спустились с северных отрогов. Их гнали ледяные ветра и голод, из-за которого большая часть их народа вымерла в тот суровый год еще в дороге. Оставшиеся забились в лесные хижины и притаились, словно больной барсук.

Но лес, который тогда еще назывался Беличьим, был милостив к ним. Охотники с гор принялись стрелять белок, женщинам не было равных в выделке шкур, а старики торговали ими. Вскоре убогие шалаши сменились домами. Так возникла деревня Левен.

– Когда это случилось, Бернадетта?

Старуха не ответила. Она все пересыпала горсть орехов из одной руки в другую и, казалось, даже не услышала лекаря, внимая лишь их тихому перестуку.

– Деревня быстро богатела. В благодарность небесам жители возвели церковь из белого камня, привезенного издалека, с самого берега моря.

Прошли годы, и Левен разрослась вширь и вглубь, тесня лес. С каждой новой монетой, упавшей в карман, охотники становились все высокомернее. Они высмеивали тех, кто пахал землю в Вержи и Божани. Они дразнили толстых торговцев, выкупавших у них шкуры, хотя торговцы сполна расплачивались полновесным серебром. В своем непомерном чванстве левенцы дошли до того, что объявили себя хозяевами леса, когда-то приютившего их.

Топоры зазвенели попусту, вырубая дубы не для нужды, а лишь для того, чтобы дровосеки могли состязаться в своем умении. Лучшим деревом, самым ценным деревом топили левенцы печи и кичились друг перед другом своим богатством.

И тогда случилось им знамение: лес застонал посреди полного безветрия, небо днем потемнело, а на крышу часовни с высокого дуба прыгнула белка. Черен был ее хвост, и левое ухо черно, как копыто дьявола. Белка трижды крутнулась вокруг себя, вспыхнула ярким пламенем и сгорела без следа.

Тогда бы и прислушаться людям к голосу разума! С божьей помощью беду удалось бы отвести. Но никто не внял предостережению...

Бернадетта тяжело вздохнула. Где-то в печной трубе взвыл ветер, словно упрашивая ее продолжать.

– Белка с черным хвостом в один недобрый день явилась снова. Первым наткнулся на нее кюре, выйдя из церкви. На кладбище за часовней по надгробиям метался рыжий зверек и на каждом оставлял грязный след. Бесовское отродье прыгнуло вниз, вспыхнуло в траве, но на сей раз не

исчезло: из огня вышла молодая прекрасная девушка с распущенными рыжими волосами.

Потрясенный кюре застыл, не в силах отвести от нее глаз. А девушка направилась к лесу, избегая выходить на тропу, куда падала тень от часовни.

Но когда она проходила мимо священника, налетел порыв ветра и разметал ее длинные волосы. И тогда старик увидел, что одно ухо у девушки черное: черное, как гнилое дупло, как нутро утопленника, как копыто дьявола!

Вскрикнув, кюре осенил ее крестным знаменем. Девушка завывала, завертелась волчком и предстала перед ним в своем истинном облике – в облике старухи, древней, как смерть.

– Это и была ведьма? – спросил Венсан. Рассказ ключницы, как он ни противился, захватил его.

– Да. Не ведунья, что в песнях подземных ручьев слышит отзвуки того, чему только суждено случиться, и не знахарка, что врачует полевыми цветами и лесными травами. Настоящая ведьма – порождение глухой чащи, наколдовавшее себе человеческий облик или укравшее его у одной из тех несчастных, что бесследно сгнули в дальних болотах. Она скрылась в дубраве, на прощанье швырнув в перепуганного старика несколько рыжих волосков. На лету они превратились в острые иглы, и каждая вонзилась священнику в грудь.

– Он умер? – не удержался лекарь.

– Его нашли лежащим в беспамятстве у ограды. На сутане кюре пламенели рыжие беличьи шерстинки. В тот же вечер охотники принесли пугающую весть: в полутора лье от деревни посреди леса словно из-под земли выросла хижина: венцы покрыты плесенью, а двери нет вовсе. Рядом струится из-под корней высохшего дерева черный ручей, источая невыносимое зловоние.

Быть может, и тогда еще не поздно было опамятоваться людям. Но кто слеп, тот не прозреет, коли не случится чуда, а жители Левен не заслужили чудес.

Охотники привели разъяренную толпу туда, где среди расступившихся стволов притаилась лачуга. Крышу ее, словно живой ковер, покрывали белки. Самые глупые начали стрелять по ним и не угомонились, пока не извели все стрелы, а прочие обложили убежище ведьмы сухим сеном и подожгли.

Когда от поляны остался только дымящийся круг, охотники вернулись домой, поздравляя друг друга. В честь отважных мужчин, не убоявшихся

колдуньи, устроили целый пир. Левен наполнилась хвалебными речами и песнями.

И вдруг случилось странное. Свежее жареное мясо начало вонять тухлятиной, от вина разлило прокисшим пойлом, пирог невозможно было поднести ко рту – он смердел кошачьей мочой. Люди испугались. Но страх перерос в ужас, когда кто-то заметил черную струйку воды.

Оборвались песни, смолкли крики и пьяный смех. В молчании смотрели люди, как растекается под их ногами черная жижа, как подбирается к домам, просачивается внутрь... Лишь когда поток хлынул из окон, жители с воплями бросились спасать свой скарб.

Но очень скоро людям стало не до пожитков. Черная вода тянулась к ним, как живая, и тот, на кого попадала хоть капля, опускался на землю без сил. Один за другим люди падали, как подрубленные деревья, и никого не миновала страшная участь – ни детей, ни стариков.

Чудовищный мор наслала ведьма на жителей Левен! Те, кто пытался выбраться из деревни, сгнули в лесу. Оставшиеся умирали в мучениях, и тела их после смерти объедала белая плесень.

Одна из женщин сумела спастись: она бросилась бежать прочь из гиблого места и добралась до Божани. Но жизни в ней осталось лишь на то, чтобы поведать о страшной напасти.

На помощь немедленно снарядили отряд. Всадники везли самое необходимое, чтобы облегчить страдания умирающих; с ними были лекарь и священник.

Но на полпути из-под корней деревьев хлынула на дорогу черная вода. При виде нее лошадей охватило безумие. Не слушаясь ни поводыев, ни шпор они вскидывались в страхе и убегали. Люди задумали соорудить переправу, но доски гнили в их руках, ветки ломались, из только что срубленных крепких стволов выползали тысячи жуков, и стволы на глазах рассыпались в труху. Отряд вынужден был отступить.

Оставшиеся в живых жители Левен, впав в отчаяние, решили вместе вознести молитву об избавлении от злых чар. Но когда они приблизились к церковным воротам, налетела буря, какой прежде не случалось в тех краях. В ее вое слышались крики тысяч глоток, словно грешники голосили в аду. Ураган выдрал с корнем исполинский старый дуб и обрушил его на церковь; церковь рухнула, и под ее обломками погиб несчастный кюре.

Однако и этого ведьме показалось мало. Когда смолкли последние стоны, лес сомкнулся кольцом вокруг деревни. Многолетние дубы склонились над крышами и протянули к ним ветви; когда же они распрямились, от деревни Левен не осталось и следа. Лишь кладбище не

тронула ведьма, ибо не мертвые разгневали ее.

Бернадетта замолчала. Венсан подождал, не последует ли продолжение, но в каморке был слышен только сухой перестук орехов.

– Что потом случилось с ведьмой и ее лесом?

Старуха ссыпала орехи обратно в карман и отряхнула ладони.

– Лес прозвали Черным вместо Беличьего, – уже своим обычным голосом сказала она. – А колдунья... Что ей станется! Живет себе в своей лачуге, не боясь ни людей, ни зверей. Гибельный ручей ушел под землю, и больше его не видели. Но говорят, черные воды можно разбудить снова.

– Если побывать на кладбище Левен, – медленно проговорил Венсан.

– Если прогневать ведьму, – поправила Бернадетта. – Она владеет этими лесами, а вовсе не граф де Вержи, да простит меня его милость за такие слова.

Старуха перекрестилась и со вздохом поднялась.

– Я рассказала вам то, что вы хотели узнать, месье Бонне?

Венсан тоже встал.

– Я слышал, люди ходят к ней лечиться.

Бернадетта усмехнулась:

– Если у тебя болит зуб, пойдешь за исцелением к самому дьяволу, продашь ему душу и будешь считать, что дешево отделался. Но разве кто признается по доброй воле, что шастал к колдунье в Черный лес?

– Ты видела ее своими глазами? – прямо спросил он.

Старуха растянула губы в улыбке, но взгляд ее остался недобрый.

– А вот о себе я не подряжалась чесать языком. Не забудьте вечером занести мне мою мазь, месье Бонне.

Стоило Венсану вернуться, как в его нору заглянул гость. Должно быть, лекарь выглядел еще мрачнее обычного, поскольку открывший было рот помощник кузнеца выдавил что-то невнятное и мгновенно исчез – только сквозняк успел свистнуть в приотворенной двери.

Как зовут этого паренька с нахальной рожей?

Матье, вот как. Это его Николь уговорила сходить на кладбище Левен.

Во всяком случае, храбрости мальчишке не занимать.

Вопреки ожиданиям Венсана, рассказ Бернадетты почти ничего не добавил к тому, что он знал и без нее, и не принес ясности в терзавший его вопрос: отчего все так истово верят в старую легенду.

И что, черт побери, случилось с несчастной Николь? Не ведьма же ее утщила, в самом деле, как пытаются убедить маркиза перетрусившие глупцы.

Бонне развернул стул и сел, хмуро уставившись на шкаф.

Слишком много всего намешано в котле прошедших событий. Но, как говорил Анаксагор из Клазомен, вместе все вещи были, ум же их отделил и привел в порядок.

Итак, по порядку.

Элен выпила настой элесии и скончалась на месте. Венсана не схватили лишь потому, что подозрения пали на Николь. Все решили, что отраву подсунула горничная, и ее побег только подтвердил это.

Венсан доставал бутылочку не чаще двух раз в месяц, когда Алису де Вержи начинали мучить мигрени. Он никогда не приносил ее в замок: всякий раз, когда за ним посылали, отмерял требуемую дозу, разводил и отливал в отдельный пузырек. Средство не могло храниться дольше суток, но за это время боли у Алисы отступали.

Бонне был первым человеком, сумевшим избавить графиню от мучений. Кто мог слышать, как он предупреждал Алису быть осторожной с лекарством?

Кто угодно.

Венсан раздраженно мотнул головой и встал. Подумав, подошел к шкафчику и пересчитал свои склянки. Да, сорок семь вместо сорока восьми: сорок семь самых ценных, самых дорогих эликсиров, большую часть которых он изготовил лично. Одни покрылись тонким слоем пыли, другие использовались так часто, что пыль не успевала оседать на стекле. Каждая склянка подписана, на одних наклейка плотно обхватывает пузырек, на других узкая желтая полоска бумаги обвивает горлышко, как шарф тощую шею рыбака.

Подписаны!

Венсан попытался вспомнить, как выглядел флакон, когда Пьер достал его из сумки. Определенно, на нем не было ярлычка. Убийца оторвал его – должно быть, из опасения, что Элен может прочесть название и вспомнить, что это лекарство принимает ее мать.

Предусмотрительный человек.

Утешает одно: у Венсана есть еще немного экстракта элесии. Вот он, маленький пузырек в дальнем углу полки; его почти не видно за высокими склянками. Венсан когда-то отлил в него чуть-чуть про запас. Не иначе как его вело провидческое чутье. Через несколько дней у Алисы снова начнутся ее ужасные приступы, во время которых она умоляет отрубить ей левую половину головы – именно там гнездится боль. Хорош был бы лекарь, бормочущий что-то несвязное об исчезновении спасительного средства.

Венсан закрыл дверцу шкафа. Отчего он не продумал запереть его на

ключ...

Все дело в трепете, который испытывают перед ним местные жители. Для них лекарь – помесь знахаря с колдуном. Этот почтительный страх чувствовался в каждом, кто говорил с ним, потому-то Венсан самонадеянно решил, что его драгоценным лекарствам ничего не угрожает. Да что там! Он и дверь-то не всегда запирает на ночь.

И ошибся. Теперь ему даже не удастся припомнить наверняка, был ли вчера флакон на своем месте. Он ведь не заглядывал в шкаф... Или заглядывал? Черт побери!

Венсан вслух выругался, но тут же взял себя в руки. Вчера, позавчера – какая разница! Кто-то пришел к нему и утащил пузырек из шкафа, а потом подсунил Элен, убедив ее, что это успокоительное. Воришка и убийца – не обязательно один и тот же человек, и это еще больше запутывает дело.

«Нет, – подумал Венсан, – очень даже важно, вчера украли флакон или раньше. Потому что я смогу вспомнить всех, кто вчера навещал меня. Если позавчера экстракт еще был в шкафу, значит, вор – один из вчерашних гостей».

Кто первый всплывет в памяти? Ну-ка, подумайте, месье Бонне.

Венсан поморщился.

Николь Огюстен, вот кто.

Он вспомнил, как ночью она постучалась к нему, дрожа от холода. И голос ее дрожал, но уже от скрытого торжества, когда она предъявила ему мешочек с землей.

«Она с кладбища Левен! – твердила девчонка, глядя на него расширенными глазами. – С кладбища Левен, можете себе представить, месье Бонне!»

Итак, ты все-таки добралась до него, сказал он, качая головой. Напомни мне, сколько раз я говорил тебе, что это вздор. Двадцать? Тридцать? Ты не научишься понимать язык зверей, если смешаешь эту землю с медом диких пчел и будешь мазать губы каждый вечер на закате! Нет никакого языка зверей, Николь!

С таким же результатом он мог бы убеждать собаку не зарывать кость. Хозяйин, сказала бы собака, виляя хвостом, неужели ты не понимаешь, что из нее прорастут новые косточки? Каждый пес в округе знает, что это так. Костяное дерево! Р-р-р-гав! Я мечтала о нем всю свою собачью жизнь!

Вот и Николь смотрела на него глазами щенка, ошалевшего от счастья. Иногда Венсану казалось, что эта дурочка абсолютно глуха к любым доводам рассудка.

А между тем она была вдесятеро смышленей, чем любой из слуг в замке Вержи. Венсан быстро убедился в этом. Он до сих пор помнил недоверчивое изумление, охватившее его, когда он осознал, кого подкинула ему судьба в этом богом забытом местечке.

Прозвище подходило ей как нельзя лучше: легкая, стремительная, Птичка схватывала на лету все, что он ей говорил. Однажды, поддавшись ее уговорам, Венсан объяснил, как делает вытяжку из корня чертополоха. Полгода спустя Николь повторила его объяснение слово в слово.

Ни один из окружавших ее людей не имел и сотой доли той любознательности, которую проявляла девочка. А Венсан ценил ум в сочетании с жаждой знаний.

Но – святой Рохус, покровитель врачей, до чего же она была суеверна! Да что там суеверна! Ее от макушки до пят переполняли предрассудки. Самые дикие и нелепые заблуждения, какие только можно представить, гнездились в кудрявой голове Николь.

Ее мир был обжит тысячей сказочных существ. По ночам мимо окон проносился в воздухе Вуивр, предводитель змеев, а Безрукий Симон, зарубленный четырнадцать лет назад, ковылял по замку, стеной на все лады. Алчные гномы колдовали над сундуками, тролли раскалывали камни, чтобы из их сердцевины вылущить горное зерно, лесные девы трудолюбиво плели сеть из следов летучей мыши: накинешь ее на плечи – станешь невидимкой.

Венсан злился, что случалось с ним крайне редко. Что может быть прискорбнее для ученого, чем невежество дурака? Только невежество умного!

Там, где у Венсана был полет мысли, у Николь был полет фантазии. «Пустые выдумки, нагромождение чуши!» – негодовал он. Отличный ум, работающий вхолостую! Ничто не могло взбесить его больше. Он случайно наткнулся на сокровище там, где меньше всего ожидал этого – и что же? Девчонка, которая бредит наяву! Лучше бы она была дурой.

Но и думая так, Венсан смутно чувствовал величие призрачного мира, возведенного ею над убогой действительностью. В глубине души, против собственной воли, он не мог не восхищаться тем, какую колоссальную работу проделывает ее воображение, озаряя повседневность сиянием волшебства.

Николь вбила себе в голову, что земля, выкопанная из могилы, которой больше ста лет, поможет ей понимать язык зверей. Она даже уговорила Матье отправиться на кладбище, хотя все в округе до дрожи боялись Черного леса.

Венсан не мог не преклоняться перед подобной настойчивостью на пути к цели. И не мог не выходить из себя, видя, до чего эта цель смехотворна.

Он пожалел, что еще раньше согласился выдать ей дикого меда из своих запасов. Это было опрометчиво. Но Николь так умоляла его, что он сжалился. В конце концов, подумал он тогда, не будет большого вреда, если она станет мазать рот этой гадостью. Лишь бы не забывала полоскать потом. А там, глядишь, ее вера во всякую чушь поубавится.

И вот теперь оказалось, что вред есть, и еще какой.

Но разве мог он представить, до чего все вокруг подвержены этим бредням!

«Смешай землю с медом диких пчел, – вспомнилось ему, – и человек сойдет в могилу».

Чертово дурачье!

Однажды он пытался объяснить Николь, что стоит за старой легендой.

– Нет никакой колдуньи. В лесу живет обычная знахарка.

– Зачем обычной знахарке селиться в такой глуши? – перебила девочка.

– От вас еще и не так далеко заберешься!

Николь в ответ рассмеялась: она не принимала всерьез его брюзжание.

– Конечно нет, месье Бонне. Никакая она не знахарка. Она страшная и могущественная колдунья. И я легко могу вам это доказать!

– Ну, попробуй, – усмехнулся Венсан.

– Вы всегда говорите, что для вас имеет значение то, что можно увидеть или пощупать, верно?

– Подтверждение фактами.

– Ага, точно. Тогда что вы скажете о Левен? – девочка победоносно уставилась на него. – Она исчезла, потому что все жители умерли, а деревню проглотил лес. Но осталось целое кладбище! И развалины церкви – я видела их! Разве это не доказательство? Отчего же, по-вашему, могла случиться такая беда, как не от ведьминого проклятия?

– Эпидемия, – кратко ответил Венсан.

Как всегда, когда он произносил непонятные и сложные слова, Николь рассердилась. Когда-то Венсану пришлось убеждать ее, что он вовсе не насмехается над ней, но, кажется, девочка поверила ему не до конца.

– Это что еще такое? – насупившись, спросила она. – Снова длинное имя какой-нибудь несчастной травинки, которая знать не знает, что вы ее так обзываете? Об него можно язык завязать узлом!

Венсан сдержал ухмылку. Заметит его дрогнувшие губы – совсем

разобидится.

– Это распространение болезни, Николь. Такой болезни, которая сеет свои семена не в одной лунке, а на широком поле. Эпидемия поражает очень многих людей. Например, чума. Ты ведь слышала о чуме?

Николь широко раскрыла глаза и, не отвечая, быстро начертила пальцем правой руки на левой ладони крест и выставила перед собой.

– Она не появится от того, что мы произносим ее имя, – заверил Венсан. – Но я понял: ты о ней слышала. Левен вымерла от какой-то эпидемии. Болезнь разнеслась очень быстро и не пощадила никого.

Девочка разомкнула губы, но выставленную перед собой руку не торопилась убирать.

– Откуда вы знаете?

– Об этом говорят факты. Люди погибли быстро – это раз. Никто не пришел на помощь – это два. Несомненно, боялись заразиться.

– Им помешал пройти черный ручей!

Венсан покачал головой:

– Это сказки, Николь. Им помешал здравый смысл. Кто-то, возможно, назвал бы это страхом. Между ними нет большой разницы.

– Дома пожрал лес!

– Дома были сожжены, либо сами постепенно разрушились. Каменные плиты на могилах сохранились, потому что они мало подвластны времени.

Лекарь с сочувствием наблюдал, как девочка сникает под градом его доводов. И хотя ему было почти жаль разрушать легенду до конца, он все-таки не мог промолчать.

– Запрет ходить в Левен подтверждает мое предположение, Николь. Люди боятся, что в тех местах могла сохраниться зараза. И чтобы никто не разнес ее, придумали страшную сказку.

... – Сказка, – повторил лекарь, закрывая шкаф.

Нет, деревня Левен его мало занимала. Куда страшнее, что в замке убийца, воспользовавшийся его лекарством.

Зачем?

Кому мешала старшая дочь графа?

Во всяком случае, не горничной (в этом он больше не сомневался). Надо совсем не знать Николь Огюстен, чтобы обвинять ее в убийстве.

Младшей сестре? Малютке Беатрис?

Это куда более вероятно. Сестры часто враждуют между собой. И хотя Элен и Беатрис казались дружными, кто знает, что творилось за закрытыми дверями их спален.

«Довольно думать об этом, – оборвал себя Венсан. – Тебе не платят за подозрения. А если ты выдашь свои мысли, то плата настигнет, но вряд ли придется тебе по душе».

Черт с ней, с покойной дочерью графа, да и с живой тоже! Пусть они все хоть под землю провалятся к тем ушастым карликам, о которых твердила Птичка, – ему плевать. Он жаждет лишь одного: работать без помех.

Затхлый быт, однообразные серые будни, особенно тягостные зимой – разве это что-то значило для Венсана! Нет, его настоящая жизнь проходила не здесь, и награду приносили не те исцеленные, что взирали на него потом умиленными глазами. Венсан был не слишком высокого мнения о людской благодарности и не дорожил ею.

Выздоровевшие больные лишь прилагались к тому главному, что составляло смысл его существования. Его вдохновение, его талант, его любовь, в конце концов! – все здесь, закупорено в стеклянных бутылочках, рассыпающих радужные блики по стенам, сохранено в толстых помятых тетрадах, исписанных его неразборчивым почерком.

Он знал, что настоящие врачи, закончившие университет, с насмешкой отвергли бы его, вздумай он показать свои работы. Лекарь, обучавшийся в монастыре? Да на что он годен, кроме как драть зубы и отворять кровь! Заурядный ремесленник!

Пусть.

Когда он упорно, день за днем, час за часом расшифровывал старые забытые травники, разбирал рецепты до помутнения в глазах, собирал, подчас рискуя жизнью, необходимые ингредиенты, бился ночами над верными составами, наконец испытывал готовое средство – и с радостным, плохо скрываемым трепетом наблюдал его действие – тогда он работал не для этих образованных господ, считавших себя высшей кастой среди врачей. И не для потомков, и даже не для своих больных.

Венсан Бонне постеснялся бы назвать себя ученым, но в своих изысканиях он порой забирался в такие выси, что жизнь насущная оставалась где-то далеко-далеко. Ею можно было пренебречь как бесконечно малой величиной.

Видит бог, он неплохо к ней приспособился. Когда-то его изрядно пошвыряло по свету. Он давно запутался в подсчетах, сколько раз его пытались убить, но всегда помнил, что его собственная рука трижды наносила смертельный удар. Попадались люди, не желавшие, чтобы его ремесло приносило плоды. Нетерпеливый наследник богатого дядюшки (Венсан пользовал старика от подагры), молодая жена торговца, мысленно

примерявшая черное платье вдовушки... Их было много, но лица, одинаковые сытые лица с притушенным жадным блеском в глазах сливались в его памяти в одно.

Лекарь давно открыл способ сбегать от них, скрываясь там, где ни один не мог его достать. В его эмпиреи проход им был закрыт.

Только там он был абсолютно свободен. Только там он испытывал восхитительное чувство полного и всемогущего одиночества, подобного одиночеству птицы, парящей среди воздушных потоков и самой направляющей свой полет, куда она пожелает. Эта свобода изгнанника и служила его спасением.

Ради этого и был его труд.

Но деньги на исследования не падают с небес. Он зарабатывает своим ремеслом, и зарабатывает неплохо. Год неустанного труда в графстве Вержи позволил ему приобрести лучший микроскоп из всех, что были доступны: английский, с тремя линзами, изготовленный из слоновой кости и бронзы – детище самого Роберта Гука.

Беатрис ли прикончила сестру или нет, дело Венсана молча лечить ее. И, сказать по правде, ему все равно.

Жаль только маленькую смышленную певунью, так нелепо втянутую в эту историю.

– Будем надеяться, Птичка, тебя не отыщут, – тихо сказал Венсан Бонне.

* * *

Лошади хрипели, едва удерживаемые всадниками. Маркиз де Мортемар проехал мимо своего небольшого отряда.

– Мы поймаем ее, – отдельно повторил он. Ему не пришлось напрягать голос: на площади стояла такая тишина, что его услышали бы, даже говори он шепотом.

Мортемар огляделся, и под его взглядом толпа откатилась назад подобно волне.

– На моем счету сорок две убитых ведьмы, – бесстрастно поведал он. – И множество их пособников. Что делает человека помощником нечистого? Отвечайте!

Молчание. Только поскрипывает деревянная перекладина, обхваченная крепко затянувшимся узлом.

– Трусость, – поведал Мортемар. – Ибо трусость разъедает наши души,

и дьяволу легче овладеть ими. Крепость с расшатанной стеной – вот что есть душа, страшущаяся зла. Она первая сдастся противнику.

Перекладка неумолимо продавливается под тяжестью своего груза. Лошади, бешено выкатив налитые кровью глаза, в испуге перебирают копытами по камням, и железный скрежет сливается с треском дерева.

– Наполните ваши сердца отвагой, ибо вы сражаетесь на стороне господ! Помните – расплата за ваш страх ждет еще на этом свете.

Мортемар сокрушенно покачал головой и пнул раскачивающееся на веревке тело. Оно описало неровный круг. Перекладка треснула и надломилась.

Бородач Андрэ рухнул на землю, показывая небу черный язык.

– Трусость... – повторил маркиз, даже не взглянув на него. – А теперь отведите меня туда, где была ведьма!

Конь Мортемара облегченно рванулся прочь от мертвого тела, и вскоре топот копыт затих на дороге, ведущей к Черному лесу.

Глава 13

Звучный голос священника разносился в воздухе, согретом дыханием людей, и ему вторило беззаботное воркование голубей. Птицы слетелись в церковь с утра и сейчас толпились у подножий статуй, бесстрастно взирающих сверху на опечаленную толпу. Иногда испуганный взмах крыльев резким хлопком вспарывал молчание, и тогда отец Годфри на миг отрывал укоризненный взгляд от молитвенника.

– Божьи создания тоже провожают нашу голубку, – прошептала какая-то женщина рядом с Венсаном и, не удержавшись, всхлипнула.

Многие из собравшихся беззвучно плакали, даже кое-кто из мужчин незаметно утирал слезы. Все эти люди едва знали Элен. «Николь сказала бы, что они оплакивают убитую молодость и красоту, – думал Венсан. – А я бы возразил ей, что они льют слезы о той, кого никогда не существовало. Старшая дочь графа Вержи не была ни добра, ни великодушна. Но куда приятнее оплакивать воображаемого человека, чем настоящего.

Что бы ты сказала, Птичка, узнав, что уже вечером эти люди будут с упоением смаковать подробности ее смерти? Откусывать по крошечному кусочку от потрясающего события, сладостно перекачивать на языке жуткие детали. Точно дети, которым сунули кусок марципана. Ты бы расстроилась, правда, Птичка? Но ведь им так редко достается марципан».

Двое не проронили ни слезинки во время службы: граф и графиня Вержи.

Венсан украдкой взглянул на высокую бледную женщину с надменным ртом. Скорбела ли Алиса по дочери? Этого он сказать не мог.

Венсан вспомнил, какой злобой дышало обычно невозмутимое лицо графини, когда она кричала Пьеру Рю: «Они ее упустили!» С красных пылающих губ Алисы слетали проклятия. Там, где другая мать была бы убита горем, эта была одержима одной мыслью: покарать того, кто покусился на ее благополучие.

Граф тоже был в ярости, но по другой причине. До Венсана доносились отголоски разговоров о том, что за супружество уготовлено Элен, и он сразу понял, чем для честолюбивого Гуго де Вержи мог стать этот брак. А граф был очень честолюбив. Венсан не раз задумывался, отчего человек с подобными устремлениями заточил себя в глуши, вдалеке от почестей королевского двора и того места, которое он, с его способностями и умом, мог бы занять.

Возможно, брак дочери мог стать первой ступенькой лестницы, ведущей Гуго наверх. И вдруг убийство в один миг перечеркнуло его замыслы.

Если Венсан Бонне хоть немного разбирается в людях, граф должен быть просто в бешенстве.

Правда, у него есть вторая дочь, но она еще мала, и к тому же неизвестно, согласится ли на этот брак семья де Суи. Отец жениха может счесть гибель невесты дурным знаком.

Неожиданная мысль кольнула Венсана. Мог ли Гуго сам убить свою дочь? Глядя на его узкое лицо с острым, как лезвие ножа, носом, лекарь не испытал и тени сомнения. С графа, пожалуй, стало бы своими руками влить питье в рот дочери, если она...

Если она – что? Что такого должна была сделать несчастная Элен, чтобы разгневаться графа?

Не разгневаться, поправил себя Венсан. Помешать. Гуго – расчетливый человек. Элен должна была сорвать его замыслы.

Какие замыслы?

И вновь Венсан резко одернул себя: не твое это дело! Стой себе тихо, опустив глаза в пол, и печалься со всеми о безвременно ушедшей девушке. Тело опустят в землю, могила порастет травой, и жизнь снова выровняется, а там пойдет своим чередом, словно и не случилось никаких потрясений.

А ты, Птичка-Николь, лети как можно дальше от этих мест, прочь от рассвирепевшего маркиза и графа, страшного в своей холодной ярости.

Внезапно, первый раз за все время, Венсан осознал, что если его просьба небесам будет исполнена и беглянку не схватят, он больше никогда ее не увидит. Монотонный ли голос священника подействовал на него или всеобщее горе, но только необъяснимая тоска вдруг навалилась на Бонне.

Лекарь качнул головой, отгоняя навязчивые мысли. Ерунда! Найдет себе в помощь неглупого парнишку из местных и, может быть, даже возьмет его в ученики.

Но тоска вцепилась в сердце прочнее, чем перепуганное дитя хватается за мать.

В тот вечер Венсан Бонне выпил слишком много вина и быстро заснул крепким сном без сновидений.

Поспать до утра ему не удалось. Среди ночи его разбудил громкий стук.

– Месье Бонне!

Первая мысль пробудившегося Венсана была о Николь. Однако почти

сразу он сообразил, что в случае ее поимки никто не стал бы звать лекаря.

Заспанный Венсан выглянул наружу.

– Что случилось?

Парнишка-слуга неуклюже поклонился:

– Месье Бонне! Нужна ваша помощь.

– Что там еще? – резко спросил Венсан, охваченный недобрым предчувствием.

– Младший конюх его милости! Он упал, когда спускался по лестнице, и теперь не может встать.

Спину сломал, мелькнуло в голове Венсана. Что за напасть...

Но еще издали увидев конюха, скорчившегося на полу галереи, он сразу понял, что его предположение неверно. Жермен громко стонал от боли, держась за ногу. Стоявшие рядом стражники утешали его воспоминаниями о товарищах, падавших с различной высоты и умиравших на месте мучительной смертью.

– Господин лекарь, велите им уйти! – простонал Жермен, когда Венсан присел возле него. – Я хочу попощатся с жизнью!

– Это преждевременно, – хладнокровно отозвался Бонне. – У тебя сломана нога, и еще... – он ощупал голову Жермена, – ...приличная шишка на затылке.

– Все вино, будь оно неладно! – заныл конюх. – По этим ступенькам я могу спуститься с закрытыми глазами.

– Видно, так оно и было в этот раз! – со смехом отозвался один из стражников.

Младший конюх с чувством пожелал ему провалиться напрямик в бесовский котел.

– Я стоял на самом верху, а мимо промчался какой-то малец, – пожаловался он Венсану. – Дрянное семя!

– Он тебя задел?

– Боднул так, что я крикнуть не успел, как уже распластался внизу! Я ведь не все вам показал, месье Бонне. У меня еще язык прикушен и зуб вылетел.

– Ну, так благодари господу, что легко отделался.

– Не жалеете вы нас! – захныкал Жермен. – То ли дело месье Кулерэн, что был до вас... У него для каждого находилось утешительное слово!

– Сердобольный врач ухаживает страдания, – парировал Венсан, припомнив старую поговорку. – Лежи смирно, иначе у меня найдутся для тебя такие слова, какие и не снились месье Кулерэну.

Венсан наложил шину на месте, хотя конюх требовал, чтобы его непременно отнесли в лекарскую: так в замке называли комнату, которую выделили Бонне для операций. До сих пор она пригодилась лишь дважды: первый раз для стражника по прозвищу Люк-Дуболом, а второй для старика из ближней деревни, случайно хрястнувшего себе топором по руке.

– Однорукому сколько чести было! – возмущался Жермен. – Я что, хуже него?

– У тебя простой перелом. Чем таскать тебя с места на место, лучше сразу закрепить кость как надо. Ты ведь хочешь еще гарцевать на лошади?

Конюх притих.

Закончив работу, лекарь побрел к себе. Его снова неудержимо клонило в сон: давало о себе знать выпитое вино. Беззвездная мгла, пронизанная сиротливым ветром, окутала замок.

Он подошел к двери, толкнул ее – и остановился на пороге.

Вся сонливость мигом слетела вместе с невыветрившимся хмелем. В комнате кто-то побывал.

Венсан чувствовал это по едва уловимому чужому запаху, по слегка сдвинутому с прохода стулу, по дверце шкафа, приоткрытой на дюйм больше, чем он оставил. Бонне успел сродниться со своим жилищем и без труда читал его мельчайшие знаки. Но сейчас дом не шептал, он громко заявлял: здесь был незванный гость.

Не произнеся ни слова, Венсан быстро прошел к шкафу и распахнул дверцы.

С его губ не сорвалось ругательство. Лекарь даже не изменился в лице.

Он знал, что увидит.

На всякий случай Венсан зажег самую яркую лампу и в ее свете перебрал все склянки и облазил пол, чтобы убедиться, что сам не уронил лекарство.

Но все это было пустой тратой времени.

Маленький пузырек с настоем элесии бесследно исчез.

Запоздало спохватившись, Венсан выскользнул за дверь и бесшумно обошел нижний двор, заглядывая в самые темные углы и вслушиваясь, не принесет ли ему чуткое эхо звук чужих крадущихся шагов. Он сунул правую руку в карман, и на нее скользнул, будто сам собой, кастет. Страшное оружие в умелых руках, что и говорить, но лекарь прибежал к его помощи крайне редко – именно потому, что его руки были умелыми.

Однако на этот раз кастет не пригодился. Вор был уже далеко. Ему хватило времени на то, чтобы пробраться к лекарю, без лишней спешки

отыскать нужный пузырек и скрыться.

Венсан сжал кулаки. Чертов дурак! Он так торопился к больному, что не запер дверь. Впрочем, нечего оправдываться спешкой. Он слишком много выпил, был чересчур взбудоражен всем случившимся – и вот итог.

Из глубины души поднялась лютая, неистовая злоба. Убийца сделал Бонне невольным сообщником, но это было еще полбеды. Осквернив его дом и украв эликсир, он надругался над самой сутью того, что составляло смысл работы лекаря. Венсан рисковал жизнью, чтобы получить средство, избавляющее от мучений, – и что же? Оно вновь послужит смерти! Вор не просто безнаказанно хозяйничал у него в доме – он проделал это дважды, точно лекаря можно было даже не принимать в расчет.

Ослепленный яростью, Венсан ударил кулаком по стене, еще и еще, не замечая боли. Попадись ему в этот миг воришка, он задушил бы его голыми руками.

Только почувствовав, как из рассеченной кожи сочится кровь, он немного пришел в себя.

Тише, тише... Вор вовсе не желал унижить его. Он лишь повторял уже знакомый путь.

И что же это значит?

Что будет второе убийство.

Венсан двинулся в сторону замка, на ходу слизывая кровь с костяшек. Из темноты у ворот выступил человек.

– Кто идет?

– Это я, Бонне. Скажи, друг мой, кто проходил мимо тебя с вечера?

Парень замялся:

– Я, значит, только в полночь заступил...

– Пусть так. Кто?

Молодой стражник начал перечислять имена, но сбился: людей было слишком много. Венсан поморщился. В замке до сих пор продолжался поминальный ужин, и, конечно, кто только ни сновал по обоим дворам мимо сонного парня.

Запирая изнутри засов на своей двери, он с насмешкой подумал, что теперь-то в защите нет никакого смысла. Настой украден, и у него больше не осталось запасов. Разве что вор захочет воспользоваться каким-нибудь другим составом из тех, что любезно предлагает убийцам лекарь Бонне.

Ярость понемногу оседала, словно песок во взбаламученной воде. Венсан закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул, изгоняя остатки злости. Злость – плохой советчик, а бешенство – никудышный поводырь.

Понемногу к нему вернулось холодное спокойствие. Но осевшая

ярость ощущалась где-то глубоко внутри, возле позвоночника, и время от времени покалывала оттуда острыми иглами ненависти.

Он снял серебряный перстень с выпуклым крестом, который носил со дня окончания монастырской учебы, и перебинтовал разбитую руку. Рутинная привычка движений окончательно привела его в себя. Венсан убедился, что ставни закрыты плотно, уселся за стол и открыл рецептурную книгу.

Свечи горели ровно и сильно. Рука сама вывела первое слово под верхним обрезом чистой страницы.

«Элен».

Ему всегда хорошо думалось под скрип пера по бумаге. Будь рядом Николь, он посадил бы девчонку выводить любые каракули, а сам бы ходил и размышлял. Но Птичка далеко. Придется обходиться самому.

«Вы хотели держаться как можно дальше от этого дела, месье Бонне», – прозвучал в его голове обеспокоенный голос девочки.

Хотел, согласился мысленно Венсан. Но через несколько дней графиня опять начнет сходить с ума от мигреней, и что прикажешь мне делать без элессии, единственного средства, избавлявшего ее от боли? Нет, Птичка, необходимо отыскать похищенное.

«Но почему бы вам не пойти к графу, месье Бонне? – предложила воображаемая Николь. – Вы чистосердечно признаетесь его милости во всем, что произошло. Он прикажет обыскать людей в замке».

Но прежде его милость прикажет вздернуть меня, с усмешкой возразил Венсан. Или ты плохо знаешь Гуго де Вержи? Думаешь, он поверит, что я не замешан в смерти его дочери, если я скрыл, что убившее ее средство принадлежало мне?

«Граф сперва разберется...» – начала его собеседница.

Возможно, именно граф это и придумал, заметил Венсан. Тогда он все равно повесит меня. Ведь свалить вину на коварного лекаря намного удобнее, чем на горничную, тем более сгинувшую невесту где. Его милость даже не будет утруждать себя сочинением причин, по которым я мог бы убить его дочь: все вокруг без объяснений примут тот факт, что я чудовище и потому расправился с бедняжкой.

«Под пытками вы сами все успешно сочините, месье Бонне», – прошелестел грустный голос Николь.

Да, и правда, рассмеялся Венсан. Об этом я не подумал. Ничто не делает человека столь изобретательным, как самая обычная кочерга, раскаленная в жаровне. Ведьмы, истребленные маркизом де Мортемаром, могли бы многое поведать об этом.

Голос девочки умолк. Николь нечего было возразить.

Некоторое время Венсан всерьез обдумывал, не исчезнуть ли ему, пока не поздно. Он соберет свои пожитки быстрее, чем наступит рассвет, и к утру следующего дня будет далеко.

«А к вечеру меня уже схватят слуги графа, заинтересовавшегося, отчего его лекарь сбежал всего через два дня после смерти его старшей дочери».

Венсан вернулся за стол и вывел на шершавой бумаге строкой ниже: «Элесия».

Свечи потрескивали и оплывали, по комнате от них распространялся сильный приятный запах. Венсан Бонне всегда использовал самые дорогие, восковые свечи. Их спокойное сияние далеко раздвигало темноту, заставляя тени боязливо ежиться по стенам. Но в углах они впитывали густой отвар ночи, сгущаясь в плотные, будто почти осязаемые фигуры.

Тени скользили мимо Венсана, и он, не приглядываясь, узнавал в них графа, белокожую Элен, Пьера Рю, надменную графиню, маркиза... Сплетаясь в танце, они неслись все быстрее и быстрее, сливались в сплошное мельтешение серых пятен, затягивая и его в свой стремительный круг. Кружитесь с нами, месье Бонне! Сыграйте с нами!

Венсан зажег еще одну свечу, и побледневшие тени дернулись в стороны. Лекарь обвел взглядом стены своего жилища и усмехнулся.

«Вы вступаете в очень опасную игру, месье Бонне», – проговорил в его голове напряженный голосок.

Знаю, Птичка-Николь. Но, похитив второй пузырек, убийца не оставил мне выбора. Ты можешь считать, что он уже втянул меня в свои игры. Если я останусь отстраненным наблюдателем, исход ее предрешен. Так не лучше ли действовать, пусть даже рискуя?

Николь замолчала, и Венсан рассмеялся. Смех странно прозвучал в пустой комнате. Ну не забавно ли, что единственный человек, с которым он мог бы обсудить все не таясь – девчонка-служанка?

«Вы хотите найти убийцу и разоблачить его?»

Не совсем, Птичка-Николь. Да, я хочу найти убийцу. Но лишь для того, чтобы забрать у него свое лекарство. Мне не нужны доказательства его вины, которые я смогу предъявить людям, и мне безразлично, понесет ли он наказание. Ты неодобрительно хмуришься? Но я не карающий меч в руке господина, я врачеватель, ученый, если хочешь, и моя работа мне дороже любого правосудия.

Пусть суды карают преступников, небесные или земные. Я всего лишь человек.

«Но как вы найдете его, месье Бонне? Как?»

Венсан подумал, придвинул к себе чернильницу и начал быстро писать.

Проснувшись утром, он первым делом сжег в камине все, что вывело его перо этой ночью. В записях больше не было смысла: они крепко отпечатались в его памяти.

Кому была выгодна смерть Элен?

Первым именем в его списке стояло «Беатрис».

Что он знает о ней? Легкомысленная, капризная, очаровательная, умеющая получать все, что захочет. Поневоле жестокая, как любое дитя, не привыкшее встречать противодействия в своих просьбах. Что еще? И вполнину не такая красивая, как Элен, но прелестная своей живостью. Кажется, привязанная к Николь – как привязываются к любимой и к тому же нужной вещи.

Может это быть портретом убийцы?

Вполне.

Вскоре Венсан Бонне входил в покои младшей дочери графа.

– Коринна, как себя чувствует наша маленькая госпожа?

– Хвала господу, месье Бонне! Она даже покушала нынче с утра, моя крошка, а потом снова уснула.

Венсан присел перед кроватью девочки и будто бы невзначай дотронулся до ее туфель. Ночь была обильна на росу, и если его подозрение справедливо, расследование на этом можно считать законченным.

Но нежная кожа туфелек была совершенно сухой. Подняв голову, Венсан наткнулся на удивленный взгляд больших темных глаз.

– Простите, что потревожил, ваша милость.

Он поклонился. Правила этикета требовали от него дожидаться, не соизволит ли дочь графа одарить его приветствием. Но Беатрис снова нырнула под одеяло. Венсан постоял немного возле ее кровати, но, ничего не дождавшись, прошел в соседнюю комнатку, подав Коринне знак следовать за ним.

– Месье Бонне?

Пухлая нянька выжидательно уставилась на него. В последнее время ее недоверчивость, кажется, слегка развеялась. Во всяком случае, она больше не бросалась на него как цепная собака, за спиной которой скулит обиженный щенок.

– Я должен поручить тебе одно важное дело, касающееся твоей питомицы, – вполголоса сказал Венсан. – Доверить его я могу только тебе.

Коринна вся обратилась в слух.

– Когда человек умирает, – начал он издали, – его близкие потом могут чувствовать себя виноватыми. Не в его смерти, нет. В том, что при жизни они не ладили с ним, или не обращали на него внимания, или обманывали его. Ты понимаешь, о чем я?

Коринна кивнула.

– Это чувство вины точит их изнутри, как вредный жук. Особо совестливые могут даже заболеть из-за этого.

Нянька сосредоточенно слушала.

– Очень важно убедить их, – продолжал Венсан, тщательно подбирая слова, – что они ни в чем не виноваты. Люди частенько обманывают друг друга или ссорятся, верно?

Коринна по-прежнему не понимала, к чему он клонит.

– Возможно, Беатрис не может простить себе, что спорила с Элен, – объяснил Венсан. – Из-за этого ее болезнь и затягивается. Ты должна объяснить девочке, что сестры часто ссорятся, и что ей не стоит казнить себя из-за этого.

Наконец-то бедная нянька сообразила. И отчаянно замахала на него руками:

– Что вы, что вы, месье Бонне! Они никогда не ругались, наши ласточки!

Венсан снисходительно улыбнулся, словно отдавая должное ее доброте.

– Коринна, так не бывает. У ее милости Элен был нрав...

– Нрав что твой железный прут, – перебила женщина, – уж мне-то можете не рассказывать! А все ж таки разладов между ними не случилось. Беатрис как ивовая веточка: гнешь ее, а она все гнется, да не ломается. Уступчивая, податливая... Да и подумайте сами: что им делить?

– Элен была красивее, – напомнил Венсан, понизив голос.

Если он ждал, что Коринна бросится превозносить достоинства своей любимицы, то просчитался.

– Так ведь ее милость Беатрис этого даже не понимала, – улыбнулась нянька. – Моя голубка думает, что краше ее во всем свете нет.

Перед этой спокойной убежденностью Венсан вынужден был отступить. Он спросил, выпила ли девочка на ночь лекарство.

– Я его взболтала, как вы говорили... – начала нянька, и осеклась, склонив голову набок. Умильная улыбка расползлась шире по ее лицу.

– А кто это там ходит! – проворковала она, хотя Венсан ничего не слышал. – Проснулся, наш ягненок!

И бросилась прочь, рассыпая ласковые прозвища.

Коринна оказалась права: Беатрис поднялась и стояла посреди комнаты, жмурясь и зябко переступая с ноги на ногу.

– Ах! Зачем же босыми ножками на пол, ваша милость! – укоризненно вскричала Коринна.

Под квохтанье няньки Венсан посчитал удары сердца девочки, осмотрел кожные покровы. Беатрис была по-прежнему болезненно бледна, но выглядела лучше, чем накануне. Юность брала свое.

– Николь здесь? – тихо спросила девочка, когда Коринна отвернулась. Венсан покачал головой.

– Я плохо обошлась с ней, – через силу сказала Беатрис и сморгнула выступившие слезы. – Не хочу, чтобы ее нашли.

Лекарь испытующе взглянул на нее, но ничего не сказал. Про себя он подумал, что вряд это зависит от Николь – скорее от тех, кто преследует ее. Преследует!

Он едва не вскочил. Маркиз де Мортемар должен был давно возвратиться! Со всей этой историей с похищением элсии Венсан совершенно упустил из виду, что отряд ускакал на поиски ведьмы еще вчера. Время для него сократилось до нескольких ночных часов, которые он потратил на версии об убийстве Элен.

Лекарь торопливо пробормотал что-то в свое оправдание, поклонился и покинул комнату с такой быстротой, что Коринна осуждающе скривила губы.

«От ее милости так не уходят. Мужлан!»

...Венсан направлялся в конюшню. По лошадям он поймет, вернулись ли всадники, а если они уже здесь, то отыщет Гастона и узнает у него, увенчалась ли успехом охота маркиза.

Но дойти до старшего конюха ему не удалось: свернув за угол, Венсан врезался в кого-то. Столкновение оказалось до того сильным, что человек отшатнулся назад и чудом удержался на ногах.

– Дьявол меня раздери! Это вы, Бонне!

На лекаря с изумлением взирал Пьер Рю.

Венсан поспешно извинился.

– Вот уж не думал, что кто-то в этом замке может сбить меня с ног, – проворчал Медведь, потирая ушибленное плечо. – Куда вы так несетесь?

Откровенность не входила в число достоинств Венсана. Или недостатков – зависит от того, с какой стороны посмотреть. Как бы там ни было, он не собирался посвящать начальника охраны в свои дела.

Но оказалось, что Пьер и не ждал ответа.

– Вы уже осмотрели маркиза? Кажется, он неудачно упал и расшиб

лицо.

– Его светлость здесь?

– Вернулся к первым петухам.

Венсан немного помолчал.

– Охота была удачной? – спросил он.

– Как сказать... – протянул Пьер со странным выражением, которое лекарь не смог истолковать. – Во всяком случае, они поймали Птичку.

Лекарь сжал губы – это было единственное внешнее проявление его чувств.

– А что с ведьмой?

Показалось ему, или лицо Медведя и впрямь омрачилось на мгновение?

– Они нашли ее укрытие и сожгли дотла, – медленно проговорил Пьер. – Полагаю, можно считать это удачной охотой.

Взгляд его переместился с Бонне на необъятное море леса, волнующееся далеко за стенами замка. Он словно что-то искал глазами – столб дыма, может быть, подумал Венсан, но тут же понял, что дым давно должен был развеяться.

Пьер Рю, рассеянно скользя взглядом по зубчатому краю леса, думал о том, какую глупость сделал маркиз де Мортемар. Опасную глупость! В Пьере жил глубоко въевшийся, как грязь в ладони крестьянина, страх перед тем существом, что обитало в лесу. Он видел его лишь однажды, много лет назад, и от встречи у него сохранились не воспоминания, а, скорее, ощущения. Но до сих пор, стоило ему мысленно вернуться на темную лесную тропу и почувствовать запах дыма от пылающего за спиной замка, в памяти его всплывала женщина, в которой не было ничего человеческого.

Пьер так глубоко задумался, что не сразу услышал, о чем его спрашивают. К тому же от Бонне никак не приходилось ожидать лишнего любопытства.

«Страх! – думал Пьер. – Отчего он не остановил Мортемара? Ведь не мог же маркиз не знать...»

Воспоминания обрушились на него.

...Треск, вопли людей, гигантское зарево пожара, бушующего за спиной. Черный лес в отблесках пламени, луна в небе, как шар белого огня. Тропа теряется в глубине чащи, где свежесть ночи еще не разбавлена горечью дыма. Жертва близко, она промчалась здесь совсем недавно. Воздух сохранил ее тревожный запах, на ветках кое-где сияют видимые даже в темноте золотые нити: она бежала быстро, ее распущенные волосы

цеплялись за них.

Он слышит собственное тяжелое дыхание, лязг меча в ножнах. Хватило бы и кинжала, но тот, кто послал Пьера, потребовал ее голову.

Быстрее, быстрее, быстрее! Азарт охоты, жажда крови ведут его, он уже не принадлежит себе, он посланник огня, который там, в замке, в эту минуту облизывает мертвые тела. Там нынче пир смерти, но его трапеза ждет здесь.

Внезапная тень на тропе. Блеск золотых волос, взмах белых рук. И шепот – ее шепот, отдающийся в его голове. Она не разжимает губ, она безоружна, но он бежит прочь, объятый ужасом. Ветки царапают его лицо, он падает, ползет в мокрой траве, скулит от ужаса, и все время чувствует спиной, что она там, на тропе, ждет его и смеется...

– ...ведьмы! – прорвался в сознание Пьера голос лекаря.

– Что? – переспросил начальник охраны, сильно вздрогнув.

Ему потребовалось время, чтобы сообразить, где он.

Страх въедается крепче, чем любая грязь. Крепче, чем кровь, что пятнает руки даже годы спустя.

Пьер непонимающе огляделся, как человек, которого разбудили после кошмара. Чертов маркиз, будь он проклят со своей охотой на колдуний!

А тут еще этот Бонне: вглядывается в него, прищурившись, и повторяет:

– Где тело ведьмы?

Пьер вытер вспотевший лоб. Он наконец понял, о чем его спрашивают, и воззрился на Венсана с искренним удивлением.

– Мой дорогой Бонне, с чего вы взяли, что она мертва?

Лекарь нахмурился.

– Вы сказали, они нашли ее укрытие...

– Верно. И сожгли его.

– А ведьма?

Пьер некоторое время смотрел на Венсана молча.

– Скрылась, – наконец уронил он. Собственный голос показался ему чужим, и он добавил: – Неужели вы полагаете, ее так легко убить?

Лекарь по-прежнему озадаченно молчал.

Губы начальника охраны раздвинулись в подобии улыбки:

– Не будьте наивны, Бонне.

Пьер собирался проследовать дальше, но его остановил новый вопрос. Определенно, сегодня лекарь на удивление разговорчив.

– Где сейчас Птичка?

Медведь недоуменно взглянул на него через плечо. В серых глазах

Бонне что-то сверкнуло, словно отблески огня, и Пьера вновь бросило в холодный пот.

«Довольно!» – разозлившись, приказал он себе. Злость не уничтожила страх, но заставила его уйти куда-то глубоко в тайники души, в самые черные дебри. Оттуда, надеялся Пьер, он вернется не скоро.

Венсан видел, как каменеет лицо Медведя, как сужаются холодные глаза. Он не мог понять, чем вызвал раздражение начальника охраны, но тот, безусловно, был в гневе, когда отчеканил:

– Вопросы у вас, дорогой Бонне, один страннее другого. В конюшне, разумеется. Где еще ей быть?

Глава 14

- Просыпайся, лягушоночек!

Николь села на своем топчане, протирая глаза. Ночь, глухая ночь кругом. Под открытым окном беспокойно пиликают цикады, на столе трепещет робкий огонек свечи, как крылышко испуганного мотылька.

- Что случи...

- Чш-ш-ш!

Старуха ладонью закрыла ей рот. И тогда среди густого стрекота стало слышно, что за дверью кто-то скребется.

Николь вскрикнула бы от ужаса, если б не твердые, словно из дерева выточенные пальцы, с силой прижатые к ее губам.

Кто может проситься к ведьме посреди ночи?

Озерная дева! Утопленница, чье лицо объели рыбы, и теперь она выходит ночами на берег, ищет, у кого бы забрать новое.

А то еще хуже: болотный тролль выбрался из чавкающей трясины за невестой для своего бородавчатого внука!

- Сиди тихо, - беззвучно шепнула ведьма.

Не открывай, хотела крикнуть Николь. Но как ослушаешься приказа? Ей оставалось лишь беспомощно смотреть, как старуха сдвигает тяжелый засов и толкает дверь.

Ночной гость проскользнул в дом, и девочка в ужасе отшатнулась. Баргест! Злой дух чащи, преследующий жертв в облике черного пса с горящими глазами.

Не обратив на нее внимания, Баргест закружился, заскулил негромко, но настойчиво. Ведьма запрокинула лицо вверх. Сейчас завоет, решила Николь. Но вместо этого старуха лишь сильно втянула воздух носом.

- Жди здесь, - приказала она неизвестно кому и скрылась в темноте.

Баргест сел, напряженно вглядываясь ей вслед. Николь шевельнулась, и страшный зверь, уловив движение, обернулся.

Девочка и пес уставились друг на друга.

«Съест», - подумала Николь, но страх уже сменился любопытством. Баргест, кажется, не собирался нападать: смотрел на нее озадаченно, но морда его то и дело обращалась к выходу. Звук шагов он услышал раньше, чем Николь, и бросился к двери, виляя хвостом.

Старуха не вошла, а влетела в дом.

- Вставай, живо! - приказала она Николь.

Тревога в ее голосе заставила девочку позабыть даже о страшном звере. Она мигом слетела с кровати.

– Надень башмаки! – скомандовала ведьма. – И накидку, в углу! Нет, не ту. Из заячьих шкурок.

Сама она уже стояла возле шкафа и поспешно, но аккуратно перекладывала его содержимое в большой мешок.

– Готова? Ступай за мной.

Она задула свечу и, как была, босиком, в одной рубашке, вышла из дома. Ничего не понимающая Николь последовала за ней.

Ночная роса промочила подол накидки, захладила щиколотки. Девочка на ходу обернулась и в сумраке увидела, что пес неотступно следует за ней.

Ведьма торопливо обогнула дом. Николь была уверена, что они тут же углубятся в лес, но вместо этого старуха нырнула в какую-то пристройку и, к изумлению девочки, вывела оттуда сонную, но послушную козу.

– Зачем это? – не удержалась Николь.

Колдунья промолчала. Лишь снова принялась и ускорила шаг.

Подул ветер. Он принес свежий, влажный запах земли и грибницы, повеял дымом.

Старуха с девочкой прошли еще немного и остановились перед густыми зарослями сочень-травы – высокой, в человеческий рост. Тропа огибала пригорок и терялась в лесу, но старуха отчего-то медлила: наклонившись, шарила в траве сбоку от дорожки.

– А! Вот оно... – удовлетворенно прокряхтела она, ухватив откуда-то обрывок веревки.

Пес ткнулся носом под коленку Николь, и девочка вздрогнула.

– Нам надо идти?

– Уже пришли. – С этими словами ведьма отставила мешок и обеими руками с усилием потянула за веревку, другой конец которой терялся среди корней.

Пласт земли сдвинулся вместе с травой, открывая черный провал. Вниз под небольшим наклоном уходила деревянная лестница, подножие которой съедала темнота.

Николь от удивления ахнула.

– Тихо! Лезь туда.

Девочка в страхе попятилась. Земляная разинутая пасть поджидала ее: прожует – и не подавится.

– Ах ты ж мерзляков корень! – ругнулась старуха.

Сама спустилась по ступенькам и остановилась, наполовину

высунувшись из дыры.

– Муравка, давай!

Козе, похоже, не впервой было забираться в нору. С удивительным проворством она запрыгала вниз, следуя за хозяйкой. Николь, открыв рот, смотрела, как белое пятно пропадает в темноте.

Напряженное лицо ведьмы снова показалось над поверхностью.

– Твой черед. Быстрее, лягушоночек! Не заставляй меня тащить тебя за ноги!

– Но скажи мне...

– Девочка, не до болтовни! – прервала ее старуха. – Нужно спрятаться, и побыстрее.

Одно слово вдруг открыло Николь глаза. Спрятаться!

Запах дыма!

– Маркиз де Мортемар поджег лес? – прошептала она.

– Пока нет, хвала небесам. Но он может заявиться к нам в гости. Хочешь встретиться с ним?

Вместо ответа Николь со всех ног бросилась обратно к дому. Ей не пришлось долго искать: она помнила, куда старуха бросила скомканное ночное платье Элен.

Выхватив из прорехи камень, девочка побежала обратно.

– Что ты там взяла? – Ведьма взгляделась в нее. – Внизу есть и питье, и еда.

– Это его реликвия!

– А, та самая... Покажешь, если доживем. А теперь помоги-ка мне сгрузить мешок.

Вдвоем они спустили вещи вниз. Николь морщилась, когда плечо прихватывала боль, но не жаловалась.

Яма, так хорошо замаскированная сверху, оказалась тесной и неглубокой. Потолок был укреплен подпорками, вдоль одной из стен громоздились ящики. Коза возлежала на охапке сухой травы в углу и бесстрастно жевала.

– Держись поближе к Муравке, иначе околеченешь, – распорядилась старуха. – Без меня нос наружу не показывай.

– Ты закроешь меня здесь одну? – испугалась Николь.

Ведьма не ответила. Она проворно вскарабкалась вверх, выпрямилась, и последнее, что увидела девочка, – два силуэта в свете луны: женщина и собака. Сдвинулась крышка, отсекая бледный лунный свет, зашуршала, осыпаясь, земля – и стало тихо.

В крошечной мгле Николь на ощупь добралась до козы. Улеглась на

сено, прижалась теснее к горячему козьему боку и неожиданно для себя заснула.

Проснулась она оттого, что коза встрепенулась и заворочалась. Послышался скрежет: крышку кто-то сдвигал, и полоса дневного света, сначала узкая, а затем быстро расширяющаяся, выхватила из темноты ступеньки и взвившуюся пыль.

Коза вскочила и, радостно мемекнув, бросилась вперед. С такой же быстротой девочка откатилась назад и сжалась в уголке, со страхом ожидая увидеть, во что будут обуты ноги, которые вот-вот покажутся на лестнице. Если в богатые сапоги с раструбами, то прощай, Николь Огюстен.

Но вместо кожаных сапог маркиза на грубую доску ступила босая нога, измазанная землей.

– Э-эй, лягушоночек! – позвал сверху знакомый ехидный голос. – Тебя там черви не съели?

Девочка шла по вытоптанной тропе обратно к дому, щурясь от солнечного света. На губах ее горели десятки вопросов, которые прежняя Николь давно обрушила бы на хозяйку. Но что-то случилось с ней после той ночи, когда она чудом спаслась от Мортемара. Новая, повзрослевшая Николь молчала, оставляя ведьме возможность самой рассказать то, что она сочтет нужным.

Однако наблюдательность по-прежнему была при ней. От девочки не укрылось, что грязь на ступнях старухи, принятая ею за землю, в действительности не что иное, как сажа. Нос ее чутко улавливал среди лесных запахов тонкие нити дыма. Они рассеивались среди смолистых можжевеловых ароматов, но ветер еще не успел полностью разнести их по лесу.

Николь обернулась и посмотрела на собачьи лапы. Баргест по-прежнему следовал за хозяйкой, но при дневном свете казался всего лишь безобидным черным псом.

– Что это ты там углядела? – поинтересовалась ведьма.

Николь помолчала, прежде чем ответить.

– Ты была на пожарище, – она не спрашивала, а утверждала. – Ночью.

– Хех... Может, и так. А может, мы просто танцевали на шабаше, э?

Николь взгляделась в смуглое острое лицо. В зеленых глазах ведьмы плясали насмешливые огоньки.

– Для шабаша ты была чересчур испугана.

Старуха, поразмыслив, кивнула:

– Твоя правда, лягушоночек. Что ж, ты не так глупа, как мне было

показалось.

Они дошли до крыльца, и хозяйка плюхнулась на ступени, с наслаждением вытянув костлявые ноги.

– Погреюсь чуток...

Пес улегся в тени дома. Поколебавшись, Николь присела перед ним и протянула раскрытую ладонь.

– Цапнет, – безразлично сообщила старуха.

Николь не вняла предупреждению. Она испытующе рассматривала собаку.

Баргест ткнулся влажным носом в ее руку, придирчиво обнюхал. Лениво стукнул пару раз хвостом по траве и повалился на бок, испустив тяжелый вздох.

– Ишь ты... – ведьма, похоже, была озадачена. – Ты, небось, чем-то прикормила его, а?

Николь молча покачала головой и потрепала пса по взъерошенной холке.

– И то правда, когда бы ты успела... Но тогда с чего бы ему терпеть тебя? Смотри-ка!

Последнее удивленное восклицание относилось к слабому дрыганью задними лапами, которым пес приветствовал почесывание его толстой шкуры.

Девочка села в траву рядом с собакой, прислонилась спиной к стене и робко улыбнулась.

– Хочешь, скажу, что я сделала с твоим сторожем? А ты мне за это расскажешь, что произошло нынешней ночью.

– А что это ты ухмыляешься, лягушонок? – подозрительно спросила ведьма.

Николь улыбнулась шире.

– Наш лекарь говорит: если не можешь забрать даром, купи. Но никогда не проси.

– Отчего бы и не попросить?

– Потому что если тебе дадут нужное, станешь должником. А кто был должником один раз, тот должник навсегда.

Старуха почесала в затылке.

– Не самый глупый человек этот ваш лекарь. Но и не самый умный. Иначе бы он научил тебя, что когда ты просишь и тебе дают просто так, от этого хорошо всем. И тебе, получившей желаемое, и давшему, ибо кому не понравится выглядеть благодетелем в собственных глазах!

Но Николь осталась при своем убеждении. Она не собиралась

выпрашивать у ведьмы правду о том, что произошло. Ее устраивал торг.

– Я объясню, отчего твой пес меня не кусает, – повторила она, поглаживая собаку. – А ты скажешь мне, что подожгли люди Мортемара. Это ведь были они?

Старуха поднялась, смахнула с подола пару муравьев и проворчала:

– Ладно уж, так и быть. Маркиз послал отряд по твоему следу, а возглавил его сам.

Рука Николь так и застыла над черной шкурой.

– Не может быть! Сам?!

– Здоровый, краснорожий, рыжей масти, а буркала не больше булавочных головок. Он?

Девочка с такой силой сжала собачий загривок, что пес недовольно заворчал.

– Чем-то ты сильно насолила ему, лягушоночек. Простой кражей такой пыл не объяснить.

– Я не крала!.. – вспыхнула Николь.

Старуха пожала плечами:

– Тебе виднее. Но маркиз очень зол, раз не поленился разыскать мое убежище и спалить его дотла.

Девочка мигнула, непонимающе глядя на старуху.

– Спалить?

– Дотла, лягушоночек!

Николь вскочила и отошла на несколько шагов, чтобы ничего не упустить.

Пристанище ведьмы выглядело удивительно. В середине стоял, осев на один бок, бревенчатый дом под камышовой кровлей, съезжавшей почти до окон, точно шляпа, криво нахлобученная на лысую макушку высохшего старика. Однако этот старец был еще крепок. Седой мох проплешинами расползлся по его бревнам, зеленые усики травы щекотали подоконник, дерзко вымахав из щелей, а ставни, как морщинистые веки, изошли трещинами... Но он держался – непоколебимый, вросший в землю патриарх.

С трех сторон к нему притиснулись неуклюжие пристройки, похожие на опрокинутые чашки ласточкиных гнезд. Одна служила хлевом для козы, другая сараем, из ближней тянулся душистый шлейф подсыхающего шалфея.

И нигде ни следа пожара.

Николь потерла лоб.

– Это какое-то колдовство?

Ведьма, довольная ее замешательством, обнажила в ухмылке зубы.

– Ты спрашивала, что случилось этой ночью. Вот я и говорю: маркиз прискакал на кладбище, покрутился там, вопя во всю глотку – едва мертвых не поднял из могил. Потом пустил собак по следу, и они привели его к моему жилищу. Ничегошеньки он там не нашел и взбеленился хуже прежнего. Вспыхнула моя бедная лачуга, как сноп сена!

Николь чувствовала, что ей говорят правду.

– А где же была ты?

Ведьма пожала плечами:

– Может, поблизости, а может, и далеко. Может, я видела все его глазами, – она кивнула на разомлевшего Баргеста. – Что скажешь?

– Нет, – решила Николь, поразмыслив. – Вряд ли.

– Отчего же?

– Ты сказала, маркиза привели к дому собаки. Они бы учуяли твоего пса, будь он там.

– Дельно, – согласилась ведьма. – Тогда сама догадайся, где я пряталась.

– На дереве! – наугад бросила Николь, и по мелькнувшему удивлению на лице старухи поняла, что не ошиблась.

Она торжествующе улыбнулась, но тут же улыбка ее померкла. Что же с домом, который якобы сжег маркиз?

Ведьма принялась ходить вокруг нее, не скрывая насмешки.

– Не сломай себе голову, лягушоночек!

Николь по привычке прикусила кончик вьющейся пряди волос.

Венсан Бонне учил ее, что у любого невероятного явления есть до обидного естественное объяснение. Но людям лень хорошенько подумать, чтобы дойти до него своим умом. Им проще сочинить небылицу, чем докопаться до истины. Лениность ума, твердил лекарь Бонне, в тысячу раз хуже лениости тела: она как наглухо закрытая дверь, за которой прячутся ответы. Не зря говорят, что праздный мозг – мастерская дьявола.

Если бы Николь вздумала объявить лекарю, что ведьма заклинанием вернула на место сгоревший дом... Ох, как высмеял бы ее Венсан Бонне! Язык у него не хуже болотной осоки: чуть прикоснулся – и готов порез.

Ведьма все кружит, косится хитрым глазом. Небось ворожит про себя, чтобы ум Николь стал вязкий, как мед, и все умные мысли слиплись друг с другом.

Нет уж, она найдет ответ!

Маркиз сжег дом ведьмы. Но вот он, стоит, как стоял, не тронутый пламенем.

Может, старуха отвела Мортемару глаза? Кинула в него комком серебряной паутины и он увидел то, чего не было?

Но Николь и сама чувствовала запах дыма.

Забыв о том, что старуха наблюдает за ней, девочка увлеченно разгадывала головоломку.

Маркиз сжег дом, но дом остался цел. Ну-ка, додумайся, Николь Огюстен, как такое могло случиться без помощи колдовства.

И вдруг ее осенило. Отгадка оказалась до смешного простой и самой что ни на есть обыкновенной – как и обещал лекарь.

– У тебя два дома! – выпалила она.

– Вот еще! – фыркнула старуха и хлопнула себя по коленям, точно собиралась пуститься в пляс. – Два? Как бы не так! Не говори глупостей!

Николь разочарованно опустила голову.

– Два? Чушь! У меня их три, лягушоночек!

Взглянув на лицо девочки, старуха зашлась в хохоте, перешедшем в кашель.

– Ох и насмешила же ты меня вместе с его обозленной светлостью, – выдохнула она, едва отдышавшись и утерев выступившие от смеха слезы. – Что тарацишься?

– У тебя три дома? – недоверчиво переспросила Николь. – Но зачем?

– Я скажу тебе так: когда матерая лиса хочет укрыться от охотников, она находит заброшенную барсучью нору, но сама в ней не селится. Опытная лиса прячется по соседству. Приходит охотник, его собака лезет в нору и находит там одних лишь червей. Думаешь, она начинает искать поблизости? А вот и нет! Собака отплевывается от земли и бежит подальше, повесив хвост.

– Ложные дома! – восхитилась Николь.

– Так, да не совсем. В одном из них я врачую. А в другом жила когда-то, да только забросила из-за сырости. Но как чувствовала, что он мне когда-нибудь пригодится!

Ведьма подмигнула девочке. Николь и рада была бы улыбнуться в ответ, но она слишком хорошо помнила старую поговорку: «Лиса знает много, но тот, кто ее ловит, знает больше».

– Мортемар вернется... – тихо сказала она. – Он не отступится.

Старуха согласно кивнула.

– Ваш маркиз из настырных. Думаю, он отыщет кого-нибудь из тех, кого я вылечила, и пытками или подкупом заставит показать место.

– Оно далеко? – встrepенулась Николь.

– Ближе, чем хотелось бы. Ну, хватит болтовни! Пора взглянуть на

твое плечо.

Ведьма двинулась к крыльцу, но на полпути остановилась и хлопнула себя по лбу:

– Э, забыла! Ты ведь так и не призналась, что сотворила с моим лохматым дружкой.

Николь опустила голову, вздохнула и торжественно начала:

– Признаюсь, как на исповеди, в том...

Она замолчала. Ведьма подалась к ней, чтобы не пропустить ни слова.

– ...в том...

– Ну же! – не вытерпела старуха.

– ...в том, что я ничего не делала с твоей собакой! – закончила Николь.

И, не сдержавшись, прыснула. Но очень уж забавное выражение стало у колдуньи: и растерянное, и ошарашенное, и рассерженное – все сразу.

– Уж не вздумала ли ты смеяться надо мной, голубка? – с опасной мягкостью в голосе осведомилась старуха.

Николь побледнела, от улыбки не осталось и следа.

– Я не хотела тебя обидеть! – виновато пробормотала она. – Клянусь! Собаки никогда меня не кусают, так уж повелось.

Некоторое время ведьма смотрела на нее, прищурившись, но искренность девочки смягчила ее.

– Никогда не кусают, значит... Хм, занятно. Ты что-то говоришь им? Особые слова?

Николь помотала головой.

– Выходит, ты перехитрила меня, маленький ловкий лягушоночек, – подытожила старуха. – Не трусь, я на тебя не в обиде.

И скрылась в доме, бормоча что-то под нос про собак.

Николь опустилась на колени перед задремавшим Баргестом. По его бугристому лбу прогуливалась нарядная пчела, утопая в ворсистой шерсти. Пес, не открывая глаз, встряхивал ушами и морщился.

Она согнала пчелу, и Баргест облегченно затих.

– Как тебя зовут? У тебя есть имя?

Пес вместо ответа издал такой глубокий вздох, что травинки дружно полегли перед его носом.

– Эй! Ты с кем это там беседуешь?

Из окна над ее головой высунулась старуха, точно хищная остроногая птица из дупла. Николь испугалась, что снова позволила себе лишнее.

– Я спросила, как тебя зовут, – выкрутилась она. – Я ведь до сих пор не знаю, как к тебе обращаться.

Ведьма поджала узкие губы.

– Зови меня Арлетт. Матушка Арлетт.

Глава 15

– У него другой запах, – сказала Алиса де Вержи.

Она полулежала в кресле, прижав ко лбу платок, пропитанный отваром шалфея. Прозрачное исхудавшее лицо с впалыми щеками было искажено страданием. Компресс, рекомендованный прежним лекарем, не помогал, и Венсан знал об этом, но графиня не желала отказываться от старого средства.

– Так и должно быть, ваша милость, – солгал он. – Я усовершенствовал состав.

– Другой на вашем месте довольствовался бы тем, что у него уже есть, – медленно проговорила она. – А вы идете дальше. Вы лучший лекарь из всех, кого я знала.

Сказано было без всякого выражения, но Венсан понимал, что для графини Вержи эти слова равны самой пылкой признательности.

Он поклонился.

Поразительно, думал он, что только боль заставляет Алису проявлять теплоту и благодарность.

А между тем телесные страдания лишают больных всего человеческого. Они стирают границу между злодеем и добряком, чутким возлюбленным и жестоким деспотом. Перед болью жадный и милосердный равны. Все они становятся одинаковыми: кричащие, скручивающиеся в узел комки муки.

Этим и отвратительна боль. Старательный, но неумелый палач, развлекающийся с инструментами для пыток.

Алиса маленькими глотками выпила его лекарство и откинулась на подушку, услужливо подложенную горничной. Лицо обмякло, рот полуоткрылся, как у спящей.

Венсан, скрывая удивление, наблюдал за этими изменениями.

– Оно действует даже быстрее, чем раньше, – выдохнула Алиса. – Благодарю вас, Бонне.

Лекарь поклонился.

– Я могу быть еще чем-то полезен, ваша милость?

Она слабо качнула головой и сделала жест, означавший, что он может идти. Напоследок Венсан обвел взглядом спальню, проверяя, устроено ли все как обычно.

Шторы плотно задернуты, чтобы яркий дневной свет не беспокоил

больную. На столике стоит бутылка крепкого сладкого вина, изготовляемого специально для дома Вержи: два бокала помогут графине заснуть. В воздухе разлит сильный аромат лаванды, любимого цветка Алисы. Прежний лекарь настаивал на том, что этот запах усугубляет болезнь, но Венсан лишь посмеялся над его запретом, и крошечная бутылочка с губкой внутри, пропитанной желтой жидкостью – произведением придворных парфюмеров, – вернулась на свое место.

Следующие два дня графиня проведет в добровольном заточении. Никто не может входить к ней, кроме старой служанки, бывшей кормилицы; даже супругу Алиса отказывает в этом праве.

– Не угодно ли вам видеть дочь, ваша милость? – донеслось до Венсана уже на пороге.

Ответ Алисы он не расслышал. Но не удивился бы, если бы графиня в нарушение собственных правил попросила прислать к ней Беатрис.

После смерти старшей дочери Алиса постоянно требовала, чтобы Беатрис находилась рядом с ней. Все вокруг, умиляясь, объясняли это обострившейся любовью. Венсан же подозревал, что Алиса просто боится за единственного оставшегося ребенка.

Но если материнское чутье не подводит графиню, то кто может желать смерти обеим дочерям графа?

После разговора с Коринной у Венсана возникло новое предположение. Что, если он напрасно ищет умысел? Ему уже доводилось видеть людей, которые убивали других не ради выгоды, а ради одного лишь удовольствия.

Монахи в монастыре, где он обучался, объясняли подобный склад природы происками дьявола. Венсан полагал, что дьявол здесь ни при чем. Какой-то природный изъян заставляет убийц наслаждаться видом мучений невинных людей. Быть может, это болезнь, но поражающая не тело, а мозг или душу.

Правда, излечима ли она, Венсан не был уверен. Как и в том, что он согласился бы ее лечить. В городке неподалеку от их монастыря на протяжении полугода пропадали дети. Охотники излазили все окрестности, пытаясь отыскать волка, что похищал бедных малюток. Волк нашелся случайно и оказался не зубастой тварью, а молодым подмастерьем, работавшим на строительстве церкви.

Лекарю навсегда врезалось в память его лицо с пухлыми губами и едва пробивающимся пушком на подбородке. И то единственное, что убийца сказал в ответ на выкрики бесноватшейся толпы, которую лишь мечи стражи удерживали от того, чтобы разорвать выродка.

«Они мне нравились».

Пятеро детей, один младше другого. Венсан не был в числе тех, кто занимался останками, но он видел лица монахов, помогавших родным.

Что, если такой же зверь в человеческом облике завелся в Вержи?

«В таком случае я никогда не отыщу его, если только он сам случайно себя не выдаст».

Охваченный мрачными мыслями, лекарь не сразу заметил, что на площади толпится народ. Из размышлений его вывели громкие голоса.

Он подошел ближе.

– Что здесь творится, Гастон?

Долговязый конюх диковато взглянул на лекаря и отошел, не проронив ни слова.

Венсан удивленно поднял брови. Огюстен не отличался словоохотливостью, но такое даже для него чересчур.

На свою удачу, он заметил широкоплечего парня, выдиравшегося из сомкнутой толпы. Лицо его было угрюмым и испуганным. Он дернулся от неожиданности, когда лекарь дотронулся до его руки.

– Ступай за мной, – приказал Венсан и пошел к дому, не оборачиваясь.

Он не сомневался, что парень последует за ним, и так оно и вышло. Но возле двери тот попятился.

– Я тебя не съем, – успокоил Венсан. – Я же не ведьма.

Помощник кузнеца бросил на него такой взгляд, что половина вопросов у Бонне отпала сама собой.

– Да иди же ты, дурень, – проворчал он, подталкивая беднягу в спину.

– Начнем с конца, – хмуро сказал Венсан, усадив парня и плеснув ему для храбрости немного вина. – Что вы видели на кладбище Левен?

Матье не вскочил, но это стоило ему большого труда.

– Откуда вы знаете? – выдавил он.

– Достаточно было посмотреть на твое лицо, когда я упомянул ведьму. Выкладывай.

Парень вытер вспотевшие ладони о штаны.

Матье слыл любимчиком всего Вержи. Точно избалованный пес, он привык, что его если не обласкают, то похвалят. Даже ее милость Элен, которой он якобы случайно попался на глаза, одаривала его улыбкой и помнила имя.

Лекарь при знакомстве бросил на него убийственно короткий взгляд и

больше не проявлял ни капли интереса. Матье из чистого упрямства пытался завязать с ним дружбу. С таким же успехом можно было попытаться сойтись с каменной стеной.

Второй удар по самолюбию Венсан Бонне, сам того не подозревая, нанес ему, когда стал явно отличать Николь. Предпочесть ему девчонку! Так Матье еще никто не оскорблял.

Чужаков в Вержи не любили, а высокомерных чужаков – вдвойне, и через пару месяцев после того, как Бонне обосновался в замке, его стал задирать один из стражников: тупой, очень сильный мужчина с сонными глазами навывате и огромными, как клешни, багровыми руками.

Мальчишки болтали, что Люк-Дуболом на спор разрывал кошку пополам. Все они избегали стражника и опасались его. Один Матье сразу понял, сколько возможностей таит в себе дружба со здоровяком.

Хватило нескольких, будто бы случайно брошенных фраз. Люк, хоть и казался полусонным, распалился быстро, а Матье искусно подбрасывал сухие ветки в костер его глупой злости.

Не то чтобы он хотел изувечить лекаря руками Дуболома (хотя был бы не против, что греха таить). Но Матье было просто необходимо восстановить порядок в его привычном мире, где с появлением Бонне все пошло наперекосяк.

Кто расхаживает по замку с надменной мордой и негнущейся спиной?

Кто забивает мутью голову простодушной девчонки?

Если ты ученый червь, так сиди в своей норке и не высовывайся.

В один холодный зимний день Дуболом будто бы случайно сбил лекаря с ног на площади. Да не просто сшиб, а с таким умыслом, чтобы Бонне угодил в кучу свежего, еще дымящегося навоза.

Толпа собралась быстрее, чем куры слетаются на просо.

– Врежь ему, Люк!

– Сбей с него спесь!

Но Люк вовсе не собирался устраивать драку с лекарем. Бить? Вот еще! Хватит того, что теперь мальчишки будут дразнить лекаря навозным жуком и швырять ему вслед конские яблоки.

Стражник расплылся в ухмылке и пошел дальше, весьма довольный собой.

– Эй, дубина! – окликнули сзади.

Люк не поверил своим ушам.

– Что ты сказал?

Бонне уже встал и неторопливо отряхивал рукав.

– Ты плохо видишь? У меня есть чудесное лекарство от куриной слепоты. Сгодится такому, как ты.

На площади повисло ошеломленное молчание. В тишине кто-то восхищенно-недоверчиво присвистнул.

– Я тебе навоз в глотку затолкаю! – пообещал Люк. И прибавил еще кое-что.

Самого Матье не было в тот день на площади. После очевидцы рассказывали, что Бонне двигался очень быстро и будто бы пританцовывая. Что за порошок он швырнул в глаза стражника, осталось неизвестным, но Люк взвыл и схватился за лицо.

Может, кто другой и проявил бы благородство, дав противнику время прийти в себя, но только не Бонне. Первый удар его кулака пришелся в незащищенный живот, второй обрушился на основание бычьей шеи, словно нарочно подставленной согнувшимся врагом. «Кха!» – выдохнул Дуболом и повалился в снег.

Не обращая внимания на подоспевшую стражу, оцетинившуюся пиками, Бонне перевернул его, прижал пальцы к синей жилке на шее и сухо распорядился:

– Принесите мою сумку с лекарствами.

С тех пор Матье возненавидел лекаря еще сильнее. Люка вышвырнули со службы, и он быстро спился. Когда бывший стражник, опустившийся, высохший, жалкий, попадался ему на глаза, Матье будто что-то обжигало изнутри и отпускало лишь тогда, когда он напоминал себе, кто во всем виноват.

Венсан Бонне, вот кто!

Была бы воля Матье, за подлость с порошком он переломал бы лекарю пальцы. Да еще на глазах у Птички, чтобы не юлила больше перед своим лекарем.

Да только кого он обманывает... Птичка исчезла, а до этого, с волчьим взглядом, даже дотронуться не успеешь, как он завяжет тебе руку узлом.

Матье залпом выпил вино и бросил взгляд на дверь.

– Догоню, – заверил Бонне.

Поняв, что сбежать не получится, Матье смирился. К тому же в глубине души ему все-таки льстило, что Бонне готов слушать его.

– В общем, мы вроде как видели колдунью. Ну, с Птичкой. Там, в Левен.

Он сбивчиво начал рассказывать. Венсану оставалось только удивляться Николь, опустившей этот эпизод из своего повествования. Должно быть, боялась, что он посмеется над ней.

Матье и Николь, раскопав могилу, быстро набросали в мешочек земли и собирались наполнить на всякий случай и второй, как вдруг им показалось, что за деревьями мелькнул женский силуэт. Оба перепугались до смерти, но им удалось убедить себя, что у страха глаза велики. Однако когда тень промелькнула снова, а затем на поляну возле кладбища выбежал черный пес, оба закричали от ужаса и бросились бежать, не разбирая дороги, забыв лопату возле могилы.

– Ведьма была там, – закончил Матье, дрожа и озираясь. – Она нас видела! Это мы навлекли беду на Вержи!

– А ну успокойся! Держи, выпей.

Венсан налил еще вина, но Матье отчаянно замотал головой, словно боялся, что его отравят.

Лекарь не настаивал.

– Теперь скажи мне, отчего там такая шумиха. – Он кивнул в сторону площади.

– Рассылают п-п-приказ по всем окрестностям, – заикаясь, выдавил Матье. – Тому, кто привезет в замок убийцу – девицу Николь Огюстен или сообщит, где она находится, будет выдано в награду сто ливров.

Венсан присвистнул. Сто ливров! За такие деньги местные жители перероют все леса не хуже оголодавших кабанов. Если только страх перед ведьмой не окажется сильнее алчности.

– Там есть ее описание, – нехотя прибавил Матье. – «Роста среднего, сложения худощавого, волос черный вьющийся, рот большой, глаза черные».

Он тяжело вздохнул. Венсан пронизательно взглянул на него, и в голову ему пришла догадка:

– Ты знаешь, где она?

– Нет!

– Матье, я не враг ей.

– Не знаю я! – повысил тот голос. – А если бы и знал, то не сказал!

Венсан озадачился. До сих пор Матье казался ему глуповатым нахальным красавчиком, из тех, что, выпив, любят хвастаться своими победами, гогоча на весь кабак. Пустой, как выдолбленная тыква. Но едва речь зашла о Николь, парень расхрабрился, даже челюсть выпятил.

– Она твоя подружка? – вдруг спросил он. Странно, что эта мысль не приходила ему в голову раньше.

– Не ваше дело!

Венсан пожал плечами. Что ж, парнишка прав.

– Ты можешь идти.

Матье встал и независимой походкой направился к выходу. Но у двери, уже приоткрыв ее, вдруг обернулся и прошипел:

– А если вы ее сдадите, вам не жить, ясно?

И бросился прочь – только дверью хлопыстнул со всей силы.

Как убедился Венсан, Матье не соврал насчет приказа. Все вокруг только и твердили, что о скорой поимке отравительницы. В воздухе витали шепотки предположений о том, что сделает Гуго де Вержи с убийцей его дочери. Самые чудовищные идеи, сделавшие бы честь изобретательному палачу, исходили от тихих, мирных людей, в жизни не обидевших и кошки.

Этому Венсан не удивлялся. Он давно вывел формулу: глупость, помноженная на добродетельность, дает жестокость. Никто не будет более суров к падшей женщине, чем почтенная мать семейства, уверенная, что ей не в чем себя упрекнуть.

Но паренек все же кое-что упустил. Когда Венсан подошел к высокому столбу, торчавшему на обезлюдившей площади, точно заколоченный гвоздь, он прочел приказ графа от начала до конца.

Последняя часть гласила:

«Привезти убийцу живой и в сознании. А если кто доведет девицу Огюстен до смерти нарочно или по неосторожности, будет равносильно наказан».

– Велено не убивать, значит... – протянул за спиной Венсана скрипучий голос.

Он обернулся и не смог сдержать удивления:

– Ты умеешь читать?

Бернадетта неприязненно зыркнула на него.

– Не одни вы здесь ученые, господин лекарь.

– Рад это слышать.

Ключница пропустила его слова мимо ушей. Она вглядывалась в черные буквы, жирными мухами расползавшиеся по листу.

– Что-то творится сейчас в Божани... – вслух подумал Венсан.

– Ясно что! – огрызнулась она. – Крикуны дерут глотки на площади.

К вечеру каждая вошь будет знать, как выглядит наша Птичка.

– Эт'верно! Эт'правильно! – икнули сзади.

Бернадетта и Венсан оглянулись и одновременно брезгливо сморщили носы.

Хромой Ганс, дармоед и бездельник, известный своим гнилым языком, покачивался взад-вперед, сунув за пояс оттопыренные большие пальцы. От него за двадцать шагов разило выпивкой и застарелым потом.

– С-с-сука! – сладострастно выплюнул Ганс. – От’терь ей никуда не деться!

Он высвободил руку и чиркнул ногтем по горлу, высунув для выразительности белесый язык. Пантомима была вполне ясна и без слов.

– П-п-приду смотреть, как она спляшет на веревке, – пообещал пропойца.

Под тяжелое молчание он задрал штанину и выставил на всеобщее обозрение застарелые изжелта-бурые синяки.

– Камнями, а! Видали? В м-м-меня! Гнида...

– Придержи язык, – холодно приказал Венсан.

Ганс выкатил на него мутные глаза, в которых проплыло подобие мысли.

– А ты чо, вы-го-ра-жи-ва-ишь ее? – по слогам процедил он, будто пробуя каждый на вкус. – Эт’надо раз’яснить! Э-э-эй, стража!

Двое у нижних ворот мгновенно обернулись к ним. Это была парочка самых ленивых стражников во всем замке, обычно гревшихся на солнце, точно обожравшиеся коты, но сейчас они напряглись, готовые действовать.

Венсан знал, в чем причина. Нетерпеливое возбуждение сгустилось в воздухе и подталкивает всех к решительным поступкам. Люди взвинчены, они не в силах терпеть, пока что-нибудь произойдет. Скорее бы, призывают они, скорее бы что-нибудь случилось!

Это близость чужой смерти так распалила их. Элен и двое слуг маркиза – три мертвеца за два дня! «Накажите убийцу! – вопит толпа. – Повесьте ее! Спасите нас от ведьмы!»

Время невинных жертв кончилось. Настал час обратить свои взоры на тех, кто виновен. Граф Гуго де Вержи умен, он знает, что нельзя оставлять толпу неудовлетворенной. Одной жалобы этого грязного проходимца будет достаточно, чтобы Венсана взяли в оборот. Кто лучше молчуна-лекаря подходит на роль исчадия ада? Так что если он не хочет бездарно окончить жизнь в пыточном подвале, нужно сдерживаться.

– За что тебя Птичка? – хмуро поинтересовалась старуха у Ганса, кивнув на синяки.

– Да кобелек у меня был. Сбежал, гаденьш, со двора.

– Кормил ты его плохо.

Ганс отмахнулся от этого замечания. Он никогда не обременял себя заботой о четвероногих тварях. Если б пес сторожил, так он, может, и подкинул бы ему кусок, но тот попался бестолковый, только зря скулил на веревке.

– Перегрыз! – раздосадованно поведал Ганс. – И – шмыг в калитку!

Звал его, п-п-падлу, звал – он нейдет.

Внутри Венсана натянулась струна. Он вдруг вспомнил, что было с собакой, которую девочка, плача, притащила к нему с месяц назад.

– А я, значит, что? П-п-подманил его. На кость-то, а! И п-п-петельку ему на шею.

– Хватит! – одернула его Бернадетта, мельком взглянув на лекаря.

Но Ганса так просто было не заткнуть.

– Н-н-ну, грю, щас запомнишь свою кличку. П-п-перевязал его, как колбасу...

Стражники вдалеке не сводили с них глаз.

– ...и давай на брюхе у н-н-него вырезать, – продолжал Ганс, обезоруживающе улыбаясь. – А он, гаденьш, бьется, как рыба, в-в-визжит...

Венсан молча шагнул к нему с окаменевшим лицом. От звона натянутой струны стало больно в голове. Все его здравые и, безусловно, правильные рассуждения растворились в испепеляющей ненависти.

Двух ударов будет достаточно. Первый отшвырнет эту говорящую падаль на камни, второй выбьет остатки гнилых пеньков из его зловонной пасти. И плевать на стражников – если сунутся, тоже получают свое.

На миг ослабившуюся харю Ганса заслонила картина: повизгивающая, ослабевшая от потери крови тощая собака и рыдающая до икоты Николь, мечущаяся вокруг нее.

– А Птичка, значит, камнями тебя закидала, – вдруг громко сказала Бернадетта. С губ ее сорвался смешок. – Рука-то у девчонки меткая! Здорово досталось тебе, а, Хромой?

Тот поперхнулся ликованием.

– Гнала тебя по всему берегу?

– Иди к бесам, одноглазая! – окрысился Ганс.

– На полутора-то копытах далеко не ускачешь! – продолжала веселиться Бернадетта.

Она неожиданно подхватила юбки и заковыляла по площади, с убийственной точностью изображая Ганса, подволакивающего ногу.

Венсан от удивления замер.

– Уии-и-и! – по-поросычьи взвизгнула Бернадетта, обегая площадь по кругу.

На ее лице, когда она обернулась к ним, был написан преувеличенный страх. Старуха, охая, хваталась то за поясницу, то за бок, а когда воображаемый булыжник попал ей пониже спины, она завопила и подпрыгнула.

Спектакль Бернадетты был безжалостным слепком с действительности. Венсан воочию увидел разъяренную Николь, преследующую хромого мерзавца, услышал его пронзительные вопли, когда камень за камнем попадал в цель.

Струна, звеневшая внутри, лопнула, и он захохотал.

– На полутора копытах! – едва смог выдавить Венсан сквозь накатывающие приступы смеха. – Ха-ха-ха!

– Прыг-шмяк, прыг-шмяк! – вторила старуха.

Венсан овладел собой и вытер слезы. Но стоило ему перевести взгляд на побагровевшего Ганса, как его снова разобрал смех.

– Она меня чуть не прикончила! – выкрикнул тот, потрясенный их издевательским хохотом. – Гадюка! Потаскуха!

Но смех не утихал. Хромой Ганс попятился.

Он всегда нутром чувствовал, где нужно пощекотать, чтобы человека скрючило от боли. Слово режет острее ножа – эту старую истину Ганс познал на собственном опыте, и с наслаждением вспарывал надменных глупцов при каждом удобном случае.

О, какое удовольствие – видеть, как мучаются от его якобы случайно брошенных слов те, кто вдесятеро сильнее! Это чувство пьянило Ганса почище самой крепкой браги. Он, прозванный отребьем, не стоящий, по общему мнению, доброго слова – он сильнее их всех!

Он был в сердце любой ссоры, стоял у истоков каждого скандала. Даже задним умом, разгребая последствия свары, мало кто догадывался, что всю кашу заварил Хромой Ганс, пьянчужка в обносках.

Лекаря Ганс расколол в два счета и уже мысленно праздновал победу над ним, а заодно и над одноглазой каргой (пожалуй, только ее одну он побаивался во всем Вержи).

Но их глумливый смех все переиграл. Словно волна, смывшая песочные бастионы и армии, он перемешал, закрутил и выложил новый узор. Ганс не выносил насмешек. Ехидные слова ключницы кололи его острее иглы.

– С нее случилось бы и могильной плитой тебя завалить, – сказала Бернадетта, подходя и обмахиваясь ладонью. – Разозлил ты бедную крошку.

– Бедную? Коптиться ей в аду! Господь милосердный не позволит...

– Господь без тебя разберется, – заверила старуха. – А теперь проваливай. Посмешил нас и будет.

Хромой Ганс не заставил просить себя дважды. Окатив их напоследок грязной руганью, он припустил прочь, шипя и отплевываясь.

Бернадетта потеряла поясницу и взглянула на лекаря, покачав головой.

– Первый раз вижу, чтоб вы эдак заливались. Кому скажи, что господин лекарь смеялся во весь голос, так ведь не поверят.

Венсана, наконец, отпустило. Он отстраненно, уже без злости наблюдал, как Хромой Ганс кривляется возле стражников и те похохатывают над его шуточками. А ведь этот опустившийся мерзавец не так уж прост, подумал он.

– Совсем не прост! – отозвалась Бернадетта, и он не сразу понял, что произнес последние слова вслух. – А вы у него в печенках сидите.

– О чем ты?

– Или вы не знали, месье Бонне? – усмехнулась она. – Кое-кто втихомолку судачит, что вы сделали бесплодной его жену.

Венсан подобрался.

– Врут, ясен пень, – невозмутимо продолжала старуха. – Что вам за дело до горемычной бабы, у которой между ног скоро будет яма размером с Вердонский каньон.

– Бернадетта! – не выдержал Венсан.

– Но будь это правдой, Хромой был бы на вас очень зол!

– Велико же его чадолюбие, – съязвил лекарь.

Старуха захохотала.

– Чадолюбие? У Хромого Ганса его не больше, чем стыдливости у портовой шлюхи!

– Тогда в чем же дело?

Бернадетта увлекла Венсана подальше от столба и косившихся на них стражников в укромную тень домов.

– В отце Годфри, – объяснила она. – Еще по весне он разразился проповедью, в которой обрушился на Хромого Ганса. Тот, мол, и пьянчуга, и лентяй, и сквернослов, каких поискать.

Венсан представил обрюзгшего священника, выкрикивающего с амвона слова обличения.

– Отец Годфри у нас большой любитель бичевать пороки, – продолжала Бернадетта. – Но в то время Хромой как раз случился в церкви. «Коли так, – заорал он, – высшие силы пресекли бы мой род. А вместо этого господь наградил меня чудными детками, чтобы семя разлеталось по всему свету». Тут у нашего преподобного крышка и вовсе слетела с котла. Как пошел он честить Хромого! А тот в ответ только выкрикивает имена своих детишек, будто оплеухи раздает.

– Половину, надо думать, перепутал в запале, – предположил Венсан.

– Ха! Да он знать не знает, сколько их точно!

Мимо них вразвалочку прошел управляющий, и старуха примолкла. Когда тот скрылся из виду, Бернадетта хохотнула:

– Эх и потеха была в тот день в церкви! Отец Годфри верещит, что Ганс переполнил чашу терпения создателя. А Ганс надрывается, что его баба будет рожать, пока не разорвется. Пусть все увидят, как господь любит его!

Она отмахнулась от назойливой жужжащей пчелы.

– Теперь понятно, какую свинью вы ему подложили? Хромой Ганс уверен, что вы льете воду на мельницу его врага. Так что в другой раз я б на вашем месте была поосторожнее.

Венсан пристально посмотрел на старуху. Ключница не любила его, он это чувствовал. Она безжалостно шпыняла Птичку за их дружбу, а ему однажды заявила в лицо со свойственной ей грубой прямоотой, что нечего старому бирюку сбивать девчонку с толку. Венсан тогда ответил резкостью. Сейчас он пожалел об этом.

Он сказал бы ей спасибо, но знал, что Бернадетта с презрением отвергнет его благодарность. Как утиное перо отталкивает воду, она отталкивала от себя любые, даже самые маленькие капли теплоты. Ей не нужна была ни любовь, ни признательность.

В одном отношении они с Венсаном были похожи: вокруг обоих давно образовался плотный кокон боязливой неприязни.

Поэтому он молчал, не оскорбляя ее произнесенной вслух благодарностью. Некоторые слова значат больше, когда они не сказаны.

Бернадетта небрежно махнула рукой, прощаясь, и пошла прочь. Но через несколько шагов щелкнула пальцами и обернулась:

– А, чуть не забыла! Скажите-ка мне, что случилось с тем кобелем?

– С каким кобелем? – очень искренне удивился Венсан.

– С тем самым, – отрезала старуха.

Венсан прикусил язык от досады. Он мог бы уйти, не ответив, но ее поступок поставил его в положение должника. Если бы не Бернадетта, его бы сейчас волокли к графу, связанного, а то и потыканного пикой для острастки.

И Венсан сдался.

– Птичка отдала его знакомому охотнику из Божани, – вздохнув, сказал он. – У псыны оказался отличный нюх.

Бернадетта радостно осклабилась.

– Значит, вы это сделали! Ха! Перевязывали раны какого-то глупого пса!

«Святой Рохус, угомони эту женщину!» – мысленно взмолился Венсан.

Если Бернадетта разнесет новость по Вержи, над ним не будет насмехаться только дурак. Лекарь, врачующий собаку! Стыд и позор.

Ключница двинулась к замку, посмеиваясь, как человек, услышавший хорошую шутку.

– Никому не говори, – попросил он ее вслед без особой надежды.

– Может, вы и клизму ставили в его волосатую задницу? – загоготала Бернадетта. – А за лечение он вам заплатил?

– Бернадетта! – Венсан добавил в голос суровости. – Я надеюсь...

– На бараньи яйца надейтесь – чай, не оторвутся! – непочтительно перебила старуха.

Проходившая мимо розовенькая служаночка так и подскочила от ужаса.

Венсан только покачал головой вслед старой грубиянке. Вот репейник! Не прилипнет, так уколёт. Все-таки интересно, где же она научилась читать...

Мысли снова вернулись к объявлению. Отчего Гуго де Вержи требует, чтобы девочку привезли непременно живой?

«Хочет своими руками расправиться с ней?»

Венсан с сомнением покачал головой. Нет, что-то другое скрывается за его приказом...

Голос Жана Лорана де Мортемара сочился едкой горечью:

– Пять дней! У нас осталось пять дней! Близится час, которого мы ждали столько лет, и что же?

– Этот срок еще не истек, ваша светлость, – тихо возразил граф.

– Но он истекает! – взревел маркиз. – Я даже во сне ощущаю, как уходит время! Каждая прошедшая минута приближает нас к поражению.

Он в исступлении сжал кулаки.

– Ты знаешь, Гуго, я готов на все! Я повесил одного из своих людей за трусость и приказал заporоть до смерти другого, поскольку он нарушил мой приказ и едва не убил девку. Эти двое были моими соратниками, прошедшими через многие испытания и не раз доказавшими свою преданность. Но я расправился с ними недрогнувшей рукой.

– Вы поступили правильно, ваша светлость.

– Я никогда не испытывал сомнений! – Мортемар не слушал его. – Но сейчас провидение будто смеется над нами. И я начинаю терзаться вопросами. Что, если господь отвернулся от нас? Быть может, наши замыслы были обречены с самого начала?

Жан Лоран поднялся и, тяжело ступая, подошел к окну.

– Такой длинный путь... – проговорил он как будто самому себе. – Столько преодолено. Но я всегда верил в свою звезду, даже в минуты самых тяжких бедствий. Когда все было раскрыто и королевские прихвостни врывались в дома моих людей, хватали их, волокли на улицу в одном белье – даже тогда, ужасаясь их судьбе, в глубине души я знал, что они лишь жертва, угодная богу. Камень убеждал меня в этом. Не могло быть случайностью, что он оказался в моих руках!

– Это не случайность, ваша светлость.

– Но сейчас я словно путник, прошедший тысячу миль до цели и споткнувшийся на последних шагах.

Маркиз поставил ладони на подоконник и застыл, опираясь на них своим грузным телом. Сквозь рыжую гриву волос пробивалось солнце, и кудри казались золотой короной, увенчавшей Жана Лорана де Мортемара.

Гуго молча смотрел на него. Он преклонялся перед маркизом, как и все, кто хорошо знал его. Когда маска жирного говорливого распутника спадала, перед ошеломленными людьми возникал человек такой мощи, что первым побуждением было отшатнуться от него.

Жану Лорану было неведомо, что такое препятствия. Там, где другие отступили бы в страхе, он продвигался вперед, сметая преграды, не останавливаясь ни перед чем. Гуго за всю свою жизнь не встречал подобной целеустремленности.

Хитрый, безжалостный, абсолютно бесстрашный – кто мог быть лучшим монархом! Мортемар не был умен, но он обладал чутьем и проницательностью. А ум... Что ж, у Гуго де Вержи хватало ума и предусмотрительности на двоих. Много лет назад он начал готовить почву для того, чтобы новый король мог взойти на престол.

А он стал бы его правой рукой. Почет, власть, могущество – вот что ждало графа де Вержи!

Однако казалось, что все надежды рухнули с последним ударом судьбы.

Соратники арестованы. Казна захвачена. Та часть армии, в которой зрело и искусно поддерживалось недовольство, полностью расформирована, а зачинщики брошены в тюрьму.

Но Мортемар оправился и на этот раз. Его несокрушимая вера в себя сотворила невозможное, и граф Гуго де Вержи тоже поверил, что для них не все потеряно.

И вдруг – этот последний камешек на дороге.

Нет, Мортемар не может споткнуться об него! Он прокладывает путь к вершинам не только для себя, но и для Гуго!

– Ваша светлость, – заговорил граф увещевающим тоном, – у нас еще пять дней. Поверьте, это много.

– Она дважды спаслась от моих людей!

– Но ей не спастись от всех. Каждый крестьянин теперь будет охотиться на нее. Ее выдадут, поверьте.

Мортемар обернулся. Его нос, разбитый рукоятью кинжала, распух и побагровел.

– Ты кое-что не учел, мой дорогой Гуго.

– И что же, ваша светлость?

– Девка теперь не одна. Что, если камень окажется у ведьмы и она поймет, в чем его сила?

Венсан отлил в пробирку две унции вытяжки из корней водяной лилии и развел водой, чтобы получилась жидкость со слабеньким вкусом и запахом. Вот и готова вторая порция лекарства для Алисы де Вержи.

Удивительно, что эта безобидная водичка, которую он подсунул вместо настоя элесии, произвела на нее такое воздействие. Она не могла принести облегчения!

Но ведь принесла же.

Плацебо, подумал Венсан. Святой Рохус, спасибо тебе за него! Поразительное свойство человеческого организма: излечивать себя на основе одной лишь веры в силу лекарства.

– Месье Бонне!

Некрасивая рябая девушка топталась на пороге, смущенно теребя фартук.

– Что случилось, Мари?

– У ее милости Беатрис снова кашель разошелся. Коринна велела послать за вами. – Девушка неловко улыбнулась, будто извиняясь.

Служанку он отправил обратно, а сам без помех собрал нужные микстуры.

Выйдя на площадь, Венсан сощурился от яркого света, плеснувшего в глаза. Лето наконец-то пришло в эти края и сразу полоснуло жарой, точно бритвой. Лица слуг были красны и блестели от пота. Возле колодца взвизгнули: какую-то сомлевшую бабу окатили ледяной водой.

Но стоило ему вступить под своды замка, как его приняла прохлада. Венсан облегченно выдохнул.

Громкое эхо тяжелых шагов он услышал еще издалека. Только один человек мог идти так, что даже стены гудели от его приближения.

Не совсем кстати в голове Венсана всплыли строки из старого

справочника, посвященного собирательству. «Из лесных же зверей опаснее всего медведь, ибо свиреп и силен, притом наделен великой хитростью». Для сборщика ягод, встретившегося в лесу с хищным зверем, в книге имелась одна рекомендация. «Ежели столкновение с медведем неизбежно, то следует стать на колени и вознести краткую молитву, дабы должным образом подготовиться к освобождению души от брэнного тела».

– А, Бонне! – приветствовал его Пьер Рю, щуря голубые глаза. – Выбрались из своей норы, э?

– Малышке Беатрис нездоровится.

– Девчонка излечилась бы куда быстрее, если бы не сидела целыми днями взаперти, а прыгала по полям и играла с другими сорванцами, – проворчал Пьер.

Венсан придерживался точно такого же мнения.

– Я давно предлагал это графине, – заметил он.

– Как это у вас хватило смелости?

– Ее милость отнеслась к моему предложению без воодушевления, – признал Венсан.

– Ха! Испепелила вас за дерзость, а?

Мужчины обменялись понимающими взглядами. Начальник охраны лукаво подмигнул, и лекарь не удержался от ухмылки. Графиня действительно пришла в ярость от того, что он посмел предложить ее дочери лечение, годящееся для простолюдинок.

Вспомнив это, Венсан буквально ощутил, как в носу защипало от лаванды. Ее душноватый аромат витал вокруг.

Но Алиса с утра не покидала своих покоев. Похоже, одно лишь воспоминание о ней отныне будет вызывать в его памяти этот запах.

Медведь поглядывал на него, что-то обдумывая.

– Маркиз позволил вам осмотреть себя? – внезапно спросил он. – У него что-то с носом.

Венсан кивнул:

– Я был у него вчера.

– Ничего серьезного, я надеюсь?

Лекарь насторожился. Вопрос был задан самым небрежным тоном и на первый взгляд не выходил за рамки вежливого беспокойства о состоянии гостя. Но ему показалось, что Медведь подобрался, ожидая ответа.

«Зверь же этот чрезвычайно любопытен. Если не в силах удовлетворить любопытство, становится сердит и бушует».

– Сильный отек, но это быстро проходит, – сдержанно ответил он, умолчав, что у Мортемара к тому же сломаны носовые хрящи.

– Ох-хо-хох! – Медведь сочувственно покачал головой. – Как же его светлость так расшибся?

– Полагаю, об этом вам лучше спросить у него.

Пьер подался вперед.

– Непременно, дорогой Бонне, – промурлыкал он, – непременно. Но когда же произошло это несчастье?

Начальник охраны так и лучился добродушием. Вокруг глаз заострились морщинки.

Любой другой человек отозвался бы на его искренний интерес, но в Венсане разыгралась подозрительность. Чем больше вопросов задавал Пьер Рю, тем меньше хотелось Бонне отвечать ему. Это упрямство выглядело вдвойне странным, поскольку начальник охраны Венсану нравился. Ему были по душе и ум Пьера, и его способность поладить с любым человеком, от простого стригаля овец до напыщенного дворянина, и его нарочито неуклюжая галантность, снискавшая Рю расположение самой графини де Вержи.

«Коварен бывает и может проявлять изобретательность поистине человеческую».

– Боюсь, его светлость пострадал во время пребывания у нас, – уклончиво сказал Венсан.

– Это я понимаю! – чуть резче, чем следовало, бросил Пьер. – Но когда именно?

– Мне кажется, месье Рю, я ответил вам...

Две огромные лапы легли на плечи Венсана, придавив его к полу. Пьер Рю наклонился к лекарю и прошипел сквозь стиснутые зубы:

– Мортемар сражался с ведьмой? Это она ударила его? Говори!

Что-то страшное, звериное глянуло из его глаз на Венсана. Пьер давил на него со всей силы, будто пытаясь втереть в каменные плиты, уничтожить в труху, в пыль!

Лекарь быстро присел, почти одновременно неуловимым движением уходя вбок. Ладони Пьера провалились в пустоту – и добыча выскользнула из рук. Медведь покачнулся и схватился за стену, чтобы не упасть.

Венсан замер в трех шагах от него, готовый к чему угодно. Медведь может с радостью ухватиться за такой отличный повод размять лапы.

Но вместо страха его охватило предвкушение веселого бешенства.

Яростные выкрики, топот, треск ломающихся досок, свист, улюлюканье – все это обрушилось на Венсана могучей волной, закрутило и выбросило там, где не было еще ни замка Вержи, ни начальника охраны. Окровавленный разинутый рот соперника, острая боль в подвздошь,

обжигающие рывки собственного дыхания. Рев десятков глоток: «Давай, Бонне! Дерись, червяк! Бейся! Бей! Бей! Бей! Убей!»

– Эй-йей, Бонне! Вы второй раз заставляете меня терять равновесие.

Волна отхлынула, возвращая Венсана в настоящее, где не было драк в грязных подвалах, распираемых густой, пульсирующей энергией озверевшей толпы.

Обаятельное лицо Пьера заслонило собой все. Начальник охраны шутливо погрозил лекарю пальцем и прибавил, не стирая улыбки:

– Третьего я вам не прощу.

Пока Венсан шел до покоев графской дочери, он успокоился. А Беатрис при виде его так явно обрадовалась, что лекарь был тронут.

– От ваших снадобий мне всегда становится лучше! Даже если они горькие.

– Счастлив слышать это, ваша милость. Надеюсь, вы не огорчитесь, узнав, что на этот раз микстура сладка, как мед?

Беатрис широко улыбнулась. Улыбка придала ей сходство с Николь, и Венсан непроизвольно улыбнулся в ответ.

– Из чего она сварена?

– О, там много трав. И шалфей, и ангельский корень, и львиный мешок...

Венсан вдруг запнулся, как будто его что-то кольнуло. Он подумал без всякой видимой причины, что среди событий сегодняшнего дня упустил что-то очень важное. И это не дикая выходка начальника охраны...

– Что же вы остановились, месье Бонне? – удивилась Беатрис. – Продолжайте.

Венсан с усилием отогнал непрощенные мысли.

– Ночная роса обильно оседает на львином мешке. Если собрать ее на рассвете в чистый глиняный сосуд, она поможет изгнать кашель.

Коринна наблюдала за ними, раздираемая противоречивыми чувствами. Лекарь из месье Бонне и впрямь дельный. Но как смеет он так запросто вести себя с дочерью графа! Подумайте только: и ухмыляется, и беседует с ней на равных. Как будто не его прозвали молчуном.

А еще обиднее, что ее голубке общество этого неотесанного грубияна, похоже, в радость.

С нянькой-то она все больше строга и молчалива, будто Коринне невдомек, что творится в душе ее питомицы.

Но горечь, охватившая было Коринну, растворилась в волне умиления, стоило девочке послать ей мимолетную улыбку. «Святая мученица Беата,

огради мое дитя! (Лишь про себя, будто бы оговариваясь, осмеливалась Коринна произнести «мое», и это слово обжигало ее до слез.) Дай мне сил защитити ее от бед!»

Коринна знала, отчего господь не даровал ей своих детей. Она давно поняла, что таков был промысел Его! Он желал, чтобы вся ее душа без остатка принадлежала этому ребенку.

Женщина незаметно перекрестилась и сморгнула выступившие слезы.

– У вас новая картина, ваша милость, – заметил Венсан, глядя на портрет молодого Шарля де Суи, прежде украшавший комнату Элен.

Беатрис задержала взгляд на милом юноше с застенчивой улыбкой.

– Да, начальник охраны принес ее по моей просьбе. А у графини есть маленький портрет Элен. Я надеялась, что она не откажет мне. Но, увы...

Девочка развела руками.

– Так вы хотели, чтобы они висели рядом?

Беатрис кивнула.

– Мама сочла это смешным, – огорченно сказала она.

Коринна всплеснула руками. Ох, не пристала такая откровенность графской дочери!

Но девочка уже вернулась к тому, что ее больше занимало.

– Месье Бонне, а почему цветок называют львиным мешком?

Венсан вновь стал рассказывать о травах, но сбился. Что за чертовщина! Стоило упомянуть о графине, как его опять преследует запах лаванды.

Необходимо отвлечься.

– Коринна, иди сюда.

Лекарь показал ей, как делать растирания, но мысли его витали далеко. Он ловил на себе недоуменные взгляды няньки, но ничего не мог поделать: в мозгу точно заноза застряла, не давая ему сосредоточиться.

Усилием воли заставив себя забыть о назойливой, сочащейся отовсюду лаванде, Венсан вдруг осознал, что мешает ему.

Ощущение, будто сегодня он услышал или увидел что-то, способное пролить свет на смерть Элен.

– Месье Бонне, вас что-то тревожит? – спросила Беатрис.

– Лекарь всегда беспокоится о своих больных, – через силу улыбнулся Венсан.

Но девочка с сомнением покачала головой:

– Нет, здесь что-то другое.

Ее проницательность смутила лекаря. Похоже, он совсем не владеет

собой, если даже ребенок читает по его лицу, как по раскрытой книге.

Закончив осмотр, он отозвал Коринну в сторону.

– У твоей госпожи дыхание чистое, а в горле нет налетов. Оставляй окно открытым на ночь. Воздух тоже лечит.

Нянька скептически поджала губы. Воздух лечит, надо же! Может, его еще и продавать, по два денье за унцию?

– И вот еще что... – Венсан бросил быстрый взгляд за плечо, чтобы убедиться, что их не подслушивают. – Не давай ее милости ничего пить, если не знаешь, откуда взялось питье.

Он ожидал воплей, кудахтанья, бессмысленных расспросов. «Ах, вы что-то знаете, месье Бонне? Ах, какие страшные вещи вы говорите, месье Бонне!» Этой женщине господь бог вместо ума вложил в голову инстинкт насадки, заботливо высиживающей то яйцо, которое подсунуто хозяйской рукой.

Вместо этого Коринна кивнула со спокойной строгостью:

– Можете не беспокоиться, месье Бонне. Я пробую все, что ей приносят.

Венсан сумел скрыть удивление.

– Тебе приказала графиня?

Неуловимое выражение, которого он не смог разобрать – горечи? печали? – на миг изменило ее черты, обнажив лицо человека, который был вовсе не так глуп, как казалось Венсану.

– Да что вы, месье Бонне. Ее милости это и в голову не пришло бы.

«Ты рискуешь жизнью», – хотел сказать Венсан, но не сказал. К чему? Коринна и без него отлично это понимает.

Он не удержался от внутренней усмешки. Значит, вот как выглядит бастион между Беатрис и враждебным миром: рыхлая нянька, воинственно сложившая на груди короткие ручки!

Но на душе у него стало немного спокойнее.

Однако стоило выйти в галерею, спокойствие как рукой сняло. Что за черт! И здесь витают отголоски душного лавандового аромата.

Он медленно пошел к дальнему выходу. Что он упустил? Где та ниточка, что поможет ему размотать весь клубок и понять, где искать элесию?

Думай, думай, Венсан Бонне! Перетряхни весь сегодняшний день, как прачки перетряхивают белье.

«Лекарство для графини, разговор с Матье... Площадь, Бернадетта, начальник охраны... Затем девочка с ее приступами. Она давно должна

была перестать кашлять, но, видно, сырость этих стен не идет ей на пользу. Ее и в самом деле стоит отправлять на длительные прогулки, как советует Пьер Рю... Пьер Рю?!»

Венсан застыл.

Затем потянул воздух носом.

Никакого запаха. Он слишком удалился от того места, где они встретились.

Святой Рокус, ответ все время был перед ним!

Венсан развернулся и почти бегом бросился к сторожевому посту южной галереи.

Охранник, издав издав слышав его стремительные шаги, выскочил навстречу с испуганным лицом.

– Запах! – потребовал Венсан, пресекая все вопросы. – Ты чувствуешь запах?

Бедняга уставился на него круглыми птичьими глазами без всякой мысли.

Лекарь обхватил его руку чуть выше локтя.

– Послушай, – вкрадчиво начал он. – Я задал тебе простой вопрос. Принюхайся и ответь мне: чем пахнет в галерее?

Его слова и на этот раз долго доходили до стражника. «Ну же, ну же! – мысленно подгонял его Венсан. – Соображай, чурбан! Быстрее!»

Наконец мужчина зашевелил губами.

– Чем пахнет? – боязливо переспросил он, опасаясь подвоха.

– Вот именно! Чем?

Косясь на сумасшедшего лекаря, стражник принюхался. На лице отразилась напряженная работа мысли.

– Это, значит, пахнет, да... – подтвердил он.

Венсан едва удержался, чтобы не переместить пальцы с плеча болвана на его горло. Но он одернул себя. Парень не виноват, что туп как пробка. Никто не виноват в собственной глупости, давно бы пора тебе это понять, Венсан Бонне.

– Чем? – с невероятным терпением повторил он.

– Чем-то пахнет, ага...

– ЧЕМ? – рявкнул Венсан.

– Да вроде сладким чем-то, – забормотал перепугавшийся стражник. – Ага, цветком. Как бишь его? Девичьи слезы, ага!

Венсан отпустил бедолагу и шумно выдохнул. Тот немедленно схватился за эфес шпаги и напустил на себя грозный вид, словно говоря, что никто не смеет его хватать и рычать ему в лицо. Он тут не пустое

место!

Но Венсан уже забыл о его существовании.

Девичьи слезы! Старая легенда о том, как девушка, покинутая возлюбленным, наплакала целое море слез, и там, где они падали, вырастали маленькие сиреневые цветы.

В этой округе девичьими слезами с давних пор называли лаванду.

Венсан вернулся на то место, где они стояли с Пьером Рю. Его вел обострившийся нюх. Едва он понял, что запах – не плод его воображения, аромат лаванды из врага стал союзником.

Он больше не был навязчивой галлюцинацией. Он был подсказкой. И мог подсказать, кто убил Элен де Вержи.

Втягивая воздух, точно охотничий пес, учуявший дичь, Венсан повторил путь начальника охраны. У всех хороших лекарей превосходное обоняние, но его еще подстегивало возбуждение. Вот Медведь вышел из комнаты Беатрис, где он оставил портрет, вот прошел по галерее, миновал сторожевую башню, спустился вниз...

Венсан сбежал по лестнице, прижимаясь к стене. Осторожно выглянул из-за угла.

В переходе между галереями никого не было.

Но лавандовый след не лгал. Венсан проскользнул за спинами двух высоченных слуг маркиза де Мортемара, хмуро осматривавших двор, и незамеченным скрылся под сводами башни.

Вперед, вперед, за нежно-сиреневым следом, развеивающимся в полумраке! Лаванда укажет дорогу. Кажется, если приглядеться, можно увидеть лепестки цветов, плавающие в воздухе. Всего несколько минут назад он проклинал этот аромат, а теперь готов благословлять его стойкость.

Венсан уже догадался, куда направляется начальник охраны. Приближался обеденный час, а все трапезы проходили в большом каминном зале. Граф не был скуп, и на его обедах собирались многие соседи: мелкопоместные дворяне, обедневшие носители родового титула – любители дармового угощения. Эту традицию отменили лишь на первые два дня траура, но уже сегодня все возобновилось.

Протискиваясь сквозь разношерстную толпу, Венсан издали заметил широкую спину Пьера. Тому не приходилось прокладывать себе дорогу: гости сами уважительно расступались перед начальником охраны замка Вержи.

До своего почетного места – Пьер всегда восседал справа от графа – ему оставалось всего несколько шагов, как вдруг кто-то налетел на него

сзади, едва не сбив с ног.

Пьер обернулся, вспыхнув от гнева. С губ его готов был слететь приказ схватить шутника, но, узнав наглеца, Медведь знаком остановил устремившуюся к нему охрану.

– Бонне, вы насмехаетесь надо мной? – с тихой яростью поинтересовался он. – Полагаете, милость графа безгранична?

Пьер был готов к тому, что лекарь ответит дерзостью. Но, к его удивлению, Бонне рассыпался в самых униженных извинениях. Он не хотел плохого: лишь желание услужить ее милости Беатрис заставило его мчаться за начальником охраны.

– Беатрис? – нахмурился Пьер, пытаясь осмыслить случившуюся с лекарем метаморфозу. Куда делся волк, готовый дать отпор каждому, кто сунется к нему? Немногословность, которой Бонне прикрывался, точно овечьей шкурой, на ни секунду не обманывала Пьера. Он видел, с кем имеет дело.

– Ее милость забыла поблагодарить вас за то, что вы взяли на себя труд принести картину, – раболепно склонился лекарь. – И поскольку она сегодня не покидает своих покоев, то просила меня исправить ее упущение. Простите, я перестарался!

Медведь пренебрежительно фыркнул.

Он, наконец, понял, что произошло. Расставшись после едва не случившейся стычки, Бонне сообразил, чем опасна ссора с начальником охраны, и скис, как молоко, постоявшее на жаре.

Жестокое разочарование охватило Пьера Рю. Он уважал стойких противников: они позволяли ему полнее ощутить собственную силу, выходя победителем из битвы. Их поражения драгоценными воспоминаниями ложились в его копилку. Время от времени Пьер упоенно перебирал их, как вельможная дама перебирает жемчужины.

Хороший побежденный враг стоил тысячи монет.

Вряд ли он сам отдавал себе отчет в том, что его бесценный жемчуг призван скрыть под собой черный, без малейшего проблеска камень, напоминавший о том единственном случае, когда Пьер позорно бежал, испугавшись схватки.

Лекарь лишил его новой жемчужины. Не было никакого волка: был дворовый пес, вовремя понявший, кто здесь хозяин.

– Мой дорогой Бонне, – снисходительно заметил Пьер, – нет никакой необходимости в спешке. Если вас еще попросят что-нибудь передать, советую быть более внимательным.

Начальник охраны подался вперед. Голос его звучал благодушно, но

глаза сверкнули, когда он закончил:

– Иначе в следующий раз вы можете случайно напороться на меч.

– Я не забуду об этом, – подобострастно заверил лекарь, пятясь мелкими шажками.

Медведь очень удивился бы, если бы мог наблюдать за Венсаном после того, как тот покинул трапезную.

Лекарь не пошел к себе. Он свернул в сторону южной галереи, самой немногочисленной из всех, и вскоре добрался до крохотной комнатуски, забитой старьем.

Оглядевшись, Венсан нырнул за дверь и придавил ее изнутри скамьей.

Он опустился прямо на пол и разжал пальцы. В сомкнутом левом кулаке скрывалось то, что с ловкостью вора он вытащил из-за обшлага Пьера Рю, толкнув его в спину.

Белый кружевной платок, благоухающий лавандой.

Из маленького окошка падал скудный свет, но и его Венсану было достаточно, чтобы рассмотреть буквы в углу платка. Хорошо знакомая монограмма, витиеватое переплетение «А» и «В». Собственность графини Вержи.

Несколько минут Венсан смотрел на белый лоскут. Затем скомкал нежную ткань, и невеселая усмешка тронула его губы.

Теперь он, кажется, знал, кто и почему убил бедную Элен.

Глава 16

К вечеру Николь почувствовала себя хуже. Плечо ныло, от него по всему телу расплзался цепкий жар. Один раз в полудреме ей вдруг почудилось, будто из-под повязки выглядывает дрожащий крысиный нос: она вскочила с криком и не сразу поняла, где находится.

Ведьма все время была рядом: привязывала к ее запястьям прохладные листья, смазывала рану вонючей жирной мазью. Заставила Николь прожевать несколько зерен ячменя и бормотала над водой, в которой смачивала тряпку, чтобы обтирать больной лоб и виски.

– Я умру, матушка Арлетт?

Ведьма неторопливо полоскала тряпку в небольшом тазу: туда-сюда, туда-сюда... Серая ткань наполнялась водой и раздувалась, как дождевое облако.

– Не бойся смерти, бойся грехов.

– Нету на мне грехов! – с отчаянной дерзостью выпалила Николь. Но под полоснувшим ее острым взглядом стушеввалась и тихо закончила: – ... то есть страшных нету.

Со скрученного в жгут полотна вниз заскользили капли воды.

– А что такое страшный грех, лягушоночек?

– Человека жизни лишить, – не раздумывая, ответила Николь. – А еще богохульствовать. Есть у нас ключница, Бернадетта, – ох и язык же у нее! Иной раз такое брякнет – будто гром над головой грянул, хоть крестись.

Ведьма усмехнулась:

– Хула господу вреда не причинит. Ложись.

Она стерла со лба Николь выступившую испарину.

– Завтра свожу тебя кое-куда.

Девочка дернулась и вскочила бы, если б ее голову не прижимала к подушке сильная рука.

– Не шепуршись.

– Куда ты поведешь меня?

Старуха метко кинула тряпку обратно в таз.

– Куда надо.

– А что там будет? – прошептала Николь, вмиг притихнув.

Ей представилась зияющая щель, к которой подводит ее ведьма.

– Сама все увидишь. А теперь спи. Завтра тебе потребуются силы, много сил.

Они вышли, когда солнечные лучи едва просачивались сквозь деревья, а воздух был напоен влажной прохладой ночи. Николь дрожала под теплым плащом из кроличьих шкурок, вывернутым мехом внутрь. Под накидкой тело грела фуфайка, которую ведьма утром сняла с каминной решетки, пропитавшуюся теплом и дымом.

Старуха, подвязав свои белые космы узкой полоской ткани, была одета куда проще: просторная холщовая рубаша, фартук с отвисшими карманами, а на ногах – штаны.

К возмущению и ужасу Николь, ведьма и ее заставила надеть мужскую одежду. Как она ни отбрыкивалась, старуха своими руками натянула на нее узкие штаны и подвязала на поясе веревкой.

– Не спорь! Путь неблизкий, и дорога тебя не побалуует. Или хочешь запутаться в подоле и свалиться в пчелиный провал?

Этот довод окончательно убедил Николь. Что такое пчелиный провал, она не знала, но чувствовала, что этого места стоит избегать.

К тому же идти в мужском платье оказалось на редкость удобно. Правда, поначалу Николь, перешагивая через упавшие стволы, по привычке то и дело пыталась приподнимать штанины. Но вскоре полностью свыклась с непривычным одеянием и даже задумалась, отчего это женщины обречены на юбки.

Девочка шагала по утоптанной тропе, смотрела на котомку за плечом старухи, всю шитую-перешитую, в неровных стежках, на сучковатый посох, который ведьма зачем-то взяла с собой, и старалась не думать о том, далеко ли идти и надолго ли ее хватит.

Ей было худо. Несмотря на теплую накидку и шерстяные носки, ее тело изнутри выедал холод. Дотрагиваясь до лба, чтобы стереть пот, Николь вздрагивала – собственное ледяное прикосновение к раскаленной коже пугало.

Поначалу она еще спрашивала, куда они идут, хотя и не получала от старухи ответа. Едва солнце поднялось над макушками деревьев, Николь перестала задавать вопросы, потому что устала. Когда слепящий белый диск повис над их головами, ей стало все равно.

Они углублялись в лес, держась в стороне от охотничьих троп. Николь никогда в жизни даже близко не подходила к этим местам. Краем мира для нее с одной стороны было кладбище Левен, с другой – Божани, с третьей – море.

– О чем задумалась, лягушоночек? – окликнула ведьма, не оборачиваясь.

- О Бернадетте.
- Это еще кто?
- Наша ключница. Она рассказывала мне о море.
- А ей откуда знать?

Николь задумалась. Бернадетта провела в Вержи не всю жизнь, но появилась в замке задолго до Николь и казалась неотделимой от него.

– От твоей болтовни о воде у меня самой в горле пересохло, – бросила ведьма, не дождавшись ответа.

Достав из котомки флягу, старуха напилась и протянула ее Николь.

– Устроим небольшой привал. Сядь-ка, передохни.

Николь свернула с тропы, едва волоча ноги, и опустилась на корень сосны, выгибавшийся из земли, точно щупальце кальмара. Она видела кальмаров на рынке в Божани, в особых корзинах, где они розовели, подобно цветам, среди колотого хрустящего льда.

– Ты не согрелась?

Девочка отрицательно качнула головой.

– Пей. Тебе нужно больше пить.

Утолив жажду кисловатым морсом, Николь почувствовала себя лучше. Она подложила свернутый плащ под спину, прислонилась к стволу, закрыла глаза и провалилась в дремоту.

Ее разбудило шуршание. Сквозь разомкнутые ресницы она наблюдала, как ведьма колдует над котомкой: вынимает коробок, вытряхивает из него сухие веточки и растирает на ладони. Измельчив траву, старуха застыла, склонив набок голову, точно прислушиваясь. Губы неподвижны, веки прикрыты, ноздри тонкого носа с горбинкой – бронзового, гладкого, будто выточенного из ореха, – едва заметно подрагивают.

Мягкий ли свет, скрадывавший морщины ведьмы, послужил причиной, или неплотная вязь полуприкрытых ресниц, сквозь которые Николь рассматривала старуху, но только она увидела на ее месте другую женщину.

Чудесное преобразование свершилось незаметно. Взамен белых растрепанных косм вокруг головы волнами легли золотистые волосы, невидимая рука провела росчерк тонких бровей, рыжих, точно кончик беличьего хвоста, и бережно разгладила впадины возле губ.

Под пологом леса сидела небывалой красоты девушка, замерев от прикосновения солнечного луча.

Николь, забывшись, широко распахнула ресницы.

– Не ослепни!

От неожиданности девочка дернулась и свалилась со своего корня.

– Таращишься так, будто блоху хочешь взглядом убить.

Ведьма встала, и волшебство рассеялось.

– На-ка, подыши. – Она сунула девочке под нос ладонь с серо-зеленой пылью.

– Что это?

– Птичья лапка.

Николь принялась. Противный запах, отдающий плесенью и застарелой тухлятиной, словно и в самом деле истолкли пару лапок от давно сдохшего воробья.

– Все, передышке конец. Двигайся, да поживее! И подай мне плащ, он тебе больше не пригодится.

Старуха пропустила девочку вперед, а сама развеяла над тропой травяную пыль.

– Это для того, чтобы собаки потеряли наш след? – спросила Николь, когда ведьма догнала ее, на ходу обвязывая меховой плащ вокруг пояса.

– Верно, лягушоночек. Но человеку эта травка не забивает нос, а прочищает голову. Иди, не болтай.

Прочищает не прочищает, но в голове и впрямь стало яснее, как будто засиженный мухами фонарь протерли ветошью. Жаль только, от боли птичья лапка не помогла ничуть.

Чтобы отвлечься от неприятных ощущений, Николь стала вспоминать преобразившееся лицо старухи. Наверное, кожа у нее в юности была белая, как у Элен...

Венсан Бонне как-то обронил, что люди различаются по материалу, из которого сделаны их лица.

Есть люди с мясистыми лицами. Они берут от жизни все. Даже один такой человек кажется избыточно большим, когда он рядом. Это – хозяева жизни. Они стараются загрести к себе все, до чего могут дотянуться, не слишком-то принимая в расчет всех остальных.

А других людей господь сотворил с лицами, будто выточенными из дерева. Венсан Бонне говорил, что дядюшка Гастон как раз из этой породы. Они – лучшие слуги, самые точные исполнители приказов. Но боже упаси, если по прихоти судьбы человек с деревянным лицом выбивается в правители. Он будет бессмысленно жесток и черств.

У третьих такие лица, словно вместо кожи им отпустили на небесах самого лучшего, благородного шелка. Эти люди нужны для украшения жизни, и больше всего среди них, конечно, женщин. Но если увидишь юношу, у которого кожа – как лепесток шиповника, знай, что перед тобой поэт или музыкант. Даже если он сам того не ведает, господь вложил в него

дар.

Может быть, тебе встретятся и такие, у которых лица словно высечены из мрамора. Подобные люди самой природой уготовлены к великим свершениям, но куда поведет их судьба и проявятся ли их способности – неведомо. Мне, говорил Венсан Бонне, встречался и правитель с таким лицом, и лодочник. Последний был куда известнее первого в тех местах, поскольку никто лучше него не мог провести лодку через пороги.

А есть люди с лицами из глины, таких большинство. Куда их закинет жизнь, там они и будут крутиться.

После этого разговора Николь целое утро вертелась перед зеркалом Беатрис, придирчиво разглядывая собственную физиономию и пытаясь понять, какого она свойства. Так и не поняла.

Но глядя в седой затылок старухи, она подумала, что Венсан Бонне не учел еще кое-какой материал. Парусина, натянутая на снасти, тонкая, но прочная, тысячу раз окаченная водой, тысячу и один разглаженная ветром – вот каким лицом наградил бог ведьму.

Бог?!

Николь споткнулась и чуть не упала. Старуха, быстро обернувшись, подхватила ее.

– Эй! Ты что это?

Николь охватило смятение. В самом деле, что с ней? Она только что договорилась до того, что ведьма – создание божье, а не дьявольское.

– Держись крепче на ногах, лягушоночек, – только и сказала старуха. – Не так уж и далеко нам шагать.

Она не стала предупреждать Николь, что впереди у них самая трудная часть пути. Сама она редко пользовалась этой дорогой, предпочитая идти в обход по тропе, которую проложила много лет назад. Но сейчас выбора не было. Если пойти долгим путем, это займет весь день, а девчонка слабеет на глазах.

Арлетт отвела взгляд, чтобы не видеть лихорадочных пятен на ввалившихся щеках Николь, потрескавшихся губ с запекшейся мучнистой коркой. Она знала, что каждый шаг дается бедняжке все тяжелее, но не идти они не могли.

Тропа давно потерялась в траве, и они брели, следуя каким-то неведомым знакам, понятным лишь старухе.

Трижды им пришлось продираться сквозь чащу, где под буреломом притаились капканы из глинистых воронок и мертвых обломанных веток, ощерившихся со всех сторон.

Перебираясь через одну такую яму, Николь заметила внизу покачивающиеся змеиные головы, поднимающиеся вверх, точно стебли гигантской крапивы.

Она отвела взгляд и перебежала по стволу на другой край, где ее ждала старуха.

– Что ты там углядела?

– Гадюк, – заминка перед ответом была совсем недолгой.

– А, их тут хватает.

Хватать-то хватает... Но только Николь знала, что в здешних лесах не водится змей такой величины, чтобы головы у них были размером с кошачью.

Наконец непролазные лесные дебри сменились высохшим болотом, из которого торчали пятнистые стволы осин, точно исхудалые руки нищих, протянутые к небесам.

Возле крайней осины старуха остановилась. Под ее ногами зеленый травяной ковер обрывался, будто срезанный заступом, и дальше кое-где среди кочек стелился только грязно-желтый выцветший мох.

Ведьма обшарила глазами пространство, которое им предстояло пересечь.

По мнению Николь, такая предосторожность была ни к чему. Болото просматривается насквозь, с их места отлично видно, что за деревьями не прячутся ни кабаны, ни голодная волчья стая. К тому же колдунье встреча с волками не страшна.

– Ступай за мной след в след, – предупредила старуха.

Николь, пошатываясь от усталости, шагнула в примятый ее башмаком упругий мох.

Вокруг не видно ни лужицы – одна сплошная грязь. Видно, иссякли подземные ручьи, когда-то питавшие болото.

Ведьма не шла напрямик, а петляла между кочек, словно куропатка, путающая след, и Николь вскоре стало казаться, что они ходят кругами.

О, этот нескончаемый круг!

Зной вытягивает из нее все соки. Она иссохнет, как несчастные осины, как само болото, когда-то жирное и пахучее, точно шея богатой старухи, окаймленное кровавым ожерельем брусничных зарослей и синими жемчужинками черники.

Может быть, оно вспучивалось, как дрожжевое тесто. Или его мутная ржавая вода стояла неподвижно, подобная застывшему зрачку мертвой птицы. Как бы там ни было, нынче от него осталось только огромное грязное пятно, размазанное по чистому покрывалу леса.

И по этому пятну ползут они – две изнуренные букашки.

Солнце давило, вжимая раскаленную ладонь в макушку Николь. Оголенные стволы с пятнами лишайника расплывались перед глазами. Под высохшей грязью ей чудилось какое-то движение, словно кто-то там, внизу, повторял их путь.

Это болотняник, хотела предупредить ведьму Николь, он запутает тебя!

Но пересохший язык не ворочался во рту.

Сбившись с шага, девочка оступилась, и ее нога нашла опору в затвердевшей грязи. Первым побуждением Николь было позвать на помощь. Но, почувствовав под собой устойчивую поверхность, она облегченно выдохнула.

Нет здесь ничего страшного. И болотняника нет. Должно быть, тени деревьев сбили ее с толку. Если болото и было когда-то опасным, эти времена давно прошли.

А в следующий миг подсохшая корка треснула, и девочка по колено ушла в липкую чмокнувшую жижу.

Чвак! – сказала жижа, подтаскивая ее к себе.

Ведьма тотчас обернулась.

Николь лежала на животе поперек тропы, цепляясь за мох, и неумолимо сползала к расширяющейся грязевой проруби. Болото засасывало ее так быстро, словно в его глубине притаилась громадная тварь и тянула ее за ногу.

Не замешкавшись ни на миг, старуха сбросила с плеч котомку и трянула ее странным, каким-то неловким жестом, одновременно рванув другой рукой за постромки.

– Хватай!

Мешок размотался, будто скрученная лента, содержимое его разлетелось, но ведьма даже не взглянула под ноги. Точно рассчитанным движением она швырнула один конец ленты Николь. Он упал возле девочки, и она судорожно вцепилась в ткань, ощущая под пальцами зашитый внутри камешек.

Второй конец ведьма быстро закрутила вокруг ближайшего ствола и затянула узлом, а затем, не говоря ни слова, двинулась к девочке, осторожно ступая по вмятинам во мху.

Приободрившаяся было Николь вдруг ощутила, что по ее ноге кто-то ползет. Словно болото, испугавшись, что добычу отберут, выбросило грязевой отросток, доставший до ее бедра.

Она вскрикнула и извернулась, пытаясь сбросить его с себя.

Но ведьма подросла раньше. Так же молча она с размаху ударила Николь по ноге, быстро подцепила что-то острым загнутым концом своей клюки и отшвырнула далеко в болото.

Николь услышала странный, очень тонкий свист и негромкий хруст проломившейся земляной корки. Обернувшись, она успела увидеть, как над поверхностью болота мелькнул кольчатый гладкий хвост толщиной с ее руку и исчез в трясине.

Когда ведьма вытащила Николь на тропу, губы у девочки ходили ходуном.

Ведьма смотала длинную полосу ткани, подобрала то, что высыпалось из мешка, и рассовала по карманам фартука. И только затем взглянула на трясущуюся Николь, сжимавшую в кулаках вырванные с корнем волокна мха.

– След в след, – жестко повторила она.

Остаток пути по болоту девочка прошла, ни разу не сбившись.

Лишь тогда, когда жуткая топь осталась далеко позади, ведьма остановилась.

– Все. Считай, выбрались.

Николь кулем повалилась на землю. Один башмак вместе с носком остался в болоте, и она успела исцарапать до крови ногу.

– Не дергайся.

Ведьма счистила с ее задрывшейся штанины грязь. Та высыхала на глазах и отпадала целыми ломтями.

– Пить!..

Старуха достала вторую флягу, и девочка жадно приникла к ней.

– Мы еще не дошли, лягушоночек. Оставь про запас. На, держи мой башмак! – она стащила его с ноги и бросила Николь.

– А как же ты?

Ведьма, не отвечая, сноровисто перемотала правую ступню полосой ткани и закрепила концы вокруг лодыжки.

– Вот так-то лучше. А теперь пора идти!

Она силой заставила Николь подняться.

– Я не могу! – выдохнула та, вновь оседая на колени.

Ведьма, не отвечая, скользнула взглядом по перелеску за ее спиной. Что-то в ее глазах заставило девочку обернуться.

Никого. Разве что за раскидистыми кустами бересклета мелькает что-то светло-серое.

– Там заяц? – вгляделась Николь.

– Заяц, – помолчав, согласилась старуха.

Николь посмотрела на нее. Потом снова на куст бересклета, за которым виднелись уже два серых пятна.

И поднялась сама, закусив губу так, что брызнула кровь.

– Пойдем.

Остаток пути Николь запомнила как череду собственных шагов: один-другой-один-другой-один-другой...

Каждый шаг отдается в теле глухим толчком. Будто враг пихает в спину пленника: а ну! ступай! не спи! шагай!

Посмотришь вниз – в глазах мельтешит размытая серая крупа и плывут наискось дрожащие белые пятнышки. Взглянешь вперед – и там то же.

Но изредка перед Николь вспыхивали картины, яркие до рези в глазах.

Существовали ли они на самом деле? Или их породила терзавшая ее лихорадка?

Прозрачный ручей, вскипающий радужными пузырьками на камнях, по которым они с Арлетт перебираются на другой берег.

Поваленная сосна, в которую ведьма, обойдя ее по широкой дуге, издали швыряет тяжелым обрубок, и рыжий ствол вдруг распадается на тысячи муравьев, исчезнувших в задрожавшей траве.

Овраг, прямой и узкий, как порез в земле, со дна которого тянутся вверх серебристо-серые ели, все в лохмотьях высохшей хвои, а по стволу от корней до самых верхушек вьются крошечные ярко-синие цветы, и от них исходит слабый свет, как от русалочьих огней.

Кажется, два или три раза Николь падала, и тогда старуха, обвязав девочку веревкой, тащила ее за собой, как полудохлую козу, болтающуюся туда-сюда.

Россыпь грязной крупы все плотнее валит сверху, вот-вот погребет их под сугробом.

Последним, что запомнила девочка, была качающаяся перед ее лицом пергаментная изнанка сшитых заячьих шкур.

Когда Николь очнулась, поблизости журчала вода. Низкое небо над ней отливало яблочной желтизной, какая бывает ближе к закату.

С трудом перевернувшись на бок, девочка подняла голову и оцепенела.

Она лежала, раздетая догола, на земляной площадке – теплой, как сковородка, ровной и совершенно круглой. Площадку плотно обступали

обветренные сутулые валуны. Сомкнувшись в кольцо, они охраняли подходы к источнику, бившему из земли в середине круга.

Ни травинки! Только насупленные камни, вода и земля, разогретая так сильно, будто ад в этом месте залегал совсем неглубоко.

Но не жар и не камни потрясли Николь.

Она не могла оторвать взгляд от источника.

Словно сам дьявол в недрах иссушенной земли яростно щелкал кнутом – так плеть темной воды с шумом выстреливала из недр вверх и обрушивалась на блестящую, густо-коричневую, точно спина выдры, длинную лужу, исчерчивая ее рубцами. Шрамы затягивались, но тотчас новые и новые вскипали на поверхности.

С дальнего конца лужи вытекал узкий ручеек и блестящей змейкой просачивался между подножиями валунов.

Вода источала отвратительный запах. Вонь доброй сотни тухлых яиц пропитывала все вокруг.

– Черный ручей! – Николь в ужасе отшатнулась и зажала нос.

Позади раздалось шуршание, и ведьма спрыгнула с валуна, сжимая в кулаке мертвого рябчика с петлей, затянутой на сизой лапке.

– А, пришла в себя. Вот и славно. – Она небрежно бросила добычу на землю.

– Матушка Арлетт! – Николь с мольбой взглянула на старуху. – Зачем мы здесь?

– Ты еще не догадалась?

С этими словами ведьма подхватила ее, протащила, кряхтя, несколько шагов и разжала руки прямо над лужей.

Девочка с головой ушла в горячую воду, захлебнулась, закашлялась и с воплем попыталась выбраться наружу. Как бы не так! Ведьма придерживала ее, точно слепого котенка, карабкающегося из ведра в тщетных попытках избежать гибели.

– Нет уж! Коли я тебя сюда доволокла, будешь сидеть как миленькая.

Николь билась с отчаянием пойманной в сети рыбы. Но, побарахтавшись чуть-чуть, быстро обессилела и обмякла.

– Зачем... ты... – еле выговорила она.

Не отвечая, старуха еще разок макнула ее с головой. Густая, как сироп, вонючая вода залила уши и нос, склеила ресницы.

Отплевываясь, Николь вынырнула на поверхность:

– Кха!.. Кха!.. Ты меня утопишь!

Ведьма расхохоталась.

– Неужто? В эдакой лохани?

Старуха разулась и окунула ступни в коричневую жижу. На лице ее отразилось явственное облегчение.

– О-о-о! – со стоном выдохнула она.

Николь, собрав остатки сил, вцепилась ей в лодыжку.

– Пощади!

Ведьма, не делая попыток вырваться, склонила голову набок и утомленно взглянула на девочку из-под белесых ресниц.

– Послушай, лягушонок, я слишком устала. Пока тебя волочила, едва сама в землю не ушла. Неужто ты думаешь, все это лишь затем, чтобы утопить одну чахлую девку?

Она провела рукой по лбу. На коже осталась коричневая полоса.

Отчего-то вид размазанной грязи на ее лице заставил Николь притихнуть.

Арлетт выглядела по-настоящему изможденной. Поход дался ей нелегко.

– Но расслабляться тебе рановато, – вдруг сказала старуха, словно читая ее мысли. – Может, я приношу здесь жертвы дьяволу!

Она насмешливо сощурила один глаз.

Вместо того, чтобы испугаться, Николь окончательно успокоилась. Что-то неуловимо общее было в тоне старухи и Венсана Бонне, когда он подсмеивался над девочкой. А от лекаря, что бы там ни верещали боязливые глупцы, она никогда не видела ничего плохого.

Николь осторожно разжала пальцы и ощупала стенки ямы. Склизкие, как лягушачья кожа!

– Черная глина, – сообщила ведьма.

Николь пятками дотронулась до дна.

Старуха права: утонуть здесь невозможно.

Она лежала в подобии купели глубиной не больше половины ее роста. Яма пополнялась из источника, но не переливалась через край благодаря ручью.

Николь медленно развела руки в стороны и опустила затылок в воду. Вонь вокруг по-прежнему стояла невероятная. Деться от нее было некуда, словно отвратительным запахом насильно кормили с ложки.

Но сейчас, когда ужас отступил, она в полной мере смогла ощутить, как расслабляется ее окостеневшее измученное тело в горячем котле.

– Рука! – вспомнила Николь. – Повязка!

– Саманими, – отозвалась старуха и прикрыла глаза.

Солнце, клонившееся к закату, роняло последние лучи на вершины

камней, заставляя отсвечивать их пепельные лысины. Высоко в небе бледный медальон луны понемногу наливался золотом.

Арлетт ворошила палкой угли вокруг обмазанного глиной рябчика. В развилке воткнутой в землю короткой рогатины висела освежеванная тушка белки.

Николь, по-прежнему лежавшая в воде, видела все происходящее на поляне будто бы со стороны.

Вот Арлетт сторбилась у догорающего костра, через серую ткань рубахи проступает хребет. Острые бугорки косточек – точно кочки, по которым можно добраться до ее шеи.

Вот струя источника, взвиваясь из земли, бессильно падает вниз. Словно каждый миг пытается дотянуться до луны – и не может.

Вот то, что осталось от самой Николь: бледное лицо, запрокинутое к небу, и грязные волосы, прилипшие к глинистому краю лужи. Тела нет. Его скрыла бурая вода.

– Еда готова, лягушоночек...

Пресные волокна жесткого мяса старуха складывала прямо в рот Николь.

– Это место как-нибудь называется? – спросила она, пока Арлетт обглаживала тонкую косточку.

– Чертова Плешь, – невнятно пробубнила та и сунула Николь под нос флягу. – На, запей.

Девочка глотнула прохладной воды.

– Долго мне здесь лежать?

– До утра.

– А что потом?

– Посмотрим, – уклонилась от ответа старуха.

Она обмакнула ладонь в теплую воду и мягко провела по лицу девочки.

Николь перехватила ее запястье и задала давно мучивший ее вопрос:

– Отчего ты помогаешь мне?

Ведьма молча высвободила руку.

– Скажи! – настаивала Николь. – Я хочу знать!

Старуха отодвинулась назад, в тень, куда не доставали слабые отблески костра.

– Может, у меня доброе сердце – предположила она оттуда.

Но девочка с сомнением качнула головой.

– Даже человек с добрым сердцем не будет делать того, что пойдет ему

во вред.

– Что же это?

– Ты спасла меня и этим разозлила маркиза. Он сжег твой дом!

– Всего лишь временное пристанище...

– Все равно! – упрямыствовала Николь. – Теперь он ищет тебя. А наша сегодняшняя дорога? Нет, это не просто так!

Ведьма выдвинулась из темноты и подалась к ней. Глаза ее блеснули.

– Что, лягушонок, боишься моих коварных замыслов, а?

Николь поискала в себе страх и не нашла. Она покачала головой:

– Нет. Не боюсь. Но...

Ведьма насмешливо вскинула брови.

Под ее взглядом Николь почувствовала себя никчемной дурой, не способной внятно растолковать, что ее мучает.

– Я думала, Элен желает мне добра, – наконец сказала она. – Все эти красивые вещи... Мягкие туфли... и ночная рубашка... Так странно... и весело, и страшновато, и как будто немножко пьянеешь. А потом оказалось, что я должна лечь с маркизом де Мортемаром. Вместо нее.

Старуха нахмурилась.

– Прошлым летом меня взяли на рынок в Божани, и там оказался бродячий театр. – Николь слабо улыбнулась воспоминаниям. – Я пробралась в шатер и видела представление. Когда тряпичную куклу надевают на руку, знаешь?

– Как перчатки.

– Да. Сначала я смеялась... а потом мне стало страшно. Они были как живые! – Девочка вскинула руки и пошевелила пальцами, не отводя глаз от капель стекающей воды. – Им не хотелось притворяться и играть, они бы ушли! Но у них внутри была рука, чужая рука. Они мучились! Им было больно! Я не хотела, чтобы их мучили!

Николь ударила ладонями плашмя по воде, и во все стороны полетели брызги. Старуха не шелохнулась.

– А потом Элен! – выкрикнула девочка. Речь ее становилась все сбивчивей, слова текли быстрее, обгоняя друг друга. – Она как будто засунула руку мне внутрь и шевелила пальцами. А я не могла ничего поделать! Я была как те куклы!

– Но ты сумела сбежать, не так ли?

Николь кивнула.

– Я не хотела ничего плохого. Только чтобы больше никто не гнался... не били! я бы сумела все исправить. Но Элен меня толкнула. Почему?

Старуха прижала ладонь к ее губам.

– Чш-ш! Тише, лягушоночек.

Николь дернула головой в сторону.

– А теперь ты! У меня словно твоя рука внутри! Я не понимаю... Не понимаю!

Она обмякла в воде, тяжело дыша.

– Да что тут понимать, лягушоночек...

Ведьма вытерла испачканную ладонь о подол и встала, пристально глядя куда-то над лесом, где края облаков над закатившимся солнцем сияли, словно вышитые золотой нитью по натянутой темно-синей канве. Николь повернула голову, но ничего не увидела.

– Ребенок у меня был, давно, – без выражения проговорила старуха. – Умер еще в колыбели.

Николь даже привстала, пытаясь разглядеть ее лицо.

– Ребенок? – недоверчиво повторила она. Ведьмы не рожают детей, они крадут их!

Старуха не заметила ее удивления.

– Сейчас он был бы немногим младше тебя, – проговорила она. – Иной раз представишь его рядом, выросшим...

Она замолчала.

Николь не осмелилась ничего сказать.

Старуха стояла, выпрямившись, вглядываясь в расплывающиеся над лесом облака, словно пытаясь увидеть в них чей-то лик. Но ветер сминал жалкий облачный пух, и от образа, подсказанного воображением, не оставалось ничего, кроме белесого дыма.

Сквозь пиликанье бесчисленных цикад пробился печальный вопросительный крик вечерней птицы.

– Давай-ка спать, лягушоночек. Только сперва нужно привязать тебя.

– К чему?

– Ко мне. Рука за руку.

– Зачем?

– Мало ли что. Еще забудешься и сползешь под воду. Веревка-то дернет, я проснусь и вытащу тебя.

Луна, вся в голубоватых прожилках, точно ореховое ядрышко, повисла над Чертовой Плешью. Листва слабо шевелилась от тихого дыхания ветра.

Вечно бодрствующий источник бурлил, и в его недовольный голос вплеталось частое простуженное уханье совы. Рядом потрескивал маленький, как кошка, костер.

Возле самого края лужи, сбив под собой меховую накидку, дремала

Арлетт, подложив ладонь под щеку. От ее пальцев к луже протянулась тонкая бечева. Другой конец был обвязан скользящим узлом вокруг запястья Николь.

Девочка давно погрузилась в глубокий сон. Голова запрокинута, рот полуоткрыт. Правая рука, за которую привязала ее ведьма, прижата к груди.

А левая так крепко сжимает намокшую веревку, что и не понять, кто кого держит.

Глава 17

Дверь кладовки не скрипнула, а издала долгий вздох, завершившийся всхлипом, когда Венсан закрыл ее за собой.

Тишина и покой – вот что ему нужно. Лучшее средство для ясности ума! Но сюда может заглянуть одноглазая ключница, и попробуй объясни, отчего это лекарь просиживает штаны, пялясь на кружевной платок графини Вержи.

К себе возвращаться нельзя. Младший конюх с утра уже дважды присылал мальчишку, требуя, чтобы Венсан осмотрел его сломанную ногу. А уж за внешнюю стену и подавно не уйдешь: когда графине неможется, лекарь не смеет покидать замок.

Черт возьми, он забрался бы хоть в могилу, если б это дало ему возможность уединиться!

Постойте-ка... Могила?

Неплохая мысль.

Вскоре Венсан уже спускался в подвалы замка, к винным погребам.

Рассчитывать на сами погреба, конечно, не приходилось – ключи от них хранились у вездесущей Бернадетты. Но отсюда начинался незаметный боковой ход, по слухам, часть лабиринта, когда-то проложенного под замком Вержи.

Говоря начистоту, Венсан сомневался в его существовании.

Отдельные коридоры в самом деле пронизали толщу земли, выходя наружу в довольно неожиданных местах вроде винных складов или пекарни. Ими никто не пользовался. Промозглые норы, бессмысленно пересекающиеся друг с другом, как слепо ползущие черви – вот что такое были эти ходы. Выкопанные давным-давно на случай захвата замка, они ни разу не послужили для укрытия жителей. Даже Симон де Вержи не пытался спастись с их помощью.

Конечно, они наводили страх. Болтуны твердили о шахтах, в глубине которых стоит вода, о каменных мешках, в которых узник заживо сгнивал, не видя света. Духи замученных встретят вас под замком, грозили они.

Но наотрез отказывались показать Венсану хотя бы одного, даже издалека.

И неудивительно. Что может быть хуже призрака, появившегося, когда его не ждали? Только отсутствие призрака, на которого рассчитывали.

В подземелья никто не спускался не потому, что привидения подстерегали на каждом шагу, а потому, что встретить их не было никакой надежды.

Венсан позаимствовал факел из когтистой железной лапы, торчавшей из стены возле погребка, точно в ней был замурован лев, и без колебаний свернул в боковой ход.

Тихо и безлюдно. Как он и мечтал.

Здесь, в сыром полумраке, обитало эхо, соскучившееся по голосам. Шмыгни – и кажется, будто высморкался тролль. Топни – и к тебе вернется звон кандалов, волочимых чередой пленников.

Венсан закрепил факел на стене и неторопливо двинулся по коридору. Дойдя до того места, где отблески пламени впитывала густая темнота подземелья, он развернулся и пошел обратно.

И – снова навстречу вытянутому черному рукаву коридора. И опять обратно, к потрескивающему факелу.

Итак, теперь он, кажется, знает, кто убил Элен.

Стоило бы догадаться раньше. Подсказок было предостаточно.

Алиса де Вержи под предлогом страшных болей уединяется каждый месяц на несколько дней, оставляя при себе лишь молчаливую служанку. Это первая подсказка.

Никто не посещает в это время ее покои, даже супруг. Это вторая.

А третья подсказка – удивительное действие плацебо. От лекарства, которое Венсан подсунил страдальце вместо настоя элесии, пользы было не больше, чем от колодезной воды, но графиня сказала, что оно помогло.

И что все это значит?

Нет у ее милости никаких мигреней!

Венсан дотронулся до шероховатой стены. В канавке между камней сочилась тоненькая струйка, вытекавшая откуда-то из перекрытий.

Он лизнул влажные пальцы. На языке остался острый привкус железа.

Венсан вспомнил, с какой стремительностью бросился начальник охраны на крик Алисы, и как она метнулась ему навстречу.

Что ж, вот все и сложилось.

Кто знал, как действует настой элесии?

Алиса де Вержи.

Из чьих рук Элен взяла бы лекарство?

Из рук матери.

Кто не раз заходил к Венсану и видел, как он открывает шкаф?

Старая служанка графини, ее бывшая кормилица – человек преданный и готовый исполнить любую волю Алисы.

С горящего факела отделилась капля и со змеиным шипением упала на камни. Венсану показалось, что он слышит яростный шепот графини:

«Ты никому ничего не скажешь!»

Как Элен сумела догадаться о связи своей матери и начальника охраны? Им удавалось скрываться много лет! Дочь графини оказалась проникательнее всех.

Она не бросила бы обвинение матери в лицо, подумал Венсан. Девушки, подобные ей, никогда не действуют прямо. Это попросту оскорбительно для них. Должно быть, Элен затаилась, обдумывая, как ей использовать чужую тайну.

Но она выдала себя. По случайному ли взгляду или неосторожному слову, но Алиса де Вержи поняла, что дочери все известно.

Страшно представить, чем отплатил бы Гуго за предательство и измену. А графиня слишком хорошо знала цену дочерним чувствам Элен, чтобы надеяться на ее милосердие.

Размышляя о том, кому пришла в голову идея с элесией, Венсан остановился возле чадящего факела.

За действиями убийц чувствовался практичный ум начальника охраны. Одним ходом он вывел лекаря из игры, подставил под подозрения горничную и избавился от опасности в лице Элен.

Если бы не пристрастие графини к лаванде, Венсан до сих пор бродил бы в потемках. Но Алиса неосторожно подарила любовнику платок, хранивший запах ее духов, и невидимый след привел его к ответу.

– И что теперь делать с этим ответом? – вслух проворчал он.

– Летом-летом-летом-летом! – встревожилось эхо.

Зачем понадобилось красть второй флакон элесии?

Ежась от холода, Венсан снял факел и отправился навстречу темноте, каждым своим шагом как будто продавливая ее в глубь коридора. В серых стенах то слева, то справа распахивались разинутые черные рты подземных переходов. Сумрак проваливался в них и застревал там, плотный, как земляной ком.

Дойдя до очередной такой дыры, Венсан остановился. К чему углубляться так далеко, если вопрос не стоит и минуты размышлений.

«Алиса и Пьер собираются отравить графа».

Его лицо обдало неприязненное дыхание сквозняка. Венсан опустил руку с факелом.

Если Гуго убьют, ему тоже придет конец. Ни Пьер Рю, ни Алиса де Вержи не станут полагаться на его молчание.

Пока граф жив, Венсан в безопасности: убийцы побоятся насторожить

свою жертву, расправившись с лекарем. Но как только Гуго не станет, от него немедленно избавятся.

«Идти к графу и обвинить его жену в измене и заговоре? – размышлял Венсан. – Гуго потребует доказательств. И что, помахать перед его милостью кружевным платком?»

Нет, одного платка недостаточно.

Ему по-прежнему нужна элесия. Флакон, найденный у Алисы или Медведя, куда убедительнее всяких слов.

Факел оттягивал руку, по ногам тянуло холодом. «Пора бы возвращаться, – подумал Венсан, – пока я не окоченел целиком».

– Настой либо у графини, либо у Пьера, так? – негромко поведал он узкому ходу, как будто в чье-то гигантское ухо. – На кого из этих двоих поставить?

Ему почудилось слабое шуршание неподалеку, в глубине «уха».

Верно, согласился Венсан, на Пьера. Начальник охраны любит графиню, но он привык держать все в своих руках.

Яд у него.

– Медведь носит его с собой? – снова подал он голос в темноту.

Тишина. Крыса, разнюхивавшая что-то в этих мертвых каменных норах, притихла.

Конечно нет, отмахнулся Венсан от собственного предположения. Слишком опасно, да и ни к чему. Но элесия всегда должна быть под рукой: вдруг подвернется подходящий случай.

Значит, флакон в его покоях.

Лекарь носком сапога поковырял кладку стены.

Несомненно, где-то в комнате начальника охраны есть тайник, и если Венсан доберется до него, то сможет лишить убийц их оружия.

«Если доберусь!» Легко сказать...

Северное крыло замка хорошо охраняется, а возле покоев Пьера всегда бодрствует стражник. Проникнуть внутрь, найти элесию и выбраться незамеченным – задача не из простых.

«Если у нее вообще есть решение, – мрачно подумал Венсан. – Как я проберусь в комнаты Медведя?»

– Как, черт возьми? – громко осведомился он.

– Возьми, возьми, возьми! – посоветовало эхо.

Но к его отголоскам примешивался еще какой-то шум.

Венсан вскинул голову и замер.

Топ-топ-топ-топ – тихо прошлепало вдалеке.

Крыса?! Никакая это не крыса!

Лекарь отшвырнул в сторону тяжелый факел и бросился в коридор. Человек, пытавшийся скрыться как можно тише, понял, что его услышали, и побежал. До Венсана донесся быстрый перестук шагов.

– Стой! – крикнул он, не останавливаясь.

Света упавшего факела за его спиной хватало лишь на то, чтобы едва рассеять темноту. Тот, кого он преследовал, либо видел как кошка, либо хорошо знал эти ходы.

Венсан пробежал еще немного и остановился. Чутье подсказало ему, что впереди теперь только пустота.

Беглец куда-то свернул.

Он оглянулся. Красные лепестки огня клонились к полу. Факел вот-вот погаснет, и он останется в крошечной тьме.

Венсан все-таки прошел несколько шагов, ведя ладонью по стене. Кирпичи еще хранили тепло руки, дотрагивавшейся до них незадолго до него. Кто-то ждал здесь, смотрел из темноты на освещенный силуэт, прислушивался к бессвязным восклицаниям и, наконец, не выдержав, бросился прочь.

Кто это мог быть?

Венсана ошпарила внезапная догадка. Птичка? Неужели девчонка скрывается здесь?

Но он покачал головой. Николь не стала бы убегать от него. Она вышла бы навстречу, а не пряталась, как соглядатай.

Но кто может таиться в безжизненных подземельях?

Он не сомневался, что беглец все еще поблизости: стоит, затаив дыхание, сдерживая стук сердца.

Венсан подождал немного, ловя хотя бы намек на шаги, и, ничего не дождавшись, в задумчивости повернул обратно.

Алиса де Вержи сбросила бесполезную влажную тряпку со лба и медленно поднялась с постели, вцепившись в резную колонну балдахина.

Собственная шея отвратительно мягка и гибка. Стебель, слишком тонкий для ее огромной раздувшейся головы, набитой мутной кашей.

Очень осторожно, неся себя, словно бесценный сосуд, Алиса приблизилась к окну и отодвинула портьеру.

Месяц изогнутой выбеленной костью повис над замком. До чего остры его края! Расшатанные зубья сторожевой башни вызывающе скалятся в небо.

И повсюду тени. Нет от них спасения! Вечером Алиса несколько раз забывалась дремотой, но и во сне чудилась склоняющаяся к ней фигура. Ее

придавливал ужас, тяжелый, как гора. Не встать, не вскрикнуть, не пошевелиться.

Тот, кто сказал, что страх липкий, ничего не знает о страхе! Страх – это камень. Глыба его рухнет, разможжит тебя, как ужа, и останется только пустая высохшая шкурка.

– Я не виновата, – беззвучно выговорила Алиса.

С верхушки сторожевой башни нырнула вниз одна серая тень, а за ней другая, третья... Графиня отшатнулась и захлопнула створку решетки, которую всегда оставляли открытой на ночь.

Она постояла, тяжело дыша, пытаясь собраться с мыслями. Господи, как же болит голова...

Духи мертвых могут остаться среди живых, твердила старая Магда, а Алиса не верила ей, не желала верить. Ах, какая насмешка судьбы: получить то, что отрицаешь. «Воздастся вам по вере вашей!» – вопит отец Годфри на проповедях. Чушь, все чушь. Воздастся по неверию. Каждый получит то, от чего отворачивался всю свою жизнь, и тогда-то и распахнет беззащитное его нутро, вспоротое острым лезвием истины.

Женщина сглотнула. Даже слабое движение отозвалось безжалостной иглой в затылке.

– А-а-а-а!

Она прикусила кожу на запястье. Не стонать, не стонать!

Алиса всем нутром ощущала, что позади нее в ночном сумраке затаилось нечто, не имеющее облика. Слабое колыхание портьеры, тающие шорохи... Решетками не закрыться от него. Но пока оно оставалось снаружи.

– Воздастся каждому по его неверию, – прошептала Алиса.

Душа ее убитой дочери не покинет замок, пока не получит желаемого, а жаждет она возмездия.

– Я все сделаю. Я все сделаю, обещаю!

Дрожащие пальцы прикоснулись к распятию на груди.

– Я расскажу ему. Клянусь.

Она не оборачивалась, но знала: из темноты на нее кто-то смотрит.

– Я... скажу... правду.

Шелест шторы – и ощущение ледящего взгляда исчезло.

Алиса выдохнула. Слезы принесли бы облегчение, но плакать она не умела – только кричать от ярости и бессилия.

У нее не осталось выбора. Завтра она пойдет к Гуго и признается во всем.

Что сделает муж, предсказать невозможно. За долгие годы Алиса так и

не научилась угадывать логику его поступков. И к чему? Ей хватало любви. Любовь закрывает глаза руками и смеется тихим счастливым смехом: не смотри! зрячим любви не дано!

«Я его совсем не знаю», – с трепетом подумала Алиса.

«Его – нет, – возразила она самой себе, – но я знаю его любовь. Гуго меня любит. Он будет милосерден».

Из окна повеяло прохладой и сладостью ночных цветов. Тень исчезла, успокоенная ее клятвой.

Алиса вернулась к постели, по-старушечьи шаркая. Но теперь, когда решение было принято, ей стало легче.

На столе в бокале чернело вино. Она и не заметила, когда Магда налила его. Кормилица обо всем заботилась тихо и незаметно – не женщина, а добрый дух, оберегающий питомицу.

Алиса де Вержи плохо понимала, как можно испытывать благодарность к слугам. По одному только праву рождения графиня была вознесена настолько высоко, что любое проявление заботы воспринимала как должное.

Но во время приступов ее охватывал непреодолимый страх. Она чувствовала себя уязвимой и беззащитной, точно улитка без ракушки, и везде ей чудились зависть и злость. Даже преданная старая кормилица, казалось, ждала подходящего случая, чтобы вдоволь поглумиться над больной.

И чтобы задобрить возможных врагов, графиня не скупилась на добрые слова и благодарность.

Венсану Бонне такое объяснение никогда не пришло бы в голову. С наивностью, делающей ему честь, он полагал, что страдания обнажают в графине лучшие качества. И был бы сильно удивлен, узнай, что его всего лишь пытаются умиловить, как и старую служанку.

«Не забыть поблагодарить Магду завтра утром», – подумала Алиса все с тем же суеверным страхом перед здоровыми.

И выпила вино, не смакуя.

Она почувствовала привкус слишком поздно. На дне оставалось лишь несколько глотков.

Сдавленно вскрикнув, Алиса отшвырнула бокал. Хрусталь со звоном разбился о балдахин, и луна хищно вспыхнула на гранях осколков.

– А-а! А-а-а-а!

Выбежавшая из своей комнаты Магда с ужасом увидела, что графиня хрипит, стоя на коленях возле кровати.

– Ваша милость!

В глазах Алисы потемнело. Комната, светильник, пятно кровати, фигура Магды – все заволоклось черной пеленой. Схватившись за грудь, разрываемую трепыхающимся сердцем, она из последних сил выдохнула:

– Бонне... лекарь...

Венсан долго не ложился. Он обдумывал, как проникнуть в покои начальника охраны. Некоторые способы давали ему возможность беспрепятственно попасть внутрь, другие – так же беспрепятственно выйти. Но найти способ, который сочетал бы в себе то и другое, лекарю до сих пор не удалось.

От замысла отравить стражника он отказался сразу. И не человеколюбие было причиной. Спрятать в узких коридорах бесчувственное тело не легче, чем загнать лошадь в колодец.

Венсан набросал план галереи и сердито покусал кончик пера. Допустим, он заберется по стене, как не раз проделывала Птичка. Но окна Медведя забраны прочной решеткой. Дымоходная труба? Будь он кошкой или крысой, об этом можно было бы поразмыслить. И то нельзя исключать, что в камин к удивленному Пьеру, решившему погреться у огня, свалилось бы хорошо прокопченное животное.

В конце концов он решил, что ни к чему изобретать новое, когда есть старая испытанная дверь. Но под каким предлогом попасть к начальнику охраны в его отсутствие?

Венсан задумался, являются ли пара ливров достаточно веской причиной для стражника, чтобы закрыть глаза, когда мимо него совершенно случайно будет проходить лекарь Бонне.

От размышлений его оторвал пронзительный крик, донесшийся из замка.

На этот раз столпившиеся в галерее люди молчали. Не плакали, не бормотали, не молились. Но тишина была страшнее воплей.

При приближении лекаря все так же молча расступились.

Венсан сделал глубокий вдох, прежде чем перешагнуть через порог, и нырнул в нестерпимо густой аромат лаванды.

Графиня де Вержи, до подбородка закрытая простыней, лежала на ковре, остекленевшими глазами глядя в открытое окно. Старая Магда с перекошенным лицом сидела на полу возле кресла, перебирая рассыпавшиеся черные волосы графини. Венсан посмотрел на служанку и сострадательно отвернулся.

Встрепанный маркиз де Мортемар в одной ночной рубашке что-то

тихо говорил Гуго де Вержи. Граф молчал. Его остановившийся взгляд был устремлен на высунувшуюся из-под простыни руку.

За окном мельтешили факелы, растянувшиеся огненной цепью по всей внешней стене. «Ищут убийцу», – понял Венсан.

И только тогда заметил четвертого человека в комнате покойной.

Пьер Рю застыл возле окна, сжав в кулаке край портьеры. Казалось, он даже не дышит. Венсану вспомнились рассказы Николь о горных троллях, каменеющих при первом луче солнца.

– Ваша милость...

Граф Гуго де Вержи с трудом оторвал взгляд от руки Алисы.

– А, это вы, Бонне...

Он провел ладонью по лбу и осмотрелся, будто ища кого-то.

– Бонне, сделайте все, что нужно, – распорядился Жан Лоран и вновь дотронулся до плеча графа. – Гуго, друг мой, вы здесь ничем не поможете. Она уже в объятиях господина.

– Где священник? – тихо спросил Гуго.

– За ним послали.

– Хорошо. Хорошо...

Лекарь опустился на колени возле тела. Синие пятна на белоснежной коже – как следы, оставленные лапами маленького зверька.

Он незаметно огляделся вокруг. Так и есть: пятно от разлитого вина, осколки бокала. Под кроватью поблескивает доньшко закатившейся бутылки. Алиса цеплялась за столик...

– Это злой рок... – пробормотал граф.

Ему никто не ответил. Старая Магда принялась по одной вынимать шпильки из волос графини. Она раскладывала их вокруг себя так аккуратно, будто они могли еще пригодиться.

Венсан знал средство, которое могло бы помочь несчастной старухе. Но в этой комнате мертвая женщина была важнее живой. «Попробую привести ее в чувство, когда все уйдут».

– Рю, вы уверены, что видели именно ее? – тяжело спросил Мортемар.

– Никаких сомнений, ваша светлость. Это была Огюстен.

Венсан поднял глаза на начальника охраны и сразу отвел взгляд.

– Это была Николь Огюстен, – севшим голосом повторил тот. – Я первым вбежал, когда услышал крики. Девка висела снаружи, вцепившись в створку. Едва я вошел, она тут же спрыгнула.

Гуго де Вержи и де Мортемар переглянулись.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что она полетела? – осведомился маркиз. – Она бы разбилась, упав с такой высоты.

– Нет, ваша светлость. Она поползла по стене, как ящерица, и скрылась из виду. Я хотел преследовать ее, но...

Начальник охраны выразительно указал на слишком узкий оконный проем.

– Я пытался помочь ее милости, – хрипло добавил он, сделав над собой усилие. – Но было слишком поздно.

Пьер разжал наконец пальцы. Смятая волна портьеры с шуршанием обрушилась вниз.

– Ты поднял тревогу сразу же? – нахмурился Мортемар.

– Да, ваша светлость.

– Тогда какого дьявола ее до сих пор не могут найти?!

Ответь ему, усмехнулся про себя Венсан. Попробуй объяснить, куда могла спрятаться девчонка, если все входы и выходы из замка перекрыли по твоему приказу. Давай же! А я посмотрю, как ты будешь выкручиваться, ублюдок.

Пьер откашлялся.

– Она была в черном плаще с капюшоном, ваша светлость.

– И что же?

– Должно быть, он скрывает ее от чужих глаз.

Маркиз де Мортемар смотрел на начальника охраны, не мигая.

– Это чары, – убежденно сказал Медведь. – Ведьма хочет извести род Вержи. Она наложила на девчонку заклятие, которое не дает нам ее увидеть!

– Что еще за чушь?

Но начальника охраны было уже не остановить.

– Говорю вам, это колдовство, будь оно проклято!

Убийственная ненависть прорвалась в его крике, и Венсан, не удержавшись, вновь быстро скользнул по Пьеру взглядом.

Нужно отдать должное Медведю: свою роль он играл отменно. Глаза горят праведным гневом, желваки ходят на лице, а под ненавистью мягкой подложкой стелется страх. Все правильно. Начальник охраны и должен бояться ведьмы.

– Простите, ваша светлость, – пробормотал Пьер Рю, будто спохватившись. – Я не должен был... Но этот чертов плащ! Он не дает моим людям найти убийцу.

– Вздор! – зло оборвал Мортемар. – Не будь дураком! Ты что, в самом деле веришь в эту галиматью?

Пьер покачал головой:

– Ваша светлость, вы знаете о ведьмах больше, чем кто-либо из нас.

Их арсенал обширен. О плащах, сотканных из волос убитых девственниц, рассказывали те, кому удалось...

Маркиз опустил ладонь на стол с угрожающим стуком.

– К черту девственниц, – сквозь зубы прошипел он. – Не прикидывайся недоумком! Если бы у этой твари был плащ, зачем бы она стала сбегать через окно?

Венсану показалось, что в голубых глазах Пьера мелькнула растерянность.

«Что, попался? Ты собирався иметь дело только с Гуго де Вержи и не подумал о маркизе».

Но Мортемар не был убит горем, и он сразу увидел, где слабое место в рассказе Пьера. Маркизу было плевать на жизнь и смерть Алисы де Вержи. Но оставить себя в дураках он бы не позволил.

Начальник охраны собрался с силами и выпрямился.

– Вы правы, ваша светлость, – угрюмо признал он. – Я не подумал об этом. Значит, Огюстен до сих пор в замке.

– Так отыщи ее!

– Мои люди...

– Они не люди, а бараньи потроха, раз до сих пор не схватили ее! – взревел маркиз. – Отправляйся и найди ее сам! Ясно тебе?

– Да, ваша светлость.

Медведь быстро прошел к двери.

– Стой!

Рю застыл.

– Скажи мне, как вышло, что ты оказался здесь первым? – вкрадчиво спросил маркиз.

Хороший вопрос, одобрил Венсан. Покои начальника охраны в другом крыле. Что ему делать здесь в полночь?

От изворотливого Пьера можно было ожидать новой выдумки, но он не стал хитрить.

– Мне не спалось, ваша светлость, – просто сказал он. – Я тревожился.

– О чем же?

– Вчера графиня показалась мне испуганной. Я решил, что виной тому ее надвигающийся недуг, но меня не оставляли дурные предчувствия.

– И они оправдались, – вмешался в разговор Гуго де Вержи. – Ты все сделал правильно. А теперь ступай и отыщи Николь Огюстен. Только помни, она нужна нам живой!

«Долго же ее будут искать», – подумал Венсан, закрывая лицо Алисы простыней.

– Что ты делаешь? – взвизгнула Магда.
Венсан дернулся. Он и думать забыл про старую служанку!
– Убери это! – кормилица ткнула в простыню. – Я должна видеть мою хозяйку! Мне нужно расчесать ей волосы!
Гуго де Вержи тяжело вздохнул.
– Уведите ее, – поморщился маркиз. – Эй, кто-нибудь!
В комнату заглянул охранник.
– Забери ее, – потребовал Мортемар, указывая на Магду.
Тот ухватил старуху повыше локтя и силой поставил на ноги.
– Нет! Нет! Я ее не брошу!
Несчастливая осела на пол, как куль, но стражника это не остановило. Он поволок ее за собой, не обращая внимания на слезы и крики.
Зрелище было столь отвратительным, что Гуго де Вержи отвернулся.
– Позвольте мне, ваша милость! – не выдержал Венсан.
Он присел перед рыдающей старухой, сразу вцепившейся в него свободной рукой.
– Послушай, Магда... Ты нужна своей госпоже. Понимаешь?
Кормилица кивнула. Красное сморщенное лицо блестело от слез.
– Отправляйся к Бернадетте. Она даст тебе двух помощниц. С ними вы сделаете все, что надо, когда священник закончит свое дело.
Во взгляде старухи появилась осмысленность. Венсан нарочно не говорил о смерти и молитвах над телом. Магда должна знать лишь одно: в ней нуждаются.
– Выпей это, – он нашарил в сумке нужный пузырек и почти силой влил его в приоткрытый опавший рот. – Ваша милость, вы позволите мне вывести ее за дверь? Хочу убедиться, что средство подействовало.

Отойдя подальше от перешептывающихся слуг, Венсан заставил Магду сесть на пол и сам опустился перед ней. Если маркиз что-то заподозрит и пошлет за ними своего человека, тот увидит лишь умирающую от горя старуху и лекаря, пытающегося ей помочь.

– Магда, кто дал графине вино?
Кормилица уставилась на него мутными глазами.
– Она всегда выпивала бокал перед сном. Кто налил вино? Ты?
Старуха помотала головой.
– Ты видела, кто это сделал?
Снова всхлипы и отрицательный жест.
Венсан попробовал зайти с другой стороны.
– Ты спала, верно? Услышала звон и проснулась. Так все было?

– Не звон, – прошептала Магда. – Крик.
– А когда ты прибежала...
– Она повалилась на ковер. Я видела... ее милость... хваталась... за все...

Старуху затрясло. Венсан положил руку ей на плечо и наклонился ближе:

– А потом ты стала звать на помощь, да? Кто прибежал первым?
Кормилица закрыла глаза и покачала головой. Он жалел ее. Но ему нужно было узнать, что случилось ночью.

– Магда, прошу тебя. Вспомни, как все было.
И поскорее, мысленно добавил он. Лекарство начинает действовать, а оно отупляет и навеивает сон.

– Я выбежала из комнаты, – всхлипнула она. – А мне навстречу – месье Рю...

– А слуги? Охрана?
Магда вновь качнула головой: нет, никого.
– Медведь оттолкнул меня... А потом я вхожу, а госпожа...

Венсан пресек начинающийся приступ рыданий:

– Ты видела кого-нибудь за окном?
– А?
– За окном, Магда. Там кто-то был?
– Ночь была... – пробормотала обессиленная старуха.

Венсан взял ее за плечи:
– Ты слышала, что говорил начальник охраны? Он видел Николь Огюстен. Он считает, это она отравила твою госпожу.

– Николь... – повторила Магда. – Птичка? Откуда ей здесь взяться? Она мертва.

Венсан вздрогнул и внимательно посмотрел на старуху.
– Она жива, – зачем-то возразил он.
– Мертва, мертва, – прошептала кормилица. – Они все умерли. Все-все... Оставьте меня, месье Бонне.

– Тогда ты умрешь, – жестко сказал Венсан.
Он надеялся встряхнуть ее, но этого не произошло.
– Смерть – это лучшее, что может случиться со всеми нами, – безразлично проговорила старуха и уронила голову.

Николь Огюстен не нашли.
Венсан многое бы отдал за то, чтобы послушать, как Пьер Рю докладывает об этом маркизу де Мортемару, но граф отправил лекаря

прочь.

Бонне шел по извилистым коридорам, провожаемый взглядами встречных.

Все шарахаются друг от друга. За каждым углом людям чудится всплеск ведьминога плаща. Маркиз пообещал за ее поимку такую награду, что перепугал этих дурней еще сильнее.

Звериная одержимость, с которой Жан Лоран разыскивал колдунью, озадачивала Венсана. Несмотря на тяжелую бессонную ночь, Мортемар ранним утром вновь ускакал со своим отрядом рыскать по окрестным лесам.

А граф Гуго де Вержи закрылся у себя и не выходит уже много часов. Все соседи, слетевшиеся с утра, чтобы выразить соболезнование, а в действительности – разнюхать и рассмотреть собственными глазами, что за страхи творятся в Вержи, уехали несолоно хлебавши.

Охотники шныряют по чащобам, стража прочесывает подzemелья замка, слуги попрятались по углам, как мыши. Если бы не Бернадетта, гоняющая их, они бы питались и отправляли естественные надобности там же, не выходя на свет.

Возле перехода в южную галерею путь Венсану преградил могучий стражник с иссеченным шрамами лицом. Внешний угол правого глаза съехал куда-то к уху, словно его оттянули на нитке.

– Не велено туда, – процедил он.

– Кто запретил? – поинтересовался Венсан, не двигаясь с места.

– Граф де Вержи.

По короткой заминке перед ответом Бонне все понял. Он пожал плечами:

– Прекрасно, друг мой. Но мне предстоит объяснить его милости, отчего я не выполнил приказ.

– Какой еще приказ?

Венсан оскалился ему в лицо:

– А вот это тебя не касается! Назови свое имя. Возможно, господину Гуго будет интересно узнать, кто помешал мне.

Стражник молча смотрел на него, тщетно пытаясь скрыть враждебность. Шрамы на лице побелели от скрытого гнева.

Венсан даже пожалел бы бедолагу, если бы не сомневался, что он врет. Запрет исходил от Пьера Рю, а вовсе не от Гуго де Вержи. Начальник охраны не хотел, чтобы лишние люди сновали по замку, а Венсан не хотел подчиняться требованиям Медведя.

– Так как твое имя? – жестко повторил он.

Стражник дернул углом искалеченного глаза. Зрелище было жутковатое.

– Проходи.

– Благодарю тебя, – кивнул Венсан и, уже отойдя на несколько шагов, добавил: – ...Робер!

Перекошенный так и вытаращился ему вслед. Но было уже поздно: лекарь скрылся за поворотом.

– Медведь, Медведь, – бормотал Венсан себе под нос, прислушиваясь, не донесутся ли издали шаги спохватившегося стражника.

Пьер все время опережает его! Лекарь знал, что имеет дело с хитрым и умным противником, от которого нужно ждать подвоха. Но к смерти графини он оказался не готов.

Куда в следующий раз начальник охраны нанесет удар? Черт возьми, он не может просчитать его действия даже на шаг вперед!

Венсан злился на себя. Но еще сильнее его раздражала слепота графа и маркиза.

«Клянусь Рохусом, у этих людей талант не замечать того, что творится под носом. Даже если бы они упражнялись в этом искусстве каждый день, у них не получилось бы так великолепно закрывать глаза на очевидное».

Ведь не нужно даже знать о любовной связи Алисы де Вержи и Пьера Рю, чтобы понять, кто убийца.

Венсан представлял, как все случилось, до того отчетливо, будто перед ним разыгрывался спектакль.

Отправив служанку прочь, Алиса ждала возлюбленного. Пьер явился незадолго до полуночи. Разлив вино по бокалам, он незаметно добавил настой элессии в один из них.

Дальше все просто. Графиня выпивает вино, а Пьер, не дожидаясь агонии, спокойно уходит из комнаты.

Когда кормилица, крича, выбежала наружу и наткнулась на начальника охраны, она не удивилась: ведь он и должен был прийти к ее госпоже. Пьер бросился к окну, притворяясь, что увидел там Николь, и поднял тревогу.

Если умиравшая графиня и пыталась назвать имя убийцы, Магда ничего не поняла.

Венсан удовлетворенно кивнул: да, все было именно так. И для графа с маркизом не составило бы труда догадаться, если бы охота на ведьму не застигла обоим глаза.

Но одна мысль не давала ему покоя. Что заставило Пьера избавиться от сообщницы? Если они намеревались отравить графа, Алиса была ему

необходима.

И что он станет делать теперь, оставшись один?

Венсан остановился перед низкой дверью. Он был здесь только вчера, но тогда полуистлевшие сокровища Бернадетты не занимали его.

Сейчас – другое дело.

Закрыв за собой дверь, Венсан зажег лампу и поднял ее повыше. Хорошо бы в этом хламе отыскалось то, что ему надо.

Он медленно пошел вдоль стен.

Если верить Магде, графиня умерла не сразу. Вбежав в комнату вслед за Пьером, служанка застала ее еще живой.

Это может говорить лишь об одном: Медведь истратил запас элессии не полностью. Если бы он вылил в бокал все содержимое флакона, Алиса умерла так же быстро, как ее дочь.

«Почему ты не использовал все, а, Пьер? Боялся, что вино не сможет перебить вкус отравы? Или тебе нужно было оставить немного средства для кого-то третьего?»

Венсан обошел каморку, поднося лампу ближе, если ему казалось, что он нашел требуемое. Всякий раз вещь оказывалась неподходящей. Но когда он уже начал думать, что ничего не выйдет, ему повезло.

Длинный черный плащ с капюшоном висел в углу возле окна. Лекарь вытащил его и встряхнул, подняв тучу пыли.

Ткань выцвела и изъедена молью, но это ему только на руку.

Венсан недобро улыбнулся и туго свернул плащ.

Теперь он знал, как проникнет в покои начальника охраны.

Глава 18

То ли нетерпеливый солнечный луч пощекотал нос, то ли крохотная мошка, но Николь чихнула и проснулась.

Она по-прежнему лежала в яме, на спине, укрытая водой до подбородка. Солнце торопливо, словно опаздывая, рвалось из-за лесного гребня, расталкивая слипшиеся с ночи облака. Небо над ней голубело нежно и приветливо.

Николь с удивлением поняла, что больше не чувствует отвратительного запаха.

– К вечеру жди грозы, – сказали за ее спиной, и обернувшись, девочка увидела, что ведьма связывает свою хитрую котомку. – Давай-ка собираться, лягушонок.

Пока они завтракали вяленным мясом, Николь все норовила потрогать свое плечо. И каждый раз ведьма пресекала ее попытки.

– А ну хватит! Или хочешь еще ночь проваляться в этой луже?

– Не болит... – твердила Николь, не слушая ее. – Не болит, клянусь!

И тут сообразила, что предложила ей Арлетт.

– А что, можно остаться еще? И что произойдет? Я стану навсегда молодой?

– Станешь навсегда пупырчатой, – проворчала Арлетт. – Глянь-ка на свою кожуру.

Вместо этого девочка с любопытством уставилась на источник.

– А может, красавицей?

Ведьма хмыкнула и облизала пальцы после мяса.

– Я бы не советовала тебе задерживаться здесь дольше, чем на одну ночь, лягушонок.

– Почему? Ты пробовала?

Старуха задержала на ней взгляд.

– Нам пора, – сказала она, не ответив на вопрос Николь. – Рукой-то пока особо не размахивай. Побереги ее, ясно?

Девочка с готовностью кивнула и посмотрела на свои ладони. После ночи, проведенной в теплой воде, кожа стала как у индюка: красная и сморщенная. Но омрачить блаженства Николь ничто не могло.

– Как же хорошо, когда не болит, – с облегчением выдохнула она и легла на теплую землю, разведя руки в стороны.

Арлетт пристально всмотрелась в ее лицо, пощупала лоб. Нет, здоровой девчонка пока не выглядит. Но и умирающей, как вчера, тоже. Кожа прохладная – значит, жар спал.

Ей еще придется на себе прочувствовать действие источника. Арлетт знала, как это будет: сперва невыносимая рвота, словно вот-вот подавишься собственными кишками, затем слабость, и хорошо, если без сердечной колотыбы. Зато после долгий, беспробудный сон.

Если им повезет, спать они будут дома.

На обратном пути Николь поначалу болтала, не умолкая, но через некоторое время притихла.

– Мутит тебя? – спросила ведьма.

– Немного, – призналась девочка. – Но это ничего, не страшно.

Она помолчала и спросила:

– Мы идем другой дорогой, да?

– Верно. Смотрю, ты все замечаешь.

– Здесь нет того, что было там.

Арлетт покосилась через плечо:

– Ты о чем это?

– Ну... ручья нет. И того дерева из муравьев. И синих огоньков.

Старуха обидно фыркнула:

– Да ты бредила, лягушоночек! Вот тебе и привиделось черт знает что.

Выкинь это из головы.

Николь хотела возразить, но что-то в голосе ведьмы заставило ее промолчать.

Выходит, ничего не было... А как же топь?

Николь прикоснулась к ноге. Воспоминание о существе, пытавшемся присосаться к ней, было четким и свежим, словно все произошло этим утром. Она не удержалась:

– Мы не пойдём через болото?

– Какое болото? – удивилась ведьма.

Больше Николь ни о чем не спрашивала.

Ей шлось легко и спокойно. Страдания последних дней отмокли, как грязь, в целебной воде источника, а вместе с раной, нанесенной Мортемаром, затянулись и шрамы, которые оставил страх в ее душе. Впереди маячила спина Арлетт, и, глядя на подпрыгивающую котомку, Николь ощущала себя в безопасности. Что бы ни случилось с ними по дороге, в волшебном мешке ведьмы найдется защита от любых напастей.

Тихий боязливый голосок твердил, что это неправильно. Она

полагается на прислужницу дьявола!

Но колдунья трижды спасала ей жизнь, и Николь уже начала подумывать, что неплохо бы и слугам господу быть столь же благодетельными.

Редкий светлый буковый лес сменила еловая чаща. Поначалу буки и осины кое-где сопровождали путниц, боязливо трепеща на ветру. Но старуха с девочкой углублялись все дальше, пока со всех сторон их не обступили острые еловые пики.

Николь не любила ельники. Угрюмые леса, полумертвые. Ни тебе подлеска, ни ягод. И водится в них всякая страхожуть.

Но рядом с Арлетт она больше ничего не боялась. Даже страшный маркиз де Мортемар представлялся далеким и расплывчатым, как ночной кошмар.

Под широкими подолами елей темно и тихо. Стволы обросли бородой мха. Если и промелькнет белка, тут же исчезнет в зеленой бахrome ветвей.

Когда старуха остановилась, Николь не сразу заметила, что они подошли к развилке.

Тропа раздваивалась. Левая стежка уводила в низину, над которой клубилась мошкара. Оттуда выползала ярко-зеленая сочная трава, стелилась по земле, точно завлекала. Правая огибала груды бурелома и терялась в глубине леса.

Ведьма медлила. Николь не понимала, отчего. Низина, даже на ее неискушенный взгляд, казалась не тем местом, куда стоит идти.

Но Арлетт не двигалась. Лес тоже притих, точно выжидал, что они решат.

– Пойдем? – шепнула Николь, не выдержав гнетущей тишины.

Старуха кивнула, хоть и не сразу. И свернула вправо.

Девочка обрадованно устремилась за ней. Низина ей совсем не нравилась. Даже ощущать за спиной ее присутствие было неприятно.

Они поравнялись с буреломом, в который яростный ураган, добравшийся до сердца леса, превратил высокие сильные деревья. Все вокруг было густо усыпано ржавыми иголками. На вывороченных корнях засохла комьями земля. Изуродованные ели лежали горой, словно кто-то заготовил их для гигантского костра.

– Арлетт, ты когда-нибудь видела... – начала Николь.

Ее прервал громкий треск.

Что-то ухнуло, заворчал, зашевелилось, и из-за поваленного ствола медленно поднялась косматая бурая туша.

Николь услышала странный короткий звук, похожий на оборвавшийся

всхлип.

Медведь встал, покачиваясь, упираясь передними лапами в рухнувшее дерево, и фыркнул, приоткрыв багрово-сизую пасть. Волна густого смрада окатила Николь. Маленькие глазки уставились прямо на нее, и зверь издал рык, от которого у девочки волосы встали дыбом.

Когда-то Николь довелось увидеть охотника, которого медведь распахал одним ударом лапы. Перекошенное безглазое лицо с обрывающимся шрамом рта навсегда впечаталось в ее память и осталось одним из самых страшных воспоминаний.

Но сейчас, когда рядом стояла ведьма, девочка почти не испугалась – только очень удивилась. На всякий случай она осторожно шагнула за спину Арлетт, чтобы косматый хозяин леса не обращал на нее внимания, и наострила уши.

Как ведьма станет приказывать лесному зверю? Зарычит? Фыркнет? Или медведь поймет, если с ним заговорить по-человечески?

Но вместо рычания раздался истошный визг. Он проткнул воздух, как игла, и вонзился в голову Николь.

– Йяяааа!

Визжала Арлетт. Разинув рот, она дико кричала, подавшись вперед. Не в горле, не в груди, а где-то в самой глубине ее существа набирал силу этот невыносимый звук и прорывался наружу сводящим с ума воплем.

Ошеломленная Николь покачнулась и заткнула уши. Арлетт все кричала на одной ноте. Казалось, от ее визга в воздухе закручиваются воронки. Медведь вдруг подался назад, смахнул когтем пласт коры – и потрусил прочь, виляя задом. Он обогнул гору бурелома, добрался до границы с низиной – и скрылся из глаз.

Только тогда визг оборвался. Еще некоторое время старуха стояла, широко раскрыв рот, будто продолжая беззвучно кричать, и вдруг осела на землю.

– Арлетт! – перепугалась Николь. – Арлетт, что с тобой?

Старуха молчала. Девочка присела рядом и схватила ее за руку, не зная, что делать дальше.

– Воды... – побелевшими губами шепнула ведьма.

Николь схватила котомку.

Жадные, задыхающиеся глотки. Капли стекают по шее, пятнами расползаются по одежде. Ведьма пила, задыхаясь, проливая воду, пока Николь молча смотрела на нее.

Наконец старуха отняла флягу от губ. Смочив ладонь, она провела мокрой рукой по лицу, тыльной стороной обтерла губы.

– Вот и отдохнули, – сказала она почти обычным своим голосом и сделала попытку улыбнуться. – Поднимайся, лягушоночек. Пора идти.

Николь не сразу подчинилась. Она взглянула на ведьму. Обернулась в ту сторону, где скрылся медведь. Снова посмотрела на Арлетт.

– Не вернется он, – успокоила старуха, по-своему истолковав ее молчание. – Не бойся.

Девочка хотела что-то сказать, но передумала.

Оставшийся долгий путь они проделали в полном молчании. Время от времени Арлетт оборачивалась и взглядывала испытующе; девочка кивала в ответ, и ведьма, успокоенная, продолжала идти.

Николь была так погружена в размышления, что почти не запомнила обратную дорогу. В середине девочке стало плохо. Ее выворачивало наизнанку, и старуха обтирала ей рот брусничными листьями. Один раз они остановились, чтобы набрать воды из мутноватой лужицы, другой – чтобы доесть остатки вяленого мяса. Николь жевала его, не чувствуя вкуса.

Они вышли к дому, когда солнце садилось в иссеченные золотыми лучами облака. При виде ведьминой лачуги Николь ускорила шаг. Пес вскочил им навстречу, подбежал, ткнулся мордой в ладонь, рубя воздух хвостом.

Девочка мимоходом погладила его и прошла мимо, не сказав ни слова.

К ночи Арлетт не выдержала.

Уже все было переделано: и отвар замешан, и заговор на доброе возвращение прочитан, и ноги растерты медовой мазью, и колтуны в волосах распутаны, и немудреный харч подъеден. В доме прибрано, пес накормлен и спроважен на двор. А девчонка все лежит на топчане и смотрит в огонь – только блики в глазах играют.

И молчит.

И нет бы дремала – так ведь мучается без сна, высматривает что-то в углях.

От сильного испуга такое случается. Арлетт приходилось как-то врачевать подобного молчуна. Насмотрелся всякого, когда в лесу на его обоз лихие люди напали, и вовсе перестал говорить. Ничего, отпоила травками, отмяк. Сперва остановиться не мог – все изливался да изливался словами. Другие плачут, а этот языком молот, бедолага.

Арлетт походила бесцельно по комнате кругами, и, наконец, села перед камином, скрестила ноги, ухмыльнулась с вызовом: на, мол, глазей теперь на меня.

Николь не отвела взгляд. Вглядывалась без улыбки, так, будто видит впервые.

Тут-то Арлетт и поняла, что не в медведе дело. Она стерла усмешку с лица и перебралась к топчану поближе.

– Эй, лягушоночек! Да что с тобой такое?

– Ты не ведьма, – негромко сказала девочка.

– Что?

– Ты не ведьма!

Арлетт застыла на мгновение, затем по-птичьи склонила голову набок.

Некоторое время в комнате стояла тишина. Старуха и девочка не сводили друг с друга глаз.

– Уверена? – нарушила молчание Арлетт.

Николь кивнула.

– С чего ты взяла, лягушоночек?

– Медведь, – не сразу ответила девочка. – Ты его испугалась. Ты закричала от страха. Он потому и ушел. Ведьма не стала бы кричать. Ведьме нечего бояться.

– Всем есть чего бояться... – пробормотала старуха и выпрямилась.

Она наклонилась над столом, где исходил горьким паром свежий отвар полынных листьев, и помешала питье длинной деревянной ложкой. Облизала ее и поморщилась. Вот же горечь! А придется пить. От червей в кишках не найдешь ничего лучше седой полыни, а в той луже, из которой они угощались нынче, этих тварей наверняка водится целая уйма.

– А иные говорят, чего нельзя увидеть, того и нету, – вслух сказала она. – Бестолочи.

Бросила в отвар щепоть семян ястребинника. Остальные семена встряхнула и обвязала горловину банки тряпицей.

Николь следила за быстрыми движениями ее загорелых рук.

– Ты что-нибудь скажешь мне, Арлетт?

Старуха сунула банку на полку, в темный угол и обернулась к ней.

– Ты первая, лягушоночек.

– Что?

– Первая, кто понял. Сколько народу у меня перебивало, а никто не докумекал.

Арлетт подошла к коробу в углу, откинула крышку и с трудом вытащила толстую истрепанную книгу. Кожа на обложке вытерлась до того, что кое-где через прорехи просвечивали листы.

– Просто они тебя слишком боялись, – сказала Николь, наблюдая за ней. – Когда страшно, подумать не успеваешь.

Старуха опустила древний фолиант на стол.

– В этом все дело?

– Ну, ты и правда похожа на ведьму, – смущенно признала Николь.

Арлетт усмехнулась.

– Столько лет прошло... Еще бы не стать похожей. Я, лягушоночек, иной раз думаю: может, я и впрямь начала превращаться? Может, настоялось во мне что-то, забродило, забулькало, почернело внутри да сгнило? А?

Николь молчала, не зная, что ответить. Ее грыз стыд за собственную глупость, и стыд этот каким-то образом превращался в обиду на Арлетт. Как она могла так обмануть ее!

– Я ведь тебе не врала, лягушоночек, – напомнила старуха, опять без труда прочитав ее мысли.

Николь почувствовала себя еще хуже. Правда, не обманывала. Она все придумала сама. Всему, что окружало ее, нашла объяснение. Даже Баргесту, который никакой не Баргест, а самый обычный черный пес.

– Но кто же ты? – вырвалось у нее.

Старуха сняла с крючка две кособокие кружки, разлила по ним отвар из котелка.

– На, пей.

Николь пригубила питье и ужаснулась:

– Не смогу!

– Еще как сможешь! – сдвинула брови Арлетт. – Ишь, нос воротит. Могу, не могу... Человек все может.

Николь через силу влила в себя немножко и закашлялась. Злая едкая горечь обволокла язык и небо.

– Все допьешь, – предупредила старуха. – Тогда и поговорим.

Николь отчаянно взглянула на нее, зажмурилась и в четыре глотка опустошила кружку.

– Ого! – Арлетт сунула ей кусок лепешки. – На́, заешь.

– А ты? – неразборчиво спросила Николь, жадно вонзив зубы в хлебец.

– Выпью, никуда не денусь.

Арлетт придвинула кружку, обхватила ладонью, и Николь бросился в глаза рваный белый шрам на ее запястье, толщиной с собачий клык.

– Медведицу повстречала, – сказала старуха, заметив, на что она смотрит. – Почти как мы с тобой нынче. Только она подальше стояла, это меня и спасло. Успела я добежать до реки, в воду прыгнула, а мохнатая за мной не полезла. Ленивая попалась. И неголодная.

– А рука?

– Об корягу распорола, – пожала плечами Арлетт. – Нырнула сдуру глубоко, протащило меня по дну.

Она усмехнулась, глядя на вытянувшееся лицо Николь.

– Или ты думала, я ладошкой от медведя отмахивалась? Эх ты, лягушонок-простачок.

Николь не обиделась на простачка. Что обижаться, если так оно и есть.

– Знаешь о той ночи, когда Головорез разграбил Вержи? – вдруг спросила ведьма.

Девочка кивнула. Об этом все знают.

– Помнишь, кто был хозяином в замке до Гуго?

– Конечно. Симон де Вержи.

– Верно... – медленно проговорила старуха. – А я – его жена. Жена Симона де Вержи.

До девочки не сразу дошло, что она только что услышала.

– Жена?.. – бессмысленно повторила Николь.

И изменилась в лице.

Расширенными глазами Николь смотрела на женщину, сжимавшую кружку в изрезанных шрамами ладонях.

– Этого не может быть... – запинаясь, пробормотала она. – Не может быть!

Старуха подняла голову, взглянула на побледневшую девочку и горько улыбнулась.

И тогда Николь ей поверила.

* * *

Шерстяное платье колелось в подмышках. Спрятавшись в тени навеса, Мари ежилась, почесывалась и бранила графиню с дочерью, которым вздумалось помереть летом, а не зимой.

Мучайся теперь в траурном наряде по такой жаре!

Что бы ни случилось, Мари первым делом прикидывала, будет ли ей с того выгода. Вот, скажем, когда дурочка Катрин утопилась, Николь Огюстен три дня ходила с распухшей красной рожей – оплакивала покойницу. А Мари даже притворяться расстроенной не пришлось – она и впрямь была жутко зла на подлую Катрин.

У отца Годфри круглый год свербит в мошонке! Пока жива была дурочка, ему находилось, куда пристроить своего дружка. А теперь священник истекает слюной на каждую девку, а при встрече облизывает

Мари взглядом. К чему честной девушке такое внимание?

Но сейчас горничная думала не о потных ладошках отца Годффри, а о приятном: смерти Алисы де Вержи и ее дочери.

По всему выходило, их гибель принесет ей много хорошего.

Мари улыбнулась. На людях она всегда улыбалась смущенно, будто стыдясь своего уродства. Выходило жалко и трогательно.

Кто возбуждает жалость, тому щедрее всех подают милостыню – этому Мари научилась с детства.

Наедине с собой она улыбалась по-другому. Эта улыбка многое сказала бы тому, кто сочувствовал бедной милой дурнушке. Вот потому-то ее никто и не видел.

Поджидая в тени свою добычу, Мари подсчитывала прибыль и убытки.

Гадкое черное платье носить до самой зимы – это плохо.

Элен больше не будет помыкать ею – хорошо.

А еще лучше, что из двух сестер убита самая красивая.

Однажды графине де Вержи привезли на выбор для платья роскошных голубых тканей. Среди вороха тряпья выделялся отрез атласа такой невероятной, чистой, небесной голубизны, что, добравшись до него, графиня с дочерью больше ни на что другое и смотреть не могли. Рядом с ним любая другая материя казалась линялой тряпкой.

Мари не завидовала Элен, это было бы смехотворно. Но она прекрасно понимала силу ее красоты. У всех, видевших дочь графа, ее облик надолго оставался в памяти как образец, с которым они волей-неволей сравнивали прочих женщин.

Мари улыбнулась. Славно, что больше нет Элен. Теперь тряпки не будут казаться такими линялыми и вытертыми, как прежде.

Но главная ее удача – та, при мысли о которой сердце начинало биться сильнее, – что больше в замке никогда не появится Николь Огюстен! Теперь-то никто не помешает Мари получить то, что она давно заслужила.

Уж конечно, Птичка никакая не убийца. Эта преданная дурочка могла бы вылизать пятки своей госпоже, но не отравить.

А если бы кому вздумалось спросить Мари, кто расправился с графиней и Элен, уж она бы нашла, что ответить. «Малютка Беатрис, – сказала бы она, – это каждому ясно, кто взглянет в ее лживые детские глазки».

Для тех, кто стал бы допытываться, зачем Беатрис убивать мать и сестру, у Мари тоже нашелся бы ответ. Со скуки! От безделья ведь чего только не придумаешь.

Она сама как-то, скучая, незаметно заиграла цыпленочка – такого

хорошенького, крохотного, трогательного до слез... Пришлось потом скормить кошке то, что от него осталось. Но до сих пор, стоило вспомнить ощущение хрупких косточек в пальцах, сердце сводило сладко и мучительно.

Горничная взволнованно переступила с ноги на ногу. Где же он?

Из-за угла показался хмурый Матье. Мари так и засияла.

Ах, до чего ж хорош! Млея, она смотрела, как рослый парень приближается к кузнице. Уж без Николь-то она его возьмет в оборот. Мари придумала, что скажет и чем завлечет красавчика, будто случайно попавшись на глаза...

На противоположной стороне улицы мелькнул чей-то силуэт. Рука высунулась из-за угла, сграбастала Матье и затащила, как щука карася, в узкую складку тени между домами.

– Ах!

Мари заметалась в своем укрытии. Цыпленок, ее цыпленочек! Отобрали!

Ждать, пока Матье вернется, было не в ее силах. Мари перебежала улицу, подкралась к углу и наострила уши.

Невнятное бормотание... И вдруг боязливый молодой голос:

– Я не смогу...

Матье!

О чем это он, бедняжка? Неужто какая-то развратная баба затащила его в темный закуток, чтобы предаться блуду?

Но в ответ донесся низкий хрипловатый голос. Слов было не разобрать, однако обладателя его Мари узнала без труда.

Лекарь Бонне! Она даже ногой топнула от злости. Вспомнишь черта, и он тут как тут.

Девушка затаила дыхание, пытаясь расслышать хоть словечко.

– Углубление... спрячешь...

– А если не получится?

– Без охраны... Под стеной...

Молчание. И короткий вопрос:

– Когда?

Лекарь ответил чуть громче, чем следовало, и на этот раз Мари все расслышала.

Не дожидаясь, пока Матье покинет укрытие, она попятилась и скрылась за домами.

– Он был редкий красавец, – сказала Арлетт. – Мало кто это понимал. А я, когда в первый раз увидела его, глаз отвести не могла. А все почему? Лицо доброе. Для меня все были красивые, у кого добрые лица. Я таких редко встречала.

Она отпила горький отвар, не поморщившись, и поставила кружку на выщербленный стол.

За окном шумел и волновался лес. С того места, где сидела Николь, в окно был виден кусочек темно-синего неба, густо усыпанного звездами. Ветер дул с такой силой, будто пытался оторвать их от небосклона.

– Отец после смерти матери совсем повредился в уме. Выходит, бывало, с утра, и слугам вещает о выдающихся заслугах рода Д’Эстрелей. Распекает виноватых, достойных одаряет... – Она невесело усмехнулась. – Только вот слуг у нас к тому времени не осталось. Разбежались от безденежья. Жили мы с отцом отшельниками, нигде не бывали и у нас никто не бывал. Симон и увидал-то меня случайно.

В дверь поскреблись. Арлетт открыла, и пес с виноватым видом протиснулся в дом. Старуха потрепала его по загривку:

– Что, грозы испугался?

– Нет ведь никакой грозы, – робко заметила Николь.

– Будет еще. – Старуха вернулась на свое место. – Я грозу всегда чую. Что я тебе рассказывала?

– Про слуг.

– Да... – она вдруг лукаво улыбнулась и от этого сразу помолодела. – Нет слуг – нет чужих глаз. А отец нам был не помеха.

Николь снова воочию увидела, как за старческими чертами проступает прекрасное юное лицо.

– Ты вышла за графа де Вержи замуж? – недоверчиво спросила она. – И никто не узнал?

Арлетт покачала головой.

– В те времена здесь было тихо, не то, что нынче. Кому сдался странный многоученный затворник... Его считали помешанным.

– А как же слухи?

– Кому их распускать? Людей в замке Вержи было раз-два и обчелся, и они не болтали лишнего. Собственные слуги к нему относились как к ребенку, которого нужно любить и защищать. Да и о чем болтать? О том, что граф завел любовницу и держит при себе? Вот удивительное дело!

– Но кто-нибудь знал, что вы поженились?

– Только священник, что венчал нас, отец да викарий, помогавший священнику провести обряд. После венчания мы с Симоном стали жить вместе – как муж и жена перед богом.

Пламя в камине почти потухло. Арлетт подбросила полено, и огонь, ворча, набросился на него. По стенам забегали тени.

– Но почему тайно? – спросила Николь.

– Затворник или нет, но Симон был старший сын и наследник. Его ждала выгодная партия. Отец, Антуан-Робер Тресси де Фловен, приложил к этому много усилий.

– Но тогда отчего же...

– Невесте было одиннадцать, – пожала плечами Арлетт. – Как бы сильно Антуан ни хотел женить старшего сына, ему пришлось ждать.

– А Симон встретил тебя.

– А Симон встретил меня, – эхом откликнулась старуха. – Какое же счастливое наступило для меня тогда время! Я носила ребенка и никого не замечала вокруг. Видит бог, если бы Симон сказал, что заточит меня в подвале, а сам будет приходить ко мне тайком, по ночам, я бы согласилась. Мне бы хватило и малого.

Она отвернулась и надолго замолчала.

– А что потом? – не выдержала Николь.

Арлетт поворошила кочергой в углях.

– Когда пришло мне время рожать, Симон потерял покой. Без конца твердил, что мы не должны скрывать дитя. Ведь оно законнорожденное! Говорил, мы таимся так, словно на нас грех, а никакого греха нет.

– А что ты?

– Я ходила в обнимку с животом, слушала Симона и не слышала. Счастливому довольно счастья. А что там будет дальше, он не помышляет.

Пес, гревшийся возле огня, придвинулся ближе к ее ногам.

– Ребеночек родился в срок. Такой чудесный, здоровый малыш, что любо-дорого посмотреть. Когда я совсем оправилась после родов, Симон вновь заговорил о том, что больше не желает хранить наш брак в тайне. «Я уезжаю через три дня, – однажды сказал он. – Отец ждет меня для серьезного разговора, хоть и не догадывается, что ему предстоит узнать. Я должен был сделать это сразу».

Я не могла без страха думать о его поездке. Замок и земли Вержи принадлежали его отцу. Разгневавшись, Антуан-Робер мог лишить сына наследства. Мне-то к бедности было не привыкать. Но чтобы Симон, мой Симон все потерял – об этом даже думать было невыносимо!

Храбрый он был человек, Николь, и честный. Мог ведь сделать меня своей любовницей, жениться на той девушке, что выбрал для него отец, и никто бы слова против не сказал. А вот поди ж ты – не захотел. Любил он меня сильно. И любовался мною, и слушал... Это сейчас у меня говор опростился да огрубился за столько-то лет, а тогда я совсем по-другому разговаривала.

– Ты и теперь иногда по-другому разговариваешь, – тихо сказала Николь.

Но Арлетт не услышала.

– В ночь перед его отъездом все и случилось.

* * *

В то утро Чальный захворал. До беременности дня не проходило, чтобы они не выезжали в поля. Теперь он стоял, понурившись, и даже на теплую корку хлеба в ее руке не глядел.

Арлетт навещала его каждый час, стараясь не замечать, что конюх при каждом ее появлении каменеет лицом. Молодую жену графа он видеть не мог, считал, что она прибрала к рукам его доверчивого хозяина.

Чем ближе к вечеру, тем тревожнее становилось на душе Арлетт. Когда на холодном чистом небе засияли первые звезды, она уже места себе не находила от нехорошего тянущего чувства.

В конце концов она поднялась проведать ребенка. Симон был уже там. Накормленное дитя безмятежно спало на руках у кормилицы.

Арлетт сразу успокоилась. Таким умиротворением веяло от спящей малютки и гордого отца, что тревоги отступили.

– Пойду посмотрю на Чалого, – шепнула она Симону.

Тот ласково прикоснулся губами к ее лбу, кивнул: ступай, любовь моя.

Перед тем как выйти, Арлетт обернулась.

Супруг склонился над ребенком. Кормилица смотрела поверх его головы сонно и безучастно. Симон заслонял собой драгоценный сверток, и ей была видна только высунувшаяся из одеяла толстенькая ручка.

Волна невыразимого счастья захлестнула Арлетт. Господи, о чем она тревожится! Все будет хорошо. Неважно, чем обернется разговор Симона с отцом, и что решится с наследством, и признают ли родители брак... Любовь защитит их. Любовь возведет вокруг них невидимые стены, накроет прозрачным куполом – и сохранит от всех бед.

Вон и голубая звезда повисла напротив окна и сияет так, словно нет

звезд кроме нее. Добрый знак!

С этой мыслью Арлетт беззвучно прикрыла за собой дверь.

Конюхи давно разошлись. Чалый топтался возле кормушки и осторожно, словно боясь уколоться, тащил оттуда пучок сена.

У Арлетт точно камень с души свалился.

– Красавец мой! – облегченно сказала она. – Не пугай меня больше.

Жеребец зашлепал губами, потянулся к ней.

Можно было со спокойной душой идти спать, но что-то заставило Арлетт задержаться в конюшне.

Чалый уже поел и лег в углу, а она все стояла на том же месте и рассеянно смотрела на него. С ней творилось что-то неладное. И уходить не хотелось, и оставаться было незачем.

Ее снова покалывало дурное предчувствие. Но тщетно Арлетт пыталась нащупать, откуда ждать беды. «Симон? Ребенок?» – вспыхивало в голове.

Глубокая ночная тишина, разлитая вокруг, вдруг показалась ей не безмятежной, а жуткой. Так пугает черный омут, со дна которого беззвучно поднимается что-то неведомое, готовясь выползти на берег.

Внезапно Арлетт, изо всех сил борющаяся со своими страхами, осознала, что в этой тишине и впрямь есть что-то странное. Не лаяла ни одна собака из тех, что обычно лениво перебрехивались до самой полуночи.

Нахмурившись, она направилась к воротам конюшни. Полдюжины псов, и ни один не подал голос за все то время, что она провела здесь?

И вдруг ночь взорвалась криками, стонами, бранью, лязганьем оружия.

На крышу конюшни что-то тяжело упало, послышался треск, и сразу же повеяло дымом. Перепуганные лошади вскочили в стойлах.

– Горииииим! – взвился истошный крик.

Арлетт выглянула наружу и оцепенела.

Площадь полыхала. От подожженных связок соломы разбегались черные тени. Пятеро всадников проскакали мимо Арлетт, размахивая мечами.

«Ворота, – мелькнуло у нее. – Как они открыли ворота?!»

Откуда-то выскочил растрепанный старик и побежал, петляя, как заяц, по двору. Арлетт узнала старшего повара, отца кормилицы. Один из всадников, поравнявшись с ним, рубанул мечом, не останавливаясь. Послышался звук, подобный тому, с которым трескается пополам спелый кочан капусты, и рассеченное тело свалилось под копыта лошади.

Арлетт подавилась криком.

– Помогите! – визжал кто-то. – Помо...

Хрясь! Визг оборвался.

Это была настоящая бойня. На глазах Арлетт двое слуг, выбежавших из замка с алебардами в руках, были убиты прежде, чем успели поднять оружие. Нападавшие действовали быстро и слаженно. Пока одни расправлялись с оборонявшимися, другие растаскивали охапки соломы и поджигали все, что могло гореть.

Пылали сараи и склады. Трещи и коптя, разваливался амбар, выбрасывая в небо клубы черного дыма. Крыша конюшни была объята пламенем, огонь примеривался к стенам. Жар и падающие сверху искры заставляли обезумевших лошадей биться в своих загонах.

– Симон! – выдохнула Арлетт.

– Смотрите! В конюшне!

Ее заметили.

Один из нападавших бросился к ней, на ходу вытаскивая из ножен короткий меч.

Несколько мгновений Арлетт не в силах была двинуться с места. Ноги отказали ей. Огонь, люди, лошади, мертвые тела – все смешалось в один огромный страшный ком, который стремительно катился, грозя погрести под собой и ее, и Симона, и их дитя.

Вдруг из открытого окна северной башни, перекрывая шум битвы, вопли умирающих, рев огня, раздался крик оглушительной мощи:

– Беги-и-и-и!

Она узнала голос мужа. До нее донесся пронзительный плач младенца, перешедший в надсадный визг, – и внезапно стих.

Арлетт отпрыгнула, едва успев захлопнуть ворота конюшни перед разбойником, и приперла их лопатой. Доски содрогнулись от удара.

– Открой, паскуда!

Рядом с Арлетт рухнула на пол и рассыпалась искрами балка. Несколько отскочивших угольков прожгли ей подол.

Лошади забились, и в их обезумевшем ржании она четко различила умоляющий голос Чалого.

Арлетт побежала вдоль денников, отодвигая щеколды. Чалый стоял в последнем, и когда она добралась до него, конюшня уже была заполнена рвущимися на волю лошадьми. Ее не затоптали только чудом.

Не задумываясь о том, что делает, Арлетт набросила уздечку на жеребца, забралась ему на спину и невероятным усилием заставила стоять на месте.

– Вышибай! – донеслось снаружи.

Удар, и ворота распахнулись.

Животные хлынули наружу, словно могучий поток сквозь обрушенную плотину. Кто-то захлебнулся криком, кто-то едва успел отскочить. Полторы дюжины лошадей промчались по площади, сметая все на своем пути, и следом за ними промчалась Арлетт на Чалом.

«Беги!» – крикнул Симон, и это было последнее, что он успел сказать перед смертью. Она должна была выполнить его волю.

Она должна была спастись.

...Ей удалось бы уйти, если б не злая случайность. Конь еще только заваливался на бок, хрипя и роняя пену с губ, а Арлетт уже знала, что все кончено.

Тот, кто настигал ее, кто вынудил их свернуть с дороги в лес, был совсем рядом. Арлетт слышала хруст веток под копытами его лошади и понимала: теперь ей не убежать. Чалый со сломанной ногой бился рядом, тщетно пытаясь встать и снова падая.

Но именно в этот миг, когда возможность спасения казалась совсем призрачной, Арлетт охватила отчаянная жажда жизни. Она не может умереть! Ей удалось выбраться из конюшни, ускакать от убийц из замка – неужели все это было зря?!

Арлетт бросилась прочь.

Обострившееся чутье, никогда не подводившее ее, подсказывало, что делает ее враг.

Вот он наткнулся на Чалого.

Спрыгнул на землю.

Склонился над ним.

Перерезал коню горло.

Арлетт заплакала на бегу и зажала себе рот. Он расправится и с ней, если она позволит себя догнать.

Ведомая тем же чутьем, она свернула на тропу, еле заметную в темноте. Завалы деревьев, колючие кустарники... Для лошади здесь нет пути. Задыхаясь от усталости, Арлетт ковыляла все вперед и вперед в надежде, что враг не последует за ней.

Она обдирала руки и ноги в кровь, но не останавливалась. И сама не заметила, как выбралась из густых зарослей на поляну.

На поляне стояла лачуга.

– Помоги! – прохрипела Арлетт, ввалившись в дом.

Ведьма поднялась ей навстречу, ничуть не удивившись.

– Он ведь идет за тобой, красавица, – прокряхтела она.

– Помоги... – повторила Арлетт и упала.

Старуха склонилась над ней.

Она была чудовищно, невообразимо дряхла. Безжизненные нити волос присохли к желтому черепу. С изъеденного морщинами пятнистого лица, казалось, вот-вот начнет отваливаться кожа, как кора с сухого дерева.

И запах! Так пахнет из-под вывороченного пня, откуда выплескиваются муравьи: тленом, землей и сладостью гнили.

– Он уже близко, – предупредила старуха со странной нежностью в голосе.

– Спаси...

Ведьма отодвинулась.

– Ты знаешь, кто я, голубка?

Арлетт едва смогла кивнуть.

– Хорошо. Я могу тебе помочь. Но не даром.

– У меня... ничего... нет.

– Ничего нет? – хитро засмеялась ведьма. – Ошибаешься, моя ласточка. У тебя многое есть. Взять хоть твоё платье.

Арлетт окинула взглядом грязную рванину, в которую превратилась её одежда.

– Возьми все, – с трудом выговорила она. – Только спаси.

– Жить хочешь, – понимающе кивнула старуха. – Все хотят!

Снаружи послышались шаги. Арлетт отпрянула к стене и умоляюще взглянула на ведьму.

Та подмигнула ей:

– Так и быть, спрячу от него. Но за это ты отдашь мне все, что у тебя есть.

Арлетт сдержала рвущийся с губ безумный смех. Все, что у нее есть! А что у нее есть? Убитый муж? Мертвое дитя? Сожженный дом?

– Я согласна!

Глаза старухи блеснули.

– Уверена?

Он близко. Возле дома. Поднимается на крыльцо. Арлетт слышит ледяное пение меча, который он достает из ножен.

– Да! – крикнула она. – Да, уверена!

Старуха проворно подскочила к ней.

– Тогда повторяй за мной, голубка! Я клянусь...

– Я клянусь...

– Отдать все, что имею...

- ...отдать все, что имею...
- По доброй воле и без всякого принуждения...
- ...по доброй воле и без всякого принуждения...
- Той, кто спасет меня от врага моего...
- ...той, кто спасет меня от врага моего.

Ведьма сцапала ее левую руку, и не успела Арлетт опомниться, как что-то острое кольнуло ее ладонь. В пальцах старухи блеснуло лезвие. Молниеносно надрезав свою кожу, она выдавила алую каплю на то место, где кровоточила ранка Арлетт.

– Кровь на кровь, – прошептала она. – Все, что имеешь, за то, что хочешь.

Шаги на крыльце стихли. Как ни вслушивалась Арлетт, за окном раздавался лишь шум леса.

– Это все? – осмелилась прошептать она.

Старуха выпустила ее ладонь и поднялась. Ее лицо озарила торжествующая улыбка.

Острое чувство непоправимого вдруг кольнуло Арлетт, и заглушая его, она повторила:

– Это все?

Улыбка ведьмы стала еще шире.

– Нет еще, голубка. Поднимайся.

Арлетт встала. Кружилась голова, в глазах потемнело. Стены лачуги то раздвигались, то наваливались на нее.

Ведьма протянула к ней руку, другой начертив в воздухе какой-то знак.

– Арлетт де Вержи, я забираю у тебя то, что ты имеешь!

Голос ее теперь доносился до Арлетт будто издалека.

– Забираю твою молодость и лик твой в обмен на жизнь! Да свершится, как уговорено!

Старуха щелкнула пальцами.

Раздался тихий звук, похожий на звон, и в голове Арлетт что-то лопнуло.

Облик старухи начал стремительно меняться. Как будто чья-то гигантская ладонь заново лепила человечка из податливой глины. Сперва черты сгладились, а затем начали проступать, словно их выдавливали изнутри. Прорезался острый нос с горбинкой, застыли отлитые высокие скулы, углубились впадины под широко расставленными глазами...

Арлетт осела на пол.

Лачуга ходила ходуном, словно ребенок играл коробкой, в которой сидели две куклы. В такт равномерным толчкам раздавались

оглушительные удары сердца Арлетт.

– А-а-а-а! – застонала, скрючиваясь, ведьма.

Она выгнулась назад, словно ее ударили в спину. Вены на шее страшно набухли, в горле что-то забулькало и вырвалось наружу звериным хрипом. Ведьму подбросило, и она упала на пол.

Стук сердца стал невыносимым. Арлетт стиснула ладонями виски.

Удар.

Удар.

Удар.

Темнота.

Когда Арлетт пришла в себя, существо на полу шевелилось. Оно сжимало и выпрямляло пальцы, точно младенец, вытягивало шею, скребло ногами и наконец, убедившись, что тело подчиняется ему, осторожно поднялось.

Онемевшая Арлетт смотрела, как оно ощупывает свое новое лицо.

Большой рот с тонкими губами, высокий лоб, острый подбородок... Последнее превращение свершилось на ее глазах. Седые пряди вытянули из воздуха золотой свет, засияли, закрутились в кудри.

Свеча покатила по столу и с шипением погасла.

Ведьма отбросила волосы со лба, перешагнула через Арлетт и вышла из дома.

...Арлетт долго сидела неподвижно, словно окаменев. Если бы кто-то заглянул в окно, то решил, что женщина спит, привалившись к стене. Но глаза ее были открыты.

Когда утренние лучи скользнули по стенам, Арлетт очнулась. Милосердная темнота, скрывающая правду, рассеялась, и больше ничто не могло удержать ее от того, чтобы взглянуть на свои руки.

Протяжный мучительный крик нарушил лесную тишь. Но его никто не услышал, кроме сороки и пары белок, резвившихся на крыше.

* * *

– Ведьма выполнила свое обещание. Она увела убийцу за собой. Женщина вошла в дом старухи, и женщина вышла из него, оставив старуху внутри. Я осталась жива, а разве не об этом был наш договор?

Арлетт придвинула кружку и допила горький отвар, не морщась.

Потрясенная, Николь не могла вымолвить ни слова.

– Несколько дней я была как безумная, – спокойно продолжала

Арлетт. – Не могла ни есть, ни пить. Когда я смотрела на свои морщинистые руки, хотела отрубить их, лишь бы не видеть, во что превратила меня ведьма. Если бы не Симон, я бы сотворила с собой что-нибудь. Но когда в ушах у меня отзывался крик «Беги!», я вспоминала, что он желал для меня жизни, а не смерти.

– Даже такой жизни? – не выдержала Николь.

Арлетт понимающе улыбнулась.

– Да, девочка моя, даже такой.

Николь поднялась и распахнула окно. Ей стало тяжело дышать.

Симон де Вержи, кормилица, спящее дитя, старик, мечущийся по двору, стояли перед ее глазами, как живые. А за ними бледнело лицо молодой женщины, слышавшей последний крик своего ребенка.

– Душно тебе? – посочувствовала ведьма.

Девочка пыталась что-то сказать, но не сразу смогла справиться с судорогой в горле.

– Что... что же ты стала делать потом?

– Принялась осваиваться понемногу, – пожала плечами Арлетт. – Отыскала запасы еды, нашла книги – они были хорошо припрятаны. Хотела уйти, но куда уйдешь? Замок разграблен, все убиты. Я по ночам тайком пробиралась к придорожному трактиру, подслушивала разговоры. Оттуда и узнала, что Симона нашли мертвым на площади. Ко мне он прорывался, я знаю – ему ведь казалось, что я осталась в горящей конюшне.

– А твой отец?

– Скончался на следующий день после того, как узнал о резне в Вержи. Я могла вернуться в наше захудалое поместье. Но кто признал бы меня в седой старухе!

Николь обвела стены таким взглядом, будто увидела их в первый раз.

– Ты осталась здесь... – прошептала она.

– Да, лягушонок. Пришлось мне учиться врачевать. Люди-то по-прежнему шли к ведьме. Книга – вон та, что на столе, – оказалась воистину бесценной. Я по ней и кровь останавливала, и роды принимала, и грудную хворь выгоняла...

Старуха подошла к сундуку, склонилась над ним.

– Еще одну покажу тебе, – донесся до Николь ее глуховатый голос. – Вот, смотри-ка.

Арлетт протянула девочке книгу в коричневом, как земля, переплете с проступающими на корешке непонятными узорами. Раскрыв страницы наугад, Николь увидела великолепно прорисованную ветку ольхи, а

рядом – крупную сережку и срез коры.

– Все здесь написано, – с гордостью сказала Арлетт. – Про любую траву, про каждый цветок. И когда собирать, и как заваривать, и где хранить.

Холодный ночной воздух из открытого окна привел Николь в чувство.

– Венсан Бонне полжизни бы отдал за такую, – пробормотала она.

– А многие и мою жизнь забрали бы в придачу. Этой книге цены нет! Потому храню как зеницу ока. Ты первая ее видишь.

– А еще есть?

– А как же! С заговорами, старая, истрепанная, половина страниц вырвана. Я уж как могла ее разбирала, кое-чему научилась, кое-что и сама додумала. Уж признаюсь тебе, – старуха понизила голос, – и я сама помаленьку записывать начала все, что со мной случилось...

– Про источник ты тоже в книгах ведьмы прочитала?

Арлетт спрятала книгу обратно в сундук и уселась на пол, скрестив ноги.

– Нет, источник я сама разведала, лягушоночек. Забралась как-то за тридевять земель, решила в лесу заночевать. И вдруг мороз ударил. Да какой! Май, а с неба снег валит, листья звенят от холода. Стала ветки собирать для костра, поскользнулась, упала и руку чуть не насквозь проткнула. Осмотрелась, вижу – невдалеке валуны торчат.

– Те самые?

– Да, они. Хотела я за ними от ветра укрыться, а наткнулась на вонючий родничок. Но к тому времени у меня уже кости трескались от мороза. Так что, даже если бы там протухло три дюжины покойников, я бы не ушла. Забралась в лужу погреться, да и сама не заметила как уснула. Проснулась, смотрю, а от раны только след остался! Затянулась. И остальные порезы зажили.

Арлетт показала сухую кисть, исполосованную шрамами.

– Тут я, дура, решила, что нашла источник молодости. – Она рассмеялась, но Николь не нашла в себе сил ответить ей улыбкой. – Вернулась домой, запаслась едой, снова отыскала это место и залегла в воду, как медведь в берлогу.

– И долго ты пролежала?

– Трое суток.

Николь вспомнила, как рвало ее после единственной ночи, и содрогнулась.

– Ничего, хороший урок мне вышел, – трезво заметила Арлетт. – Когда я выбралась из воды, даже идти не могла. А мешок мой лежал под камнями.

Я к нему и направилась.

– За снадобьем?

Арлетт снова улыбнулась:

– За зеркальцем, девочка моя.

Николь явственно представила, как по серой земле ползет нагая женщина, ползет долго, мучительно, задыхаясь и кашляя. Как тянет она руку к своей суме и вслепую пытается нащупать коробочку, которая даст ответ на ее вопрос.

Но в глубине души она все знает. Знает до того, как видит свое отражение: перекосившийся рот, обвисшие щеки, седые мокрые космы, облепившие морщинистое лицо.

– Не скажу, что зеркало меня порадовало... – весело признала Арлетт.

Всхлипнув, Николь бросилась к ней. Вцепилась в опешившую старуху, прижалась с такой силой, что хрустнули ребра.

– Мне так жаль... – рыдала она. – Арлетт, мне так жаль!

– Бог ты мой, девочка...

Стиснутая в крепких объятиях, Арлетт едва могла пошевелиться.

– Вот же глупости... – насмешливо по своей привычке начала она.

Но Николь рыдала так горько, что старуха осеклась.

– Послушай, лягушоночек, все уже в прошлом. Смирилась я давно, слышишь?

Девчонка подвывала и лопотала что-то неразборчивое.

– Да что ты меня оплакиваешь, как покойницу! – рассердилась старуха. – Я живая!

Николь что-то пыталась выговорить. «Бедная... – сквозь всхлипы разобрала Арлетт, – бедная моя, несчастная... Горе... Горе какое...»

– Угомонись! Давно в песок ушло это горе! – крикнула Арлетт, пытаясь оторвать ее от себя.

Но ей вдруг вспомнилось, как склонялся Симон над малюткой, и сонная кормилица смотрела в никуда, и ребенок сопел в одеяле, выпростав ручку, а звезда светила ровно и ясно.

Сколько ночей потом она видела эту протянутую к ней детскую ладошку! Сколько снов, в которых она не уходила, а оставалась с ними, и все заканчивалось по-другому, правильно, как и должно было быть...

Арлетт обмякла.

– Поплачь, дитя мое, – тихо сказала она дрогнувшим голосом. – Поплачь о них. Поплачь обо мне. Ведь обо мне некому было плакать.

Худенькое тельце под ее рукой сотрясалось в сдавленных рыданиях. Старуха погладила девочку по спине и крепче прижала к себе.

Глава 19

От первоначального замысла пришлось отказаться. Как ни крутил Венсан чертеж северной галереи, примеряясь то так, то этак, выходило, что одному не справиться.

Однако с привлечением Матье затея перестала выглядеть невыполнимой.

План Венсана был очень прост и стоял на двух китах: человеческой жадности и глупости.

Жадность, помноженная на глупость, дает в итоге бесстрашие. Это храбрость особого рода – храбрость дураков, которым не хватает воображения, чтобы здраво оценить опасность.

Венсан знал стражника, поставленного охранять дверь начальника охраны. Сесар-Малыш – бородатый толстяк с маленькой, как груша, приплюснутой головой. Нахальный и недалекий – как раз то, что нужно.

Он поднялся по лестнице, пересек галерею и остановился, когда до покоев Пьера Рю оставался всего один переход.

Коридоры пусты: все ушли в церковь, где отец Годфри ведет службу. На окнах развеваются угольные полотнища. Замок оделся в черное, оброс траурными перьями и хлопает ими на ветру, как ворон, предвестник смерти. Ему вторят колокола, весь день вызванивающие горестную весть.

Стихли все голоса прежней жизни. Никому нельзя работать, кроме поваров, и нижняя площадь, всегда оглушительно шумная, говорливая, как торговка на базаре, оцепенела в гробовом молчании.

«Надеюсь, Сесар не заснул. Иначе все псу под хвост».

Венсан обернулся и встретился взглядом с Матье. Парень волочил тяжелый длинный сверток холстины.

Холстину Венсан украл у Бернадетты. Выбора у него не было: чтобы помощнику кузнеца не чинили препятствий на входе, он должен выглядеть как человек, занятый делом.

Парень казался бледным, но не таким испуганным, как можно было ожидать. Подойдя, он молча бросил сверток на пол, вытащил из его пустой середины черный плащ, встряхнул и, воровато оглядевшись, сунул руки в рукава.

Венсан подумал, что, если бы за их деяния ожидала награда, Бернадетту стоило бы взять в долю – слишком многим они ей обязаны.

– Голова, – шепотом напомнил он.

Матье набросил капюшон и опустил низко-низко, так что был виден только выпирающий подбородок.

– Плечи сдвинь вперед.

Парень ссутулился.

Венсан переломил сверток холстины пополам и сунул за траурное полотно, колыхавшееся на окне.

– Все помнишь? Если что-то пойдет не так, сбрасывай плащ и вопи, что схватил ведьму.

– Не поверят ведь, – с тоской прошептал Матье.

– Поверят, – успокоил его Венсан. – Ты на дурака похож, а дуракам всегда верят.

Матье покосился на него, но промолчал.

Он до сих пор не мог понять, как согласился на предложение лекаря. Награды никакой, зато в случае провала его ждут пытки. Только такой безумец, как Бонне, мог затеять все это.

Но его безумие оказалось заразительно. Матье был знаком этот горящий взгляд, острый голос, словно вырезающий слова в твоей голове: и захочешь – а не выкинешь их оттуда. Птичка-Николь умеет то же самое. Иначе как объяснить, что он потащился с ней на кладбище Левен?

«Я смогу остановить убийцу, – сказал лекарь. – Может быть, я даже смогу вывести его на чистую воду. Не обещаю, только попробую. Но без тебя у меня ничего не выйдет».

Вот на это Матье и купился. Как же – сам Венсан Бонне просит его о помощи! «Вспомнить бы об этом, когда спину начнут полосовать кнутом», – с горькой издевкой подумал Матье.

Правду говорит лекарь: дурак он, дурак.

– Все, пошел, – подтолкнул его в спину Венсан.

Сесар-Малыш не спал. Он стоял, скривившись на один бок, расслабленно свесив руки, и в голове его не было ни единой мысли. Малыш был счастливым человеком, не знающим скуки. Он не понимал, как можно томиться от безделья. Стоишь себе и стой!

Другие стражники во время службы, чтобы развлечься, думали о бабах. Малышу не требовались образы, взятые извне. Если он хотел развлечься, то принимался ждать, не зачесется ли у него где-нибудь. И через некоторое время где-то в самом деле начинало чесаться. Тогда Сесар сладострастно скребся в свое удовольствие, и на некоторое время полагал себя совершенно удовлетворенным.

Он безмятежно глазел перед собой, и никакие мысли не оскверняли его ума, когда в десяти шагах от него медленно проплыла ведьма.

Сесар проводил ее спокойным взглядом. Ему потребовалось некоторое время на то, чтобы образ дошел до его сознания и закрепился там.

Обещанная маркизом награда всплыла в памяти.

– Стой! – заорал стражник и бросился следом за старухой.

Малыш не думал об ужасной опасности, которая может подстергать его. Не думал о смерти. В его голову не вмещалось больше одной мысли, и сейчас это была мысль о сотне ливров.

Если бы Малыш дал себе труд подумать, он, безусловно, сообразил бы, что сражение с ведьмой может выйти ему куда дороже. Другое полезное соображение состояло в том, что сто ливров ему попросту ни к чему. Сесар был крайне неприхотлив, ему с лихвой хватало имеющихся денег.

Но на эти мысли у него не хватило времени.

Едва только стражник покинул свой пост, Венсан Бонне выскочил из-за угла и бросился к дверям. Он предвидел возню с отмычками, но, к его удивлению, дверь подалась. Скользя внутрь, Венсан закрыл ее и огляделся.

Три комнаты! Бросалось в глаза, что Медведь не привык к роскоши: после великолепия в спальне Алисы де Вержи обстановка у начальника охраны поражала строгостью.

Это облегчало дело. Вдохновленный Венсан немедленно принялся за поиски.

Но сперва убедился, что сможет открыть изнутри оконную решетку. Если бы решетка стояла намертво, лекарь оказался бы в очень неприятном положении. У него имелась в запасе идея и на этот случай, но он от всей души надеялся, что воспользоваться ею не придется.

Венсан двигался как можно тише, чтобы ни один звук не просачивался через дверь. По его расчетам, Сесар-Малыш уже должен был понять, что ведьма растворилась без следа, и вернуться на свой пост.

Он начал со стен, затем исследовал пол. Простукивая одну за другой доски паркета, Венсан то и дело замирал, прислушиваясь.

Тихо.

Пока все шло, как он задумал. Крики и топот свидетельствовали бы о том, что беднягу Матье поймали. Раз никто не поднял тревогу, значит, паренек уже далеко.

Венсан заблуждался, но разъяснить его ошибку было некому.

Тайник нашелся в углу спальни. Доска под пальцами лекаря отозвалась звонким стуком; он пригляделся и заметил, что она светлее

остальных.

Ее часто поднимали. Древесина выцвела, лак стерся.

Со второго раза Венсану удалось поддеть пластину. Но вместо того, чтобы вынуть ее, Венсан поставил нож на ребро, как распорку, лег на живот и взгляделся в темный квадрат под полом, над которым нависала доска.

Так и есть!

От середины доски вниз тянулась прочная нить. Потяни вверх крышку тайника – и несложный механизм заставит колокольчик затрястись в яростном звоне: вор, вор, здесь вор, хватайте вора!

Если бы не старый опыт поиска тайников, на этом расследование можно было бы счесть законченным.

Он в очередной раз вознес хвалу старому монаху, своему наставнику, который терпеливо осваивал с юношей воровское ремесло. Конечно, никто не произносил этого слова вслух. Разве они воры? Им приходится искать тайники в заброшенных монастырях, чтобы извлечь забытые книги. Вскрывать отмычками замки, чтобы двери не становились препятствием для тех, кто исцеляет. Не зная преград, следуют они к своей цели, и святой Рохус покровительствует им.

– Сохрани меня в целости, святой Рохус, – пробормотал сквозь зубы Венсан, перерезая нить. – Не дай загреметь этому чертову колокольчику.

Нить лопнула. Венсан застыл, перестав даже дышать.

Тишина! Благословенная тишина.

Венсан коснулся губами серебряного перстня: «Благодарю тебя, святой Рохус».

Он поднял дощечку, склонился над тайником и не смог сдержать возгласа разочарования.

Внутри поблескивал каплями сапфировой золотой крест, а рядом возвышались две стопки тусклых монет. Венсан простучал пол под самим тайником, надеясь на двойное дно. Но и тут его постигла неудача.

Где-то должно быть еще одно укрытие!

Венсан обшарил стены, заглянул под ковры, разве что не обнюхал кровать. Он искал среди оружия, рылся в камзолах и нижнем белье. Все напрасно!

«Время! – предупреждающе начало отстукивать в висках. – Время! Время! Время!»

Служба вот-вот закончится. Сколько у него осталось до возвращения Медведя?

Ударил большой колокол на церковной башне: диннн-доннн-динн-

донни! Воздух задрожал и поплыл, пронизанный долгим звоном.

Нисколько.

Он проиграл. Начальник охраны уже на пути сюда, а это значит, что нужно вынимать решетку.

Черт возьми, он был так уверен в успехе! Ведь не случайно же Пьер Рю сохранил часть яда!

К окну, забранному решеткой, Венсан приблизился с тяжелым чувством, будто третье отравление уже случилось. У него мелькнула мысль, не прикончит ли Пьера первым.

«Раньше надо было, – сказал трезвый внутренний голос. – Теперь к Медведю не подберешься».

Возни с проржавевшей решеткой предстояло немало. Взгляд Венсана упал на тяжелую портьеру, подхваченную серебряным шнуром. Вспомнит ли Медведь, что перед его уходом она была отодвинута?

Пес с ним, решил Венсан, даже если и вспомнит. Это лучше, чем получить стрелу в спину от стражника, заглянувшего на шум.

Лекарь развязал шнур, расправил складки пыльного бархата, кое-где изъеденного молью, и вскочил на подоконник. Внимание его привлек какой-то блеск.

В углу на подоконнике, освобожденный из-под завалов ткани, сверкал в лучах заходящего солнца флакон с остатками настоя элеси.

Матье выполнил все в точности, как приказал лекарь. Пройдя мимо стражника, он ускорил шаг, свернул за угол – и припустил во весь дух, на бегу срывая с себя вонючую пыльную тряпку.

Плащ жег руки. Матье боролся с искушением бросить его прямо в галерею, но слова Бонне врезались в память: «Если найдут плащ, догадаются, что это чья-то проделка».

В узкую прорезь окна был вбит брус солнечного света, желтого и теплого, как свежий багет, что по утрам достают из печи. Матье втиснулся в проем и ухватился за стену.

Это окно выходило на клочок земли за амбарами. Никто сюда не заходил – разве что прихватит живот у какого-нибудь любителя яблок.

Матье перевалился через подоконник и нащупал снаружи в стене углубление. Под окном, незаметная сверху, таилась щель, много лет служившая им с Птичкой тайником. Часть камней выел ветер и дождь, несколько штук они расшатали сами. Матье протолкнул плащ в дыру и хорошенько утрамбовал. Теперь скорее вниз, пока Сесар, рыщущий по замку, не сообразил выглянуть наружу.

Спрыгнув на землю, Матье не бросился бежать прочь, а приспустил штаны и щедро оросил стену. Если кто и сунется за амбары, сразу поймет – помощник кузнеца тут не просто так болтается, а по важной надобности!

Ха! Он справился!

Плевое дельце, если уж на то пошло! Не по его уму.

Матье сунул руки в карманы и вразвалочку двинулся к проходу между амбарами, негромко насвистывая.

– Ты хорошо его спрятал?

Он подпрыгнул от неожиданности и обернулся. Из-за водянистой крапивы, жмущейся к амбару, выступила Мари.

Первым чувством Матье было облегчение: всего лишь дурнушка Мари! Но его сменила тревога.

– Если его милость узнает, тебе не позавидуешь, – сочувственно сказала девушка. – Нехорошее дело вы затеяли с лекарем.

Матье не понимал, как себя вести. Что она видела? Что успела понять? И откуда узнала про Бонне?!

Из окна галереи высунулась бородатая красная рожа. Стражник некоторое время очумело смотрел на них, не мигая, и скрылся внутри.

– За парочку нас принял, – смущенно улыбнулась Мари. – А был бы ты один, вышло бы хуже.

Долгие пляски вокруг да около никогда не были сильной стороной Матье.

– Чего надо-то тебе? – хмуро спросил он.

Девушка потупилась.

– За тебя тревожусь. Вдруг его милость узнает, в чем ты замешан?

– Ни в чем я не замешан! – открестился парень.

– Правда? – Мари, казалось, обрадовалась. – Вот и славно! Значит, если меня станут спрашивать, я расскажу, что ты делал. И покажу... – многозначительно добавила она, кинув взгляд наверх.

– Подожди! Да подожди же!

Испуганный и разозленный Матье схватил ее за рукав.

Мари обратила к нему свое маленькое, как семечка, лицо в выбоинах оспин. Широкий толстый нос, кротовьи глазки... Матье пригляделся, пытаясь прочесть их выражение.

– Может, не станешь ничего рассказывать? – подбирая слова, медленно начал он. – Его милость ведь не будет разбираться...

– Да-да! – горячо закивала девушка. – Помнишь, той весной приказал засечь до смерти Обена-Соплю?

Матье молча смотрел на нее.

– Если бы я знала, что хоть чуточку тебе нравлюсь... – Мари зарделась и отвела взгляд.

«Я бы никому ничего не сказала», – прозвучало безмолвно.

– Ты мне очень нравишься, – заверил Матье. В подтверждение своих слов он обхватил Мари за талию и притиснул к себе.

Девушка довольно пискнула.

– Ах ты какой... – с напускным возмущением зашептала она. – А если увидят?

Матье приободрился. Он увлек Мари в тень и залихватски отрубил:

– А плевать! Пусть смотрят!

Она сама готовно подставила узкие губки.

В промежутках между неумелыми поцелуями Мари шептала – что-то о том, что любит его, что хочет быть только с ним, что им суждено счастье... Матье бормотал ответную чушь, не задумываясь. Кто бы догадался, что дурнушка падка на такие забавы! Ничего, сейчас он ублажит ее хорошенько, чтоб выбить из нее остатки желания растрепать, что она видела.

Но когда его рука скользнула вниз, чтобы задрать ей юбку, Мари резко отстранилась:

– Ты что это, Матье!

– Да я это... Так... – на губах его играла глупая улыбка.

Маленькие глазки яростно сверкнули. Мари оттолкнула его и шагнула в сторону.

– Сдурел? Думаешь, раз с Птичкой баловался, так и со мной можно?!

– Я... Ничего... – пробормотал ошарашенный Матье. Упрек в сторону Птички смутил его. Только он решил, что все утряс, как вдруг...

– Ты такой же, как все парни! – оскорбленно бросила горничная. – Тебе самое место в пыточной! Там уж пощекочут твой стручок!

Матье покрылся холодным потом – и от упоминания пыточной, и от ее внезапно выплеснувшейся злости. Он чувствовал, что теряет опору. Мари все повышала голос, и на ее крики могли сбежаться стражники. В запале она все им расскажет, они найдут плащ, а потом...

– Нет-нет, Мари, ты меня не так поняла! – шепотом вскричал он.

– Я девушка порядочная! – твердила она.

– Я знаю!

– Думаешь, меня можно лапать в любой подворотне?

– Нет-нет!

– Пока мы не обвенчаны, не смей распускать руки!

Матье решил, что не расслышал.

– Пока мы не... Что?

Мари удивленно взглянула на него.

– Ты ведь сказал, что любишь меня.

Матье не припомнил, чтобы говорил это.

Теперь он совершенно потерялся. Только что она орала на него, и вдруг ни с того ни с сего ляпнула о венчании! У него пухла голова от всего этого.

– Или ты соврал? – вкрадчиво осведомилась Мари.

Матье заблеял невнятное.

– Соврал? – внезапно взвизгнула горничная. – Соврал?!

– Тише! Тише, Мари!

Он прижал ладонь к ее губам, но девушка дернула головой.

– Хорошенькое дело! Пусть его милость узнает, кто ты такой! Пусть все узнают! Эй, идите все сюда! Я покажу вам, что спрятано в стене!

Она кричала не слишком громко, но перепуганному до смерти Матье казалось, что звук разносится во все стороны. Он уже видел графа, до которого долетают эти вопли, слышал поступь стражи.

– Что ты, Мари... – лепетал он, хватая ее за руки. – Все не так!

– А я-то... Доверилась!

Она заплакала.

Матье стоял, не в силах сдвинуться с места. Во рту пересохло. В голове стучала одна мысль: если она закричит, с ним все будет кончено.

– Мари, я в самом деле люблю тебя.

Голос звучал до отвращения фальшиво.

Она вскинула красные глаза.

– Правда?

– П-правда.

– И ты женишься на мне?

У Матье перехватило горло. До сегодняшнего дня он был уверен, что самое ужасное – попасться ведьме из Черного леса. Но кроткая малютка Мари делала с ним что-то такое, по сравнению с чем колдовство казалось детской забавой.

Узенькие глазки требовательно уставились на него.

– Женишься?

Матье открыл рот, но ответить не смог. Слова не шли из пересохшего горла.

– Я никогда тебя не выдам! – горячо пообещала Мари. – Никогда-никогда!

Про Бонне Матье не спросил, а Мари не стала говорить. Все, что

нужно было, чтобы избавиться от лекаря, она уже сделала. Карман оттягивали монеты, которые щедро отсыпал ей месье Рю.

– Или ты не хочешь? – снова становясь робкой, проговорила она, заглядывая Матье в глаза.

– Хочу, – выдавил Матье.

Мари засияла и прильнула к нему:

– Я буду хорошей женой тебе, мой милый!

Решетка поддалась на удивление быстро. Окрыленный своей находкой, Венсан споро расправился с замком, сдвинул защелку, осыпавшуюся хлопьями ржавчины, и выглянул наружу.

Он еще вчера убедился, что под окнами покоев начальника охраны проходит узкий выступ, опоясывающий башню. Далеко Венсан с его помощью не добрался бы – свалился, как пить дать, – но побег Птички натолкнул его на дельную мысль. Шагах в десяти из земли вздымалась густая волна плюща, широко растекаясь по стене до самой крыши. Если зацепиться за стебель, можно спуститься вниз.

Замысел был рискованный. Плети выдерживали Николь, но это не значит, что они не треснут под его весом. Однако ничего лучше Венсан не придумал.

Он уцепился за решетку и уже почти перебросил ногу на выступ, как глянул вниз – и чуть не свалился.

На земле, взяв мечи наизготовку, замерли двое солдат. Головы задраны, на лицах сосредоточенное ожидание.

«Дьявол вас раздери!»

Будь Венсан на земле и вооружен, он еще мог бы вступить в бой. Но спрыгнуть на обнаженные мечи...

Лекарь, не мешкая, нырнул обратно в окно. Через дверь, быстро! Если охранник не очухался, он успеет скрыться.

Но пока Венсан отдергивал портьеру, коридор заполнился голосами.

– Он там!

– Открывай!

До него донеслось оправдывающееся бормотание Малыша.

«Не успел», – понял он.

Дверь распахнулась, и в проеме выросла огромная фигура Медведя. Один-единственный взгляд, брошенный на его лицо, убедил Венсана, что для лекаря будет лучше упасть на мечи.

– Взять! – проревел Пьер.

Грохот сапог, оскаленные зубы, отброшенный в сторону Малыш-

Сесар... Они неслись на него, словно готовы были вылететь в окно, размогнуть его о землю и разбиться сами, но только не дать ему уйти.

– Убью! – хрипел Медведь. В выкаченных глазах полыхала ярость.

Венсан схватился за портьеру и выпрыгнул наружу.

Ткань отчаянно затрещала. Лекарь пролетел вдоль стены, вцепившись боком в камни, и коротко вскрикнул, когда локоть угодил в какой-то выступ. Вспышка острой боли на время ослепила его. Под ногами зашуршало, и Венсан, выпустив портьеру, взмахнул руками, цепляясь наугад.

Кожу обожгли извивы побегов, и когда зрение вернулось, он увидел перед собой ярко-зеленые листья.

Плющ кряхтел, лопался, но держал его.

В окне надрывался Медведь, снизу набегали солдаты, и Венсан с кошачьей ловкостью полез наверх. Несколько раз вырвавшиеся побеги, вздрогнув, брошенной плетью оседали вниз, но Венсан успевал схватиться за стену. Он втискивал пальцы в самые узкие щели, впивался в каждый выступающий камень. Сдирая ногти, оставляя в трещинах клочки кожи и кровь, Бонне лез на крышу.

Он перемахнул через край, когда что-то со свистом распорол воздух за его спиной. По затылку дунул сквозняк.

Стрела.

Медведь глухо орал, но Венсан не слышал. Он бежал по крыше, пытаясь сообразить, где может быть Гуго де Вержи.

Граф – его единственная надежда на спасение. Если Медведь успеет к нему первым, Венсана без затей пристрелят на подходе.

Но мальчишка – какая же сволочь! Предупредил, значит, Пьера помощник кузнеца. Хорошо еще, если честно продал Венсана, а не выдал просто так, от ненависти.

– Сученьш! – пробормотал лекарь без особой злобы. Сам виноват. Надо было думать, кому довериться.

На лестницу он выбрался через сторожевую башню. Единственный охранник, завидев спрыгнувшего из люка человека, испуганно округлил глаза и схватился за меч, но к этому времени Венсан был уже далеко.

Может, ему и удалось бы задуманное, если бы не Робер. Стражник вывалился из какого-то закутка, блестя перекошенным глазом на искаленном лице, и на сей раз не стал тратить времени на разговоры. Коротко замахнувшись, он попытался вбить кулак в грудь Венсана.

Лекарь увернулся, и удар пришелся по касательной. В боку нехорошо

хрустнуло.

Второй удар ему удалось упредить. Ребром ладони он двинул противника по носу.

Кончик носа – очень чувствительное место и у людей, и у собак. Стражник взвыл и отшатнулся, а Венсан, тяжело дыша, нырнул на лестницу за его спиной.

Вниз, вниз, вниз! Сбить на ходу факел, швырнуть под ноги преследователю. Навстречу ему попался повар с подносом. Бедняга взвизгнул по-бабьи, когда лекарь, выхватив у него ношу, с силой метнул поднос назад, а следом толкнул и толстяка.

Где-то вверху вопили и визжали, ругань рикошетом отлетала от стен, словно сам замок орал на Венсана: «Стой! Хватай! Тварь!» В стороне промелькнула нянька Коринна – глаза выпучены, рот открыт от изумления.

Лекарь вылетел к погребам и не успел еще ничего сообразить, а ноги уже сами несли его вниз, подальше от Медведя, в кротовьи норы лабиринтов под замком Вержи.

...Темнота.

Лепестки факелов вдалеке.

Голоса, заполняющие коридоры:

– Где он?

– Вон!

– Стой!

Венсан бесшумно попятился, не сводя глаз с удаляющихся огней. Кто им там почудился? Какого призрака соткала тьма из прядей сумрака?

Он не стал дожидаться, пока люди Пьера Рю поймут свою ошибку, и осторожно двинулся в глубь прохода.

Тьма густела, и вскоре Венсан не мог разглядеть даже собственную ладонь. Он стал рыбой на дне зимней реки, скованной льдом, и звуки доходили до него сквозь толщу замерзшей воды медленно, с трудом.

– Э... эй...

– Ко...ви...

Лекарь уже не мог понять, откуда доносятся обрывки криков. Стены подбрасывали их под ноги, точно камешки; он спотыкался об них и шел дальше.

Ему стало понятно, что он заблудился, после шестого или седьмого поворота, когда Венсан внезапно сообразил, что в прошлый раз не кружил по этим норам. Он вообще не кружил.

«Э, нет, отсюда надо выбираться». Ему представилась спираль, ввинчивающаяся в глубину холма, и он сам – ползущий по ней муравей.

Невдалеке перед муравьем расплывалось широкое бледное пятно.

Сперва Венсан решил, что воображение, уставшее от кромешной тьмы, играет с ним шутку. Но, подойдя ближе, убедился, что в самом деле видит свет. Из-под потолка в невидимые щели просачивались лучи. Они были тусклые и слабые, но благодаря им он смог заметить ловушку.

Дыра в полу. Даже издали она выглядела жутко, как выколотый глаз, и чем ближе подходил к ней Венсан, тем меньше ему все это нравилось.

И все же не подойти он не мог. Этот колодец посреди бесконечной запутанной норы притягивал его своей бессмысленностью. Он догадывался, что ничего не увидит, но желание склониться над бездной было сильнее.

Венсан ускорил шаг, всматриваясь в неровные очертания круга, и лишь за несколько шагов до ямы почувствовал дыхание за своей спиной.

Он не успел даже повернуться. Человек, следовавший за лекарем как тень, пока тот блуждал по лабиринту, с силой толкнул его. Венсан пролетел вперед и оказался на краю колодца.

Серая бездна призывно глянула на него.

Лекарь отпрянул назад, размахивая руками, в отчаянной попытке удержаться. Нападавший налетел на него, и Венсан, извернувшись как кошка, мазнул кулаком наобум. Кулак врезался во что-то мягкое, раздался вскрик и человек отскочил, но Венсан потерял равновесие и полетел в расступившуюся тьму.

Глава 20

– Просыпайся!

– А? Что?

Николь вскочила, готовая бежать, прятаться или драться, если понадобится. Арлетт стояла с дорожной котомкой в руке, башмаки ее были в пыли.

– Маркиз здесь?!

Но старуха неторопливо придвинула стул, не отрывая от девочки хмурого задумчивого взгляда.

– Рассказывай.

– О чем? – растерялась Николь.

– О госпоже твоей.

– Элен? – Девочка протерла глаза, ничего не понимая. – А что рассказывать-то?

– Для начала – зачем ты ее убила.

У Николь подогнулись ноги.

– ...страх что творится. На каждом столбе листок приколочен. Кто такая, как выглядишь и сколько дадут за поимку.

Арлетт разлила по кружкам травяной чай.

– Никто же грамоте не обучен... – прошептала Николь.

– Кто не прочитает, тому перескажут, – хмуро заметила старуха. – Твой граф не пожалел двоих слуг отправить в Божани. Орут на рыночной площади утром, днем и вечером, словно им в задницу факел воткнули.

– Клянусь Марией, не убивала я!

– Да верю я, верю! – махнула рукой Арлетт. – Накрутила я себя, пока возвращалась. Вот же, думаю, пригрела змею. Глупости это все. Кто-то обстряпал свои делишки, а на тебя свалил.

Она вытащила из кармана леденцы, бросила россыпью на стол:

– На, побалуйся. Я среди народу рыночного с утра потопталась, уши погрела. Пришлось вон купить, чтоб не косились.

– И что говорят? – обмирая, спросила Николь.

– Наплевала, говорят, ты в колодцы черной слюной, и теперь там вода отравлена. А у двух баб уже родились дети с поросычьими хвостиками! А еще болтают, что у мельничихи из куриных яиц вылупились пауки косматые, а корова стала доиться кровавым молоком.

Николь сглотнула.

– А пена на том молоке – шерсть крысиная! – безжалостно добавила старуха.

– Как это пена может быть шерстью? – слабо возразила девочка.

– Так же, как пауки могут вылезть в куриных яйцах. – Арлетт подвинула к ней леденцы. – Погрызи. А то, поди, силу-то ведьминскую истощила.

Николь непонимающе взглянула на нее.

– Пока все колодцы обойдешь, пока в каждый наплюешь... – перечислила старуха. – Не труднее, конечно, чем цвергов ловить на птичьи горлышки, но тоже не всякий сумеет.

Вспомнив глупости, которыми она потчевала Арлетт, девочка густо покраснела.

– Ну вот что, – сказала та, вновь становясь серьезной, – покажи-ка мне еще раз ту штуковину, из-за которой весь сыр-бор.

Класть камень на стол Арлетт запретила. Начертила мелом на полу круг и набросала сушеной рябины. Брызнула водой, побормотала, сожгла над кругом клочок собачьей шерсти и лишь после этого позволила Николь достать украденное.

– У камней голоса сильные, – объяснила она. – Могут издали хозяина дозваться. Только мы ему не позволим.

Девочка положила камень в середину круга, и обе склонились над ним.

– Никогда таких не видела, – покачала головой Арлетт. – Переверника.

Красная жилка блеснула в луче.

– Будто кровь, – вслух подумала Николь.

Старуха взяла камень, повертела перед глазами, принялась.

– Вот же странная вещь... Что-то в ней есть, а что – не пойму.

– Колдовство? – Девочка затаила дыхание.

– Кто ж его знает! Разве что истинная ведьма тебе ответит. Только где ее сыскать...

«Ведьма... Ведьма!» Николь на время забыла о камне.

– Колдунья! – воскликнула она. – Та, настоящая!

Арлетт покатала меж ладоней катышки засохшей рябины и неохотно сказала:

– Не встречала я ее с тех пор. И не встречу, уж можешь мне поверить. Ушла она из этих мест.

– Откуда ты знаешь?

– Душа мне подсказывает.

– А насчет камня душа тебе ничего не подсказывает? – с надеждой спросила девочка.

– Что держаться от него нужно подальше! – сурово пригвоздила старуха.

Вопреки ее совету, Николь оставила амулет у себя. На шею вешать не стала, но к рубахе, что дала Арлетт, пришила на скорую руку изнутри узкую полосу подкладки, а в нее вложила сокровище маркиза.

Старуха неодобрительно покачала головой, но промолчала.

Комары звенели хищно и тоненько, как попрошайки. Под ногами пружинила вспухшая от ночного дождя палая листва.

Николь с Арлетт шли через лес, петляя, будто их преследовала невидимая свора. По спине Николь хлопал пустой мешок: старуха предупредила, что забрать придется многое.

– Как думаешь, кто убил ее милость?

Николь и самой не давал покоя этот вопрос.

– Маркиз, – подумав, сказала она. – Никто другой не смог бы.

– Это еще почему?

Девочка с удивлением взглянула на свою спутницу.

– Их же все любили!

– Глупости говоришь, – возразила Арлетт, отмахиваясь веткой от назойливой мошкары. – Не бывает такого, чтоб человека все любили, ежели только он не покойник. Ты, поди, и сама графиню не слишком жаловала.

Николь пришлось признать ее правоту.

– Холодная она, как льдина, – оправдываясь, пробормотала девочка.

– А я о чем говорю? Каждый повод найдет. Кто позавидует, а кто и вовсе любить никого не умеет, кроме себя.

Арлетт вновь свернула с тропы и поднырнула под ветки корявой лещины. В орешнике было тенисто, влажно, и комары, обрадовавшись, запели еще громче и пронзительнее, словно призывая новые отряды.

– Тут другое сообразить надо. Кому от их смерти стало лучше?

– Мари! – брякнула Николь, не задумываясь.

Арлетт замедлила шаг, глянула с любопытством:

– Что еще за Мари?

– Горничная наша. Но только она не убивала! – спохватилась девочка. – Мари не такая!

– Отчего ж ты ее вспомнила?

– Элен вечно ее шпыняла, – пожала плечами Николь. – А графиня и вовсе видеть не могла, гнала с глаз долой.

Возле огромного муравейника высотой с человеческий рост старуха задержалась: отломила ветку, наскоро ободрала кору, сунула острым краем в шевелящуюся гору и поскорее увлекла девочку прочь от рассердившихся хозяев.

– Хорошенькая она, эта твоя Мари?

Николь прыснула.

– У-у-у! – понимающе протянула старуха. – От страшеньких да обиженных всего ожидать можно!

– А если обиженный, но красивый?

– Красивому есть чем утешиться, – рассудительно пояснила Арлетт. – Все, пришли.

Николь отвела ветку с липкой паучьей снастью.

Домишко выглядел хилым и неряшливым, как наспех сложенный шалаш, зато ограда вокруг него стояла основательная. На кольях торчали коровьи черепа, похожие на огромные белые муравьиные морды с рогами.

Николь замерла.

– Это зачем? – напряженным шепотом спросила она. – Народ пугать?

– Соображаешь, – одобрила старуха. – Давай внутрь.

Черепя смотрели строго и печально. Кое-где рога оплел вьюн, и посмертные венки на выбеленных временем костях выглядели еще более жутко, чем сами головы.

В лачуге Арлетт сразу же взялась за дело. Шелестящие сухие травы, сплетенные в косы, кульки со сморщенными ягодами, грязные куски смолы с налипшими хвоинками – все это старуха снимала с полок, а Николь раскладывала по мешкам.

– Затаиться пока что надо. – Арлетт приоткрыла крышку пузатого горшка, и оттуда выплеснулся острый запах лесных гнилушек. – Возьми-ка...

Николь аккуратно уложила его на дно.

– Как же ты лечить будешь?

– Пока маркиз не перебесится, никак. Ничего, лес прокормит.

Когда мешки раздулись, как рыбки пузыри, Арлетт помогла девочке взгромоздить один на спину.

– Не отставай, – предупредила она, взявшись за дверную ручку, – и если я молчу, то и ты помалкивай. Слишком уж много вокруг охотников навести на нас его светлость.

В орешнике беззаботно куковала кукушка. С коровьего черепа,

склонив пеструю голову, посматривал смородиновым глазом дрозд. При виде птицы Арлетт сразу успокоилась.

– Не добрался еще сюда никто.

И пошла легко, словно и не висела тяжелая ноша за спиной.

Петлявшая тропа снова вывела их к муравейнику. Старуха выдернула палку, оббила о ствол лещины и зашагала прочь. А Николь загляделась на черные ручейки, и пришлось поплясать, смахивая с башмаков рассерженных мурашей.

– Послушай, Арлетт! – догнала она старуху. – Отчего ты уверена, что в твоём доме нас не найдут?

– Ведьма его охранила, – объяснила та. – Заговором или колдовством, уж не знаю, но только всем отвела глаза.

Они выбрались из орешника, стряхивая паутину и насыпавшуюся за шиворот лиственную труху.

– Было дело – искал меня один дворянчик. Втемяшилось в высокородную голову, что я его мать извела. Нанял охотников и давай по лесам вынюхивать! Бродил-бродил вокруг моей хибары – все впустую! Так и не нашел, плюнул и ушел ни с чем.

Старуха лизнула оголенную часть ветки и скривилась:

– Ух, кислятина! Аж глаза дерет! В общем, тогда-то я и догадалась, что местечко в дубраве – заговоренное. А после вскрылось, что старую мамашу его жена отравила. Вот так-то!

Николь заметно повеселела. С тех пор как она поняла, что Арлетт не колдунья, ее не отпускал страх, что люди Мортемара доберутся до старухи. Нащупав в подкладке камень, девочка мысленно поклялась, что вернет его.

Когда, миновав колючих можжевельных стражей, они вышли на поляну, возле дома их ждали.

Старик притулился на нижней ступеньке крыльца, скрючившись в три погибели и неестественно вывернув шею. Был он тщедушен и жалок: в штопаной-перештопанной рубахе, засаленных штанах и выдавшей виды шляпе, до того истрепанной, что в прорехах виднелась блестящая лысина. Безгубый рот кривился от боли.

Арлетт схватила Николь за плечо и втащила обратно, под прикрытие разросшегося куста жимолости. Щелк! – из рукава ее будто сам собою выскочил острый птичий клюв ножа.

– Кто это? – одними губами прошелестела Николь. На лезвии вспыхнул блик, точно глаз, ищущий, кого бы клюнуть.

– Вот уж не знаю, – так же тихо откликнулась старуха, разглядывая

нежданного гостя.

Нижние ветки дрогнули, и из-под них выбрался пес, встряхивая головой. Старуха и девочка присели рядом с ним.

– Тихо, Черный, тихо...

Наверху порхнула сойка, огласив лес скрипучим «Ррэк! Ррэк!» Старик повернул голову на птичий крик, и солнце высветило крючковатый подбородок, поросший редкой сизой щетиной, впалые щеки, прищуренные глаза, слезящиеся от усталости и страха.

– Пречистая Дева! – тихо ахнула Арлетт.

– Что?

– Живой!

– Кто это? – затормошила старуху Николь. – Ты его знаешь?

– Богом клянусь, он самый! – ошарашенно бормотала Арлетт.

– Да кто же?

– Викарий!

Николь наморщила лоб и вдруг вспомнила:

– Тот, что был на вашем венчании?!

Арлетт медленно, словно не веря самой себе, кивнула.

– Подожди! – нахмурилась девочка. – Разве его не убили?

– Вот и я так думала, – пробормотала старуха.

Николь привстала и оглядела лес, понюхала воздух: не донесет ли ветер запах лошади или едкого, как муравьиный сок, мужского пота.

– Не высовывайся! – Арлетт надавила ей на плечо. – Нет здесь больше никого, иначе пес тревогу бы поднял.

До них донеслись стоны и кряхтение. Старик решил перебраться в тень, но встать ему удалось лишь с третьей попытки.

– Что ж с ним делать-то, господи...

Николь впервые видела хозяйку в такой растерянности.

– Пусть уходит! – шепотом потребовала она.

– Нет. Нельзя... Больной он, старый.

Девочка сжала губы. Происходящее нравилось ей все меньше и меньше. Как викарий, чудом выживший в давней резне, смог найти поляну, раз она заговорена? Как добрался сюда, если с трудом проходит четыре шага?

– Давай прогоним его! – горячо зашептала она. – Пса натравим! Арлетт, прошу тебя!

Старуха с силой провела ладонью по лицу.

– Не могу я, лягушоночек! Не могу!

Николь опустила голову. Что она могла возразить Арлетт, когда на

крыльце сидел единственный оставшийся в живых свидетель ее былой любви, осколок разбившейся чаши, в которую налито было когда-то полной мерой радости и счастья.

– Ты не боишься, что он тебя узнает? – обреченно спросила она.

Арлетт невесело улыбнулась.

– Даже Симон, восстань он из мертвых, не узнал бы меня. Нет, милая, мне нечего бояться.

...В конце концов порешили, что старуха пойдет одна, а Николь останется дожидаться ее. Если что-то не так, убежит вместе с собакой.

Девочка согласилась, твердо уверенная, что, случись недоброе, бросится на подмогу Арлетт. А пес ей поможет. Пускай никакой он и не Баргест, зубов у него от этого не меньше.

Она украдкой следила, как старуха подходит к дому, а викарий с трудом, цепляясь за перила, поднимается ей навстречу, растягивая губы в пугливой улыбке. Краткий разговор – и оба скрылись внутри.

Потекло время, невыносимо долгое, как утренняя служба в промозглой церкви. Николь извелась от нетерпения. Наконец дверь распахнулась, и наружу бочком выбрался старик, сминая шляпу в руках. Двигался он неуверенно, пошатываясь, точно пьяный, но выглядел куда лучше прежнего.

«Щеки порозовели, – отметила Николь. – И шею больше не кривит. А лысина, лысина так и сияет».

Под ногами раздалось вопросительное ворчание.

– Все в порядке, – шепнула девочка, и пес умолк.

Викарий, глупо и бессмысленно улыбаясь, спустился с крыльца и побрел к лесу. Николь кралась за ним до тех пор, пока не убедилась, что старик и впрямь уходит.

Арлетт отмывала руки на заднем дворе.

– Зачем он приходил? Он тебя узнал? Что с ним было? Ты его опоила? – налетела на нее Николь.

– Тише, тише, лягушоночек!

Мокрыми ладонями старуха беззлобно хлопнула суматошную девчонку по плечам. Вроде легонько, но Николь показалось, что еще б чуть-чуть посильнее – и ушла бы в землю по самую макушку.

– Скажешь тоже – опоила! Хребтину ему вправила и всех делов.

– А почему он шатался? – не поверила Николь.

Арлетт объяснила, что такое бывает. Если кости у человека сперва разъехались, а потом их на нужное место поставили, то в голове становится

пусто и радостно.

...– Бедный викарий от счастья такого даже шляпу свою забыл, – закончила она. – А теперь дуй за нашими мешками.

Пока таскали лекарственные припасы, пока раскладывали по новым местам, Арлетт пересказала девочке, что ей удалось выпытать у викария.

В мясорубке Головореза он выжил, забившись в какую-то щель, где и кошке было бы тесно. А после, улучив момент, бежал, подвывая от страха. Долгие годы старик прятался бог знает где, уверенный, что Головорез станет искать его, но под конец лет устал бояться, вернулся в родные края и осел на маленькой пасеке под Божани.

К этому времени он был уже очень болен. По совету соседей викарий наведалься в хижину ведьмы, но поняв, что хозяйка там не объявится, в отчаянии пошел куда глаза глядят, готовясь принять смерть в лесу.

И вышел на поляну в дубраве.

– Несчастный он человек, – задумчиво сказала Арлетт, счищая прилипшие веточки и грязь со смолы.

– Почему? – удивилась Николь. – Ведь выжил же!

– Что за жизнь в вечном страхе? Грешным делом я уж подумала: лучше бы Головорез прикончил его тогда. Пустой он стал, ну чисто трухлявый орех.

Старуха взвесила в ладони медовый брусок смолы и бережно замотала в промасленную тряпицу.

Николь задумалась.

Трое остались живы после резни в замке. Дядюшке Гастону помог случай, Арлетт выторговала спасение у ведьмы, а викария не иначе как хранил сам господь. Получается, защитили их случайность, зло и добро.

Но если бы не вмешательство колдуньи, Арлетт была бы мертва, а значит, и сама Николь тоже. Выходит, своей жизнью она обязана злу?

Где-то здесь таилась ошибка. Однако как ни пыталась девочка поймать ее за хвост, ничего не получалось.

«Пустой... выдолбленная тыква...»

Странно, что, услышав эти слова, она подумала вовсе не о викарии, а о Гастоне. Как он идет, жестко переступая, будто ноги у него не гнутся, и садится так, будто не гнется спина, и смотрит на нее с таким видом, будто его прямые твердые губы не гнутся в улыбке.

Дядюшка ей никогда не улыбался. Впрочем, он не улыбался никому. Разве что лошадям, да и то когда этого никто не видел.

Но он был заботлив, ни разу не побил племянницу, и Николь знала, что в глубине души Гастон любит ее. Кого не любят, тех не оберегают.

– О чем задумалась, лягушоночек? – вырвал ее из размышлений голос старухи.

Николь собралась с духом, прежде чем ответить. От Арлетт не укрылось, что девочка напряглась, – и сердце обдало холодом от нехорошего предчувствия.

– Мне придется вернуться в замок, – сказала Николь и улыбнулась виновато, будто извиняясь.

Старуха уперлась ладонями в стол, нависла над девчонкой, сверля ее взглядом. Николь отвела глаза.

– Та-а-а-ак! – с обманчивым спокойствием выдохнула Арлетт. – В замок, значит...

И ударила по столешнице со всего размаху, так что вздрогнули и задрезжали горшки на полках.

– В замок! – выкрикнула она, превращаясь в фурию. – В замок, твою в бога душу мать?!

Николь вжалась в стул от такого богохульства.

– Из могилы тебя, полудохлую, вытащила! Раны залечила! Чуть сама от медведя гибель не приняла, пока шлялась с тобой по проклятым местам! И ты хочешь все это псу под хвост пустить? – бушевала старуха. Зеленые глаза налились болотной желтизной, волосы разве что не искрились от переполнявшей ее ярости. Николь почудилось, что комната съезжилась, а вещи отползли подальше, чтобы не попасть под руку.

– Да как ты смеешь! – гремела старуха. – Тебе господь второй раз жизнь подарил, а ты ее под ноги убийце бросишь?!

Крик Арлетт распирал лачугу изнутри: казалось, еще чуть-чуть – и стены не выдержат, развалятся.

– Никуда не пойдешь! Ты мне за спасение должна, и пока еще даже расплачиваться не начала! Неблагодарное отребье!

Старуха отвернулась и, тяжело дыша, схватилась за кувшин с водой. Глаза б не глядели... В замок ей надо вернуться! А на погост – не надо?!

Она жадно отпила из кувшина, вылила чуть-чуть воды на ладонь и остудила лоб. Сзади не доносилось ни звука, и Арлетт не удержалась: покосилась через плечо на бессовестную девку. Что она – злится, обижается?

Николь сидела, продолжая улыбаться жалко и виновато.

От этой улыбки в Арлетт что-то надломилось. Господи, ну лягушоночек же, как есть лягушоночек: тощенький, малюсенький, большеротый, беззащитный! Не склюют, так раздавят.

– Нельзя тебе в замок! – взмолилась она. – Убьют!

Николь с несчастным видом посмотрела на нее:

– Я должна увидеть дядю! Он ведь даже не знает, что со мной. А вдруг он думает, что это я отравила Элен? Сгрызет себя!

– Лучше пусть он сгрызет, чем ты погибнешь.

– И камень! – не слушала ее девочка. – Я верну его, и маркиз отстанет от нас!

Арлетт сникла. Что толку попусту болтать, когда эта упрямецка все решила. И не запрешь ведь, не убережешь от судьбы...

– Арлетт! – позвала девочка.

Старуха только рукой махнула. Отвернулась, зашарила бесцельно по полкам и вздрогнула, почувствовав на своем плече ласковое прикосновение.

– Арлетт, у меня все получится! Не бойся за меня.

Старуха грустно улыбнулась. Столько лет ни за кого не боялась. Ни за других, ни за себя. Даже и хотела, чтобы призвал к себе господь, да видно плохо просила.

Николь все гладила ее по спине, объясняла вздохом – про то, как проберется внутрь, что собаки не тронут, что спрячет камень в тайнике, а потом маркизу даст знать через кого-нибудь... Арлетт не вслушивалась. Детей неразумных ограждают от опасностей, думала она, отчего же я отмахнулась от мысли запереть эту глупышку? Скрутить ее легче легкого, а уж привязать к кровати и того проще. Держать в доме, кормить, поить да горшок подкладывать, пока все не стихнет. Можно и камень самой передать, надо вот только обмозговать хорошенько, как это повернуть, чтоб живой остаться и маркиза на свой след не навести... Она же сама мне потом спасибо скажет!

С этими мыслями Арлетт обернулась наконец к Николь, уже расписывавшей, что будет после того, как она вернется.

– ...я тебе помогать стану, травки собирать! – Девчонка вся светилась в предвкушении их совместного житья-бытья. Но что-то в лице старухи все-таки смутило ее, потому что она дополнила: – Если ты согласишься, конечно.

И тут Арлетт поняла, что ничего сделать не сможет. Ни связать, ни удержать насильно.

За долгие годы она пришла к убеждению, что каждому человеку послан свой путь, и он должен идти по нему до конца. Кто свернет – сам ли, по чужой ли воле – будет несчастен, ибо проживет не ту жизнь, которая была ему предначертана, а подменную.

Встречала она таких людей, а иной раз даже догадывалась, в какой

точке они повернули не туда, убоявшись неизвестности. Глаза их были пусты, и в них мелькали тени непрожитого. Нет, она не желает Николь такой участи.

Девочка должна вернуться в замок. Внутренний голос не зря твердит Арлетт, что глупенький лягушонок избежит страшной опасности, если сделает то, что считает правильным.

Старуха заставила себя выпрямиться, взглянула строго, без снисходительности:

– Об этом в свое время поговорим. А пока объясни, как ты обойдешь стражу.

Глава 21

Подушка тверда, как лошадиное копыто, и от ее прикосновения ломит зубы. А матрас! Словно льдинами набит!

Бонне дернулся и окончательно пришел в себя.

Он лежал на холодном полу, а вокруг нависали стены каменного колодца. Тусклый свет позволял разглядеть испещрявшие их трещины, отдаленно напоминающие старинную вязь. Будто какой-то несчастный узник день за днем выцарапывал страшную повесть своего заточения.

Как долго он провалялся, оглушенный падением?

Венсан приподнялся, ощупал себя. Вроде цел... Разве что ноги гудят, будто их отходили палкой.

Когда он балансировал на краю, колодец казался ему бездонным, но сейчас лекарь видел, что глубина его не так уж и велика – пожалуй, едва наберется три человеческих роста. Хвала Рохусу, иначе бы он расшибся насмерть.

Человек, столкнувший его, исчез. Ушел, решив, что жертва разбилась? Или притаился в галерее, дожидаясь, пока лекарь выберется, чтобы уже наверняка расправиться с ним?

– Эй, братец! – позвал Венсан. – Я живой!

Он прислушался, но враг, если и скрывался наверху, ничем не выдал себя.

На перстне Венсана запеклась кровь: его единственный удар достиг цели.

– Крепко я тебе засадил? – сочувственно осведомился он. – А перстень-то смазан ядом. Заказывай гроб, дурачина!

Лекарь стянул башмак и медленно двинулся вдоль стены, не отрывая взгляда от границы пустоты и камня наверху.

– Знаешь, у меня ведь есть противоядие... Уступлю тебе недорого по дружбе!

Он болтал чепуху, обходя свою темницу, а сам держал руку на отлете, пристально глядя, не высунется ли голова. Ну, давай, голубчик! Не тяни!

Башмак – непростая вещь. Пока он на ноге, его еще побаиваются те, кому не раз доставались пинки под зад. Снятый же он кажется совершенно безобидным. Однако тот, кто так думает, никогда не получал в лоб тяжелой подошвой. Меткий бросок может оглушить взрослого мужчину, а Венсан никогда не жаловался на глазомер.

Но сколько он ни насмешничал, сколько ни выкрикивал оскорблений, достойных самой Бернадетты, наверху никто не показывался.

«Хитрый, сволочь».

– Ну и пес с тобой! – в сердцах бросил Венсан.

Он стащил второй башмак, отстегнул с пояса сумку и попытался штурмовать стену, уверенный, что справится. Но его ждало неприятное открытие: кладка, хоть и потрескавшаяся, не имела ни вмятин, ни щелей, ни выступов, за которые можно было бы зацепиться. Лекарь взмок, как мышь, но не добрался и до середины стены.

Венсан уселся посреди своей темницы, тяжело дыша.

– Эй, покажись!

Никого там нет, подумал он, пытаясь выловить из черного беззвучия хоть намек на шорох. Тот, кто столкнул его, давно отправился за начальником охраны. Скоро они вернутся, и вот тогда начнется потеха.

Венсан оскалил зубы, глядя в пустоту. Хотите поиграть?

Он не боялся ни Пьера, ни медленной смерти под насмешки врагов. Если только коварный Медведь не придумал для него более изощренный конец...

Подстегиваемый этой мыслью, Венсан быстро разделся и связал вместе штаны и рубаху. К рукаву привязал башмак и принялся кидать это подобие веревки вверх, к краю колодца в слабой надежде, что башмак зацепится за какую-нибудь канавку.

Раз за разом импровизированный крюк падал вниз, и наконец Венсан сдался. Не зацепится. Нет там ни щели, ни ямы – об этом позаботились люди, придумавшие эту темницу.

Придется ждать, когда вернется тот, кто столкнул лекаря в каменный мешок.

Он привалился к стене и закрыл глаза. Кладка леденила спину, с каждым вдохом холодный воздух врывается в легкие. Бонне прикинул, успеет ли замерзнуть насмерть до прихода Пьера и ухмыльнулся, представив лицо Медведя, опоздавшего со своей мстью.

В своих фантазиях Венсан пошел еще дальше и вообразил, как его окоченевший труп вытаскивают наверх, а там он оттаивает и начинает шевелиться – к ужасу начальника охраны и его приспешников.

Лекарь беззвучно рассмеялся. Он отлично помнил случай, приключившийся в монастыре много лет назад.

Молодой монах, отправившийся рыбачить морозным зимним утром, провалился в полынью и захлебнулся. Несколько часов тело лежало, подготовленное к погребению, а к полудню утопленник открыл глаза,

закашлялся и отрыгнул ведро воды, до смерти перепугав служку.

«Чудо! Случилось чудо!» – во всеуслышание объявил настоятель.

Зазвонили колокола, разнося радостную весть, и толпы страждущих повалили в монастырь, дабы исцелиться прикосновением святого. Монеты так и сыпались в чашку для подаяний. А уж сколько оставалось в смиренно подставленной руке настоятеля, не знал никто.

Венсан полагал, что дело обошлось без божьего вмешательства. Ледяная вода – вот что спасло молодого дурня. Бонне давно заметил, что она обладает странным воздействием на организм. Должно быть, утопленник заснул, как засыпают рыбы, положенные в лед, а потом оттаял.

Однако это объяснение вряд ли пришлось бы по душе настоятелю, и Бонне благоразумно помалкивал.

Меж тем слава ожившего монаха разносилась все дальше. Хворые валили к воскресшему, не давая ему и дня роздыха. Особенно усердствовали мужи, лишившиеся мужской силы, ибо прошел слух, что прикосновение святого возвращает ее.

Монах, вопреки ожиданиям, не только не радовался, но мрачнел на глазах. В один недобрый день, выслушав исповедь очередного блудодея, он схватился за посох и принялся лупить просителей, громогласно призывая грешных к усмирению телесного зова.

Больные с воплями разбежались. Воскрешенный же схватил топор и помчался за одним из них, на бегу убеждая несчастного пожертвовать небольшим кусочком плоти, дабы навсегда избавиться от соблазна.

Быть бы бедняге оскопленным, если б не подоспела на помощь братия. Святого скрутили, причем тот не переставал изрыгать проклятия и поносить нечестивцев. Хотели уже утащить его с глаз подальше, но тут он побагровел – и рухнул, выкрикнув напоследок непотребное слово.

Так и помер. Сколько ни ждали, что оживет, второй раз чуда уж не случилось.

...Венсан постоял на краю той самой проруби, носком ковыряя припорошенный снежком лед. Топнул – и снег взвился вверх, легкий, как голубиный пух. Хлопья становились все гуще, залепляли глаза, и вот уже лекарь стряхивает с рукавов не снег, а мелкие синевато-серые перья, слетающие с крыши голубятни.

Река, скованная льдом, растворилась в белой мгле. Его окружали стены монастыря.

Венсан шел по безжизненным коридорам, переходил из здания в здание, и заиндевелая трава во дворе хрустела под его ногами.

Когда говорят, что время сильнее всего, ошибаются. Сильнее всего одиночество, ибо только оно способно проделывать с временем удивительные фокусы: растягивать его, скручивать в узлы, выворачивать наизнанку. Но подобным действием обладает лишь истинное одиночество – то, над которым ты не властен.

По монастырским коридорам Венсан уходил все дальше в прошлое, или, вернее, прошлое вдруг стало близким, как соседняя комната за приоткрытой дверью: видны косые тени от рам, выщербинки на деревянном полу, сколотый угол стола, под которым ты прятался мальчишкой, а дальше, в полутемной глубине, угадывается корзина с дровами и чей-то силуэт...

От колыбели, приготовленной для еще не рожденного младенца, к нему с улыбкой шла жена, обнимая живот тем особенным, оберегающим жестом, по которому безошибочно узнаются беременные. Возле окна возвышался монах, тощий, как церковная свечка, с заостренным лысым черепом, и укоризненно грозил пальцем: ты влез в недоброе дело, сын мой!

Простите, святой отец, хотел сказать Венсан, но не успел: учителя уже теснила толпа. Лекарь стоял в подвале посреди загона, а красные, потные, всклокоченные люди орали, трясли кулаками, брызгали слюной: дерись, сукин сын! Вонючий потрох! Убей его, шалавино отродье!

«Вбей нос ему в харю!» – вопили они, и Венсан бил, и вбивал, и соперник падал, воя и выгибаясь на заляпанном кровью полу.

«Что ты делаешь, сын мой?!» – горестно кричит старый монах, и Венсан уже не просит прощения, а вызывающе щерится в ответ: «Делаю что могу, отче! К чему нужна наука, которую вы вколачивали в меня годами, раз я не смог спасти единственное, что было мне ценно. Так будь оно проклято, ваше умение, а вместе с ним и я! Если мне суждено сдохнуть в этих подвалах, так тому и быть».

Удар, вспышка боли. Теперь уже Венсан валяется на полу и сквозь кровавую пелену видит бледного монаха среди побагровевших рыл.

«Гордыня, – сокрушенно вздыхает старик. – Ты всегда был переполнен ею до краев. Худшие безбожники всегда выходили из стен монастырей, ты знаешь об этом, сын мой?»

Венсан не слушает. Он снова встает, бросается в драку, и лица соперников мелькают перед ним, сливаясь в одну распухшую от кровоподтеков физиономию.

Ни жалости, ни сострадания. Кто не жалеет себя, тот не пожалеет никого. Он бесконечно истязает свое тело, до такой степени, что от духа ничего не остается. Пить, жрать, спать – вот все, чего хочет бывший лекарь

Венсан Бонне.

Новый парнишка юрок и быстр, как муха, он бесстрашно бросается на мужчину вдвое крупнее себя и жалит то слева, то справа. Его выставили для потехи, и зрители одобрительно гогочут, глядя, как малец уворачивается от Венсана.

Поначалу лекарь щадит его. Но снисходительная уверенность быстро сменяется раздражением. Его злит гогот толпы, злит уверенность, написанная на морде щенка, и злят его укусы. После каждого пропущенного им удара подлец дразнится, кривляется на потребу публики. Быстро же он сообразил, что ей требуется!

На этом Венсан его и ловит. И когда дурачок, расслабившись, с идиотской улыбкой вскидывает руки в торжествующем жесте, он впечатывает кулак в его незащищенную грудь. Паренька отбрасывает назад, он хрипит, выкашливает алую слюну.

– Достаточно, сын мой!

Наставник вырос перед ним, загородив собой щенка, и толпа вокруг будто с цепи сорвалась: надывается и визжит, требуя крови. «Раздави его! Оторви ему яйца!»

– Они сожрут тебя, – кивает на них старый монах. – Уже начали. Сегодня ты изувечил мальчишку.

– Он сам напросился! – Венсан заносит кулак.

Наставник будто не замечает этого.

– А завтра ты убьешь его или похожего на него, – говорит он. – Сначала случайно, но потом – нарочно.

– Бей! – от слаженного вопля дрожат стены. – Бей!

Но Венсан медлит.

– Вернись к нам, – увещевает старик. – Ты сможешь работать при монастыре!

– После того, как я своими руками убил ее? – страшно оскаливается Бонне.

– Твои руки ни при чем, – устало говорит монах. – Ты возомнил себя богом? Решил, что жизнь и смерть подчиняются тебе? Глупец! Ты ни над чем не властен!

– Тогда зачем мне возвращаться?! – кричит Венсан, и его крик заглушает даже рычание толпы. – Зачем, раз я не могу спасти их?

Монах качает головой.

– Я уже говорил тебе. Ты никогда не спасаешь других. Что бы ты ни делал, ты всегда спасаешь только себя.

Он отступает, подбирая подол волочащейся мятой сутаны, идет вверх,

к узкому окошку под потолком и пропадает из виду. Лишь тогда Венсан, растерянно глядящий ему вслед, вспоминает, что старик умер год назад, заразившись во время эпидемии.

В узком окне, где скрылся монах, ни сияния звезды, ни темной синевы неба – лишь беспросветная чернота, словно их завалило землей в этом проклятом богом подвале, и все они давным-давно в аду, да только не догадываются об этом.

– Мы все в аду, – вслух повторяет он, и окровавленный мальчишка из последних сил рвется прочь, но слабеет и падает на колени.

В несколько шагов Венсан преодолевает разделяющее их расстояние, осторожно поднимает его и несет к лестнице. Сначала парень вырывается, затем изумленно стихает. В окне под потолком по-прежнему не видно ни зги. Толпа молчит, толпа тяжело дышит, но никто не смеет преградить им путь. До двери далеко, и больше всего Венсан боится, что, распахнув ее, окажется в этом же подвале, за которым будет бесконечная череда таких же дверей и мертвое небо в окне – небо без звезд.

Ад от рая отличается не тем, что в первом тебя ждут муки, а в другом счастье, думает он, чувствуя, как вздымается и опадает грудь мальчишки. Просто из ада нельзя выбраться. А если даже из очень паршивого места можно выбраться, то это не ад.

И когда он наконец добирается до самого верха, выбивает дверь и вываливается наружу в облаке вонючих испарений, небо обрушивается на него и швыряет в глаза пригоршни острых, как лед, звезд. От их сияния хочется зажмуриться, и Венсан смыкает веки и стоит, покачиваясь под испуганное хныканье мальчишки.

Первое, что он видит, открыв глаза, – сгнившие доски, которыми забито подвальное окно. «Мой ад был всего лишь подвалом, окно в котором заколочено гнилыми досками».

– Что ты смеешься? – хрипит мальчишка. – Мне больно!

В монастыре паренька вылечили. А месяц спустя он был зарезан в портовом кабаке, где спьяну сцепился с моряком из-за дешевой шлюхи.

Ты всегда спасаешь только себя, что бы ты ни делал, кого бы ни тащил на руках по скрипучей шаткой лестнице, над кем бы ни просиживал ночами без сна, чем бы ни жертвовал – ты всегда спасаешь только себя.

Монах добродушно засмеялся сверху, со звезд, и от его смеха Венсан проснулся...

Он по-прежнему был один.

По колодцу расплзлся сумрак. Пятно света потускнело, как затертая монета.

Тело одеревенело и отказывалось подчиняться. Мало-помалу, растирая руки и ноги, Венсан вернул им подвижность и смог выползти на середину колодца.

У него зуб на зуб не попадал от холода, а суставы ныли, как у дряхлого старца. Он с трудом заставил себя выпрямиться и зашагал по кругу, разгоняя кровь.

Итак, он проспал несколько часов. За это время даже самый медлительный слуга успел бы привести к нему Пьера.

Неужели с человеком, выследившим лекаря, на обратном пути что-то произошло? Или в замке новая беда, и Медведю не до пленника?

А может, начальник охраны просто хочет вдоволь поиздеваться над ним! К чему торопиться? Он появится завтра, когда Венсан окончательно ослабеет от холода и голода, и сполна насладится его унижением.

– Пожалуй, третье, – пробормотал Венсан.

Но сдаваться было нельзя, и лекарь все кружил, кружил, кружил, изматывая себя, пока не почувствовал, что еще немного – и упадет без сил. Тогда он лег и провалился в тяжелую дремоту.

Возвращение из забытья было мучительным. Венсан изо всех сил цеплялся за остатки сна, но холод безжалостно развеял их.

Как же хочется пить!

Венсан потрогал языком губы и сморщился, нащупав кровотокающие трещинки. Свет опять просачивался сверху – снаружи вошло солнце.

– Э-эй! – вскочив, сипло выкрикнул лекарь.

И еще немного погода:

– Есть кто?

Он ждал появления Медведя почти с надеждой, но начальник охраны не отозвался.

«Никто не придет».

Эта мысль, которую Венсан усиленно заглушал, обрушилась на него, точно съехавший с крыши снежный пласт, и погребла под собой. Некоторое время он стоял, ничего не соображая. «Никто не придет, – колотилось в голове, – никто не придет». Его бросило в холодный пот.

Никто не придет.

Он сполз по стене.

«Говоришь, не боишься смерти? – вкрадчиво спросил невидимый Пьер Рю. – О, нет! Ты не боишься быть убитым! Это разные вещи, мой дорогой

Бонне».

В этот миг Венсану открылась настоящая пропасть, в которую столкнул его Медведь.

Сидя в каменном мешке, голодный, замерзший, мучимый усиливающейся жаждой, Венсан запоздало прозрел. Начальник охраны вовсе не собирался убивать его в замке! От мертвого лекаря могли быть неприятности, но от пропавшего лекаря нет ничего, кроме пользы.

Он представил Медведя, взволнованно доносящего графу де Вержи: «Лекарь собирался отравить меня, ваша милость! Мои люди пытались схватить его, но он скрылся в подземельях».

Десять свидетелей подтвердят, что Бонне выпрыгнул из окна комнаты Пьера Рю и сбежал. И пока Венсан медленно умирает в ловушке, начальник охраны обстряпает свои дела без всяких помех.

– Ха-ха-ха!

У Венсана хватило сил рассмеяться. Святой Рохус, какой же он дурак! В подземном лабиринте его провели, как мальчишку. Медведь усыпил его бдительность, приказав небольшой группе удалиться прочь, размахивая факелами, а сам отправил за лекарем бесшумного, как кошка, воина. И тот с честью справился с заданием.

«Я буду умирать здесь мучительно и долго. Два дня? Три? На сколько меня хватит без воды?»

Венсан Бонне мало чего боялся, но сейчас его охватил страх. Похоже, фортуна напоследок отвесила ему крепкую оплеуху. Хотел умереть как герой, бесстрашно скалясь в лицо противнику? Так получи медленное угасание в сером сумраке, выедающем из тебя все человеческое.

Он не сможет даже убить себя! Здесь нет крюка, чтобы повеситься, и невозможно разбежаться, чтобы разбить голову о камень. Смерть для него уже выбрана.

– Медведь! – заорал Венсан, не в силах больше сдерживаться. – Пьер, сукин ты сын!

Подземелье отвечало насмешливым эхом.

– Иди сюда, ублюдок! Убийца!

Венсан надрывался до тех пор, пока окончательно не сорвал горло. Когда с его губ стал срываться лишь хрип, похожий на обессилевшее бормотание выжившего из ума старика, он умолк.

Святой Рохус, как же хочется пить...

Где-то над ним в кухонных подвалах повара отхлебывают молодое вино, смачно крикают, вытирают губы. Кто-то отламывает на ходу теплую хлебную корку, обмакивает в масло, оставшееся на сковороде после

жареного мяса, пропитавшееся его соками и ароматами. А потом жадно откусывает от ломтя, и сок течет прозрачной струйкой по подбородку...

Венсан облизнул губы. Черт с ним, с вином, ему хватило бы и глотка воды.

До чего близок край колодца! Кажется, разбегись получше – и достанешь. Сколько пленников до него прыгали, расшибались и снова в отчаянии бросались на неприступную стену?

Вот чем страшна его темница! Она оставляет иллюзию надежды. Будь стены выше в десять раз, он не пытался бы раз за разом вскарабкаться по ним, а смиренно принял бы свой жребий. Но их высота заставляет надеяться на спасение.

Нет ничего хуже ложной надежды.

И света, из дара оборачивающегося проклятием.

Окажись пленник в крошечной тьме – и он вскоре сойдет с ума. Темнота растворяет страдания, и сам растворяешься вслед за ними, сливаешься душой с мраком.

Но свет... свет не дает сбежать даже в глубину собственного разума. И ожидание смерти от этого стократ мучительней.

Венсан закрыл глаза, и перед ним замелькали образы людей, которых он знал когда-то. Монахи, жена, его первые больные...

Среди множества лиц выступило одно, оттеснив прочие на обочину воспоминаний. Девушка, дочь священника в Каркассоне. Та, на которую так нагло намекала совсем недавно нянюшка Коринна. Как же ее звали? Венсан забыл. В памяти осталось только, что уши у нее были маленькие, как у мышки.

Не странно ли: своими руками убить человека и помнить лишь его уши.

Нет, еще голос. Прерывающийся кашлем, слабый, как шелест листа: «Я устала. Вы моя последняя надежда, месье Бонне».

Оба они знали, что она говорит не о надежде на излечение.

Девушка могла бы протянуть в мучениях еще месяц, а то и два, но Венсан помог ей уйти ранним мартовским утром, когда солнце осторожно ступало по крышам Каркассона, оставляя подтаявшие вмятины следов. Это был хороший день, чтобы умереть. Она так и сказала ему напоследок.

Как же ее звали, эту бедную малютку?

Ему почудилось, будто тень ее колеблется на стене – тень худенькой девушки с крошечными розовыми ушками, просвечивающими на солнце, как лепестки. «Спасение всегда ближе, чем кажется, месье Бонне».

Венсан вздрогнул. Он что, задремал? И опять ему снилось что-то о спасении. Сперва старый учитель, теперь Франсуаза...

Франсуаза!

Вот как звали чахоточную бедняжку! Странно, что она приснилась ему после стольких лет, да еще и говорила во сне какие-то банальности. «Спасение всегда ближе, чем кажется»...

Венсан чуть не вскрикнул. Элесия! Он бросился к сумке, валявшейся в углу, раскрыл ее и выругался. Осколки... Конечно, флакон разбился при падении. На что он надеялся?

Ты ошиблась, Франсуаза. Никакого спасения.

А как было бы здорово выпить остатки настоя и отправиться в мир иной с улыбкой на устах. Начальник охраны был бы взбешен, узнав, что пленник ухитрился избежать той смерти, на которую его обрекли.

Обрекли?

Венсан замер, глядя перед собой невидящим взглядом. Постой... Вот же оно, спасение, прямо перед ним!

Он вытащил из сумки самый крупный осколок и попробовал пальцем острый край. Саркастическая улыбка пробежала по его потрескавшимся губам. Венсан любовно рассмотрел стекло, повернул, примерил к горлу, к венам на предплечье. Даже голод и жажда отступили на время, вытесненные злым торжеством.

Он с нажимом провел по руке и удовлетворенно кивнул, когда черная струйка побежала из-под острия.

Вот и ключ к двери, ведущей прочь из темницы. Никто не отберет у него напоследок право умереть той смертью, которую он предпочтет сам.

Смерть нас не спрашивает. Но пока ты жив, можешь выбирать.

Венсан поднялся, запрокинул голову к свету. Приложив осколок к горлу недрогнувшей рукой, он почувствовал пульсацию жилки на шее. Резануть в этом месте – сильно, быстро – и прощай замок Вержи, прощай Медведь, прощай Птичка-Николь!

Мысль о Птичке заставила его задержать руку. Будь Николь рядом, она бы пристыдила его. «Вы сидите здесь всего сутки, а уже потеряли всякую веру! – вот что сказала бы девчонка, и голос ее был бы полон возмущения и злости. – Может, думаете, вы храбрец? Вы трус!»

Он бы, конечно, попытался возразить, но с Птички стало бы кричать на него. «Да, трус, месье Бонне! Вы боитесь не своих врагов, а самого себя!»

«А ты хочешь, чтобы голод и жажда меня прикончили?»

«Они еще и не начали убивать вас! А вы уже готовы все сделать за них. Думаете, начальник охраны огорчится, увидев вас с перерезанным горлом? Плохо же вы его знаете!»

Эта мысль заставила Венсана опустить руку с зажатым в ней осколком. Он ведь и впрямь собирается выполнить работу за Медведя.

Лекарь представил себя со стороны и усмехнулся. Что он творит! Стоит в одиночестве посреди каменной ямы, готовый к смерти, и беседует с воображаемой служанкой.

– Что ж поделать, если из нее такой хороший собеседник, – вслух сказал Венсан.

Но Птичка права: рано он собрался уходить. Вдруг в замке что-то случится?

«Опять надежда? – укорил его трезвый внутренний голос. – Испанцы говорят, кто охотится за надеждой, тот ловит туман».

Значит, буду ловить туман, согласился Венсан. И слабо улыбнулся, подумав, что Николь это занятие пришлось бы по душе.

Глава 22

Трик-трак, трик-трак, трик-трак... Повозка неторопливо катилась по дороге, скрипя на ухабах. Ее тащил коренастый гнедой тяжеловоз, потряхивая на ходу спутанной гривой.

Небо на востоке светлело, розовая полоса разливалась все шире. Быстрые облака, макнувшие нижний край в восход, краснели, будто пропитанные вином, и неслись дальше, подгоняемые лихим ветром в сторону замка Вержи.

Трик-трак, трик-трак. Жирный возница, перетянутый поясом, точно бочка обручем, клевал носом под однообразную песню колес.

Трик-трак, трик-трак. Мимо желтого поля люцерны, мимо придорожной канавы с застоявшейся водой, мимо пригорка, поросшего сизым репейником... Возле лопухов конь беспокойно запрядал ушами и всхрапнул.

– Н-но! – дернулся возница. – Пшел, чертяка!

Коняга припустил быстрее, и хозяин снова задремал. Он не заметил, как из-за пригорка выскочила маленькая фигурка, догнала повозку и на ходу забралась под дерюгу, укрывавшую груз.

Дорога обогнула лес, и впереди показалась стена – словно гигантская серая змея, свившая кольцо вокруг замка. Колеса сочно зачавкали по раскисшим лужам.

– Что, подъезжаем?

Возница широко зевнул и поскреб рыхлый подбородок. Угораздило же в замке сразу двоим очокуриться! Ну да он не в обиде. Ежели кормишься с костлявой, грех пенять на нее.

– Все там будем, – философски сообщил он коню и подстегнул его вожжами: – Давай живей!

Когда тень крепости накрыла повозку, вознице показалось, что позади него что-то стукнуло. Но проверить, в чем дело, он не успел – конь уперся мордой в ворота, и сразу раздался злой крик охраны:

– Стой!

– Чего орать-то, чего орать! – проворчал толстяк. – Что я, по-вашему, на стену полезу?

– А, Клод, это ты... Извини! – примирительно сказал один из стражей, подходя ближе. – Наши все издергались. Слышал ведь, что делается.

– А как же! – возница довольно осклабился. – Потому и еду.

Тяжелые ворота медленно разошлись, открывая безлюдную площадь. Лишь в отдалении переминались с ноги на ногу двое слуг: кряжистый бородач лет сорока, сам походивший на тяжеловоза, и молодой веснушчатый парень с деревенским лицом.

Стражник проводил взглядом повозку, тронувшуюся с места.

– Хочешь полюбоваться? – подмигнул возница, заметив его интерес. – Я не против.

Мужчина отшатнулся, и плохо скрытое отвращение отразилось на лице:

– Нет уж, Клод, спасибо. Пожалуй, обойдусь!

– Зря. Когда еще увидишь работу настоящего мастера! Поди, для тебя такой не срубят.

Толстяк захохотал, довольный своей шуткой, грузно спрыгнул с повозки и перехватил удила. Беззаботно насвистывая под нос, он пересек пустую площадь и остановился перед ожидавшими его рослыми слугами.

– Здорово, ребятки! Вас, что ли, мне на подмогу отрядили?

Под сводами церкви пусто и гулко, как в пещере. Клод заглянул в приоткрытую дверь и шлепнул по морде коня, потянувшегося было за ним следом.

– Э! Тебе тут делать нечего. Или хочешь причаститься?

Он снова засмеялся, а слуги осуждающе переглянулись. Что взять с богохульника!

У Клода-Грободела паршивая репутация. Говорят, каждое полнолуние он пляшет с чертями и хлещет с ними брагу, а за ночь у него отрастает мохнатый хвост. К утру Грободел хватается за топор и отрубает его под корень, вопя от боли так, что с чертей осыпается шерсть. А хвост он бросает им, и это плата за его умение. Ведь никто не делает гробов лучше, чем Клод: легких, прочных и красивых, будто колыбелька для принцессы. Самого короля не стыдно похоронить в таком!

– Приступайте, братцы! – лениво распорядился толстяк и отошел в сторону.

– А ты что же, не поможешь? – растерянно спросил вслед молодой.

Гробовщик надулся и стал похож на рассерженного фазана.

– Хватит и того, что я сам вез их сюда! – возмутился он. – Я, Клод-мастер! Из уважения к покойной графине – упокой господь ее душу – я доставил в замок последнее пристанище для ее тела, не доверив это никому! И теперь, – он повысил голос, – ты оскорбляешь меня своими приставаниями?!

Парень уже и сам был не рад, что обратился к Клоду. Он смущенно шмыгнул и стащил дерюгу.

В повозке, обложенные сеном и тряпьем, стояли два резных дубовых гроба.

– Осторожнее, болваны, – недовольно бросил толстяк.

Кряхтя и приседая под тяжестью ноши, слуги втащили гробы в церковь.

– Вот этот тяжеловат что-то, – заметил старший, озадаченно пощипывая бороду.

– А ты как думал? – усмехнулся Клод. – Он же больше!

Слуга нахмурился. Он пытался сопоставить размеры гробов с разницей в весе, но Клод грубо прервал его размышления:

– Мне тут с вами рассусоливать некогда! Меня еще покойнички ждут, снимать мерки для последнего кафтана, хе-хе!

– Закончили мы, поезжай с богом, – отозвался бородач.

– А внутри их глянуть можно? – внезапно влез веснушчатый.

Второй слуга цыкнул на него, но Клод лишь пожал плечами:

– Ежели граф тебе за твое любопытство зенки не выколет, то попробуй.

Гробы стояли на сдвинутых скамьях и в полумраке были похожи на лодки.

– Я только одним глазком! – тихо убеждал парень. – Интересно же, сил нет! Говорят, там пухом внутри все выстелено!

– Говорят, штаны горят! – отрубил старший. – Нечего лезть куда не надо!

– И лежать там, должно быть, мягче, чем в моей постели... – не умолкал его напарник. – Ну же, давай!

Слуга с сомнением глянул в сторону двери.

– А ну как войдут?

– Да кто войдет-то? – горячо зашептал парень. – Спят все!

Не дожидаясь разрешения, он осторожно приподнял крышку ближнего гроба и присвистнул:

– Ух ты! Глянь, красота-то какая!

Крепкий подзатыльник незамедлительно обрушился на его голову.

– Сдурел? – приглушенно рявкнул старший. – Кто над гробом свистит, дубина? Вот уж наведается к тебе покойница ночью!

Будто в ответ, откуда ни возьмись, на середину церкви вылетел голубь, шумно взбивая воздух крыльями. Слуги вздрогнули и переглянулись.

– Пойдем-ка отсюда, – тихо сказал старший, которому стало не по себе. Птица исчезла, и торжественная холодная тишина церкви давила на него.

– Постой! – парень ухватил его за рукав. – Я второй открою!

– Да ты что?!

– Клянусь святым Франциском, писка не издам! Когда еще доведется такую красоту посмотреть!

Он умоляюще сложил руки, и бородач смягчился:

– Ладно уж. Только быстро!

Оба шагнули ко второму гробу, как вдруг тихий свист нарушил тишину. Поняв, откуда он доносится, старший слуга побелел, а у веснушчатого отпала челюсть. Свист понемногу нарастал, звуча на одной ноте, глуховатый и потусторонний. Крышка гроба затряслась, будто кто-то рвался из него на волю.

– Г-г-г-г... – заикаясь, пролепетал парень, отчаянно взвизгнул и бросился бежать. За ним припустил бородач, спотыкаясь и клацая зубами.

Когда топот стих, крышка гроба откинулась, и покрасневшая Николь вывалилась из него, хватая воздух ртом.

Если бы Матье или Мари увидели в этот миг Птичку, они бы вряд ли узнали маленькую служанку. Арлетт безжалостно откромсала ей кудри, оставив короткие вихры, едва прикрывавшие шею. Штаны и рубаха выглядели потертыми, но чистыми – как и должно быть у мальчишки-слуги из хорошего дома. Грудь плотно утянули, а в щеки и лоб девочки старуха втерла красного порошка, отчего кожа стала загрубевшей, как старое седло.

Отдышавшись, Николь опустила крышку гроба и мрачно улыбнулась, представив лица простаков, услышавших свист из гроба. Но они едва не обнаружили ее! Что оставалось делать?

«Арлетт похвалила бы меня».

Эта мысль наполнила ее сердце гордостью.

Церковь она покинула тем же ходом, которым бежала от людей Мортемара. Замок уже просыпался, и навстречу то и дело попадались слуги, но Николь шла уверенно и быстро, как человек, посланный по делу, и по ней скользили невидящими взглядами.

Ей страсть как хотелось заглянуть к лекарю! Но Арлетт строго-настрого запретила: слишком опасная выходка и для нее, и для самого месье Бонне. Если ее схватят, граф непременно решит, что Венсан – ее сообщник.

Ничего, утешила себя Николь, когда все закончится, я как-нибудь

выманю его из замка, и мы встретимся. Может быть, удастся даже уговорить Арлетт познакомиться с ним. Им нашлось бы, о чем поговорить! А если бы старуха согласилась показать свои книги, особенно ту, коричневую... О, месье Бонне был бы счастлив!

Размечтавшись, Николь не заметила, как вылетела из галереи в залу, где толпилась стража. Она спохватилась лишь тогда, когда до ее слуха донеслось бряцанье доспехов. Отступить было поздно, и девочка, не замедляя шага, твердо пересекла комнату.

– Эй, парень!

От резкого окрика сердце у Николь обреченно сжалось. Она выпятила челюсть, как делают мальчишки, желая казаться старше, и обернулась, исподлобья глядя на стражника.

– Твое добро, мальчуган?

Мужчина протягивал ее собственный мешочек, в котором лежал камень маркиза. Мешочек Николь этим утром своими руками привязала к поясу, чтобы в нужный миг не лезть под рубаху, а достать его быстро. Но, видно, ее так трясло в повозке Клода, что узел ослаб, и сейчас ее сокровище свалилось прямо под ноги стражнику.

Она смогла только молча кивнуть.

– Ну так забирай, – усмехнулся тот. Это был один из приближенных слуг начальника охраны, не раз встречавший Николь прежде. Но сейчас он смотрел на нее, не узнавая.

– Спасибо! – хрипло выдавила девочка, подражая мальчишескому баску.

Слуга озадаченно посмотрел вслед уходящему пареньку. Что-то царапнуло его, вот только он никак не мог сообразить, что же это было. Он сделал несколько шагов вслед, прикидывая, не догнать ли мальчика, но его отвлекли голоса.

– Пропустите меня! – дребезжал один, старческий, но пронзительный. – Пустите, я должен видеть его милость!

– Его милость занят. Что за спешка?

– Я знаю, где он может найти ведьму!

Николь пришлось завернуть за угол и прислониться к стене, чтобы переждать, пока перестанут дрожать руки.

Она была на волосок от разоблачения! Господи, как можно было потерять этот проклятый камень?!

Девочка разжала взмокшую ладонь и посмотрела на мешочек. Если она не вернет его, весь замысел псу под хвост. Скорее, пока ее не схватили!

«Тише, тише, Николь Огюстен! Не торопись. Кто слишком поспешно ходит, спотыкается даже на ровной дороге – так говорит Бернадетта, и она права».

Сунув свое сокровище за пазуху, Николь выдохнула и покинула укрытие, направляясь к северной галерее.

Вот и нужное окно! Перевалившись через край, девочка нащупала тайник. Он оказался забит какой-то тряпкой, и Николь помедлила, прежде чем спрятать камень маркиза. Что это? Неужто Матье стащил у какой-нибудь девицы платье и укрыл в потайном месте? А если он вернется за ним?

Но времени на раздумья не оставалось. Николь протолкнула мешочек подальше, надеясь, что Матье, вынимая одежду из тайника, не вывалит заодно и камень.

«Святая Дева, пусть все получится!»

Она украдкой перекрестилась и быстро пошла прочь, не оглядываясь.

– Пшел! Чертов проходимец!

Двери с грохотом распахнулись, и стражники втащили спотыкающегося старика в залу. Тот беспомощно перебирал ногами и скреб подошвами башмаков по паркету. Гуго де Вержи брезгливо поморщился:

– Зачем это здесь?

Пьер Рю выступил вперед:

– Ваша милость, он уверяет, что ему известна дорога к логову ведьмы!

Граф вздрогнул и устремил на старика пристальный взгляд.

– В самом деле? – медленно проговорил он.

Пленник слегка трепыхнулся. Повинуясь едва заметному кивку графа, стражники выпустили его. Старик рухнул на колени, не то от слабости, не то от избытка подобострастия, и пополз к хозяину замка, мелко тряся головой.

– К-к-клянусь, ваша милость!

– Встань! – отрывисто приказал Гуго. – И говори, что ты знаешь.

Старичок поднялся и тут же согнулся в раболепном поклоне перед графом де Вержи.

– Да не молчи же! – не выдержал Гуго.

Не разгибаясь, старик изогнул голову, словно гусь, и странная смесь хитрости и страха промелькнула в его водянистых глазах.

– Ваша милость, обещанное вознаграждение...

– Ты все получишь, если только не врешь!

Услышав это, старик выпрямился в полный рост.

Он оказался высок, ростом почти с Гуго, и очень тощ. Крючковатый подбородок загибался вверх так сильно, что казалось, его обладателя можно подвесить за него на ветке. Гуго де Вержи внимательнее всмотрелся в костистое лицо и нахмурился, словно пытаюсь вспомнить что-то.

– Я был у нее вчера, ваша милость, – заявил старик, упиваясь всеобщим вниманием. – Мне пришлось долго искать, я плутал и чуть не погиб, но господь был милостив ко мне. Господь всегда на стороне добра!

Он истово перекрестился.

– Ты видел ее? – подался к нему Гуго. – Видел ведьму?

– Своими собственными глазами, – подтвердил старик. – Я сказал ей, что болен, и колдунья лечила меня.

Пьер Рю подошел ближе.

– Она возложила на меня руки, – напыщенно продолжал тот, – и страх овладел мной, но я поборол его и вытерпел мучения!

– Позвольте спросить, ваша милость, – обратился начальник охраны к Гуго де Вержи, и, получив молчаливое согласие, обернулся к старику: – Ты и в самом деле был болен?

– Э-э-э... Да. – Казалось, тот несколько смутился.

– Что у тебя болело?

Старик молча ткнул в свою шею.

– И что ведьма сделала? – продолжал допытываться Медведь.

– Надавливала тут и тут, – неохотно показал тот. – Аж кости хрустели и в глазах белело. Но пришел в себя и чую – отпустило! А ведь к кому только ни ходил, каких только припарок ни пробовал. Бесовское умение в ее руках, и искоренено должно быть! – закончил он убежденно.

– Ты запомнил путь к ее дому?

– Я оставлял тайные метки, ваша милость.

Граф удержал торжествующий возглас. Радоваться преждевременно: они еще не схватили ведьму.

– Пошлите за маркизом, – приказал он. – Пьер, вели седлать коней и готовь отряд. Ты – как тебя зовут? – поедешь с нами и будешь показывать дорогу.

Старик слегка побледнел и взволнованно зашамкал губами:

– Мое имя Ансельм, ваша милость. Но... как же награда?

– Получишь, когда вернемся.

Ансельм заколебался. Глаза его забегали, он отступил на шаг, потирая вспотевшие ладони.

– Что такое? – прищурился граф. – Ты солгал мне?

– Как можно! – вскричал старик, испуганно глядя на злую морщину,

пересекающую лоб Гуго де Вержи. – Я бы не посмел! Но...

– Что?

Старик затравленно огляделся, задерживая взгляд на мечех стражи.

– Отвечай же! – повысил голос Гуго.

– Вдруг ведьма справится с вами? – выпалил Ансельм. – Не видать мне тогда обещанных денежек. А ведь я выполнил, что было велено! – плаксиво закончил он.

Вокруг раздались смешки. Один лишь начальник охраны не только не улыбнулся, но даже отчего-то вздрогнул и сделал шаг вперед, рассматривая морщинистое лицо. Губы его дрогнули, он явно собирался что-то сказать, но поймал предостерегающий взгляд графа.

– Твоя тревога вполне понятна... – протянул Гуго, и глаза его блеснули. – Не сомневайся. Получишь все, что тебе причитается!

В конюшню Николь идти не осмелилась. Вмиг узнают. Кто имеет дело с лошадьми, того провести нелегко! Но Гастон по утрам после обхода денников имел обыкновение заглядывать в пристрой, где хранилась амуниция. Здесь всегда сильно пахло кожей и телячьим жиром, которым старший конюх натирал дорогие седла, никому не доверяя это дело.

Николь не ошиблась. Когда она подошла к приоткрытой двери, до нее донеслись неторопливые шаги и равномерные звуки ударов – это старший конюх своей сухой ладонью похлопывал седла, будто добрых старых приятелей. Определенно, к сбруе дядюшка относился лучше, чем к людям.

Только бы он не вскрикнул от радости, увидев ее...

Николь бесшумно проскользнула внутрь. Гастон стоял к ней спиной, по своему обыкновению широко расставив ноги, словно для устойчивости, и на его серой рубаше под воротником расплывалось пятно пота. В детстве Николь думала, будто это вовсе и не рубаша, а заговоренная кольчуга. Потому-то дядюшка и не терпит, когда она обнимает его: боится, что Николь раскроет секрет.

Она сглотнула комок, застрявший в горле.

– Дядюшка...

Слишком тихо – он не услышал.

– Дядюшка Гастон!

Он вздрогнул и обернулся.

– Ты?!

Ужас плеснулся в его глазах, словно волна, поднятая со дна омута каким-то древним жутким существом. Ужас выморозил его черты, выбелил до снежной мертвенности лицо, превратил глаза в две черные дыры, и на

миг Николь показалось, что перед ней стоит покойник.

Она еще мысленно говорила себе, что дядя просто испугался за нее, а сама уже понимала, что это неправда. Все неправда. Ощущение чего-то непоправимого нахлынуло на нее.

– Ты должна быть мертва! – вырвалось у Гастона. – Ты должна была умереть!

Он выставил перед собой ладони, словно защищаясь.

– Дядя, это же я! – взмолилась Николь.

Он просто не узнал ее! Но сейчас морок развеется, маска упадет с лица незнакомца, и родной угрюмец Гастон снова окажется перед ней. Пусть он бранит ее, пускай даже ударит – все, что угодно, кроме немого страха в его глазах и желтых восковых ладоней, которыми он пытается закрыться от нее.

– Это я, Птичка! – жалобно повторила она и протянула к нему руки. – Я жива!

Он отшатнулся, как от ядовитой змеи.

– Нет! Ты погибла на кладбище!

– Меня спасли!

Гастон бессильно опустил на пол.

– Я так надеялся, что ты умерла...

– Как ты сказал? – бледнея, переспросила Николь. – Надеялся?

Конюх обхватил голову руками и застонал.

Если бы стена замка треснула и развалилась на глазах Николь, девочка была бы меньше поражена. Первый раз в жизни ей пришлось увидеть, как чувства, обуревавшие Гастона, прорвались наружу.

– Ты умерла, – убежденно забормотал он, закрыв глаза, – умерла, умерла, умерла...

У Николь волосы встали дыбом. Казалось, конюх ворожил, призывая к ней смерть.

– Дядюшка!

– Не называй меня так! – выкрикнул Гастон. – Я тебе не...

Хлоп!

Ладонью старший конюх крепко запечатал себе рот, но было поздно.

– Ты мне не – кто? – проговорила ошеломленная Николь.

Гастон застыл, будто громом пораженный.

– Ты мне не... дядя?!

Он молчал, глядя перед собой в пол. Только губы беззвучно шевелились.

– Кто же ты мне? – склонилась к нему Николь.

Молчание.

– Гастон!

В ответ на требовательные ноты в ее голосе старший конюх с трудом поднял голову.

– Уходи, – попросил он. Глаза его блуждали, он как будто боялся смотреть ей в лицо. – Ты должна была умереть там! Все вернулось бы на свои места.

– Что вернулось?

– Я не должен был спасать тебя! – взгляд Гастона потерял осмысленность. – Они все погибли! Но я не мог отказаться... Он приказал...

Отчаяние охватило Николь. Должно быть, дядюшка сошел с ума! Он бредит!

«А если нет?»

Первый раз в жизни Николь задумалась о том, что в истории о ее появлении в замке слишком много неувязок. Она не замечала этого прежде, слепо веря всему, что говорил Гастон. И уж совсем некстати вспомнились ей презрительные слова Венсана Бонне: «Местному люду можно втюхать любое вранье. Стоит лишь добавить щепотку выдумок про фей, духов и чертей!»

До Николь доходили слухи, которые разносила Коринна. Но сама ли нянюшка додумалась приплести к этой истории фею, или ей кто-то подсказал?

Необъяснимый страх стал растекаться внутри Николь. Словно она стояла перед запертой дверью, ведущей неведомо куда, и ключ от замка был в ее руке – но закрыть его потом не получится, как ни старайся.

«К чему тебе все эти тайны? – жалобно заныл в голове тоненький голосок. – Молчи, молчи! Не спрашивай его ни о чем! Ты же видишь, он не в себе!»

Но Николь была не из тех, кто поворачивает обратно, придя к закрытой двери.

– Кто ты мне? – собрав остатки твердости, спросила она. – Если не дядя, то кто? Отвечай!

Гастон дернулся, будто его стегнули одним из хлыстов, что во множестве были развешаны по стенам.

– Говори же! – прикрикнула Николь.

Прежде ей и в голову не пришло бы повисить на дядюшку голос. Но она нутром чувствовала, что это единственный способ добиться ответа.

– Я тебе никто! – глухо проговорил Гастон, избегая смотреть на нее. –

Я верно служил твоему отцу и не смог послушаться его. Надо было бросить тебя. А я не посмел.

Николь с силой сцепила пальцы. Значение каждого слова в отдельности доходило до нее, однако вместе они отказывались складываться во что-то, имеющее смысл. «Я верно служил твоему отцу» – что это значит?!

И вдруг Николь поняла.

– Я что, внебрачная дочь графа Гуго? – недоверчиво спросила она.

Гастон первый раз посмотрел в упор на нее. Лицо его исказилось, как если бы он хотел рассмеяться и зарыдать одновременно, рот задергался, и от этого зрелища у девочки мороз пробежал по коже.

– Ты законная дочь графа Симона, – тусклым голосом сказал он. – Симона де Вержи.

Некоторое время Николь непонимающе глядела на него сверху вниз. А потом в голове у нее что-то взорвалось. Тонкий морозный звон заполнил все вокруг, вонзился в уши ледяной иглой, оглушил и ослепил ее.

Когда он понемногу стих, Николь обнаружила себя сидящей на полу напротив Гастона.

– Это неправда, – спокойно сказала она. Вернее, пыталась сказать. Слова отчего-то остались во рту, они забивали горло влажными тряпками и мешали дышать.

Николь попыталась выдавить их по одному.

– Неправда...

– Хозяин был женат, – ровно сказал Гастон. – В браке родился ребенок, девочка. Когда Головорез ворвался в замок, мой господин приказал мне спасти младенца. Он сказал, в подземельях есть потайной ход, и объяснил, где.

– П-п-почему он сам не бежал? – запинаясь, выговорила Николь.

– Ему бы не дали уйти. К тому же граф слишком любил эту... – Конюх скривился, будто одно только имя супруги графа могло осквернить его губы, и брезгливо закончил: – эту женщину. Он не бросил бы ее.

– А ты спасся?

– Его милость отвлек убийц, а я спустился в подземелья и отыскал проход, о котором он говорил.

...В лабиринте криков и звона мечей не было слышно. Треск факела, его собственное хриплое дыхание и мяуканье младенца – вот что досталось Гастону Огюстену вместо сладостной музыки битвы. Пусть он не воин, но его судьба связана с судьбой Симона де Вержи! Он защищал бы его до

последнего и погиб, как подобает мужчине. Однако граф решил иначе...

Господи, как он ненавидел этот ноющий кусок мяса, завернутый в одеяло! С каким злым упоением расколотил бы маленькую красную голову о каменную стену, будь младенец бастардом! Но поступить так с ребенком, рожденным в освященном церковью браке, конюх не мог. Он держал на руках законную наследницу Симона де Вержи, и, отчаянно ненавидя ее, отдал бы жизнь за ее спасение.

Он едва не пропустил нужный поворот – только в последний миг спохватился, что уже отсчитал восемь ответвлений. «Поверни обратно, – нашептывал убедительный голос. – Сделай вид, что не нашел хода!»

Гастон заскрипел зубами. Почему, почему этот жребий выпал ему? Разве о спасении молил он господу каждодневно? Никогда. Лишь о том просил, чтобы жить и умереть с достоинством. И вот бежит прочь, подобно трусу, унося с собой плод чрева презренной женщины.

Он и повернул бы, поддавшись внутреннему голосу. Но младенец вдруг утих, а пламя факела вспыхнуло ярче и изогнулось вбок, настойчиво указывая путь.

Гастон больше не смел противиться. Он стиснул зубы и свернул в девятый по счету боковой проход.

Второй раз сомнения настигли конюха, когда его глазам открылся провал. «Он покажется тебе глубоким! – предупредил граф. – Не бойся, это лишь обман зрения». Может оно и так, но Гастону почудилось, что ему предстоит отправиться прямо в ад.

Но, по крайней мере, он будет там не один! Чертов младенец, виновник его постыдного спасения, окажется в кипящем котле вместе с ним. И, глухо рассмеявшись этой мысли, Гастон шагнул вниз...

– Ты всех обманул, – прошептала Николь. – Те, кто знал о семье графа Симона де Вержи, погибли в ту ночь, и тебя некому было разоблачить.

Гастон провел рукой по лбу и огляделся, только сейчас осознав, что наговорил. Господи, что он наделал! Столько лет молчания – и вдруг эта необъяснимая слабость!

Он перевел взгляд на девчонку, сидевшую перед ним – бледную, потрясенную его рассказом, – и ему стало ясно, отчего он выдал хранимую так долго тайну.

Кто-то остриг ей волосы. И сходство, которое он упорно не хотел признавать, стало явным.

Но он не мог, не желал видеть в ней черты Симона де Вержи! Он даже изменил ей имя, чтобы ничего не напоминало о том, кем она была.

В ее младенчестве он молился, чтобы ребенка одолела смертельная хворь. Когда девчонка подросла и с бесстрашием бросилась исследовать замок, он втайне надеялся на несчастный случай. Сколько раз она могла сломать шею, упав со стены! Захлебнуться в коварных водоворотах реки! Но дитя было словно заговорено от всех напастей, которые Гастон призывал на его голову.

Никто и не догадывался о том, какие муки он испытывает. Половина его существа вопила, что в девке течет дурная кровь, достойная истребления. Вторая половина требовала служить потомку рода Вержи.

– Почему ты хотел, чтобы я умерла? – шепотом спросила Николь.

Она не в силах была осмыслить и вместить в себя то, что сказал ей Гастон. Лишь малая часть, словно тонкая струйка, просачивалась в сознание: старший конюх – не ее дядя; он никогда не любил ее; он спас ее; он хотел ее смерти. Все закручивалось вокруг него, как нить вокруг веретена.

– Тебе незачем жить, – с глубокой убежденностью ответил конюх.

Он не задумался ни на миг, и это поразило Николь до глубины души.

– Почему? – она умоляюще схватила его за руку.

Гастон вздрогнул и выдернул ладонь, будто обжегшись.

– Кто ты такая? – глухо крикнул он. – Служанка? Нет. Высокородная девица? Неправда! Всего намешано в тебе, и все зря!

Девочка не выдержала и заплакала.

– Каждому свое место уготовано, – сурово продолжал конюх. – Если поменять, что случится? Худо будет, беда!

– Почему, почему беда? – плакала Николь.

Но Гастон не умел объяснить. В его картине мира судьба каждого человека была predetermined от рождения до смерти и вплетена тонкой нитью в необъятное узорчатое полотно жизни. Потяни за одну нить, свяжи ее не с ближней, а с дальней – и все полотно перекосятся, вздыбятся кривыми волнами. Когда он спас дочь хозяина и вырастил ее как свою племянницу, плетение сбилось. Нарушился узор, бывший неизменным много лет, и Гастон осознавал, что виноват в этом он сам.

– Взгляни, что происходит! – страдая, выговорил он. – Графиня убита, и дочь ее мертва. Беды только начались!

– Это не я! Не я убила! – выкрикнула Николь те слова, ради которых пришла сюда.

– Какая разница?! – яростным шепотом осадил ее Гастон. – Ты тому причиной! Все развалилось, все нарушилось! Дочь графа прислуживает собственной сестре – видано ли!

– Тогда отчего ты не раскрыл, кто я?

Лицо Гастона захлопнулось, как дверь. Глаза, в которых только что горела праведная ярость, стали безжизненными и пустыми.

– Ты дочь бесстыжей девки, недостойной называться супругой графа де Вержи. Она тоже заняла чужое место. Его милость должен был жениться на другой. Но твоя мать обворожила его, и мой господин забыл свой долг.

– Неправда!

– Она погубила его и погибла сама, – безжалостно продолжал конюх. – Ее ведьминская красота свела графа с ума! Будь моя воля...

Гастон не договорил и крепко сжал кулак.

«Ведьминская красота?»

Перед мысленным взором несчастной Николь вспыхнуло видение: лесная поляна, залитая солнцем, а на поляне девушка с волосами светлее золота, с кожей нежнее розового лепестка.

Гастон, наблюдавший за Николь, увидел, как краски схлынули с ее лица. Девчонка побелела так стремительно, что он испугался за ее жизнь, хотя сам призывал на нее погибель.

– Эй, ты что?

Николь смотрела сквозь него остановившимся взглядом. Комната, седла, Гастон – все растворилось в сиянии лучей, и соткалась из них комната с камином, в которой хозяйничала высокая смуглая старуха с растрепанной белой косой.

До этого мига жена графа Симона де Вержи и та, кого называли ведьмой Черного леса, существовали в воображении Николь отдельно друг от друга, в мирах, которые не могли сойтись никогда. Но от слов Гастона будто сдвинулись вместе два стекла с витражами, и рисунки их, сложившись вместе, стали единым целым.

– Моя мать... – онемевшими губами прошептала девочка.

– Твоя мать была убита, как и твой отец!

Николь не слышала. Арлетт, ведущая ее к Чертовой Плещи; Арлетт, привязывающая ее руку к своей; Арлетт, опускающая прохладную ладонь ей на лоб стояла перед ней, улыбаясь своей насмешливой горькой улыбкой. «Мой ребенок умер еще в колыбели. Сейчас он был бы немногим младше тебя».

«У меня есть мать».

Звон набата не мог бы оглушить Николь сильнее, чем эти четыре слова.

«Моя мать – Арлетт!»

Она вскочила. Сердце колотилось с такой силой, что, казалось, вот-вот

вырвется из груди. Гастон тоже поднялся и вглядывался в нее настороженно и с опаской.

– Эй, да что с тобой?

Николь засмеялась сквозь слезы:

– Она думала, я умерла! Она не знала, что граф успел отдать тебе ребенка!

Конюх нахмурился, не понимая, о чем она. Николь покачнулась и вынуждена была схватиться за стену, чтобы не упасть. Она задыхалась. Ее разрывало от счастья и острой, почти непереносимой боли, какой она не испытывала прежде. У нее есть мать! Скорее бежать, нет, лететь домой, к Арлетт, и кричать, и сжимать ее в объятиях, и клясться, что больше никогда не покинет ее! Они спаслись поодиночке – теперь спасутся вдвоем.

«У меня есть мать!»

Короткое рыдание вместе со смехом вырвалось из груди Николь.

«Свихнулась от счастья, что благородных кровей», – подумал Гастон и положил руку ей на плечо:

– Пойдем. Только, если есть у тебя хоть капля ума, не вздумай проболтаться графу.

– Графу?

Счастливая улыбка, блуждавшая по губам девочки, исчезла в мгновение ока. Николь отпрянула.

– Я отведу тебя к его милости, – объяснил конюх. – Может, отделаешься поркой, если вымолишь прощение.

Слезы высохли на лице Николь быстрее, чем он закончил говорить.

– Прощение? – эхом повторила она.

Темные глаза уставились на Гастона, и конюху стало не по себе.

– Ты виновата перед его милостью... – начал он, стараясь быть убедительным.

Презрение, выразившееся на лице Николь, заставило его умолкнуть. Старший конюх растерялся, что случилось с ним нечасто. Это все ее проклятые стриженные волосы! Они сбивают его с толку, усиливая в девочке черты Симона де Вержи.

Он не понимал, что с ней творится. Только что заливалась безумным смехом – и вдруг зыркает волчонком!

Не привязанный к Николь ничем, кроме чувства долга, Гастон даже представить не мог, как силен был нанесенный им удар. Все, что знала Николь о своей семье, обернулось ложью, и самую большую она придумала сама, сочинив себе любящего дядюшку.

Никакого дядюшки никогда не было. Только слуга, с нетерпением

ждавший, когда же ее смерть освободит его от данной господину клятвы. Это раздавило бы Николь, если б на руинах ее жизни не возник новый мир. Мир, в котором у нее была мать! И она готова была защищать его до конца.

Всего этого Гастон не мог не то что понять, но даже представить. Вихрь чувств, обуревавших Николь, он объяснял потрясением от тайны ее происхождения, хотя это поразило девочку меньше всего.

Старшего конюха не слишком занимало, что чувствует его воспитанница. Гастон твердо знал одно: его обязанность – выполнить приказ графа, требовавшего доставить ему Николь Огюстен живой и невредимой.

– Я говорю, пошли!

Вместо того, чтобы повиноваться, Николь с неожиданной силой оттолкнула его, и в глазах ее полыхнул гнев.

– Не смей приказывать мне! – отчеканила она.

– Что?

– Ты мне никто!

«Ты мне никто, потому что ты не любил меня и хотел моей смерти!» – вот что вкладывала в эти слова Николь.

«Ты мне никто, потому что ты лишь жалкий слуга моего отца!» – услышал Гастон.

Конюх попятился. Что-то небывалое происходило с ним. Пока Николь молчала, он видел перед собой служанку, однако стоило ей заговорить, и перед ошеломленным слугой предстала наследница графа Вержи. Гастон смутно понимал, что сам наградил ее этой властью. Но не в его силах было забрать ее.

– Ты выведешь меня из замка, – потребовала Николь. – Мне нужно вернуться.

– Куда? – не удержался конюх.

– Не твое дело. И вот еще что... – Николь быстро соображала, – мне нужна лошадь.

Гастон едва не бросился выполнять ее распоряжение. Но голос куда более властный, чем голос Николь, проник в его сознание:

«Привезти в замок Вержи девицу Николь Огюстен, живой!»

Гастон сделал шаг вперед. Требование графа Гуго важнее желаний девочки!

– Ты спрячешь меня в повозке. Слышишь?

Гастон отступил назад. Дочь Симона де Вержи хочет от него повиновения. Разве он может не подчиниться?

Николь видела, что старшему конюху плохо. Его трясло, на впалых

щеках вспыхнули два багровых пятна. Он походил на марионетку, которую дергают в разные стороны невидимые нити.

Жалость, более сильная, чем гнев, проникла в ее сердце, а следом за жалостью пришел стыд. Как она смеет так разговаривать с Гастоном!

– Дядюшка, помоги, – кротко попросила Николь. – Мне нужно выбраться отсюда. Прошу тебя!

Это была роковая ошибка. Дочь графа не просит, она приказывает. Конюх тряхнул головой, и морок спал: перед ним стояла Птичка-Николь, девочка, попытавшаяся влезть в чужую шкуру.

– Помогать тебе? – Он пошел на нее, раздув ноздри. – У тебя ум за разум зашел? Ты отправишься к его милости и будешь наказана!

Девочка отскочила в сторону.

– Нет!

– А ну иди сюда!

Гастон протянул руку, чтобы схватить ее, – и в висок ему врезалась железная дужка стремени. Конюх покачнулся, закатил глаза и свалился как подкошенный.

Николь отбросила стремя, которое схватила с крюка, и упала на колени рядом с конюхом. Он был не мертв, а всего лишь без сознания, и убедившись в этом, Николь облегченно выдохнула.

– Хвала Марии!

Она связала Гастону руки стременным ремнем и оттащила тело за дверь. Если кто и войдет, не сразу увидит его.

Но как ей теперь выбраться из замка?

Из конюшни до Николь донеслось лошадиное ржание и приглушенная перебранка. Девочка некоторое время бездумно прислушивалась, пока не осознала, что там происходит. Сердце ее учащенно забилось.

Не раздумывая, она выскочила за дверь и притаилась в тени, ожидая, пока лошадей поведут мимо.

– Ах ты ж черт кусачий!

Шлепок, ругань и грубый смех. Значит, Баламут опять прихватил кого-то из зазевавшихся конюхов на потеху всем остальным. Их там не меньше шести...

Николь, прижимавшуюся к стенке, обожгла мысль, что у нее ничего не получится, но было поздно: ворота конюшни распахнулись.

Вороной Малыш, тонконогий Жаворонок, крутобокая Виноградина, задорно помахивающая белой гривой... Они проходили мимо нее, а слева от них брели сонные конюхи, зевая на ходу. Застоявшихся лошадей вели в поля.

Николь дождалась, пока они немного отойдут, и, торопливо догнав процессию, прижалась справа к боку Баламута. Конь скосил на нее белый в прожилках глаз и недовольно фыркнул.

– А ну не шали! – приказал шедший впереди, не оборачиваясь.

Баламут шумно выдохнул. «Миленький, не выдавай!» – про себя взмолилась Николь. Стоит хоть одному из конюхов повернуть голову, и он заметит мальчишку, притершегося к коню. Тут-то ее и схватят.

Процессия пересекала нижнюю площадь, и камни звонко перекликались под копытами. До стены оставалось совсем недалеко.

Николь издали увидела, что ворота открыты, и от радости закусила губу. Значит, они не остановятся возле стражи, не будут толпиться, ругаясь и разводя подальше недовольных лошадей, пока охрана возится с тяжелыми засовами. Любая заминка для нее – это верное разоблачение. «Идем, идем без остановки, – про себя внушала девочка конюхам и коням. – Идем, идем, идем!»

– Что-то вы рановато нынче! – окликнули неподалеку.

Николь узнала этот голос, и сердце ее пропустило один удар.

– Ранняя пташка съедает самого жирного червячка! – отшутился парень, идущий первым.

– Жирный червяк этой пташке явно не впрок! – отозвалась Бернадетта.

Вокруг засмеялись: мальчишка был толст и страдал из-за своего неукротимого чревоугодия.

Старуха прошла мимо вереницы. Ветер развевал ее черную, как вороний хвост, юбку. Она мазнула по девочке взглядом, но не остановилась, лишь слегка замедлила шаг.

Николь вжала голову в плечи, боясь обернуться. Ворота все ближе, ближе... Вот уже первые лошади прошли под стеной, вот уже их копыта стучат по мосту... Скоро придет и ее черед. Там, невдалеке, стена расступается, и видна выплескивающаяся на край далекого поля волна леса, что призывно шумит, и трепещет, и зовет к себе: «Иди к Арлетт, она ждет тебя! Отныне тебе не страшна ни одна чаща, ведь хозяйка лесов – твоя мать».

Николь ускорила шаг, и вдруг споткнулась, словно налетев на преграду. Впереди, у ворот, стоял, опираясь на костыль, Жермен и болтал с одним из стражников.

Пройти мимо него незамеченной было невозможно, Николь поняла это сразу. Бежать поздно, да и некуда: позади пустая площадь. Оставалось только идти, низко наклонив голову и надеясь на чудо.

Десять шагов.

Девять.

Семь.

Краем глаза она видела, как младший конюх прищуривается, рассматривая незнакомого мальчишку, которому норовистый Баламут так спокойно позволяет идти рядом. Стражники не обратили бы на нее внимания – мало ли кого эти лентяи взяли в помощники! – но с Жерменом этот фокус не пройдет.

Шесть шагов. Она даже не успеет вскочить на коня.

– Эй, хромоногий! – так пронзительно завопили сзади, что Николь вздрогнула. Лошадь, идущая впереди, испуганно шарахнулась вбок, и едва удержавший ее парень пробормотал нелестное в адрес горластой ключницы. – Ты, ты, голубчик!

Бернадетта явно обращалась к Жермену.

Младший конюх вскинулся.

– Его милость с утра спрашивал о тебе! – с той же громкостью известила Бернадетта. – Где, говорит, этот бездельник и дармоед? А я ему говорю: возле других дармоедов ошивается!

– Его милость ускакал с отрядом час назад! – воскликнул Жермен.

– Должно быть, хотел дать распоряжения к своему возвращению, – не смутилась старуха. – Но тебе виднее, где встречать хозяина. Точи лясы и дальше, хе-хе!

Жермен не на шутку встревожился.

– Эй, стой! Что еще сказал граф?

Начисто забыв о странном мальчишке, прижимавшемся к Баламуту, конюх заковылял вслед за Бернадеттой так быстро, как только был способен.

А Николь беспрепятственно миновала ворота. Никто не окликнул ее, никто даже не пригляделся к вихрастому мальцу, отчего-то держащемуся возле коня не с той стороны. Не смея верить своей удаче, она вместе со всеми перешла через каменный мост, затылком ощущая угрозу, исходящую от нависающей позади серой громады замка.

На первом же изгибе дороги девочка нырнула в крапивные заросли. Дождавшись, когда все скроются из виду, она выбралась с другой стороны и, пригибаясь, побежала в сторону леса, на ходу расчесывая вздувающиеся розовые волдыри.

Ей удалось ускользнуть!

Обратный путь оказался долгим. Но Николь шла и шла, не чувствуя усталости. Ее переполняло неведомое прежде счастье, от которого она стала будто хмельная, и если бы попался ей по дороге случайный путник,

решил бы, что встретил помешанную. Она то смеялась, то плакала, и с губ ее лилась песня, состоящая из одного-единственного слова.

– Мама, мама, мама, мама! – пела Николь на ходу. – Мама-мама-мама-мама!

Она без конца проигрывала в воображении сцену их встречи, не видя ничего вокруг, а потому заметила неладное лишь тогда, когда ступила под своды дубравы. Николь остановилась как вкопанная, и счастье, плескавшееся в ней через край, пересохло в один миг, а на его месте разлилось предчувствие страшной беды.

Над поляной, где была лачуга Арлетт, расплзался черный дым.

Глава 23

В воздухе кружились серые хлопья и медленно, как снег, опускались на свежее пепелище. Николь ступала по теплой земле, перешагивая через обугленные бревна, обломки крыши, подернутые сединой пепла доски, в которых с трудом угадывались ставни... Кое-где струйки дыма поднимались черными змейками из-под завалов – такие места она обходила стороной.

Возле того, что было когда-то сараем, она наткнулась на козу. Немного постояла, глядя на побуревший мех, и двинулась дальше.

Ветер, налетая порывами, подкидывал золу в горсти. Серебристая пыль беззвучно оседала траурной каймой на скукожившихся от жара листьях.

Лес выцвел и потускнел, как старик, стоящий на пороге смерти. От куста жимолости, опаленного дыханием огня, остался прозрачный остов, словно призрак былого цветения и счастья. Все вокруг погрузилось в глубокое тяжелое безмолвие, которое нарушали лишь треск догорающих бревен и шаги Николь.

Арлетт она нашла за домом. Ей пришлось потратить некоторое время на то, чтобы растащить груды толстых, тяжелых обрубков, которыми было завалено тело. Некоторые из них с одного края оказались обуглены, и когда Николь закончила свою работу, ладони у нее были в саже. Девочка тщательно вытерла их о рубаху, чтобы не испачкать лицо матери, и опустилась на землю рядом с ней.

Грудь Арлетт она прикрыла, оторвав длинную полосу от ее юбки и соорудив из нее что-то вроде накидки. Это было хорошо, это было правильно, потому что Арлетт показалась ей какой-то холодной. Николь прижала мать к себе, стараясь устроить поудобнее, чтобы та видела не пожарище, а край леса, и тихо запела.

Ветер согнет траву,
Разметает стога,
Спутает волосы крошке Мари,
Сдует с крыши воробьев,
А тебя погладит,
Всего лишь погладит...

Она ласково провела ладонью по белой щеке матери, убирая выбившиеся пряди.

Ветер примчится с моря,
По дороге заглянет на вересковые холмы,
Навестит дубовые рощи,
Принесет мне подарки:
С холмов – ожерелье,
Из дубрав – корону,
А с моря лодочку,
Маленькую лодочку.

У нее затекла рука, но она боялась поменять положение, чтобы не потревожить Арлетт.

Не нужно тебе ожерелье,
И корона тебе ни к чему,
Возьми только лодочку,
Маленькую лодочку.
Садись в нее,
И ветер понесет тебя
Далеко-далеко,
Дальше вересковых холмов,
Дальше зеленых дубрав,
До самого моря,
До самого моря.

Она пела и пела, баюкая Арлетт, зажмурившись, чтобы дым не разъедал глаза, а пепел все падал и падал, заматывая их.

Пой, Птичка-Николь, пой. Пока ты поешь, время остановилось. Не зря говорят, что твои песни зачаровывают. Заколдуй себя, и эту мертвую поляну, и разоренный дом. Верни все, как было: золотые всплески солнца в волнующейся дубраве, сверкающих стрекоз, шерстяной мох под скрипучими ступеньками крыльца. Оглянись вокруг, Птичка! Видишь, что сотворил твой прекрасный голос с растерзанным сердцем леса? Вновь благоухает жимолость, сушится под навесом шалфей, Арлетт в тени дома раскладывает принесенные утром травы, отгоняя надоедливую белую козу

и с улыбкой поглядывая на тебя.

«Эй, лягушоночек! Что это ты там делаешь?»

«Баюкаю тебя, мама. Твое тело все холоднее, оно тяжелеет, мне трудно держать тебя».

«Так отпусти меня».

«Не могу. Я только нашла тебя, как же мне тебя отпустить?»

Арлетт перестает улыбаться. «Не говори мне того, что собираешься сказать, – хочет крикнуть Николь. – Не смотри на меня своими прозрачными виноградными глазами с такой жалостью! Молчи, мама, молчи, дай мне просто допеть мою песню, держа тебя на руках, пока ты не отогреешься!»

Но старуха качает головой.

«Прости, дитя мое. Смерть нас не спрашивает».

Николь вздрогнула и открыла глаза. Накидка, которую она сделала для Арлетт, сползла, открыв рану в ее груди.

Некоторое время девочка без всякого выражения смотрела на запекшиеся потеки крови, а потом дико, по-звериному взвыла и упала рядом с мертвой матерью.

* * *

– А-а-а!

Маркиз де Мортемар, схватив резной дубовый стул, с размаху ударил им об стену. Брызнули осколки дерева, а тяжелая отломившаяся ножка пролетела в опасной близости от лица Гуго де Вержи. Граф даже не поморщился.

Весь обратный путь от логова ведьмы Мортемар ехал молча, но едва войдя в залу, принялся с нечеловеческой силой крушить и ломать все, что попадалось под руку. Слуги в ужасе разбежались. В маркиза словно дьявол вселился. Он трясся и рычал, с искусанных до крови губ срывались невнятные выкрики. Разбив стулья, Мортемар одним ударом кулака проломил сиденье скамьи и схватился за край стола, намереваясь швырнуть его в окно.

Граф де Вержи отошел в сторону.

Маркиз уперся снизу ладонями в столешницу и попытался приподнять огромный стол. Гуго помнил, как в свое время шестеро слуг вносили его в залу, но даже не попытался остановить Мортемара. Он лишь молча

смотрел.

На лбу маркиза вздулись синие жилы. Страшно выкатив глаза, он издал низкий рык и одним невероятным усилием отбросил стол к стене.

Но на это ушли его последние силы. Пошатываясь, Мортемар подошел к груди расколотых стульев и грузно осел на пол.

Только тогда граф де Вержи нарушил молчание:

– Вина, ваша светлость?

Маркиз перевел дух. Не дожидаясь ответа, Гуго вышел за дверь, где стояли навтыяжку слуги, со страхом прислушиваясь к наступившей тишине.

Напившись, Мортемар смочил платок и прижал его ко лбу.

– Почему она это сделала, Гуго? – сипло спросил он.

Это были первые слова, сказанные Жаном Лораном с той минуты, когда они вскочили на коней, оставив за спиной пожарище. Граф де Вержи внимательно взглянул на него.

– Я не знаю, ваша светлость, – солгал он.

– Никто из них... Никогда... – Маркиз впервые на памяти графа выглядел потрясенным. – Почему эта?

Гуго про себя выругался, внешне сохраняя бесстрастность.

Они были так уверены в своем превосходстве! У Гуго первый раз зародились слабые сомнения, когда старуха, полоскавшая за домом белье в корыте, оторвалась от своего занятия и оглядела рассыпавшийся по поляне отряд. На старикашке, который привел их, она ненадолго задержала взгляд, но не проронила ни слова. Бывший викарий и без всяких слов вдруг взвизгнул, попятился и бросился бежать, петляя, как заяц. Гуго обернулся и незаметно кивнул начальнику охраны, державшемуся в отдалении.

Он тщетно искал страх в глазах ведьмы – и не находил. Старуха, несомненно, знала, кто перед ней. Но – он готов был поклясться в этом – она их не боялась.

Колдунья их ждала.

Тут бы ему и задуматься! Но он был слишком поглощен мыслями о камне. Победа была так близка, что все они утратили осторожность и решили, будто старуха в их власти. В руках ее не было ни посоха, ни оружия, а в то, что ведьма может остановить их силой заклинаний, Гуго не верил.

– Где девка? – крикнул Мортемар, спрыгнув с коня.

Старуха по-птичьи склонила голову набок. По сухим губам скользнула улыбка.

Жан Лоран пошел на нее – огромный, раздувшийся от ярости.

Казалось, он способен легко снести с лица земли и ведьму, и ее лачугу. Его уверенность в своем могуществе была столь заразительна, что слуги, после встречи на кладбище дрожавшие при одном только упоминании о колдунье, двинулись за ним без тени колебаний.

Он был словно орудие небес, посланное избавить мир от дьявольской силы. Он был острие меча, которым ангел расправился с чудовищем, сверкающий наконечник стрелы, готовый пронзить сосуд скверны. Рыжие волосы пламенели в лучах, словно сам господь благословил его на эту битву, возложив невидимый сияющий венец.

– Где она? – прогремел Мортемар.

– В земле, – спокойно сказала старуха, не пытаясь притворяться, будто не понимает его. – Хочешь найти ее – покопайся в брюхе могильных червей.

Жан Лоран остановился. Ведьма невозмутимо скрутила в жгут свою тряпку и выжала досуха.

– Что ты делаешь? – не удержался Гуго, подозрительно разглядывая бельё в ее руках.

– Где камень? – перебил Мортемар. – Отдай его мне, и умрешь легко.

Ведьма усмехнулась:

– Про камень можешь забыть. В реку я его бросила.

– ВРЕШЬ!

От крика у Гуго заложило уши. Лошади, привязанные к деревьям, испуганно заржали и забились, пытаясь освободиться.

Ведьма тихонько засмеялась. Она была единственной, кого не застал врасплох оглушительный рев Мортемара.

– Горло-то не содрал? – сочувственно осведомилась она. – А то ко мне лечиться приходи. Я уж с тебя много не запрошу, так и быть.

В ответ на ее смех маркиз тоже растянул губы в улыбке.

– Шутить любишь? У нас говорят: живем-то мы шутя, а умираем взаправду.

– Верно, – вздохнула старуха. – А лучше было б наоборот.

Насмешливые зеленые глаза остановились на Гуго, и в этот миг он с небывалой остротой ощутил, что они вовсе не хозяева положения. Необъяснимое чувство! За их спинами двадцать человек с обнаженными мечами, да и сам Мортемар способен легко свернуть ей шею без всякого оружия. Не станет же она отбиваться голыми руками!

– Ты спросил, что я делаю, – мягко улыбнувшись, сказала ведьма, обращаясь к нему. – Не хочу после себя грязное оставлять. Уходить надо из чистого дома.

Она помолчала и добавила спокойным голосом, лишь немного повысив его:

– И знайте: кто надругается над моим телом, тот будет проклят на веки вечные!

Солдаты начали переглядываться: от угрозы, непонятно к чему относившейся, им стало не по себе.

– Взять ее, – сухо распорядился Мортемар.

Улыбка исчезла с губ старухи, взгляд скользнул над их головами и устремился куда-то вверх, за вершины дубов, где в густую небесную синеву окунались тысячи отсвечивающих золотом листьев, словно множество крошечных солнц. Лицо ведьмы стало строгим и отрешенным, и тогда граф наконец все понял.

Он метнулся к ней, но опоздал. Из рукава ведьмы вылетело, сверкая и блестя в лучах, короткое лезвие, и этим лезвием она молниеносно ударила себя с размаха в сердце.

Сперва ничего не произошло. У Гуго даже успела зародиться безумная надежда, что это лишь очередная насмешка глумливой старухи. Но затем колдунья без единого стога рухнула на колени, постояла, качаясь из стороны в сторону, и повалилась на землю как сноп, а они стояли вокруг ее тела, онемев, не желая верить, что она так легко и просто обманула их и сбежала туда, откуда уже не даст им ответа ни на один вопрос.

Живем мы шутя, а умираем взаправду. Но старуха своей смертью сыграла над ними такую злую шутку, какую вряд ли доводилось ей выкидывать при жизни.

Конечно, они перевернули все в поисках камня. Мортемар сорвал с петель дверь, расшвырял полки, обнюхал каждую щелочку в стенах. Он своими руками вспорол брюхо несчастной козе и рылся в ее внутренностях, когда кто-то из слуг робко напомнил, что ведьмы обладают умением скрывать клады в живых зверях.

Все напрасно.

– Ты знаешь!

Гуго де Вержи вздрогнул. Он глубоко погрузился в свои мысли и не сразу смог перенестись из лесного пожарища в разгромленную залу.

– Простите, ваша светлость?

– Ты знаешь, почему она убила себя, – убежденно повторил Жан Лоран. Он понемногу приходил в себя, и к нему возвращалось его звериное чутье, отказавшее при встрече с ведьмой. – Говори!

Гуго вздохнул и покорился неизбежному.

– Старуха защищала девчонку, ваша светлость, – нехотя сказал он. –
Пытками мы бы выбили из нее всю правду. Она боялась, что не сможет
хранить молчание.

– Ты хочешь сказать... – Мортемар даже привстал, – она солгала, и
девка жива?

– Я не вижу другого объяснения.

– Но это означает...

Мортемар замолчал. Гуго догадывался, что, когда мысль Жана Лорана
проделает тот же путь, что и его собственная, маркиз захочет разбить что-
нибудь еще, а единственным, что осталось неповрежденным в
изуродованной зале, является он сам, Гуго де Вержи.

– Она вернется! – заключил Мортемар.

Он выпрямился, багровея на глазах, схватил Гуго за грудки и поднял с
такой легкостью, словно граф был куклой:

– Ты слышишь?! Девка вернется туда, увидит труп и скроется!
Навсегда!

С каждым словом он встряхивал его, точно пустой мешок. Граф
пытался что-то сказать, но Мортемар не слушал.

– Новолуние уже послезавтра! – ревел он. – А мы упустили
последнюю возможность поймать ее!

– Ваша светлость...

– Кронос и Марс соединятся! Раз в двадцать лет!

– Выслушайте, ваша светлость...

– Осталось всего два дня!

– Там мои люди! – заорал в лицо маркизу потерявший терпение Гуго.

Мортемар разжал пальцы, и граф едва устоял на ногах.

– На поляне устроена засада, – уже спокойнее повторил Гуго де
Вержи. – Трое моих лучших людей дожидаются ее возвращения. Если
Птичка появится, они ее схватят.

Маркиз перевел дух и отступил от Гуго на несколько шагов.

– Почему мне не сказал? – хмуро спросил он, и граф понял, что худшее
позади.

– Вы бы пожелали остаться.

– И что же? – нахмурился Мортемар.

Гуго не стал прибегать к льстивым уловкам, он слишком устал для
этого.

– От вас было бы больше вреда, чем пользы, ваша светлость.

Маркиз кивнул и скользнул рассеянным взглядом по комнате,
напоминавшей поле битвы великанов. Гуго знал, о чем думает Жан Лоран.

Пройдет сегодняшний день, от которого осталась всего треть, истечет завтрашний – и грядет час, которого они так долго ждали. Но без камня сход двух великих планет останется для них лишь редким астрономическим событием, которое никак не отразится на их собственных судьбах.

Впрочем, нет. Если их ждет неудача, они либо канут в безвестность, либо бесславно закончат свои дни на плахе после того, как королевский судья зачитает приговор. Неизвестно, что хуже.

Жан Лоран отлично понимает это, а значит, от него можно ожидать только новых вспышек бешенства. Маркиз в гневе неудержим. «Господь всемогущий, остановись! – взмолился Гуго. – Ты слишком много обрушил на меня. Смерть Алисы и Элен, крушение надежд... И в довершение ты посылаешь мне еще одну неослабную тревогу».

Но оказалось, что Гуго недооценил маркиза де Мортемара.

– Два дня, – протянул Жан Лоран. – И мы упустили ведьму. Единственная нить к девке...

Он задумчиво погладил ладонью гладкий подбородок.

– Знаешь, Гуго, у испанских моряков есть одна молитва. Перед долгим плаванием они говорят: «Пусть меня бог спасет от тихих вод, а с бурными я и сам справлюсь». Мы долго плыли с тобой, мой друг, и наше плавание подходит к концу. Берег ли там или скалы, нам неизвестно. Но воды бурлят, а это значит, что бог все еще на нашей стороне.

Он усмехнулся, похлопал опешившего Гуго по плечу и направился к опрокинутому столу, намереваясь вернуть его на место.

Не позволив Мортемару остаться в засаде возле пепелища, Гуго де Вержи совершил огромную ошибку. Маркиз не боялся ведьм и умел вселять бесстрашие в испуганные сердца одним своим видом. Но слуги, которым граф приказал караулить в лесу, не были ни храбрецами, ни фанатиками. Они были обычными людьми, и когда исчез воодушевлявший их пример, страх вернулся.

Его усиливала близость ведьмы.

Тело ее лежало под завалами хвороста и поленьев, приготовленных для костра по требованию Мортемара, возжелавшего сжечь труп колдуньи. Слуги живо натаскали сухих ветвей и приволокли упавшие стволы, но вот беда: огонь отказывался разгораться. Сколько ни раздували, пламя неохотно вспыхивало, облизывало желтые можжевеловые иглы и затихало, как раненый зверек.

Тогда срубили несколько деревьев, решив, что они-то уж наверняка не

пропитаны сыростью земли. Мортемар лично высек искру и подпалил безжизненную дубовую ветку с хрустящими коричневыми листьями. Листья затрещали, занялись, огонь охотно пробежал по коре... Но стоило подсунуть ветку под сложенные поленья, он взвился синим, зашипел и сник.

«Отсырело!» – заявил граф де Вержи. Все остальные промолчали, отведя глаза. Оно конечно, ночью дождь прошел... Да только день давно перевалил за середину, а солнце шпарит так, что лес, того гляди, сам загорится.

А главное – хибару-то ведьминскую спалили! Его светлость так усердствовал, поджигая дом со всех сторон, что кое-кто тайком перекрестился: ох, не случилось бы пожара! Вон какие дубы невиданные высятся со всех сторон, такой займется – не потушишь! Пойдет гулять по лесу красный язык – всех подьест: и деревья, и зверей, и людей заодно.

Однако поляна оказалась заговоренной. Стоило разбушевавшемуся огню пересечь невидимую черту между лачугой и лесом, как он сам собою утих, рассыпался искрами в траве и только злобно сверкал оттуда красными угольками. Жутковатое зрелище, будто кто остановил его.

В конце концов маркиз де Мортемар ускакал, приказав напоследок сжечь тело ведьмы, даже если для этого потребуется перевести на костер весь проклятый лес. Слуги хором ответили «да, ваша светлость!». Однако стоило утихнуть топоту копыт, как старший бросил короткий взгляд в сторону мертвой колдуньи, чья окровавленная рубашка белела под завалами веток.

Кто надругается над ее телом, тот будет проклят! Все это слышали.

– Что его светлости-то скажем? – приглушенно спросил он.

– Что все сделали, как он велел, – после недолгого молчания ответил один из его товарищей.

И остальные молча кивнули. Верно, так и надо поступить. Кому охота, чтоб тебя прокляла колдунья Черного леса!

Трое мужчин, которым Гуго де Вержи приказал схватить Птичку любой ценой, засели в лесу, украдкой поглядывая в сторону, где был сложен погребальный костер для ведьмы. В это время Николь Огюстен шла по мосту, прячась за мощную шею коня Баламута.

Слугам предстояло рассредоточиться, как велел граф. Перекрыть подходы с трех сторон, чтобы заметить беглянку, откуда бы она ни появилась. Но чем дольше они сидели рядом, тем меньше им хотелось отходить друг от друга.

– Втроем-то помирать веселее, – натужно пошутил один и по тому, как широко и готовно заулыбались его товарищи, понял, что им тоже не по себе.

Долгое время вокруг них ничего не происходило. Не шелестела листва, даже беличий хвост ни разу не мелькнул в переплетении ветвей. «Видать, зверь пожара испугался», – говорили друг другу люди, и снова и снова повторяли одно и то же, пока сами не ощутили бессилие своих слов. Тогда они замолчали.

– Не объявится девка, – в сердцах шепнул один, когда тишина стала совсем невыносимой. – Что она, дура?

– Гарью несет аж до Божани, – поддержал второй.

Третий промолчал. Он хотел лишь одного: как можно дальше оказаться от этого места, и пропади она пропадом, обещанная награда. Того гляди, Черный ручей выберется из-под земли, а его монетами не задобришь.

Молчание все сильнее тяготило их. Но стоило кому-то произнести вслух ничего не значащее слово, как остальные вздрогнули: теперь звук испугал их еще сильнее. Не охотниками, посланными подстеречь жертву, а зверями ощутили они себя, не знающими, откуда придет опасность.

Не осознавая, что делают, они прижались друг к другу спинами, тревожно всматриваясь в глубину леса. В это время Николь Огюстен вступила под своды дубравы в одном лье от них.

– Что это там?

От почти беззвучного вопроса двое слуг вздрогнули, как от удара кнутом.

– Где?

– Что ты видишь?

– Чш-ш! Там...

Сперва ничего не происходило, как вдруг из-за дерева вышел черный пес. Постоял, глядя на людей, прижавшихся друг к другу, и сделал шаг в их сторону.

– Ведьма! – выдохнул кто-то, не в силах больше сдерживаться, и словно дождавшись условного сигнала, все трое вскочили и бросились бежать, оглядываясь на оборотня.

Николь Огюстен вышла с противоположной стороны на поляну.

Черный пес некоторое время следовал за беглецами, держась в отдалении. Но каждый раз, оборачиваясь, они видели его и мчались дальше, охваченные страхом, над которым граф де Вержи оказался не властен.

Николь пришла в себя оттого, что в лицо ей ткнулось что-то мокрое. Она открыла глаза и увидела над собой собачью морду.

– Баргест!

Девочка с трудом поднялась, вцепившись в загривок пса. По тлеющим останкам дома расползались мягкие вечерние тени. Мертвая Арлетт лежала на земле у ее ног.

– Как ты мог выжить? – задыхаясь, спросила Николь. – Почему не защитил ее?

Пес вопросительно взглянул на нее. Но крик одноглазой Бернадетты отозвался в ее ушах, а за ним – слова, услышанные от Жермена перед тем, как она сбежала из замка.

«Его милость ускакал с отрядом час назад».

Пока она брела через лес, Гуго де Вержи добрался до лачуги Арлетт, и ничто не остановило его.

В приступе озарения Николь поняла, что никакое колдовство не хранило это место от чужих взглядов, никого не сбивало с пути. Мстительный дворянчик, про которого рассказывала Арлетт, не нашел ее лишь потому, что охотники водили его кругами. Кто по доброй воле выдаст единственную знахарку? Сегодня ты обречешь ее на смерть, а завтра жена твоя скончается родами, а тебя самого изведет болезнь.

Они просто-напросто обманули глупца. А Арлетт обманулась сама, решив, что дом колдуньи заговорен.

«Ох, мама! Ты верила в силу ведьмы, той, настоящей, а она просто исчезла, забрав у тебя то, что ей было нужно. Она не собиралась оберегать свое прежнее убежище. Тебя хранило не ее колдовство, а твоя собственная сила. Слишком многим ты помогла, вот никто и не выдавал тебя».

Пес заскребся лапой в траве рядом с откинутой в сторону рукой Арлетт. Николь наклонилась и подняла с земли испачканный в крови нож.

Она узнала его сразу, и вся картина случившегося открылась ее внутреннему взору, обострившемуся от потрясения. Она осознала, что граф и маркиз забрали бы колдунью с собой и мучили до тех пор, пока она не выдала бы им все тайны. Арлетт понимала это. Потому и предпочла смерть от собственной руки.

Наверное, она услышала топот приближающегося отряда слишком поздно. Должно быть, ей до последнего верилось в силу лесных чар, которые отведут от нее беду, а когда она поняла, что этого не произойдет,

бежать было уже некуда.

– Ты успела только прогнать собаку, – прошептала Николь.

Конечно, Арлетт сделала это сама, иначе Баргест лежал бы сейчас рядом с ее телом. Но почему?

Николь повернула голову и наткнулась на умный взгляд желтых глаз.

«Она хотела, чтобы я не осталась одна».

Николь обняла пса, прижалась к нему, и судорога сухих, мучительных рыданий без слез скрутила ее.

– Будь ты проклят, Гуго де Вержи! И тот, кто привел его сюда!

Она вдруг вцепилась в Баргеста. Пес дернулся от боли и недоумевающе взглянул на нее.

– Привел? – повторила Николь. – Постой, постой...

Перед ее воспаленными глазами встал старик-викарий, скрючившийся на крыльце. Из горла Николь вырвался невнятный хрип. Она вскочила и заметалась по поляне, расшвыривая горелые доски.

То, что она искала, нашлось неподалеку от потайной землянки: дырявая шляпа с прорехами в подкладке. Николь с силой скомкала ее в руке – она вспомнила, чей голос слышала в замке, когда едва не потеряла камень. Теперь у нее не осталось сомнений, кто выдал ведьму.

– Баргест! Ищи!

Пес принялся к шляпе, которую ему сунули под нос, и закружил по поляне. Его сбивал с толку запах дыма и смерти, пару раз он возвращался к козе, от которой несло кровью, и потерянно ложился рядом, но в конце концов его чуткие ноздри нащупали тонкую ниточку, уводящую в лес. Короткий лай известил Николь, что Баргест взял след.

Девочка бросилась за ним, но на полпути вернулась.

Она подняла нож, которым Арлетт убила себя, обтерла об рубаху и сунула за пояс. Опустившись на колени возле матери, Николь прижалась губами к ледяному лбу и сидела так, пока Баргест не заскулил за ее спиной. Тогда она поднялась и принялась стаскивать в кучу разбросанные поленья.

Когда погребальный костер был готов, Николь дотащила до него Арлетт. Тлеющие угли нашлись на месте сгоревшего сарая. Девочка раздула их и подожгла ветку, которую донесла до своего костра.

Занялось сразу и сильно. Пламя пробежало по золотистому дереву, рассыпалось бесчисленными огоньками на поленьях – и взметнулось вверх освобожденно и радостно.

Когда огонь подобрался к белым волосам Арлетт, Николь этого уже не видела. Она бежала за псом, ведущим ее по следу викария, и отблески иного пламени горели в ее глазах.

Глава 24

У старого Ансельма руки ходили ходуном, а нижняя челюсть непроизвольно клацала, будто черти развлекались, дергая ее за ниточки. Он уже и выпил для храбрости, и трижды проверил, задвинуты ли засовы, а трясушка не проходила. Хуже того, ему вдруг ни с того ни с сего пригрезилось, будто в животе у него сидит крошечный Ансельм, как ребенок в чреве матери, и колотится-бьется в ужасе, пытаясь выбраться наружу.

Тьфу, проклятая брага! Что только ни привидится с нее!

Викарий истоиво перекрестился. «Господи, обрати свой взор на жалкого червя у твоих ног, подскажи, как спастись!»

Вместо господнего гласа ехидный внутренний голос отозвался внутри него: «Не спастись тебе, дурень. Зря ты выдал ведьму графу де Вержи!»

Ансельм покаянно склонил голову. Что правда, то правда. Но ведь и сотня ливров на дороге не валяется! Он и решил, что награда – это перст господень, указующий: иди, мол, Ансельм, и приведи на мой суд грязную ведьму, погубившую невесть сколько душ, а заодно обогатись. Попутно и шею исцелил, а то уж собирался в петлю лезть от невыносимых мук.

Совесть не терзала старого викария, поскольку он понимал: добро приходит в этот мир разными путями, в том числе и через негодных людей. Не ведьма вылечила его, а сам господь!

– И дырявой сетью можно вытащить вкусную рыбу! – нравоучительно произнес Ансельм, сохранивший с давних времен привычку разговаривать с невидимыми слушателями. – Значит ли это, что можно не штопать дырявых сетей? Вовсе нет! В другой раз провидение пошлет тебе еще больше рыбы за твое старание!

«В другой раз провидение пошлет тебе смерть», – гнусаво проблеял тот же подлый голосок.

– Перехитрю! – взвизгнул Ансельм. – Уеду! Сбегу!

«Так поторопись», – посоветовал мысленный собеседник.

Но викарий и без его советов уже кидал свое тряпье без разбору по открытым мешкам. На рассвете погрузится в подводку – и только и видали хитроумного Ансельма. Всех провел, господу угодил, исцелился да еще и при деньгах остался!

Он всех переживет!

Старик погрозил кулаком в сторону замка Вержи и согнулся над

мешками. За дверью, ведущей в соседнюю комнату, что-то негромко лязгнуло. Ансельм вскинул голову, прислушался, но звук не повторился.

– Почудилось... – пробормотал он.

«А может, и нет», – хихикнул голос. В животе старика что-то нехорошо булькнуло и съежилось, будто маленький Ансельм застыл внутри от страха.

Викарий попятился к печи и схватил кочергу. Вытянув шею, он ждал, не появится ли кто в дверях. Но время шло, а в комнате было тихо.

– Врешь! – удовлетворенно припечатал викарий.

Внутренний голос молчал, устыдившись.

Но на всякий случай, чтобы показать, что он не убоился ни своих, ни чужих демонов, Ансельм на цыпочках подкрался к соседней комнате, занес кочергу и распахнул дверь.

Стоявший за ней человек ткнул его ножом в незащищенный живот прежде, чем викарий успел взмахнуть своим орудием – раз, другой, третий – и старик, повалившись на пол, почувствовал, как сучит ножками и издыхает в его нутре тот, другой, который знал все заранее.

Убийца шагнул в сторону, подальше от растекающейся лужи крови, и, не обращая внимания на старика, обыскал комнату. Когда он вспорол подушку и потряс ее, из кучи пуха посыпались монеты. Пересчитав их, человек удовлетворенно улыбнулся, ссыпал в мешочек на поясе и, не таясь, вышел из дома викария.

Ансельм умирал. Боль, острыми когтями исполозовавшая его внутренности, понемногу стихала, но вместе с ней он терял свое тело. Сперва куда-то делись ноги, и только взгляд, брошенный на них, подсказал, что они еще на месте. Затем отнялась правая рука. Перед глазами повисла мутная пелена, и сквозь нее, как сквозь туман, проступили незнакомые черты.

Ансельм отчаянно заморгал, пытаясь разглядеть явившегося ему ангела.

У ангела оказались огромные горящие темные глаза и застывшее как маска лицо, все в багровых и черных разводах. Если бы викарий не был уверен в своей безгрешности, подумал бы, что перед ним посланник ада, и на коже его – кровь и сажа.

– Кто тебя убил? – спросил ангел.

– Медведь... – простонал старик.

Ангел покачал головой. Он ему не верил.

– Пьер Рю... начальник охраны, – с трудом объяснил викарий.

Ангел нахмурился.

– За что?

Ансельм не посмел лгать перед лицом вестника небес.

– Он меня узнал. – Слова получались тихими, как шелест от падения листа, и ангел склонился к нему. – Тогда... В ночь смерти Симона де Вержи... Это я открыл ворота.

В темных глазах что-то вспыхнуло.

– Что ты сказал?

– Я открыл, – с усилием повторил Ансельм. – Он дал мне денег и настоек, чтобы опохмелить стражу.

Ангел отшатнулся.

– Это сделал Пьер Рю? Напал на замок?

Викарий ощутил, что холод подбирается к его подбородку.

– Это сделал Гуго де Вержи, – выдавил он. – Пьер только служил ему... Головорез – это Гуго.

– Но почему?! – ангел почти кричал. – Зачем?

– Я не знаю, – шепнул Ансельм.

Он лишь впустил их, и все. Какая ему разница, отчего младший брат хочет расправиться со старшим! Им держать ответ перед господом, не ему.

Тогда викарию хватило ума исчезнуть сразу после резни, но всю жизнь он страшился, что граф де Вержи, по слухам, благополучно правивший в доставшемся ему замке, отыщет его и прикончит. Ведь Ансельм видел его лицо, когда маска разбойника сползла, и слышал голоса, из которых один был ему хорошо знаком. Граф был захвачен битвой и не отдал приказа преследовать его, но Ансельм хорошо запомнил взгляд, которым проводил его Гуго де Вержи.

Разве мог он подумать, что граф узнает его полтора десятка лет спустя! Что скрывать, Ансельм опасался этого, но в споре жадности с трусостью первая победила. Сотня ливров! Он убедил себя, что за прошедшие годы изменился до неузнаваемости, а у графа не настолько хорошая память, чтобы помнить какого-то викария, подкупленного его слугой.

Пелена перед глазами Ансельма стала сгущаться, и он нащупал руку ангела. Тот попытался отдернуть ее, но старик держал крепко.

– Отпусти мне грехи! Я умираю!

Ангел ответил не сразу.

– Ты признался не во всем, – медленно проговорил он.

– Я чист...

– Ты признался не во всем! – выкрикнул ангел ему в лицо.

И тогда Ансельм вспомнил.

– Я рассказал Гуго де Вержи о венчании его брата, – из последних сил выдохнул он. – Граф Симон женился втайне. Я поклялся никому ничего не говорить... Но нарушил клятву.

Ангел так долго молчал, что туман заволок все перед глазами Ансельма. Теперь старик скорее угадывал, чем видел его черты.

– Ты рассказал про женитьбу графа де Вержи, надеясь раздобыть у его младшего брата денег, – безжизненно сказал ангел. – А после продал Симона еще раз.

У Ансельма не было сил кивнуть. Да, все правда. Гуго щедро отблагодарил его за удивительное известие, а чуть позже в дом викария явился Пьер Рю... с еще более великодушным предложением. Но ведь Ансельм не сделал ничего дурного. Никого не убил, не обманул!

– Отпусти... мне... грехи... – едва шевеля губами, напомнил он.

Ему показалось, что ангел засмеялся. Но то был очень странный смех.

– Как ее звали? – раздельно спросил он. – Как звали жену графа Симона де Вержи?

Ансельм молчал. Это было так давно...

Его грубо тряхнули, и он застонал от боли.

– Отвечай!

В глазах склонившегося к нему ангела викарию почудились отблески костра, и от страха память вернулась.

– Гвиневер! – прохрипел он. – Ее звали Гвиневер!

Ангел выпустил его. Викарий ударился головой об пол, и туман внезапно рассеялся. Теперь Ансельм, к своему ужасу, явственно увидел, что лицо божьего посланника и впрямь испачкано в земле, саже и крови.

– Будь ты проклят, предатель! – устало сказал ангел и исчез, а на его месте возник черный как ночь пес с горящими желтыми глазами.

Викарий попытался кричать, но язык больше не повиновался ему, и тогда пес торжествующе оскалится, и зарычал, и схватил его, и уволок Ансельма, сына Бодуйена, напрямиком в ад.

Баргест давно уже поскуливал, то и дело подходил к дверям и всем своим видом убеждал Николь, что надо бы уйти из этого нехорошего дома, хозяин которого лежит на боку и с каким-то обиженным выражением смотрит в потолок. Но Николь не отзывалась. Она сидела, прислонившись к стене. Взгляд ее был прикован не к покойнику, а к темной луже на полу, в которую белоснежными хлопьями оседал пух из распоротой кем-то подушки.

Он тоже был похож на снег.

Николь оледенела. Она не чувствовала ни удовлетворения, ни радости от гибели викария. Не ее рука нанесла смертельный удар.

Ей вспомнилось, как Арлетт сказала о старике: «Пустой он стал». Нет, мама, он всегда был пустой. И не господь хранил его, а дьявол. Есть люди, которых оберегает нечистый, но ты всегда узнаешь об этом слишком поздно – после того, как они выполняют его волю.

«Если бы она не взялась лечить его, то сейчас была бы жива».

Баргест скулил все настойчивее, подбегал к ней, принимался, и Николь наконец сообразила, чего он хочет. Среди припасов викария ей удалось отыскать несколько хлебных лепешек и засохший сыр. Посмотрев, с какой жадностью несчастный пес накинулся на еду, Николь заставила себя выпить немного воды.

Из разбитого окна ей был виден овраг на окраине деревни. День понемногу утекал из него, как молоко из опрокинутой чашки, на склонах неторопливо рассаживались вечерние тени. Но небеса были еще светлы, и черный силуэт замка Вержи вдалеке выделялся четко, будто вырезанный ножницами в мягком голубом шелке.

Всего за один день все перевернулось, отразилось, будто в зеркале, да не простым, а гномьем, искажающем до неузнаваемости. Где злая колдунья, которой пугают непослушных детей? Где добродушный викарий, старичок с доверчивым детским взглядом? Вместо колдуньи – состарившаяся в одночасье красавица, так и не узнавшая правды о своем ребенке, вместо старичка – предатель, обрекший на смерть сперва владельца замка, а годы спустя – его жену.

Но зло и в самом деле живет в Вержи, только скрывается оно не в лесу, за кладбищем Левен, а под каменными сводами замка. Гуго де Вержи – Головорез, убийца родного брата. «Он и Элен убил, – подумала Николь. – И Алису».

Из-за него погибла ее мать.

Она вытащила из-за пояса нож, который подобрала возле тела Арлетт и которым намеревалась убить викария. По лезвию скользнул блик, будто нож подмигнул ей. Хороший нож всегда жаждет крови...

А она? Чего хочет она?

Гастон воспитывал ее в благоговении перед графом и его семьей. Николь оказалась хорошей ученицей. Даже когда Элен столкнула ее со стены, девочка винила только себя. Если господин хочет тебя убить, значит, ты разгневал его! Ты виноват, не он!

Старший конюх мог бы гордиться: семена, посеянные им, дали обильные всходы.

Но прошедший день перекроил ее, точно портной, безжалостно распоровший старое платье и сшивший его заново. Покорность, воспитанная годами службы, растаяла бесследно. Но не потому, что девочка ощутила себя ровней графу и его дочерям, а потому, что она всей душой чувствовала родство с погибшей женщиной. Не дочь убитых Симона и Гвиневер появилась на свет в этот день, но дочь колдуньи Арлетт, ведьмы Черного леса.

«Я хочу, чтобы Гуго де Вержи умер. И Жан Лоран де Мортемар тоже».

Николь щелкнула лезвием и тяжело взглянула на Баргеста, лениво догрызавшего хлебную корку.

– Они больше не должны жить, – со странной уверенностью в голосе сказала она.

Пес оторвался от своего занятия и вопросительно взглянул на нее.

– Доедай. Нас ждет долгая дорога.

Николь сунула за пазуху черствый хлеб, отыскала среди вещей викария еще один нож и прицепила его на пояс. Она собиралась с отрешенным спокойствием, двигаясь немного медленнее, чем обычно. Руки сами выполняли привычные движения, будто и не она управляла собственным телом. Ноги перемещали ее по комнатам, глаза смотрели, уши слышали. А сердце исправно стучало, и не было в нем ничего: ни боли, ни ненависти, ни отчаяния, ни даже любви. Оно билось лишь затем, чтобы Николь оставалась жива и могла выполнить свое дело.

Если бы Венсан Бонне увидел девочку, он пришел бы в ужас. Ему приходилось сталкиваться с тем, что у людей, пораженных сильным горем, взгляд пустеет и обращается куда-то внутрь себя, и всегда это заканчивалось плохо, если не вмешивался хороший врачеватель. Среди его средств были такие, от которых несчастный оттаивал и начинал ощущать свою беду еще острее. Вот они-то и помогали, а вовсе не те, что притупляли чувства и мысли. Рана, омытая слезами, заживала быстрее, чем та, которую прятали в глубину души.

Но Венсан Бонне сидел в подземелье Вержи и сам помышлял о смерти. Он не мог ни остановить Николь, ни помочь ей.

Ворота внешней стены распахнулись в последний раз на закате. Солнце оплывало как кусок масла, оставленный на жаре, и когда оно почти истаяло, из замка вышли два человека в сутанах.

Перед мостом их ждала повозка, в которой святые отцы приехали из Божани. Спешно доставить их повелел Гуго де Вержи. Едва стало известно, что ведьма Черного леса мертва, люди пришли в смятение.

Колдуньи боялись, но она казалась неотъемлемой частью жизни, как река или лес, и ее гибель повергла всех в трепет.

«Ждите беды!» – поползли первые шепотки. «Черный ручей вот-вот забьет из-под земли!» – предрекали люди. «Ведьму нельзя убить! Она вернется в другом облике и отомстит!» Женщины плакали и прятали детей на чердаках, старухи истово молились.

Чтобы остановить панику, Гуго де Вержи приказал доставить из Божани двух священников в помощь отцу Годфри. Втроем они освятили замок, едва успев до захода солнца.

Каждый из святых отцов выполнил то, зачем его призвали, но про себя все трое полагали, что смерть ведьмы случилась очень невовремя. Завтра двойные похороны, тела Элен и Алисы де Вержи наконец-то опустят в землю. Об упокоении их душ должны молиться подданные графа, а не о том, чтобы избежать гнева дьявольской силы.

Но подобные мысли священники благоразумно держали при себе.

Перед воротами толпился народ, подтянувшийся со всей округи, а то и из более дальних мест: странствующие монахи, нищие, калеки... Все они явились, чтобы принять участие в похоронной процессии. Чем больше людей проводит усопших, тем лучше, к тому же по традиции граф Вержи, лишившийся жены и дочери, должен будет раздать вдвое больше милостыни, чем обычно. Всю ночь в пекарнях замка будут подходить ароматные хлеба. А кому не достанется еды, тот получит монету. Главное – не зевать, тогда не останешься без добычи.

Стража не пускала никого из пришлых людей за ворота, но граф распорядился вынести дров для костров и соломы, чтобы обустроить лежанки. Странники возились, разбивались на кучки, готовясь провести эту ночь под стенами замка.

Оба священника на ходу перекрестили калеку, доковылявшего до них первым. Старший уже садился в повозку, как вдруг случилось неожиданное: черный как гадюка пес выскочил из кустов и вцепился в ногу отцу Годфри, провожавшему отъезжающих. Тот заверещал точно раненый заяц, подпрыгнул, и в зубах у дрянного пса остался кусок сутаны.

– Отродье дьявола! Изыди! – Второй священник взмахнул палкой и чудом не попал по укушенному. Пес с брезгливым видом выплюнул сутану и залаял, пятась к кустам.

Поднялся переполох. Стража бросилась на помощь святым отцам, а из ворот уже бежали на крики вооруженные люди маркиза. «Ведьма! Ведьма вернулась!» – заблажил кто-то. В суету внесли свою лепту псы, до того дремавшие во дворе, и в этом оголтелом лае, визге, проклятиях и призывах

господа никто не услышал единственный здравый голос, предлагавший оставить злобную тварь в покое.

Из-под моста, никем не замеченный, выбрался невысокий темноволосый парнишка, схватил за загривок одну из собак, чья морда была исполосована шрамами, и прошел в ворота, ведя ее рядом с собой. Стражник пропустил его, рассудив, что только кто-то из своих осмелится эдак бесцеремонно обращаться с Мраком. Добравшись до конюшни, парень легким шлепком отправил своего проводника в конуру, и тот послушно убрался прочь, виляя хвостом.

А черный пес, наделавший столько шума, нырнул обратно в кусты и удрал через поле – только его и видели.

На Вержи опустились сумерки. Темнота с ветром пришли рука об руку, и за ними тянулся шлейф дыма из Черного леса.

Обитатели замка не ложились спать, занятые приготовлениями к завтрашней церемонии. Почувствовав запах, люди вздрагивали и украдкой поглядывали на окружающих: чуют ли они дым? понимают ли, откуда он? Испуганные шепотки давно утихли, но молчание было хуже шепота, пронзительнее слов.

Еще и Венсан Бонне куда-то запропастился. Младший конюх целый день охал и ныл под дверью, что у него болит сломанная нога, но ему так и не открыли. Жермен забил было тревогу, но кто его стал слушать после нынешних происшествий... Подумаешь, лекарь исчез! Должно быть, валяется пьяный в какой-нибудь канаве – у них, ученых людей, это дело обычное. Сперва блюдут себя, а потом как ударятся во все тяжкие, так хуже иного пропойцы.

Оказавшись в замке, Николь подумала о Венсане Бонне, но воспоминание было мимолетным и растворилось за мыслями о том главном, что ей предстояло сделать. Она уже знала, где убьет графа де Вержи – в церкви, когда он подойдет к гробу. Стражи не будет рядом. Она ударит его ножом, а если повезет, дотянется и до Мортемара.

О том, что случится потом, Николь не думала. В глубине души она понимала, что никакого «потом» для нее не будет и все закончится там же, в церкви. Но это было неважно. Прав был Гастон: ей нигде нет места. В одном лишь доме могла она быть счастлива, но дом этот сожжен, и запах дыма от пожарища даже здесь щекочет ее ноздри.

Николь завернула за угол башни и остановилась. Возле дверей церкви трое плотников при свете факела, который держал подмастерье, сооружали какой-то навес. Николь попятилась и вжалась в стену. Этого она никак не

ожидала. В ее замыслы входило проникнуть в церковь, перебраться через южную галерею в каморку Бернадетты и переночевать там, чтобы утром, вернувшись тем же путем, встретить графа Вержи возле гроба убитой им жены.

Но если в церковь не войти, как же она попадет в замок?

Останься она здесь, на нее наткнется стража во время обхода, а если и получится укрыться в какой-нибудь щели, после холодной ночи и думать будет нечего о том, чтобы нанести смертельный удар Гуго. Ей даже не удастся подобраться к нему!

Николь не сводила недоброго взгляда с плотников. «Ну же, заканчивайте и убирайтесь!» – мысленно подгоняла она. Но те и не думали сворачивать работу.

И вдруг ей в глаза бросилась фигура, быстрым шагом пересекавшая двор по направлению к западному входу в замок. Сердце у нее забилось сильнее, когда она пригляделась и узнала вторую горничную, Мари.

Мари, погруженная в приятные размышления о своей будущей свадьбе, услышала тихий свист. Сперва она всего лишь удивилась – кто осмеливается на такую дерзость накануне похорон? – а в следующий миг ее будто обожгло. Свистели хорошо знакомый ей мотив. Эту песенку сочинила Николь Огюстен.

Подмастерье тоже обратил внимание на тихий звук. Он обернулся и увидел на площади перед церковью девушку, а возле башни – плохо различимого в сумерках паренька, прислонившегося к стене. К нему-то и направлялась девица. Подмастерье завистливо усмехнулся: хоть кому-то будет тепло в эту ночь! А у него еще работы невпроворот, впору самому лечь в гроб.

Мари неуверенно приблизилась к башне, подслеповато щурясь.

– Не вздумай завопить, – тихо, но отчетливо предупредила Николь, когда между ними оставалось не больше пяти шагов.

Мари разинула рот, намереваясь завизжать во все горло.

Одним прыжком Николь оказалась возле нее и зажала ей рот. Со стороны они походили на обнимающихся влюбленных.

– Молчи! – зашептала она ей на ухо. – Ты меня убьешь!

Девушка дернулась, замычала и закивала часто-часто. Тогда Николь убрала ладонь.

– Ты в штанах?! – первым делом ужаснулась горничная. – Какой позор! А где твои волосы?

Николь невесело улыбнулась. В этом была вся Мари. Она увлекла ее подальше от взглядов, которые бросал на них любопытный подмастерье, и

остановилась в тени за башней так, чтобы не попасть в круг света от факела.

– Мне нужна твоя помощь.

– Ты так странно выглядишь... – горничная внимательно разглядывала ее.

– Мари, послушай...

– Ты знаешь, что тебя разыскивают? Даже кошка выдаст тебя графу, если узнает! Хотя, по правде сказать, узнать непросто.

– Я тебя позвала, чтобы...

– Как же ты подурнела! – не умолкала Мари. – И постарела!

– Да выслушай же меня!

Николь тряхнула ее за плечи, и девушка озадаченно замолчала.

– Видела плотников возле церкви?

Та кивнула.

– Ты можешь их отвлечь?

Глаза Мари округлились:

– Как же я их отвлеку?

Но Николь все обдумала за двоих.

– Ты скажешь, что на кухне для них приготовлена еда: пироги с мясом и вино. Это чистая правда.

– Откуда ты знаешь?

Николь вздохнула.

– Потому что перед похоронами всегда пекут поминальные пироги. Завтра их будут раздавать нищим.

– Ах да, верно... И что же?

– Уговори работников пойти за тобой. Скажи, что ты не можешь утащить столько съестного за раз, а дважды тебе не позволят зайти в кухню.

– Они не поверят!

– Они хотят есть, а голодные люди верят всему.

– Для чего тебе это?

– Мне нужно пробраться в церковь, – призналась Николь.

Мари так и пробуравила ее своими маленькими глазками.

– Это еще зачем?

– Хочу попроситься с графиней и Элен. – Николь сама удивилась тому, как правдиво звучит ее ложь. – У меня не будет другой возможности. Прощу тебя, Мари!

Горничная шмыгнула носом и обернулась посмотреть на церковь, но та была скрыта от нее выступом башни.

– Тебя разыскивают за убийство! А ты явилась сюда... В штанах!

Мари всплеснула руками. Больше всего ее возмутила мужская одежда. Можно найти оправдание служанке, убившей осточертевшую хозяйку, но надеть штаны – значит опозорить себя до конца жизни.

– Если бы тебя увидела Бернадетта, она бы приказала тебя выпороть! – сурово заключила горничная.

Николь вздохнула. Ход мыслей Мари всегда было нелегко проследить.

– Бернадетта не должна меня увидеть. Послушай, я ни в чем не виновата, клянусь! Стала бы я приходить сюда, если бы и в самом деле была убийцей?

Мари почесала кончик носа.

– Ладно, так и быть, помогу тебе. А как ты после выберешься?

Николь украдкой выдохнула от облегчения.

– Я что-нибудь придумаю, не беспокойся, – скрывая радость, заверила она. – Спасибо тебе, Мари!

– Потом сочтемся, – буркнула девушка. – Жди здесь, я схожу разведать, что на самом деле творится на кухне. А то приведу плотников, а там одноглазая...

Николь вынуждена была согласиться. На прощанье она обняла подругу.

– Никуда не уходи отсюда, – предупредила та. – Я скоро вернусь.

Мари растворилась в сумраке. Ее не было долго, и Николь, съездившаяся в комочек под стеной башни, успела замерзнуть. Но она терпеливо ждала, не выходя на площадь.

Когда за углом раздались знакомые шаги, Николь встрепенулась и поднялась. Судя по запаху теплой булки, разносящемуся в воздухе, Мари захватила с собой пару хлебцев и для нее.

– Да благословит тебя господь, – прошептала Николь, тронутая такой заботой. Как-никак, Мари здорово рисковала, помогая ей.

Но вместе с горничной из-за башни появились несколько человек и быстро окружили девочку.

– Вот она, ваша милость! – сказала подошедшая Мари, кивнув на Николь.

Граф Гуго де Вержи выхватил у слуги факел, поднес его близко к девочке и, узнав ее, улыбнулся почти с нежностью.

Ножи у нее отобрали: и тот, который она нашла в доме викария, и принадлежавший матери. Гуго де Вержи так и перекошило, когда он увидел лезвие, хитроумным способом прятавшееся в ручке.

Николь проволокли подвальным коридором северной галереи и втокнули в комнату без окон, в которой она никогда не была прежде. Низкий потолок с длинным рядом тусклых светильников, шершавый каменный пол, сосновая скамья у стены, стул с высокой спинкой и ремнями, продетыми в отверстия подлокотников... На удивительно изящном столе, казавшемся чужеродным в этой комнате, лежали какие-то свертки. Все это Николь заметила не сразу. В первую очередь взгляд ее упал на выдолбленный в каменном полу длинный желоб, уходивший под небольшим наклоном к стене. Отверстие чернело в ней, похожее на крысину нору.

Николь как-то сразу поняла, зачем нужен этот желоб. Она не испугалась, но ее словно толкнули кулаком в сердце, коротко и сильно.

Один из слуг маркиза подтащил девочку к стулу, усадил и с ловкостью, выдающей немалый опыт, закрепил ремнями руки и ноги. Прижал ее затылок к подголовнику – и лоб Николь плотно обхватила кожаная лента. Теперь она не могла ни пошевелить руками и ногами, ни даже кивнуть.

Слуга, привязывавший ее, был полноватый немолодой мужчина с добродушным лицом. Николь показалось, он что-то тихонько напевал себе под нос, делая свое дело. Закончив, он вышел, и почти сразу появился маркиз де Мортемар, замер на пороге, озадаченно разглядывая пленницу.

А затем по его губам скользнула та же улыбка, что и у графа. Видит бог, Николь предпочла бы увидеть ненависть на их лицах, чем эту плотоядную нежность.

– Камень, – промурлыкал граф де Вержи, подходя. – Где?

Николь молчала.

– Если признаешься сразу, то все это... – Гуго обвел рукой предметы на столике, – ...окажется лишним.

Николь прикрыла глаза, но ее с силой хлестнули по щеке.

– Грязная девка, смотри на меня, когда с тобой разговаривает граф де Вержи!

«Граф де Вержи, убийца своего брата», – мысленно дополнила девочка. От пощечины, нанесенной маленькой белой ладонью Гуго, расплзалась боль.

Николь было бы очень страшно, если б не окутывавший ее плотный кокон безразличия. Голос чувств пробивался сквозь него едва-едва, и куда сильнее страха была горечь от того, как глупо сорвалось все, что она задумала.

– Девочка, послушай, – вступил Мортемар. – Мне нужно от тебя только одно. Камень. Отдай его мне.

Его порозовевшее лицо оказалось близко-близко от Николь.

– Ну же, малышка, – нашептывал маркиз, приблизив губы к ее уху, – ответь, и я отпущу тебя. Мне нужен только он. Ты спрятала камень, я знаю. Скажи, где.

Николь молчала.

– Отвечай! – взревел маркиз, брызжа слюной ей в лицо. Несколько долгих мгновений оглушенной Николь казалось, что он вот-вот вцепится желтыми зубами ей в горло. Но Жан Лоран взял себя в руки.

– Гуго, это бесполезно. Мы впустую тратим время. Позови Дидье.

И, обернувшись к Николь, добавил почти равнодушно:

– Я не знаю, малышка, почему ты молчишь. Но, поверь, твое молчание обойдется тебе в такую цену, что ты проклянешь себя за то, что не призналась добровольно.

Николь взглянула на него с молчаливым вызовом. «Этот камень очень важен для вас? – говорили ее глаза. – Так вы никогда его не найдете!» Пускай ей не удалось убить их, но одно получится сделать напоследок: оставить этих двоих без ценности, в которой они нуждаются.

Она наконец-то осознала, что идет неправильно с самого начала этого странного допроса. Скорбящий вдовец, горящий отец Гуго де Вержи не сказал ей ни слова о смерти Алисы и Элен. Выходит, либо он сам расправился с ними, как она и подозревала, либо же...

Либо же камень для него важнее их судеб.

Что же он скрывает в себе?

Николь уставилась на маркиза, будто надеясь по его лицу прочесть ответ. Зачем они искали ее с таким тщанием, зачем объявляли награду за поимку? Ради того, чтобы покарать за смерть графини и ее дочери, как она полагала раньше? Или же для того, чтобы вернуть то, что принадлежало Мортемару?

– Ваша светлость, позвольте... – певуче проговорили сзади.

Маркиз растянул губы в сардонической ухмылке и отошел в сторону. Слуга, которого он назвал Дидье, присел перед Николь на корточки и пробежал по ней взглядом снизу вверх. Это оказался тот самый добродушный мужчина. Он кого-то напоминал ей, только не вспомнить, кого.

– Начнем, – с улыбкой сказал он.

– Работай аккуратнее, – предупредил Гуго де Вержи. – Пока не ответит на все вопросы, она нужна мне живой.

– Разумеется, ваша милость.

Дидье, поклонившись графу, направился к изящному столику. Бедро у

него были полные, как у женщины, и покачивались при ходьбе. Николь следила за тем, как он разворачивает свертки, неторопливо берет по одному тонкие, длинные инструменты, осматривает, цокает языком, морщит низкий лоб... Его ловкие пальцы любовно поглаживали сверкающую сталь. Все эти блестящие предметы совершенно непонятного для Николь назначения вызывали у него куда больше чувства, чем она сама. Пожалуй, это на нее он смотрел как на предмет, а на них – как на своих помощников, на которых возлагал большие надежды...

Внезапно девочка поняла, что сейчас случится. До этого она полагала, что ремни нужны только для того, чтобы обездвигнуть пленника. Прозрению поспособствовало и то, что Дидье, отложив инструменты, одним рывком передвинул стул с Николь так, чтобы начало желоба оказалось между его ножек.

Кровь ведь не обязательно должна стекать с мертвого человека. Она может стекать и с живого.

– Я спрошу тебя в последний раз, – подал голос Жан Лоран, не спускавший с нее глаз. – Где ты спрятала камень? Или кому ты его отдала? Ответишь, и Дидье не тронет тебя.

Николь с трудом оторвала взгляд от щипцов, которыми щелкнул, безмятежно улыбаясь, палач. Она сообразила, кого напомнил ей этот Дидье. Викария! Из славного голубоглазого старичка тоже вышел бы неплохой мучитель.

– Я начну отсюда, ваша светлость, – деловито сообщил слуга, задирая на Николь штанину. Он небрежно ткнул ее щипцами, и девочка едва удержалась от крика, когда холодный металл коснулся кожи.

«Они выжмут из тебя правду, – отстраненно подумала Николь, будто не о себе. – Никто не сможет молчать, когда за дело берется пыточных дел мастер».

Может быть, пока не поздно, крикнуть в лицо Гуго де Вержи, что он собирается замучить дочь родного брата? Граф устыдится и остановит этот кошмар...

«Граф прикажет вырвать тебе язык, – поправила себя Николь. – А пытки, которым тебя подвергнут, будут еще изощреннее в отместку за то, что ты напомнила о его преступлении».

– Может брызнуть, ваша светлость, – предупредил Дидье, засучивая рукава. – И еще приготовьтесь: она будет громко кричать.

Николь посмотрела на него, на щипцы в его руке, на собственную ногу... Мысль, которая смутно бродила в голове, вдруг оформилась в слова.

– Очень недолго, – улынулась девочка.

Ей стоило большого труда сделать это непринужденно. Но судя по тому, как вытаращился на нее Дидье, у нее получилось.

– Что? – переспросил палач, кажется, не поверивший ни своим ушам, ни своим глазам.

– Приступай! – приказала ему Николь, продолжая улыбаться. – Ну, давай же!

Насмешливая уверенность в ее голосе заставила Жана Лорана и Гуго де Вержи переглянуться.

– Ты сошла с ума, малютка? – заботливо поинтересовался маркиз.

Николь не нужно было притворяться, чтобы голос ее звучал устало и равнодушно.

– Это вы сошли с ума, если полагаете, что сможете пытками выбить из меня желаемое.

Палач занес руку, чтобы наказать ее за непочтительные речи, но граф жестом остановил его.

– Дидье, не торопись, – протянул он, рассматривая девочку, как редкое животное. – Это даже занятно...

– Нет, торопись, Дидье, торопись, – возразила Николь. – Освободи меня. Один надрез – и я покину вас, ваша милость.

– О чем ты говоришь?

Голова Николь была притянута к подголовнику, но графу де Вержи показалось, что девчонка надменно вскинула ее.

– Меня защищает колдовство. Я выпила отвар, который закипит в моей крови, едва только тело ощутит боль. Он убьет меня легко и быстро.

– Врешь! – возмутился слуга.

Николь не стала отвечать.

Жан Лоран озадаченно склонил голову набок:

– Ты ведь лжешь, малютка. Кто мог дать тебе подобный отвар, даже если такой существует?

Глаза Николь сверкнули злым торжеством.

– Моя мать, – отдельно проговорила она. – Колдунья Черного леса!

Дидье разинул рот, и вдруг осторожно отодвинулся от ее стула.

– Колдунья Черного леса? – повторил Гуго де Вержи, вглядываясь в девочку. – Твоя мать?

– Да!

Наступило молчание. Двое мужчин рассматривали привязанную к стулу Николь, и оба думали об одном: сбегав из замка, девчонка стремилась на кладбище Левен, где обреталась колдунья. А нынче утром старуха убила себя, лишь бы не дать им добраться до малютки.

– Гуго, похоже, она не врет, – наконец тяжело уронил Мортемар. – Это все объясняет...

Граф молча потер ладони. Признание Птички обескуражило и отчего-то испугало его. Перед глазами встало другое лицо – смуглое, гладкое, как камень, обкатанный морской водой. Он искал сходство и теперь, после ее слов, находил его: в твердой линии губ, в глазах, пусть другого цвета, но так же широко расставленных, а главное, взирающих на него с тем же насмешливым вызовом. Вот оно что... Птичка – дочь ведьмы!

– Ты поэтому украла камень? – вдруг спросил он. – Для матери?

Николь молчала. Она не знала, как отвечать на этот вопрос.

Маркиз отвел Гуго в сторону, и они заговорили приглушенно и быстро. До Николь доносились лишь обрывки фраз, из которых она не могла ничего уловить. Но ей довольно было и того, что она получила временную передышку.

Слабое злорадство проснулось в ней. Она поселила в них страх убить единственного человека, способного вернуть им камень. Даже если они сомневались в ее словах, цена за то, чтобы убедиться в своей правоте, могла оказаться слишком высокой.

«Мама, ты в который раз спасаешь меня. На этот раз одного твоего имени оказалось довольно».

Но все злорадство Николь как рукой сняло, когда Гуго де Вержи обернулся к ней. Не растерянность и не сомнения были написаны на его лице. Граф улыбался, и в этой улыбке была снисходительность сильного игрока, заранее знающего, что он победил.

Николь постаралась сохранить спокойствие. Но что они придумали?

– Иди наружу, Дидье, – приказал Жан Лоран. – И прикажи привести сюда...

Имя он проговорил негромко, повернувшись к Николь спиной. «Кого привести? – заволновалась она. – Кого?»

Ответ она получила скорее, чем хотела. Дверь распахнулась второй раз, и охрана маркиза втокнула в комнату человека, узнав которого Николь не сумела удержать испуганного восклицания.

– Матье!

Граф понимающе улыбнулся.

Матье изумленно озирался. Руки у него были связаны за спиной, во рту торчал кляп. Гуго де Вержи небрежно толкнул его, и помощник кузнеца свалился на пол возле стены.

– «Умелый правитель знает о своих слугах больше, чем они сами о себе ведают, и уподобляется отцу в отношении неразумных чад», –

наставительно произнес граф, явно цитируя какую-то книгу. – Скажи мне, Птичка, разве этот юноша не друг тебе? Разве не с ним ты намеревалась связать свою судьбу?

Девочка молчала, с отчаянием глядя на Матье, с трудом поднявшегося на колени. Он, кажется, не узнавал ее и не понимал, что происходит.

– Если ты и не соврала, зелье ведьмы защищает только тебя, – хохотнул маркиз. – Но не других. Давай проверим, так ли это?

Он одним рывком поднял за шкуру несчастного Матье, сгреб со стола нож Арлетт, казавшийся соломинкой в его огромной лапе, и поднес лезвие к шее юноши. Матье забился, как пойманная рыба, но стоило маркизу вдавить нож в его кожу, он оцепенел.

Безразличие, так надежно защищавшее Николь, лопнуло, как мыльный пузырь.

– Нет!

От ее крика Матье вздрогнул. Николь видела, как в его глазах мелькнуло узнавание, и он промычал что-то невнятное.

– Да, это именно она, – подтвердил граф. – Наша Птичка. И только от нее зависит, будешь ли ты жить или умрешь здесь.

Жан Лоран поджал губы:

– Так что ты решила, малютка?

Глядя на них, Николь отчетливо поняла, что сила определяется готовностью жертвовать не собственной жизнью, а только чужими.

– Я скажу, – торопливо выкрикнула она. – Скажу, только отпустите его!

Маркиз де Мортемар шагнул к ней.

– ГДЕ?!

Запинаясь и глотая слезы, Николь объяснила, куда спрятала камень.

Ни слова не говоря, маркиз отшвырнул юношу в сторону и бросился прочь. Вслед за ним исчез и Гуго де Вержи.

Глава 25

Николь потеряла счет времени, пока они с Матье ждали возвращения своих мучителей. Кажется, она прожила еще одну жизнь, рассказывая ему обо всем, что случилось с ней после побега из замка. Матье сначала мычал, затем перестал, и только молча смотрел на нее, а Николь все говорила, и говорила, и говорила...

А потом дверь распахнулась.

Маркиз Жан Лоран де Мортемар ввалился в комнату, покачиваясь, точно пьяный. Он смеялся, он целовал черную матовую поверхность камня, и безумие светилось в его взгляде. Граф де Вержи вел себя более сдержанно, хотя и у него глаза блестели, а на обычно бледных щеках расцвел лихорадочный румянец.

– Наконец-то... – прошептал Мортемар, пряча камень в мешочек на груди. – Наконец-то он со мной.

Маркиз оперся ладонями о подлокотники стула, к которому была привязана Николь.

– А теперь, когда все закончилось, удовлетвори мое любопытство, малютка. Кто заставил тебя украсть его? Ведьма?

«Да, все закончилось, – подумала Николь. – Я не сумела отомстить, не сумела спрятать камень... Кому я собиралась противостоять!»

К чему скрывать правду? Это уже ничего не изменит.

– Он случайно оказался в моих руках, ваша светлость. Я говорила вам об этом, но вы не стали меня слушать.

Маркиз недоверчиво прищурился:

– Но ты отнесла его ведьме! Ты хотела, чтобы она владела им!

– Моей матери не нужен был камень. Она ничего не знала и не хотела о нем знать. Я спрятала его в тайник, чтобы со временем вернуть вам. Я надеялась, тогда вы оставите нас в покое.

Николь устало закрыла глаза. Она больше не боялась боли. Пусть они убьют ее поскорее, чтобы все закончилось.

Но молчание длилось так долго, что она разомкнула веки. Маркиз по-прежнему смотрел на нее, как будто своими словами она пригвоздила его к месту.

– Ни при чем, – тихо повторил он. – Гуго, ты слышал?

– Да, ваша светлость. Это кажется невероятным.

– Невероятным?!

Мортемар с силой оттолкнул от себя стул, и Николь чуть не опрокинулась вместе с ним.

– Они даже не поняли, что оказалось в их руках!

Он выпрямился во весь рост и захохотал.

– О, эти шутки провидения! – маркиз вытер слезы, выступившие от смеха. – Но зато теперь я верю, что господь и в самом деле на нашей стороне, мой дорогой друг. Вернуть камень в замок столь извилистыми путями! Это жалкое отродье! – Он подбородком указал на Николь. – Кто бы мог подумать, что именно его изберет судьба в качестве своего орудия! Думаю, девчонка была послана нам, чтобы преподать урок смирения.

Жан Лоран вынул из ножен кинжал, украшенный сапфирами.

– Перед тем, как ты умрешь, я кое-что объясню тебе. Итак, ты не понимаешь, что это такое?

Он ткнул себя в грудь, где под рубашкой угадывался мешочек с камнем.

Николь молча покачала головой. Жан Лоран издал тихий смешок.

– Ваша светлость, стоит ли... – начал граф де Вержи.

– Нет, постой, Гуго! Разве справедливо, что она уйдет из этой жизни, утешаемая собственным невежеством? Я хочу, чтобы истина открылась ей и выжгла ее разум!

Маркиз страшно оскалился. Скорее, он сам походил на человека, чей разум сгорел, но не от горя, а от радости. Граф де Вержи опустился на скамью и вздохнул:

– Она не сможет осмыслить этого.

– Я объясню так, что поймет даже ребенок. Послушай, маленькая дурочка... – Мортемар перестал улыбаться. – Жил-был один знатный человек, вернее, юноша, мечтавший о славе и подвигах. В своих дерзких мечтаниях он забирался далеко, так далеко, что ты даже представить не можешь. Но грезы оставались грезами, пока однажды не случилось событие, которое впору было бы назвать чудом. У одной женщины, жившей на окраине его владений, скончался муж. Его зашибло деревом во время грозы. Три человека помогали вытащить тело, и они весьма удивились, когда пару месяцев спустя встретили его живым и здоровым.

...Жан Лоран до сих пор помнил этот день так же ярко, как двадцать лет назад. День, перевернувший его судьбу.

Он был зеленым юнцом, мальчишкой с непомерным самомнением и необъяснимой уверенностью, что выбран небесами для великих свершений. Веру эту ему внушила мать. Она твердила, что он вознесет их

род на небывалую высоту. Она рассказывала ему сказки, в которых он был король и правил сотни лет. Она пела песни, в которых трубадуры прославляли его подвиги.

Ее тяжелого полубезумного взгляда боялись все в поместье, кроме маленького Жана – ее принца, ее солнечного мальчика, ее последнего оставшегося в живых сына. Четверых старших унес страшный мор, после которого, как утверждали злые языки, она окончательно повредилась в уме. Но каждого, кто назвал бы его мать сумасшедшей, Жан Лоран заколол бы, как крысу.

В детстве мальчик верил ей беспрекословно, но, став старше, начал задумываться. Что, если ум матери ослеплен любовью? Он не высказывал своих опасений вслух, а сам ждал знамения, посланного свыше. Знака, который подтвердит обоснованность его притязаний.

И знак был дан. Один из дровосеков, помогавших оттащить упавшее дерево, болтал напропалую во всех харчевнях о чудесно воскресшем муже швеи, и слухи дошли до Мортемара.

Другой человек отмахнулся бы от этих рассказов. Но Жан Лоран учуял в пустой байке эхо того знака, которого он ждал так долго. Он велел привезти к нему дровосека, а заодно и двух других, знавших о чуде, и долго расспрашивал их по одному, закрывшись в своих покоях и выгнав всех слуг.

Рассвет нового дня застал его в дороге. Взяв с собой лишь троих верных людей, Жан Лоран мчался, нахлестывая коней, в маленький городок, где жила швея.

– Они меня не ждали, – вспомнил Мортемар. – Это облегчило дело, и еще то, что дом стоял на отшибе. Тогда у меня не было Дидье, пришлось действовать проще... и грубее.

– Вы их пытали... – прошептала Николь. – Швею и ее мужа?

Маркиз де Мортемар досадливо дернул уголком рта. С мужем вышла промашка. Слуги взялись за него слишком... рьяно. Искраженное горем лицо молоденькой швеи, ее вопли – все это не имело большого значения. Однако как раз тогда ему и пришлось узнать, что за некоей гранью люди становятся бесстрашны до безумия. Высшая степень свободы всегда где-то рядом с высшей степенью отчаяния. Настолько, что иногда это одно и то же.

Несколько часов пыток – и все впустую. Женщина молчала. Они могли разрезать ее на кусочки – она не сказала ни слова, и Жан Лоран проклинал себя за то, что не придержал своих людей, когда они набросились на ее

драгоценного муженька.

Но господь не оставил их. Когда Мортемар был близок к тому, чтобы смириться с поражением, дверь распахнулась, и на пороге появилась немолодая женщина.

Так ангел-хранитель дал ему вторую возможность исправить ошибку.

– Это была ее мать, – сказал Жан Лоран оцепеневшей Николь. – Решила навестить доченьку. Приятно знать, что случайности всегда подскажут тебе правильную дорогу, не правда ли?

Девчонка смотрела на него так, что Мортемар невольно скользнул взглядом по подлокотникам, проверяя, крепко ли держат ее ремни. Звереныш в капкане, с той лишь разницей, что вырвавшийся зверь бросился бы прочь, а эта – на него.

– Швея сдалась быстро, почти как ты. – Он мельком оглянулся на Матье. – Мы только взяли за старуху, а она уже визжала, что расскажет все. Хотя, видит бог, я никогда бы не подумал, что после того, что мы с ней сделали, она сможет кричать.

Гуго де Вержи понимающе усмехнулся.

...В стене был скрыт тайник, и когда Жан Лоран, отпихнув валявшуюся без сознания изуродованную мать швеи, вынул из него реликвию, он ощутил странное покалывание в кончиках пальцев. В камне, на первый взгляд, не было ничего особенного. Разве что красная прожилка, разбегавшаяся на несколько тонких ниточек... Ему показалось, что она движется. Это странное и явно обманчивое впечатление возникало лишь тогда, когда он отводил взгляд, но стоило ему вновь уставиться на камень, ручеек замирал неподвижно.

– Ты сказала, раз в двадцать лет?

Он обернулся к швее, вжавшейся в стену от его взгляда.

– Да, ваша светлость, – прошептала она. – В ночь новолуния, когда призрак луны возникает в небе.

...Мортемар сделал круг по пыточной комнате и обернулся к Николь:

– Видишь ли, малютка, она никак не могла знать про призрак луны, эта необразованная дура. Она повторяла то, чему ее научили. Раз в двадцать лет происходит схождение двух небесных тел, Кроноса и Марса, и когда оно совпадает с новолунием, камень обретает силу. Но для этого нужно еще одно условие: чтобы в эту ночь призрак луны, его пепельный отсвет, появился на небесах.

Я знал о том, что пепельная луна – это лишь мираж, отраженный свет,

который небесные тела перебрасывают друг другу. Но меня учили лучшие астрономы, которых отыскала мать. А нищая швея услышала об этом от своей бабки, а та – от своего прадеда, а ему сказала ведунья, которая и одарила его камнем за некое благодеяние. Ты слушаешь меня, малютка?

– Да, – прошептала Николь.

– Камень в их семье переходил из поколения в поколение. Уверен, его наполнила силой длань куда более могущественная, чем ведуньяина. Знаешь, для чего он был сотворен?

Николь не ответила.

– Я скажу тебе, чтобы ты поняла, что находилось в твоих руках. Чтобы наконец осознала, чего лишилась и чего могла лишиться меня!

Николь казалось, что криком маркиза ее вот-вот расплющит о стену, точно порывом урагана. Матье испуганно втянул голову в плечи.

Но голос Мортемара внезапно понизился до шепота.

– Раз в двадцать лет, – очень медленно, тихо и торжественно начал он, – выпадает ночь, когда Кронос и Марс сливаются в одно, а луна перерождается, чтобы исчезнуть и появиться вновь, подобно фениксу. В эту ночь, единственную в двадцать лет, камень обретает могущество. На небе возникает призрак полной луны, пепельный, как сгустившийся дым, и если такое случается... Если такое случается... в этот миг... слово... обращенное к Камню... становится... истиной.

Последние слова он произнес одними губами.

– Этого не может быть! – прошептала Николь. – Невозможно.

Маркиз повредился в уме. Как она раньше не поняла, что имеет дело с помешанным...

В комнате раздался негромкий хлюпающий звук. Она не сразу поняла, что это смеется Жан Лоран.

– Мужа швеи раздавило деревом. А следующая ночь была той, когда случается схождение. Я убедился в этом, едва вернувшись домой, и двое астрономов подтвердили мою правоту. Глупая швея дождалась появления пепельной луны и выкрикнула камню свое ничтожное желание. Вернуть мужа, надо же! – он покачал головой. – Она могла просить могущество, славу, богатство, а выбрала кривобокого мужичонку, который все равно вскоре подох. Видит бог, эти люди не заслуживают ни подарков от жизни, ни самой жизни.

– Он вернулся... – ошеломленно пробормотала Николь.

– Да, вернулся. Не так, как оживают покойники, поднятые черным колдовством. Он снова стал таким, как прежде. Уж можешь мне поверить – как человеку, который его убил.

Маркиз обмяк. Казалось, рассказ отрезвил его, но и опустошил.

– Камень у меня, и я получу то, к чему давно шел, – спокойно сказал он. – К чему мы шли! Верно, Гуго?

– Да, ваша светлость, – согласился граф.

– Мне даже немного жаль, бедная дурочка, что тебе не суждено увидеть мига моего величия. Впрочем, ты все равно не сумела бы его оценить. Щепка, попавшая в спицы колеса, – что тебе с того, куда несется колесница...

Маркиз снисходительно улыбнулся. Теперь он мог позволить себе и жалость, и снисходительность. Бешенство и злоба – удел проигравших.

Николь посмотрела на него. Затем на бесстрастного Гуго де Вержи.

– И когда же... – она сглотнула, – когда будет следующее схождение?

Мортемар подался к ней, и тяжелое жаркое дыхание овеяло ее висок.

– Завтра.

Девочка долго молчала. Жан Лоран ждал, что она скажет, пока граф де Вержи, поднявшись, не позвал:

– Боюсь, ваша светлость, нам пора.

– Ты прав. – Маркиз перехватил удобнее кинжал с сапфировой рукояткой.

Но Гуго отрицательно качнул головой.

– Простите, ваша светлость, я вынужден просить вас не делать этого. Слишком многие видели, как Птичку схватили. Казнь должна быть публичной. Люди жаждут возмездия за смерть Элен и Алисы. А их страх перед гибелью ведьмы можно успокоить лишь жертвой.

– Так ты хочешь... – нахмурился Мортемар.

– ...повесить ее завтра на рассвете. Моя жена и дочь будут отомщены еще до того, как их тела лягут в землю.

– Что ж, справедливо, – признал Жан Лоран и потрепал Николь по щеке. – Мне жаль, что ты умрешь не от моей руки. Но твоя смерть от повешения будет куда мучительнее, и зелье твоей матери вряд ли поможет.

Девочка вскинула на него темные глаза.

– А что вы сделали с той женщиной?

– С какой?

– Со швеей.

Маркиз удивленно пожал плечами:

– Заколот, разумеется.

Он сделал шаг в сторону и добавил, не оборачиваясь:

– Как и всех, что стали свидетелями ее откровения. В конце концов, кому нужны никомушные слуги, которые чересчур много слышали. Верно?

С этими словами он склонился над съезжившимся Матье, схватил его за волосы и небрежно чиркнул кинжалом по горлу юноши от уха до уха.

...Когда маркиз и Гуго де Вержи вышли в коридор, Жан Лоран наклонился к графу и доверительно заметил:

– А ведь Дидье был прав, мой друг. Она действительно кричит очень громко.

* * *

К концу второго дня Венсан приступил к торгу с господом. Он решил обращаться сразу к самым высшим силам, миновав промежуточную ступень в лице святого Рохуса. В конце концов, терпение святого не безгранично, а напрямик к богу лекарь взывал всего один раз, да и то довольно давно и безрезультатно.

Конечно, думал Венсан, куда действеннее было бы договариваться с дьяволом. Во всяком случае, многочисленные истории подтверждают, что враг рода человеческого редко отказывает страждущим, в отличие от господ. Но оно и понятно! Кто быстрее выполнит просьбу заказчика: мастер, заламывающий высокую цену, или мастер, работающий не то бесплатно, не то вовсе не пойми как? Вот то-то и оно.

Однако свою душу Венсану было жалко. И не то чтобы особенно ценная была душа, но расставаться с ней не хотелось.

Начал он с малого и попросил у господ легкой смерти. Однако оказалось, что расплачиваться за такую милость Венсану нечем. В самом деле, не обещать же хорошо вести себя в раю!

Тогда он замахнулся на свободу.

– Выпусти меня отсюда, господи, и до конца своей жизни я стану врачевать безвозмездно! Каждому, кто придет ко мне, буду приносить я облегчение, и слава твоя умножится, ибо лечить я буду с именем твоим на устах.

«А в устах у тебя что будет?» – поинтересовался у Бонне невесть откуда взявшийся человек с острой черной бородкой. Он очень напоминал Гуго де Вержи, с той разницей, что если у графа и был хвост, он тщательно его скрывал. А этот гость хвост держал перекинутым через согнутую в локте руку, и кончик его с львиной кисточкой поблескивал, точно маслом намазанный.

– Изыди, – без воодушевления предложил Венсан.

«Неприменно. Но все-таки ответь».

– Мне будут приносить еду те, кого я избавлю от болезней.

Дьявол сочувственно рассмеялся.

«Тот, кто пойдет к тебе впервые, ничего не даст, поскольку еще не верит тебе. Тот же, кого ты излечишь, не станет возвращаться, ибо ты ему больше не нужен».

Венсан отмахнулся от него.

– Господи, даруй мне свободу, и я стану делиться своими умениями с учениками! Я всегда работал один, ты знаешь. Но я откажусь от всех прежних привычек, передам свое искусство дальше, и все новые и новые лекари будут врачевать и спасать чад твоих!

«Среди этих спасенных чад будут убийцы, развратники, лжецы, прелюбодеи, грабители, стяжатели, – перечислил дьявол. – Разве ты плохо знаешь людей? Чем они многочисленнее, тем быстрее приумножается творимое ими зло. Пойми, – он усмехнулся, – я-то не против. Но ведь ты пытаешься убедить не меня».

– Господи, дай мне выбраться отсюда, и я никогда не причиню никому зла...

Из угла раздался смех, и Венсан замолчал.

«За что люблю вас, людей, так это за безграничную самонадеянность, – сообщил дьявол, удовлетворенно постукивая хвостом по руке. – Когда бы ты знал, какие из твоих поступков оборачивались злом, а какие приносили добро, то очень удивился бы».

– Тогда, господи, опусти меня просто так, – разозлился Венсан, – а с этим хвостатым я уж, так и быть, сам разберусь.

В колодце стало тихо. Венсан покосился в угол, но там никого не было – только очертания длинного хвоста с треугольником на конце четко выделялись на стене.

Заинтересованный этим явлением, лекарь подполз ближе. Он еще утром заметил, что зрение его от долгого сидения в полумраке сильно обострилось. Настолько, что он даже смог разглядеть дыру, сквозь которую проникал свет. Время, проведенное в темнице, убивало Венсана, но до смерти давало ему возможность насладиться мельчайшими деталями его заточения. По некотором размышлении он решил воспринимать это как милость, а не издевку.

Конечно, никакой там оказался не хвост, а всего лишь сложившиеся в рисунок трещины на камне. Те самые, которые при первом взгляде заставили лекаря вообразить узника, день за днем выцарапывающего историю своей жизни. Он так привык к ним, что уже не замечал.

Но ведь они стоили того, чтобы обратить внимание.

Венсан провел ладонью по холодной твердой поверхности. Нет, эти линии возникли не сами собой. Не время выбило их. Чья-то рука вырезала по камню, а скорее всего и не одна. У того, кто это сделал, были и свет, и инструменты. В рисунке, если взглядеться, просматривалась определенная симметрия.

Ошарашенный этим открытием, Венсан вышел на середину колодца и застыл, покачиваясь от слабости. Что за странный художник сотворил этот бессмысленный рисунок? То были не буквы, во всяком случае, вязь не походила ни на один из знакомых ему языков. Крутя головой по сторонам, Венсан выделял отдельные элементы: круги, спирали, овалы, заостренные с обоих концов, волны, обрывающиеся завитки... Стены вдруг обрели голос, кричали на него, но он не мог разобрать ни слова. Ему казалось, они вот-вот обрушатся или сойдутся вместе и раздавят его, жалкого червяка, слишком тупого, чтобы понять их речь.

Венсан покачнулся и едва не упал. Он слишком долго стоял на ногах, и в отместку страшная слабость овладела им.

Он сел на пол, вернее, попытался сесть, но вместо этого повалился как куль и сильно ударился боком и локтем. Лекарь едва не зарычал от ярости, как вдруг ощутил, что боль прогнала проклятую беспомощность.

Он оперся на ладони, понемногу успокаиваясь. Что ж, вот вам и лекарство от апатии. Возьмите обессилевшего больного и приложите от всей души по любому здоровому месту. Кажется, до сих пор никто не додумался до такого лечения.

Отдышавшись, Венсан сел и вновь обвел взглядом темницу.

Рисунок был нанесен лишь на нижнюю часть стены и заканчивался на высоте его роста. Всматриваясь так пристально, что то и дело приходилось смаргивать слезы напряжения, Венсан, как ему показалось, уловил некую закономерность, которой неизвестный художник подчинял свое творение. Блоки рисунка, каждый фута три шириной, повторяли друг друга, как отражения. Ему даже удалось отыскать ось симметрии.

До этого в его ушах звучала какофония. Венсан понимал, что его мозг силится перевести язык линий на понятный ему, и, измученный тишиной, выбирает для этого музыку. Но впервые в этом хаосе звуков, от которого ему хотелось проткнуть себе барабанные перепонки, вдруг прозвучала чистая нота.

Он был на правильном пути.

Заволновавшись так, что сердце стукнуло где-то под горлом, Венсан еще раз пробежал взглядом по сплетению линий. Будь у него бумага и перо,

чтобы скопировать рисунок, он давно бы уже разобрался, что пытался сказать творец! Не может быть, чтоб такая работа была проделана из пустой прихоти! В ней скрыто послание.

«Или игра больного ума», – заметил скептический голос. Но не мужчине с черной бородкой принадлежал он, а самому Венсану. Это был один из тех внутренних шепотов, что каждому человеку с успехом заменяют дьявола. «Сатане не успеть ко всем сразу, – подумал Бонне, – он ведь не всеведущ, как господь. Но мы выращиваем в себе его подобие и даже прислушиваемся, если прочие голоса молчат».

Нет, рисунок – не плод творения безумца. И он сам не безумец, идущий по его стопам.

Венсан рассматривал стены до тех пор, пока не почувствовал, что в его тюрьме темнеет. Солнце заходило. В последней попытке ухватить хоть какую-нибудь подсказку он уставился на ту стену, где ему почудился хвост, и вдруг увидел то, что искал.

Именно в этом месте симметрия нарушалась. Элементы рисунка были разбросаны по камню произвольно. Потому-то он и напридумывал себе из них бог знает что.

Венсан поднялся и приблизился вплотную к стене. Свет таял на глазах. «Подожди, не уходи! – взмолился лекарь. – Не оставляй меня в темноте!»

В эту минуту ветер разогнал тучи, стягивавшиеся вокруг заходящего солнца. Венсан не мог этого знать, но он увидел, что тусклый свет стал как будто чуть-чуть ярче. Этот последний солнечный всплеск позволил ему разглядеть, что несколько линий, собирающихся вместе, образуют подобие не то цветка с оборванными нижними лепестками, не то условной ладони.

Ни о чем не думая, Венсан приложил руку к рисунку и сильно надавил.

Камень под его пальцами со скрежетом ушел вглубь, открывая небольшое отверстие, походившее на замочную скважину. Венсан от неожиданности потерял равновесие и клюнул лбом стену.

Это несколько привело его в себя. «Во всяком случае, я не брежу», – подумал он, и просунув внутрь руку по локоть, нащупал длинный брус, который мог быть только... засовом!

– А-а-а-а!

С хриплым криком он толкнул его из последних сил, и засов поддался, с трудом поехал в сторону и уперся во что-то непреодолимое.

Но это уже не имело значения. Одна из трещин углубилась и разошлась, как расползаются льдины весной на реке, из нее осыпалась заметная даже в полумраке пыль. На месте линии появилась щель, и стало

понятно, что Венсан стоит перед низкой дверью.

Не сразу, но ему удалось продавить ее вглубь. Каменная пластина сдвинулась, и открылась прореха, за которой он при последних отблесках разглядел начало бесконечного земляного лаза.

– Господи, – хрипло сказал Венсан, подняв глаза к потолку, – насколько было бы легче жить, если бы у тебя была логика!

Выдра, поймавшая в реке рыбину, застыла на песке, встревоженная незнакомым шорохом. Форель забилась в ее зубах, хвостом доставая до усатого звериного подбородка. Но выдра не трогалась с места. Ее зоркие маленькие глазки следили за тем, как на каменистом берегу, где в серых скальных завалах водились только ящерицы, происходит какое-то шевеление.

Один из валунов покачнулся, отвалился и с грохотом скатился вниз, подняв кучу брызг. Осторожная выдра тут же нырнула со своей добычей в воду и не видела, как из отверстия в скале выбрался, пошатываясь, человек, сполз следом за валуном и принялся жадно пить из реки, захлебываясь и кашляя.

Рассвет Венсан встретил, сидя возле остывающего костра под стенами замка Вержи.

Накануне вечером, выбравшись из подземной норы, он утолил жажду и упал без сил на берегу. Он лежал долго, глубоко вдыхая влажный речной воздух, бездумно глядя в темнеющее небо с серебряными брызгами звезд, и не заметил, как провалился в забытие.

Во сне к нему пришел святой Рохус, румяный и веселый, как пекарь на празднике, и сел рядом, поглаживая свою лысину.

– Почему ты не помог, когда я предлагал свою жизнь в обмен на спасение? – спросил его Венсан. – Господу не нужны мои знания? Не нужны исцеленные?

– Не в этом дело, сын мой! – святой дружелюбно похлопал его по плечу. – Просто торг – это всегда дьявольские штучки. С кем бы ты ни торговался и о чем бы ни шла речь. Исключений не бывает.

Он подмигнул и исчез, а проснувшийся Венсан сделал то, чего не делал уже очень давно: встал на колени и прочитал вслух молитву. У святого Рохуса было лицо старого монаха, его наставника.

Да и лысина тоже.

До замка он добрался ближе к полуночи и еще издали увидел огни

под стеной. Первая мысль его была об осаде. Но, приглядевшись, лекарь понял, что воинственным неприятелем, напавшим на Вержи, тут и не пахнет.

Возле костров грелся народец самого низкого пошиба. Одни выпивали, другие уже валялись без чувств. Кое-где попадались монахи странствующего ордена – эти сидели особняком, плечом к плечу, будто готовясь сражаться. Бродяги, нищие, побирушки, калеки – не меньше двух сотен человек собралось под стенами.

У первого же костра Венсан выяснил, что происходит.

– Погребения ждем! – испитой старик, косматый, как лесовик, перекрестился и икнул. – Оставайся! От щедрот графа всем перепадет!

Лекарь поблагодарил за великодушное предложение. Он знал, что завтра люди будут драться за каждую брошенную монету, да и сейчас многие кидали враждебные взгляды на вновь прибывшего. На земле возле моста расположились крепкие мужички, ревниво оберегавшие свой участок от всех проходящих.

– Чего это они? – спросил Венсан у старика, глядя, как толстомордый здоровяк гонит прочь какого-то калеку.

– До утра придерживают, – охотно пояснил пьянчужка. – Продавать, значит, будут.

– Продавать? – изумился лекарь.

– А ты как думал! Там самые хлебные места.

Венсан понял. Процессия выйдет из ворот, и слуги станут разбрасывать монеты и раздавать еду. Больше всего достанется тем, кто будет стоять под мостом.

Старик поделился с ним похлебкой. Это было отвратительное на вкус варево, и после пары ложек Венсан заподозрил, что основой для бульона послужила какая-нибудь несчастная бродячая псина. Но привередничать ему не приходилось, и он снова рассыпался в благодарностях перед своим великодушным спутником.

– Брось, – махнул тот рукой. – Я же вижу, что и тебя жизнь наша поганая потрепала. Ничего, парень, держись ближе к Гвидо Трехпалому, и не пропадешь.

И он с гордостью поднял ладонь, из которой торчали три коротких обрубка.

У Венсана была целая ночь, чтобы обдумать, что он станет делать. К рассвету план сложился сам собой.

Пьер Рю, без сомнения, уверен, что докучливый лекарь нашел свою

смерть в подземелье, куда он так хитро заманил его. Значит, Медведя можно застать врасплох. Пока будет идти церемония погребения, Венсан сольется с толпой, ждущей милостыни, а когда все закончится, постарается пробиться к графу. Вряд ли Пьер осмелится убить его на глазах десятков слуг и гостей.

Рассудив так, Венсан поднялся и направился к костру, где восседал хмурый монах. Прочие спали рядом, одинаковые, как грачи. Обратившись к старику он вернулся в драной полуистлевшей рясе, которая имела одно неоспоримое достоинство: у нее был капюшон. Венсан остался доволен. Теперь он мог закрыть голову, чтобы Пьер не узнал его.

Однако с самого утра все пошло не так.

Ворота распахнулись куда раньше намеченного времени, и возле них началось какое-то движение. Венсан приподнялся, за ним потянулся Трехпалый, щурясь и почесываясь.

– Что-то там выкликают, – сказал лекарь, прислушавшись.

– Может, еще кто помер? – с надеждой предположил старик.

Но слух уже побежал по цепочке, перебираясь от кострища к кострищу. «Казнь... Казнь!»

– Убийцу нашли, хвала господу! – незаметно подошедший монах, тот самый, у которого Венсан выпросил рясу, размашисто перекрестился.

– Медведя? – вырвалось у Венсана.

Монах покосился на него.

– Какого еще медведя! Девку, которая всех порешила.

В ворота лекарь прошел вместе с возбужденной толпой, бурлящей в предвкушении зрелища. Старик, ковылявший за Венсаном, радовался как ребенок. «Ох, уважил нас граф, – бормотал он. – И похороны, и казнь – все разом».

Венсан не отвечал. Он с каждым шагом ощущал, как невидимая петля затягивается на его собственной шее. Его толкали, костерили на чем свет стоит – он ничего не замечал, пока старик не дернул его за локоть.

– Эй, ты будто обмороженный, – укоризненно заметил Гвидо. – В дупле-то у тебя, видать, совсем пусто. – Он выразительно постучал по голове Венсана. – Радуйся, дурень! Когда еще выпадет случай такое посмотреть!

Лекарь диковато взглянул на него.

– Что с ней сделают?

– Повесят, – охотно поведали с другой стороны. Немолодая одутловатая баба с кожей, изрытой глубокими ямками оспин, покачивала

спящего в перевязи младенца. – А ты что буркалы выпучил? Жалко? Мне тоже жалко!

Венсан даже замедлил шаг. В этой толпе, алчущей вида смерти, все-таки нашелся один человек, испытывающий сострадание к бедной девочке.

– Очень жалко, – продолжала женщина, вздохнув. – Нет бы колесовали! Все ж веселее.

– Четвертовать-то всяко лучше, – проворчал Гвидо. – Может, еще передумают?

Грубый, наспех сколоченный помост с торчащим из него столбом они увидели издалека. Неподалеку суетились плотники, заканчивая устанавливать скамьи для гостей и самого графа. Стража и близко не подпускала к ним толпу, отгоняя пиками самых настырных.

– Поторопился его милость, – с неудовольствием заметила спутница Венсана. – Из соседей-то, я гляжу, никто не успел приехать.

– Времена не те стали, – поддержал ее старикан. – Вот раньше были казни! И огласят заранее, и народ соберут, и устроят с толком... А нынче лишь бы повесить, да и дело с концом. Не по-божески...

Народ прибывал быстро, и вскоре вся площадь превратилась в одно большое пестрое пятно. Оно волновалось и шумело, ропот понемногу нарастал. От брусчатки поднимался холод, но над толпой расплзлось облако пара, вонявшее потом и перегаром.

И вдруг шум оборвался. Подбежавшие слуги набросили ковры на голые скамьи, вслед за тем от ворот до помоста выстроилась стража. Граф Гуго де Вержи вместе с высоким гостем, маркизом Жаном Лораном де Мортемаром вышел на площадь. За ними в небольшом отдалении следовал начальник охраны Пьер Рю.

Венсан напрягся, а затем стал отчаянно протискиваться к помосту, работая локтями.

Он верно рассудил, что никто не станет затевать с ним свару на глазах его милости. Вслед шипели, плевались, кто-то вцепился в его рясу, но Венсан, оставив клочок ткани в руках обидчика, пробился вперед и оказался перед цепочкой солдат, охранявших подход к помосту и скамьям знати. Капюшон сполз с его головы, и лекарь поспешно надвинул его снова. Пока рано объявляться Медведю во плоти.

Острый ум его работал напряженно, как никогда. Венсан видел, как нянюшка Коринна выводит заплаканную Беатрис, болезненно бледную в черном траурном платье, и догадался, что девочка не хотела смотреть на казнь. Отец заставил ее. Правосудие должно сохраниться в памяти каждого как напоминание о том, что ни одно преступление против семьи Вержи не

останется безнаказанным.

Венсан мельком подумал, что рябая баба и пьянчужка Гвидо были правы: и впрямь странно, что для казни выбрали самый милосердный ее вид. Лучше могло быть только отсечение головы, но Николь – простолюдника, ей нечего рассчитывать на это.

Скамьи заполнялись быстро. Когда все рассядутся, граф подаст знак к началу казни, а Венсан до сих пор не придумал ничего, чтобы остановить этот кошмар. Лекарь взглянул на Пьера и сразу отвел глаза. Сила его ненависти была такова, что Медведь со своим звериным нюхом мог учуять ее даже на изрядном расстоянии.

На помост взобрался какой-то человек и, подойдя к виселице, проверил, хорошо ли закреплен столб. Толпа встретила его радостными выкриками, и Венсан понял, что видит палача. Тому подали веревку, и палач на глазах у всех закрутил на конце ее петлю быстро и ловко, точно фокусник перед ребятишками на воскресной ярмарке. Казалось, он вот-вот ткнет пальцем в кого-нибудь из зрителей: «Не хотите ли проверить на себе, месье? Только чтобы убедиться, что здесь нет никакого обмана! А вы, мадам? Выходите, не стесняйтесь!»

Второй конец веревки перебросили через перекладину и закрепили.

Теперь все было готово.

Венсан зашипел от бессилия сквозь стиснутые зубы. Нет, ему ничего не остается, кроме как обвинить Пьера Рю на глазах у всего народа. Самое обидное, что ни к чему это не приведет, вот разве только по окончании краткой беседы с графом его самого вздернут рядом с Птичкой, ибо никаких подтверждений своим словам он не представит. Кому больше поверят, лекарю-затворнику, всего год как живущему при замке, или всеми уважаемому начальнику охраны, много лет доказывавшему свою преданность семейству Вержи?

Граф подозвал Медведя и что-то сказал ему на ухо. Пьер Рю выпрямился и кивнул одному из стражников.

Венсан похолодел. «Начинается».

Он был близок к отчаянию. Господи, за этим ты освободил меня? Чтобы, едва выбравшись на свет, я увидел гибель единственного человека, которого желал бы спасти из этого проклятого места?!

Как Николь перед угрозой гибели Матье не сумела сохранить безразличие, так Венсан враз потерял с таким трудом обретенное смирение. Если бы мысли его стали слышны стоящим рядом, они бежали бы в ужасе от тех богохульств, которые лекарь обрушивал на небеса.

Но небо было глухо к его проклятиям.

Волнение на площади стремительно нарастало. Казалось, даже древним стенам передалась дрожь, охватившая толпу. Люди плотнее смыкали ряды, три сотни вздохов сливались в учащенное дыхание, три сотни глоток напряглись, готовые исторгнуть дружный вопль. Никто не был больше сам по себе – каждый стал частью единого целого, и это пьянило сильнее, чем предстоящая казнь.

«Ведут! – раздалось возле ворот. – Уже близко!» С важным видом вперед выступил отец Годфри, сжимая в коротких ручках распятие и молитвенник. Венсан испытал горячее желание свернуть жирному лицемеру шею и тем самым отсрочить повешение.

А потом он увидел Николь.

Девочка шла в окружении четырех стражей, еще трое расталкивали толпу перед ней. Люди, несколько мгновений назад готовые взречь при виде убийцы, отчего-то безмолвствовали.

– Дрянь! – неуверенно крикнул сзади ломкий юношеский голос.

Но его не поддержали. Многоглавая гидра, только что желавшая рвать, убивать и приносить в жертву, вновь распалась на отдельных людей, каждый из которых думал свое и чувствовал свое.

– Господи, дитя ведь совсем... – тихо охнула какая-то женщина за спиной Венсана.

– А рожа-то злодейская, – гнусаво пробубнили рядом, и лекарь узнал голос Хромого Ганса.

Прочие молчали. Молчал и ошеломленный Венсан.

В его памяти Николь сохранилась улыбчивой девочкой, легкой, быстрой и словно бы светящейся. Конечно, глупо ждать веселья от той, кого ведут к петле. Венсан понимал, что увидит ее другой.

Но он и представить не мог, насколько.

К помосту приближалась девушка в грязно-белой рубаше, с короткими черными кудрями над исцарапанным лбом. Темные глаза смотрели на людей прямо и бесстрашно, и выражение их не изменилось, когда Николь перевела взгляд на виселицу. Только губы изогнулись в слабой презрительной насмешке, с которой нельзя было представить прежнюю Птичку.

Ему показалось, что она стала выше ростом, хотя он понимал, что это невозможно. Черты лица заострились, как будто создатель перерисовал его заново, стерев детскую припухлость губ и щек и замалевав глубокой синевой провалы под скулами. Что должно было случиться с ней, ужаснулся Венсан, чтобы за прошедшие дни она прожила несколько лет?

Провожаемая молчанием, Николь дошла до помоста и остановилась

перед ступеньками, ведущими к виселице. Гнилое яблоко, пущенное рукой Хромого Ганса, ударило ее в спину.

– Гори в аду! – крикнул он.

Девушка не вздрогнула и не обернулась. Мокрый след от яблока остался на рубахе между лопаток.

Палач подвел ее к столбу, с которого свисала веревка. К ним спешил, путаясь в подоле рясы, отец Годфри, но когда он что-то сказал Николь, та не ответила. Палач, нахмурившись, повторил вопрос. Николь отрицательно качнула головой, не разжимая губ.

– Она отказывается от молитвы, – объявил палач. Отец Годфри, очень недовольный, спустился с помоста и просеменил мимо Венсана, не узнав его. Проследив за ним взглядом, лекарь заметил в глубине за помостом высокую фигуру старшего конюха.

Пьер Рю поднялся со своего места. Наступила тишина.

– Девица Николь Огюстен, – объявил он, и его зычный голос раскатился по площади, заставив притихнуть даже слабые шепотки, – за учиненные преступления ты приговариваешься к смертной казни. Убийца Алисы де Вержи и дочери ее Элен, нам известно, что ты действовала по воле и наущению ведьмы, и потому суд проявляет снисхождение. Ты будешь повешена, а тело твое рассечено и выставлено на позорных столбах. Девица Огюстен, желаешь ли ты перед смертью очистить душу молитвой?

Николь улыбнулась.

– Она не желает, – сообщил палач.

– Девица Огюстен, желаешь ли ты напоследок покаяться в своих прегрешениях перед богом и людьми?

Венсан совсем забыл об этой формуле. Милосердный суд давал преступнику возможность хоть немного очистить совесть. Или, если взглянуть с другой стороны, предоставлял пищу не только глазам собравшихся, но и их умам. Большинству проповедников не приходилось и мечтать о внимании, с каким толпа слушала приговоренного, будь он даже самым жалким злодеем, способным лишь блеять и икать на пороге смерти.

Вопреки ожиданиям, Николь кивнула, явно собираясь что-то сказать. «Если она попросит прощения у графа или Беатрис, все кончено», – мелькнуло в голове Венсана, а в следующий миг он громко крикнул:

– Нет, не желает!

Все взгляды устремились на него. Венсан скинул капюшон, шагнул вперед, и в грудь ему уперлась дюжина пик.

Он успел заметить, что на лице начальника охраны отразилось

удивление, правда, меньшее, чем ожидал Венсан. Пьер нахмурился, хотел что-то сказать, но маркиз де Мортемар опередил его.

– Как ты смеешь нарушать ход казни, мерзавец? – пророкотал он.

Пьер Рю быстро направился к лекарю.

– Ваша светлость, Николь Огюстен не убийца, – так же громко заявил Венсан. Он знал, что жив лишь до тех пор, пока его слушают, и успел выкрикнуть до того, как Пьер Рю добежал до него: – Графиня и ее дочь были отравлены моим ядом!

Толпа за его спиной ахнула. Люди отхлынули назад, и вокруг Венсана тотчас образовался пустой круг.

Возникло замешательство. С одной стороны к лекарю пробивался Медведь, отшвыривая всех, кто попадался на пути, с другой торопилась стража.

Солдаты успели первыми. Прежде, чем Пьер добрался до Венсана, они окружили его и взяли в кольцо.

– Ведите сюда! – крикнул Гуго де Вержи. В толпе мелькнуло разъяренное лицо начальника охраны, а издали до лекаря донесся захлебывающийся от радости голос трехпалого пьянчужки, громко твердившего, что это его приятель. «Теперь старик сможет сшибать в трактирах по кружке пива за свои рассказы», – подумал Венсан.

Что ж, хоть кому-то польза от его жертвы.

Резкий тычок в спину заставил Венсана упасть на колени перед скамьей, с которой взирал его милость граф Гуго де Вержи.

– Бонне, ты спятил? – брезгливо осведомился граф. – Или ты объяснишься, или...

Он умолк, предоставляя лекарю самому додуматься о последствиях.

– Ваша милость, ваших супругу и дочь отравили моим ядом, – повторил Венсан, не поднимаясь с колен. – Его украли у меня. Я провел расследование, чтобы найти убийцу, и теперь знаю, кто он.

Повисло молчание. С площади тоже не доносилось ни звука – люди прислушивались, пытаясь не упустить ни одного слова из тех, что прозвучат возле помоста.

Венсан знал: графу достаточно сделать едва заметное движение бровью, и его склоненную шею насквозь пронзит острое пики. Перед глазами лекаря желтели доски настила, он ощущал занозу, впившуюся ему в ладонь. «Глупо умирать с занозой в ладони», – подумал Бонне, и тут его подняли на ноги.

– Убийца – девчонка, – медленно проговорил граф, не сводя с лекаря пронзительного взгляда. Маркиз де Мортемар одобрительно кивнул.

– Нет, ваша милость. Николь Огюстен любила вашу дочь и служила ей верой и правдой. Ни ей, ни ведьме Черного леса незачем было убивать Элен.

– А Алису? – вмешался маркиз.

– Ее милость погибла потому, что знала, кто настоящий убийца.

Венсан бросил быстрый взгляд на Пьера, возвышавшегося за спинами графа и маркиза. Начальник охраны, казалось, окаменел.

– Если это был твой яд, отчего же ты не признался сразу?

– Боялся, что ваша милость обвинит в смерти дочери меня.

– А теперь не боишься? – хмыкнул маркиз.

– Боюсь, – кивнул Венсан.

– Тогда отчего же?..

– Не хочу потворствовать настоящему убийце, ваша светлость.

Вновь повисло молчание, и из толпы вдруг донеслось: «Девку-то оболгали! Не она это!»

Гуго де Вержи откинулся на спинку скамьи и приказал:

– Говори! И постарайся убедить меня.

Венсан облизнул пересохшие губы.

– Их отравили настоем элесии синелистной, – хрипло сказал он. – Я использовал его в небольших дозах для того, чтобы избавлять графиню от головных болей. После смерти ее милости я обнаружил, что флакон с настоем пропал из моего дома.

– А синие пятна... – вспомнил Мортемар.

– Являются признаком отравления элесией. Это подтвердит любой знающий травник. Элен выпила неразбавленный настой, и он подействовал тотчас же. А графиня прожила чуть дольше, поскольку яд развели в вине. Вы видите, ваша милость, оба раза отраву поднес человек, которому они доверяли.

– То есть Николь Огюстен, – не удержался начальник охраны, подошедший ближе.

– Вам лучше моего известно, что это не так, – парировал Венсан.

– Я видел ее собственными глазами, – прорычал Пьер. – Девку, стоявшую на подоконнике перед тем, как удрать из покоев ее милости.

Венсан открыл рот, чтобы обрушить на него правду. О, ему было что сказать!

Ты был любовником графини.

Ты убил ее дочь, которая догадалась обо всем и стала опасна для вас.

Ты избавился от Алисы, когда ее начало мучить раскаяние.

Ты пытался убить меня, когда я отыскал в твоих покоях флакон с

остатками элеси.

Ты столкнул меня в каменную яму, где я бы умер, если б не вмешательство провидения.

Ты обвинил в своих преступлениях Николь Огюстен, вся провинность которой состоит лишь в том, что она бегала на кладбище Левен с таким же глупым мальчишкой.

И если про Николь Огюстен говорят, что она действовала по наущению ведьмы, то по чьему наущению действовал ты, Пьер Рю, начальник охраны Вержи, убийца двух невинных женщин, лжец и преступник?!

Люди вокруг превратились в слух и подались ближе. Стража опустила пики. Казалось, все перестали дышать, чтобы не пропустить ни слова.

Венсан набрал побольше воздуха и... наткнулся взглядом на нянюшку Коринну, прятавшуюся за Беатрис. Под глазом у толстухи багровела ссадина, к которой она непроизвольно потянулась, заметив его внимание. Неужели Беатрис ее ударила, успел удивиться Венсан, пока пухлая ладошка поднималась к щеке. И чем это можно было оставить такой странный след, похожий не то на лист клевера, не то на крест...

Воздух вышел из Венсана. Лекарь покачнулся и едва устоял на ногах. Правда разверзлась и обрушилась ледяным градом, но не на Медведя, а на него самого. Каждая градина была не хуже камня, и Венсан мысленно вздрагивал и корчился под ударами открывшейся ему истины.

Там, на краю колодца, он нанес лишь один удар и попал по лицу преследователя. На его перстне, имевшем форму креста, даже осталась кровь.

Святой Рохус, как он мог быть таким слепцом!

Ведь он знал, что графиня держала под неусыпным присмотром свою младшую дочь после смерти старшей.

Он знал, что начальник охраны видел Николь Огюстен в комнате Алисы после ее смерти.

Он своими руками вытащил из кармана Медведя платок графини.

Со всех сторон на Венсана обрушились голоса, каждый на разные лады твердил одно и то же, повторяя слова, начиная с которых лекарь мог бы размотать клубок, если бы ему хватило ума.

«У Беатрис снова разошелся кашель...»

«— У вас новая картина, ваша милость?»

— Да, начальник охраны принес ее по моей просьбе...»

«Я стоял на самом верху, а мимо промчался какой-то малец... Боднул так, что я крикнуть не успел, как уже распластался внизу!»

– Что с тобой, Бонне?

Резкий окрик графа привел его в себя. Венсан провел рукой по лицу, как человек, которого только что разбудили.

– Простите, ваша милость, – пробормотал он. – Я... Я...

– Да говори же! – не выдержал Гуго.

Лекарь сжал кулаки.

– Их убила ваша младшая дочь, – обреченно сказал он. – Беатрис.

Глава 26

Даже если бы Венсан назвал имя самого графа, не поднялась бы такая буря.

– Гнусная ложь! – визжала Коринна.

– В него вселился дьявол, – взволнованно убеждал всех отец Годфри.

– Беатрис! Он обвинил Беатрис! – разбегалось волнами по толпе.

Малютка Беатрис, их невинное дитя, осиротевшее, потерявшее сестру, страдавшее за последнее время... Как он посмел? Вздернуть его! Вырезать ему язык!

Маркиз де Мортемар поднялся, всем своим видом показывая, что достаточно внимания уделил безумцу и больше не намерен слушать его бредни. Граф Гуго, словно забыв про Венсана, отдавал приказания палачу касательно продолжения казни.

Среди всеобщего потрясения только начальник охраны выглядел не изумленным или взбешенным, а озадаченным.

Венсан посмотрел на Беатрис. Девочка съежилась за пухлой спиной Коринны, потрясавшей кулаками и грозившей ему страшными карами и кипящими котлами, и тихо всхлипывала.

Коринна, милая нянюшка Коринна... Тебя-то я и видел первый раз в подземельях, подумал он. Ты передвигаешься бесшумно, словно бабочка. Птичка говорила мне об этом, и не раз, но я как последний дурак пропускал ее слова мимо ушей. Что ты делала в лабиринтах, Коринна? Искала, куда спрятать очередное тело, оставшееся после проказ твоей питомицы? Полагаю, это должен был быть мой собственный труп. К тому времени я уже изрядно утомил вас обеих своей настойчивостью, и ты боялась, что я все пойму о младшей дочери графа.

Но она ведь куда умнее тебя, моя славная Коринна. Она поменяла влажные туфельки на сухие, а убедившись, что я и в самом деле подозреваю ее, нашла для меня удобную жертву. Всего-то и надо было, что украсть у матери благоухающий платок и подсунуть его ничего не подозревавшему Медведю, когда он принес ей портрет Шарля де Суи. Бедный Пьер даже не узнал о роли этой тряпки, на которой я выстроил такой основательный воздушный замок.

Но Алиса де Вержи – о, Алиса де Вержи была далеко не так доверчива. Вовсе не из страха за жизнь младшей дочери она держала ее при себе! Графиня надзирала за своей крошкой, что-то подозревая или

чувствуя. Она не спускала глаз с малютки Беатрис, и потому малютка Беатрис избавилась от нее.

Ты отдаешь должное ее уму и хитрости, Коринна? Понимаешь ли ты, что она провернула? Переделась мальчишкой и пробралась по наружной стене в покои матери. Там она влила яд, украденный у меня, в ее вино, и дождалась, когда в комнату вбежит первый свидетель. Как удачно – им оказался Пьер! Твоя питомица не только хитра, но и необычайно везуча.

Что? Ты спрашиваешь, зачем ей понадобился свидетель? Я же говорил, что ты глупа, Коринна, и не видишь дальше собственного носа. Приглядишься к своей девочке и вспомни Николь Огюстен. Нет, не ту, что сейчас стоит с петлей на шее, а ту, что пела песенки твоей Беатрис, убаюкивая ее. Они с Беатрис похожи, глупая ты корова! Малютка набросила капюшон, распустила волосы, показалась в полутьме Пьеру – и вот он уже заявляет, что видел горничную, а я получаю новое свидетельство его коварства. Кстати, от рук твоей подопечной пострадал еще и Жермен – она столкнула его с лестницы, когда пробежала мимо. Он принял ее за мальчишку.

Скажи, Коринна, ты все знала? Ну, конечно! Любовь никогда не бывает слепа, что бы о ней ни болтали. А ты так любишь это дитя, моя славная Коринна, что убила бы каждого, кто показался бы тебе опасным для нее.

Например, меня. Нет, не скромничай! Я заметил тебя, когда удирал от разъяренного Медведя. Ах да, чуть не забыл – то был последний мастерский удар, который нанесла Беатрис. Конечно, она сообразила, что я захочу найти свидетельство преступления, флакон от элеси. Но флакон – не платок, его не засунешь незаметно за рукав начальнику охраны. Тогда Беатрис придумала подбросить его в комнаты Пьера, ведь там я бы стал искать в первую очередь. Правда, окна зарешечены, но и эту сложность малютка блестяще обошла. Она забралась по плющу наверх и просунула бутылочку сквозь прутья решетки. Скажи, Коринна, кто, найдя флакон на подоконнике, мог бы подумать, что его поставили туда снаружи, а не изнутри? Вот и я не подумал.

Так вот, о моем побеге. Ты тоже спустилась в подземелье, как и люди Медведя. Но, в отличие от них, ты меня выследила. Полагаю, ты сейчас ломаешь себе голову над тем, как я выбрался из той ямы, в которую ты меня столкнула? Думай, пока не треснет твой череп. Хотел бы я увидеть, как это случится.

Двое стражников скрутили Венсану руки за спиной и приготовились увести его.

– У меня есть доказательство, – отчетливо сказал он.

Маркиз де Мортемар остановился. Граф де Вержи оборвал на полуслове речь, обращенную к палачу.

– Вы же не думаете, ваша милость, что я обвинил бы вашу дочь, не имея подтверждений своей догадке? – спросил Венсан, морщась от боли в локтях. Стражники держали его крепко, на совесть.

Ноздри графа де Вержи раздулись, но то был единственный признак обуревавших его чувств.

– Подтверждений... – бесстрастно повторил он.

И кивнул охране. Венсана выпустили, и он с облегчением выпрямился, потирая руки.

– Флаконов с элесией было два, – сказал он и услышал, что его слова снова падают в глубокую тишину. – После того, как украли первый, я кое-что предпринял... Нанес на второй флакон тонкий слой одного вещества, которое нас учили изготавливать в монастыре.

– Зачем? – резко спросил граф.

– Для изобличения воров, – охотно пояснил лекарь. – Это средство нельзя увидеть невооруженным глазом, и даже под лупой его не разглядишь. Но оно прилипает к рукам и остается на них долго. Так долго, что даже несколько месяцев спустя можно определить, кто брал покрытую им вещь. Для этого нужно лишь полить кожу особой жидкостью, и частицы ее окрасятся в розовый цвет. Это называется химической реакцией.

Венсан замолчал. Из безмолвной толпы донесся глубокий вздох – как будто перевела дух сама тишина.

– Ты пометил второй флакон, – без выражения сказал граф.

– Да, ваша милость.

– Из которого отравили мою супругу?

– Да, ваша милость.

– И ты хочешь сказать, что можешь достоверно определить, в чьих руках был этот флакон?

– Да, ваша милость.

Каждое последующее «да» Венсана было увереннее предыдущего.

Граф первый раз за все время разговора обернулся и взглянул на дочь. Венсан не мог видеть выражения лица Гуго де Вержи. Но он видел, и все видели, что Беатрис побледнела и схватилась за руку няньки, воинственно озиравшей всех вокруг.

– Где твоя жидкость? – спросил граф, не отрывая глаз от дочери, но обращаясь к Венсану.

– Среди моих вещей.

– Принеси ее. Сейчас же.

Когда Венсан вернулся в сопровождении трех стражников, толпа безмолвствовала. Каждый его шаг гулом разносился по площади, пока он шел к помосту.

Беатрис сидела на том же месте, сжав губы. Коринну оттеснили в сторону, а ее место занял рослый слуга Мортемара.

– Это оно? – Гуго кивнул на пузырек прозрачного стекла в руках Венсана, где бултыхалась синяя жидкость.

– Да, ваша милость.

– Вытяни руки, – приказал граф Беатрис.

Девочка не шелохнулась.

– Ты слышала меня? Вытяни руки!

Беатрис медленно протянула ладони к Венсану. Откупорив пузырек, он аккуратно окропил их его содержимым.

Тишина длилась долго. Никто не осмеливался произнести ни слова, пока граф Гуго де Вержи, постаревший на добрый десяток лет, смотрел на ставшие ярко-розовыми пальцы Беатрис.

– Зачем? – спросил он наконец. – Зачем ты это сделала?

Беатрис подняла на отца заплаканные глаза и всхлипнула:

– Я хотела выйти замуж за Шарля де Суи. Почему самое лучшее всегда достается Элен?!

* * *

Солнце смотрело с вылинявших от зноя небес злобно, как единственный глаз слепца, взирающего на зрячих. Оно обожгло запоздалый хвост похоронной процессии, иссушило дорогу, по которой двигались люди, и взбило горячую пыль, заметая следы ушедших.

С Венсаном Бонне светило обошлось особенно безжалостно. Оно поймало его, когда лекарь медленно уходил с площади, и выплеснуло ему в лицо целый ковш жидкого золота, так что у Венсана потемнело перед глазами.

Он вслепую добрал до ближайшего угла и отсиделся в тени, дожидаясь, пока пройдет слабость. В голове было до странного пусто, словно все прежние чувства испарились, а новых еще не зародилось.

Венсан радовался бы, если б был повод, и хвалил бы себя за находчивость, если бы она привела к чему-нибудь хорошему. Но пока все оставалось по-прежнему, за исключением того, что Гуго де Вержи приказал

заклЮчить Беатрис под стражу. Всхлипывающую девочку увели и закрыли в покоях графа.

А Птичка вновь оказалась в застенках, где должна была ждать окончания разбирательства. Венсан даже не смог сказать ей ни одного слова: когда он обернулся к помосту, девушки там уже не было. Исчез и палач, и стражники, и только веревка по-прежнему свисала со столба, словно намекая, что для нее еще найдется плясун.

Венсан тащился по опустевшему двору, едва волоча ноги. Каждое сказанное им на площади слово тяжким булыжником навалилось на его плечи. Умом он понимал, что это от голода, усталости и пережитого волнения, но телу от этого было не легче.

Подойдя к своей двери, Венсан обнаружил давнего знакомца, поджидавшего его в теньке, который еще не успело выжечь жарой. Судя по измятому лицу и заплывшим глазкам, Жермен лишь недавно проснулся и сразу направился на поиски лекаря.

– Где вас носило, господин Бонне? – недовольно осведомился младший конюх. – Небось прохлаждались, пока бедный Жермен мучился от боли?

Лекарь пошатнулся, ухватился за стену и ощутил укол занозы, застрявшей в ладони. «Логика у господина, может, и нет, зато в умении пошутить ему не откажешь», – успел подумать он, прежде чем потерял сознание.

Николь отвели не в пыточную, где она провела ночь перед казнью, а в узкую клетушку, которую вернее было бы назвать просто нишей. Толстые, изрядно проржавевшие прутья отделяли углубление в стене от низкого полутемного коридора, заканчивающегося железной дверью. В стенах коридора Николь насчитала еще восемь таких же ниш, тесных, как гробы, и поняла, что видит перед собой старую тюрьму замка, не использовавшуюся вот уже много лет.

Стражник, погромев ключами, открыл дверь, и на Николь дохнуло затхлостью. Воздух здесь, казалось, слежался, как сбивается пух в старой перине.

Решетка, закрывающая нишу, перекосилась, и когда слуга потянул ее на себя, визгливо заскрежетала по камню.

– У-у, давненько тут никто не появлялся... – Один из провожатых Николь поежился. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Язык придержи, – буркнул второй.

Он втолкнул девушку в камеру и закрыл решетку. Ему пришлось

налечь на прутья всем весом, чтобы повернуть ключ в скважине, но ключ тоже взвизгнул и уперся всем своим тощим железным телом.

Эти казематы за долгие годы отвыкли от людей и не желали им подчиняться.

– Вы не оставите мне свет? – спросила Николь. Голос ее прозвучал жалобно.

Ей не ответили. Но когда стражникам удалось все-таки запереть ее и они направились к железной двери, один из них забыл на полу лампу. Или сделал вид, что забыл.

Лязгнула дверь, и Николь осталась одна.

Ее несчастный вид как рукой сняло. Призраков тюрьмы, о которой рассказывали страшное, она не боялась, а лампа нужна была ей для другого.

При свете Николь тщательно обследовала свою клетку. В полу обнаружилось круглое узкое отверстие, в которое с трудом пролезла бы ее рука. Над отверстием из стены торчала короткая труба, изъеденная ржавчиной до того, что казалась кружевной. Когда-то из нее капала вода, позволяя узнику утолять жажду и худо-бедно смывая испражнения, но за много лет все давно пересохло.

Николь подошла к решетке. Она попробовала раскатать каждый прут, но быстро убедилась, что это невозможно. Единственное, что у нее получилось – дотянуться до лампы, просунув руку сквозь прутья. Она подтащила ее вплотную к решетке, но на этом все и закончилось: внутрь лампа не пролезала.

Николь села на пол и стала смотреть на слабый язычок пламени.

Когда Венсан Бонне остановил казнь, она и впрямь собиралась кое-что объявить толпе. Да только это были вовсе не слова раскаяния! У Николь было время все обдумать, пока она дожидалась утра в пыточной комнате, и к виселице Птичка приближалась с твердым намерением открыть всем правду о Гуго де Вержи.

Она молчала, когда Гуго с Мортемаром допрашивали ее. Один только святой Франциск знает, чего ей стоило сдержаться! Но она не сказала ни слова о том, что знает, кто на самом деле убил Симона де Вержи и захватил его замок.

Потому что тогда она не дожила бы даже до встречи с виселицей.

Взойдя на помост, Николь была готова ко всему. Гуго де Вержи не станет бездействовать, услышав первые слова ее разоблачения. Что принесет ей смерть – стрела? Кулак палача, который проломит висок? Или

ей просто заткнут рот кляпом и поспешно вздернут, делая вид, что все идет как задумано?

Ясно было одно: у нее останется очень немного времени после того, как она крикнет: «Знайте, убийца Симона де Вержи – его брат! Головорез – это Гуго де Вержи!» И Николь продумала каждое слово, которое она бросит в толпу.

Единственное, чего она не предвидела – это появления Венсана Бонне.

Лекарь, сам того не зная, нанес ей убийственный удар. Смерть Николь не была бы напрасной, успеет она сказать людям, кто виноват в гибели ее отца. А что теперь? Казни не будет, ведь убийца не она, а Беатрис. Но не будет и свободы, раз ей известна тайна маркиза де Мортемара.

Она избежала виселицы, но не смерти.

«Меня убьют скоро, – подумала Николь. – Когда закончится погребение».

Сколько ей осталось? Несколько часов, быть может, а то и меньше... То, что граф приказал заключить ее не куда-нибудь, а в самую страшную тюрьму, куда последние сто лет не отправляли даже душегубов, говорило само за себя. Здесь она никому не сможет разболтать о том, что услышала в пыточном подвале.

Николь запретила себе думать о камне маркиза. Раньше она все равно не смогла бы воспользоваться его силой, а теперь уже поздно.

Или нет?

Она вскочила и еще раз прошлась вдоль стен своей крохотной темницы, ведя по ним ладонью. Вскарabalкалась по решетке, обдирая пальцы о шершавое от ржавчины железо, и исследовала неровный потолок. Нет, выбраться отсюда невозможно. А если даже она и придумала бы способ просочиться сквозь решетку, ее ждала бы запертая дверь, а за ней стражник, а то и не один.

Но камень!

«Следующее схождение случится завтра», – сказал Жан Лоран. То есть уже этой ночью.

Этой ночью два небесных тела сойдутся вместе, затмив своей яркостью сияние ближних звезд. Красная змейка на черной матовой поверхности шевельнется, пепельный диск луны вынырнет будто из ниоткуда, и тогда слово, обращенное к камню, станет истиной.

Так сказал маркиз де Мортемар, и Николь поверила ему.

Она с детства слышала о плащах-невидимках, утерянных эльфами, о колокольчиках, которые куют гномы в подземных кузницах: позвенишь – и посыплется столько золотых монет, сколько раз прозвучит «дин-дон». Люди

находили перья синих сов, которыми можно навеять сон на любого, стоит лишь пощекотать его затылок, а некоторые счастливики ухитрились раздобыть даже перламутровую драконью чешую. Обладатель ее навсегда исцелялся от любой болезни, если носил чешуйку за щекой.

Правда, никто из рассказчиков отчего-то сам не владел подобными удивительными вещами. Но разве это имело значение!

Даже если бы сомнения зародились в душе Николь, мысль о том, что Гуго де Вержи тоже верит в силу камня, рассеяла бы их окончательно.

Девочка обхватила голову руками и застонала. Как ни отгоняй эти мысли, но разве можно перестать думать об одном: в ее руках было то, что способно вернуть к жизни Арлетт!

Николь зашлась в сухих рыданиях без слез, но понемногу успокоилась. «Жизнь спрашивает нас, смерть нет», – говорил Венсан Бонне. Она еще не мертва.

А пока она не мертва, все может измениться.

Николь поднялась, оценивающе взглянула на лампу в круге желтого света. Фитиль сгорел на три четверти, значит, время приближается к вечеру.

Погребение уже завершилось.

Маркиз вряд ли придет сюда сам, ему хватает других дел. Он выберет кого-нибудь, кто понадежнее, и отправит прикончить узницу без лишнего шума. Если она верно рассчитала время, это случится скоро.

Николь стащила с себя рубаху и приготовилась ждать.

Спустившись вниз, Дидье пнул охранника, прикорнувшего возле двери:

– Открывай!

Тот дернулся и взлетел чуть не до потолка. Граф строго наказал не чинить никаких препятствий слугам маркиза, а возражать Гуго де Вержи осмелился бы только полоумный.

– Я хочу побеседовать с ней, – предупредил Дидье. – Не мешать мне, что бы ты ни услышал. Ясно?

Парень торопливо закивал.

– Вот и славненько. Я стукну три раза, когда захочу выйти.

Когда дверь за ним закрылась, пыточных дел мастер укрепил факел на стене и неторопливо двинулся к камере, потряхивая ключом. Поручение не слишком-то ему нравилось. Дидье никогда не думал о себе как о мучителе. О, нет, его умение состоит в другом!

Как-то раз ему довелось увидеть работу талантливого камнереза, и тогда Дидье решил, что их мастерство во многом схоже. Оба избавляются

от лишнего, отсекают его (зачастую – в буквальном смысле, что поделать), и в результате упорного труда у одного остается красота, у другого – правда. Что в каком-то смысле одно и то же.

В глубине души Дидье был философ.

Тем сильнее оскорбил его приказ маркиза. Придушить! Этими руками, которые умеют все – испаривать, рассекать, вырезать, натягивать, колоть, выкручивать – и вдруг придушить! Как грубо.

Может быть, сперва все-таки сделать с ней то, что ему не удалось вчерашней ночью?

С этими мыслями Дидье приблизился к нише и за решеткой увидел голую Николь.

Он едва не выронил ключ.

Девушка стояла, заложив руки за спину, совершенно нагая. Дидье было не привыкать видеть голых женщин, но он относился к их телам исключительно как к рабочему материалу. Здесь же перед ним было нечто иное, сладостное, зовущее к греху.

– Т-т-ты что? – растерялся он.

Девушка молча приблизилась к решетке. И пока Дидье, склонившись над скважиной, пытался вставить упрямый ключ, просунула наружу обе руки с зажатым в них тонким жгутом, скрученным из разорванной рубашки, накинула ему на шею и дернула на себя.

От неожиданности Дидье выронил ключ. Лицо его оказалось втиснуто в прутья. Он начал отбиваться, но Николь, одной рукой перехватив края жгута, другой схватила потушенную лампу, которую Дидье не разглядел в полумраке на полу, и что было силы ударила его по голове.

Удар, еще один! Дидье закатил глаза и обвис, по лицу его струилась кровь. Николь выронила лампу и чуть не закричала, когда та с грохотом покатила по полу.

Но дверь не открылась. Стражник или не слышал, или получил указание не входить, пока палач выполняет свою работу.

Дрожащей рукой Николь нащупала на полу ключ, вставила его в скважину, повернула – и замок с щелчком отворился. Ей не сразу удалось выбраться, потому что тело Дидье мешало открыть решетку. Развязать жгут Николь боялась – что, если убийца придет в себя! В конце концов она ухитрилась чуть-чуть сдвинуть его и пролезла в щель, обдирая кожу.

Оказавшись в коридоре, Николь первым делом оттащила бездыханное тело в сторону, перевернула на живот и связала Дидье руки за спиной. Пыточных дел мастер не шевелился. Покончив с этим, она бросилась обратно в свою камеру, вытащила из угла свернутые в комок вещи и

оделась. В темнице было холодно, но Николь вспотела, как в бане.

Теперь очередь стражи за железной дверью. Если там один человек, значит, небеса на ее стороне. Если двое, она обречена.

Николь с колотящимся сердцем приблизилась к двери. Постучать – накинуться на стражника – оглушить его – бежать.

Она не успела проверить, сработает ли ее бесхитростный замысел. Дверь свирепо клацнула засовом, распахнулась – и в полосе света возник Венсан Бонне, за спиной которого лежал, свернувшись клубочком, впустивший Дидье стражник.

Николь зажала себе рот, чтобы не закричать.

Месье Бонне опустил руку, в которой держал странный предмет – спаянные вместе латунные кольца. Взгляд его скользнул по Николь, переметнулся на связанное тело.

– А ты молодец, Птичка, – негромко сказал он. – Теперь ступай за мной.

Глава 27

Николь была убеждена, что уж она-то знает в замке каждый проход, но ей так и не удалось понять, каким образом лекарь вывел ее в подземные лабиринты из северного крыла.

Их путь лежал мимо винных погребов. Это место Николь узнала и задержалась на верхних ступеньках разбитой лестницы.

– Что там? – окликнул Венсан. – Ты что-то слышишь?

Она покачала головой, не сводя глаз с маленького окошка наверху. Сквозь него виднелось небо, похожее на праздничную яблочную пастилу, окрашенную соками ягод в разные цвета. Синяя – ежевичная полоса, розовая – виноградная, красная – вишневая.

Это краски заката. Солнце заходит!

Венсан уже скрылся за поворотом, и, поколебавшись, Николь бросилась догонять его.

Едва оказавшись в подземелье, лекарь сразу забрал круто влево и двинулся вперед так уверенно, словно бывал здесь уже не раз. Николь показалось, будто он бормочет себе под нос. Прислушавшись, она поняла, что месье Бонне что-то отсчитывает.

– Шесть, семь, восемь...

Она попыталась сказать, что ей нельзя уходить далеко от замка, но Венсан предостерегающе поднял ладонь: молчи!

– ...девять.

Они снова повернули.

– Чертов факел, сбивает с толку, – недовольно пробормотал лекарь. – В темноте было проще. Ага, вот он.

Венсан на ходу подобрал с пола мешок и забросил за плечо.

– Что там? – не удержалась Николь.

– Увидишь в свое время.

– Вы думаете, нас еще не хватились?

Перед тем, как покинуть темницу, Бонне затащил оба тела, и стражника, и мастера пыток, в клетку, где прежде сидела Николь. Возиться с решеткой не стали: заперли только железную дверь.

– Если и нет, это скоро случится, – бросил лекарь. – Только ты будешь уже далеко.

«Как это я буду далеко, если мы забрались под самый замок?» – хотела спросить Николь. Или лекарь имеет в виду, что она будет далеко внизу?

Впереди вдруг просветлело, и Николь от неожиданности замедлила шаг.

– Не пугайся, это сложная система зеркал, – сказал Венсан непонятное. – Осторожно!

Сбоку в полу раскрылась черная пасть колодца.

– Там вода? – заглянула Николь.

– Там свобода. – Венсан придержал ее за плечо. – Девочка, послушай меня...

И он начал объяснять.

Ты выйдешь к реке, говорил Венсан Бонне, идти придется долго, а местами даже ползти, но ты не бойся: раз прополз я, тебе это и подавно не составит труда. Как выберешься из-под земли, достань из мешка то, что внутри, и надень, а в грязную одежду напихай камней и утопи. Ступай вниз по течению, не мешкая, стемнеет быстро, а ты должна добраться до брода, нет, не до моста, там могут быть люди, а до старого брода, где ты швырялась камнями в Хромого Ганса. Когда окажешься на другом берегу, передохни немного, поешь и уходи по дороге, ведущей в обход Божани, в сам город не суйся, там поймают...

– Месье Бонне, – сказала Николь.

Не перебивай, нахмурился Венсан. Так вот, пройдешь около двух лье и справа увидишь огоньки, точнее, один огонек, если только хозяин трактира не перестал зажигать фонарь на ночь, так что будь внимательна по дороге и посматривай направо, мало ли, вдруг у него фонарь разбился...

– Месье Бонне, – сказала Николь.

Он прервался.

– Я не могу уйти, – сказала Николь. – Мне нужно кое-что сделать.

Венсан сам потом не мог понять, как он удержался и не сбросил девчонку в колодец, хотя это было первое, что пришло ему в голову.

Он и не догадывался, что в точности повторяет действия Арлетт, когда Николь объявила ей, что должна вернуться в замок. Сперва Венсан кричал, не желая ничего слушать. Потом взывал к ее совести. Потом сел на пол, бросил рядом ненужный мешок и молча уткнулся затылком в стену.

Тогда Николь пристроилась рядом с ним и начала говорить.

Ее рассказ оказался долгим. Поначалу Венсан пытался задавать вопросы, но когда Николь дошла до побега жены Симона де Вержи от Головореза, надолго замолчал. Один раз девушка даже спросила, слушает ли он.

Лекарь ответил не сразу, и голос у него был какой-то чужой.

– Да, – сказал он. – Да.

...– Сегодня та самая ночь! – закончила Николь. – Я заберу у маркиза камень, и тогда мама вернется ко мне.

Венсан закрыл глаза, чтобы не видеть ни ее лица, горящего надеждой, ни быстро тускнеющего пятна света на потолке. Но так стало еще хуже. Непрошенные картины завладели его сознанием, сменяя друг друга быстрее, чем он успевал сказать «стой»: рыжая лошадь, мчащаяся сквозь ночной лес; пылающая хижина; могила, на краю которой замерла раненая Птичка.

Венсан снова уставился на белесое пятно и вспомнил, как к концу второго дня заточения в колодце им овладела навязчивая идея: что, если он не умрет, а будет жить здесь, в полумраке и холоде, пока не состарится? Эта мысль при всей ее несомненной абсурдности так ужаснула его, что Венсан поклялся себе ни за что не забывать о том, каким было его существование прежде, до того, как он свалился сюда.

Это тоже было полнейшим вздором, однако успокоило его. Иногда с абсурдом бесполезно бороться с помощью здравого смысла; лишь еще больший абсурд способен совладать с ним и вернуть на место покосившееся мироздание.

Время от времени, подумал Венсан, стоит спросить себя: не потому ли я никуда не двигаюсь, что сижу в колодце, стиснутый каменными стенами? А если это так, когда я успел провалиться в него и давно ли я считаю эту дыру в потолке солнцем, а сочащийся из нее мутный разжиженный туман – потоками света?

Святой Рохус, я бы призвал тебя, если бы знал, о чем просить. Исполнить ее желание? Это невозможно. Лишить ее веры? Слишком безжалостно. Нельзя отбирать у человека все, что он имеет, ничего не давая взамен.

Но у него нет выбора. Если только он не собирается наблюдать, как она отправляется на верную смерть, будто мало ей было предыдущих встреч с костлявой.

Венсан провел рукой по лбу и тяжело вздохнул.

– Послушай, Птичка, я должен кое-что объяснить тебе... – с трудом подбирая слова, начал он. – Про этот камень...

Николь понимающе улыбнулась.

– Я знаю, что вы скажете, месье Бонне.

– Неужели?

– Вы полагаете, все, что рассказал про него маркиз, – неправда.

– Мортемар, очевидно, верит в то, что говорит, – нехотя сказал Венсан. – Но это ничего не значит. Не существует артефактов подобной силы, Николь. Это всего лишь давняя мечта человечества, воплощенная в легенде.

Николь поплотнее закуталась в плащ, который дал ей лекарь.

– Я думаю, камень сделала колдунья, – доверительно сообщила она, словно и не слышала Венсана. – Только очень древняя и сильная. Вроде той, что встретила моей матери.

– Да не встречалась ей никакая колдунья! – вспыхнул Бонне и даже в полумраке увидел, как сверкнули глаза девушки.

Николь вскочила:

– Арлетт не врала мне!

– Я и не говорю, что врала, – уже спокойнее сказал он. – Ты, наверное, не знаешь, что некоторые люди обладают сильным даром внушения. Это... – он пощелкал пальцами, пытаясь объяснить понятнее, и тут его осенило, – это как заставить кого-то видеть сон, который ты сам для него выберешь.

– Внушение? – неуверенно повторила Николь.

– Да. Мне рассказывал об этом мой наставник. Он видел фокусника, выдающего себя за чудотворца. Тот мог с помощью серебряной монеты усыпить человека, а затем во сне заставить его лаять или блеять. Этот фокусник собирал целые толпы. Любой, знаешь ли, будет рад увидеть, как его сосед мычит и задирает ногу на столб.

Девушка потопталась и снова села рядом. История с фокусником впечатлила ее. «Хорошо, что я не стал ссылаться на книги, – подумал Венсан. – Тогда бы она рассердилась еще больше».

Он и сам ощущал себя фокусником с серебряной монетой, вращающейся на длинной нити. Но в отличие от того обманщика ему нужно не усыпить глупую девочку, а разбудить ее ум. Как ни странно, иногда это намного сложнее.

– Старуха, которая спасла твою мать после побега из замка, была, видимо, как раз из таких, обладающих даром внушения. – Венсан не смотрел на Николь, но краем глаза замечал, что она внимательно слушает. – Она убедила Арлетт, что та состарилась. Если хочешь, околдовала ее, но не по-настоящему, а понарошку. Твоя мать была уставшей, до смерти напуганной, да еще в одночасье потерявшей все, что ей было дорого. Люди в таком состоянии подвластны внушению. Но в действительности она не изменилась.

Николь потерла лоб.

– Вы хотите сказать, если бы той ночью мимо хижины ведьмы шел охотник и заглянул в окно...

– ...он увидел бы молодую женщину, – кивнул Венсан. – Вся эта история с обменом жизни на то, что было у Арлетт, – просто спектакль.

– Но зачем?

Лекарь пожал плечами:

– Один черт знает, что могло взбрести в голову старой знахарке. Должно быть, она взбесилась от злобы, пока сидела в чаше.

«А может, ей хотелось попробовать силы, и твоя несчастная мать просто подвернулась под руку, – добавил он про себя. – Колдуньей эта проклятая карга, конечно, не была. Но гореть ей в аду за ее жестокий обман – в одном котле с другими погубителями душ».

– Но послушайте, месье Бонне, я же видела Арлетт своими глазами! – сообразила Николь. – Она и в самом деле очень старая!

Венсан невесело усмехнулся.

– Твоя мать прожила в лесу много лет. Скажи мне: она была морщинистой, беззубой, с пятнистой кожей?

Николь медленно покачала головой.

– У нее только волосы седые, – прошептала она. – Совсем-совсем белые, как снег.

Лекарь с состраданием посмотрел на нее, но ничего не стал говорить. Николь и сама все поняла. «Арлетт потеряла мужа и дочь, долгие годы вела жизнь отшельницы... Ничего удивительного, что она поседела раньше срока».

Девушка поднялась, сделала несколько шагов по коридору и остановилась, глядя в пустоту, где терялся слабый свет их факела. Венсан остался ждать. Он долго молчал, зная, что все слова будут лишними, но наконец не выдержал:

– Птичка, пора. Если нас уже ищут, к реке пустят собак.

Николь обернулась.

– Как вы думаете, где они будут проводить ритуал, месье Бонне? – озабоченно спросила она. – Мне нужно быть там до полуночи.

Венсан оторопел.

– Но ведь я объяснил тебе...

Николь отвела глаза.

– Простите меня, месье Бонне. Я очень благодарна вам за то, что вы для меня сделали. Но я вернусь в замок и найду камень.

– Да тебя там убьют! – заорал Венсан, потеряв терпение. – Маркиз раздавит тебя как козявку! Ты умрешь ни за что, просто так, безмозглая ты

овца! Ты ничем не поможешь своей матери, она мертва, Николь, мертва, она пронзила себе сердце, и ты не вернешь ее, даже если у тебя будет тысяча таких камней!

Николь попятилась, ошеломленная его яростью. «Матери!» «Мертва!» «Не вернешь, не вернешь!» – заметалось среди стен.

Венсан видел ужас в ее глазах, но остановиться был уже не в силах.

– Знаешь, почему твоя мать убила себя? Она спасала тебя, Николь. Не смей затыкать уши, слушай меня! Арлетт пошла на самую большую жертву, какую может принести человек. Господи, она даже не знала, что ты ее дочь! Она тебя любила, слышишь, чертова дура, так любила, что готова была отдать все, лишь бы ты жила! А ты – что хочешь сделать ты с ее даром?!

Он выдохся и замолчал, но эхо его слов, отражаясь от стен, наполняло подземелье. Вслед за ним оно кричало, умоляло, взывало, гневалось, обрушиваясь со всех сторон на маленькую фигурку, съезжившуюся посреди коридора.

Когда наступила тишина, Николь не сразу отняла ладони от лица.

– Беги, дурочка, – безнадежно попросил Венсан. – Ты еще успеешь добраться до реки.

Она слабо улыбнулась сквозь слезы:

– Прощайте, месье Бонне. Если будет на то божья воля, мы увидимся.

Глядя, как удаляется, раздвигая темноту, факел, словно плывущий в воздухе, Венсан подумал, что никаким знанием нельзя уничтожить веру. Она отринет твои доказательства, отбросит объяснения, зажмурит глаза и заткнет уши, и только душа останется открытой для чуда, которое не свершится.

Чудес не бывает, Птичка-Николь.

Но когда вы оба предстанете перед высшим судьей и он спросит, во что вы верили, что ты ответишь, Венсан Бонне? С девочкой все понятно. Вон она, идет навстречу смерти, желая победить костлявую, и ее не свернуть с этого пути.

Но твой путь, где проходит он?

Я отвечу, что верил в разум, подумал Венсан. Разум сильнее всего, он тот источник света, который горит неугасимым пламенем. Что сила разума безгранична, что с ним жизнь наша становится постижимой.

Великий Цицерон говорил, что разуму не приходится выбирать, если выбор стоит между истиной и выдумкой.

Так почему же, черт меня побери, я иду за упрямой девчонкой, бросив

вещи, приготовленные для побега, и ускоряю шаг, когда факел скрывается за поворотом, оставляя за собой тающее золотое свечение?

– Они поднимутся на сторожевую башню, – сказал Венсан, поравнявшись с Николь. – Оттуда видно небо со всех сторон. Но как мы попадем туда, вот в чем загвоздка.

– Я попаду, – поправила Николь.

– Мы попадем, – тем же тоном повторил лекарь.

Девушка взглянула на него и вдруг улыбнулась так облегченно и радостно, что Венсан сразу понял, как страшно ей было идти одной, и как благодарна она, что он не бросает ее и теперь.

Он криво ухмыльнулся в ответ.

Ну, не так все и погано, как могло бы показаться. Одна Птичка точно не справится, а с ним у нее появился небольшой шанс. Он отвлечет Мортемара, девчонка стащит свой проклятый камень, нашепчет ему свои желания, убедится, что небеса безответны, и они спокойно удалятся под негодующие вопли маркиза и графа Гуго де Вержи.

А если удалиться им не дадут... Что ж, в конце концов, ему всегда хотелось побывать на сторожевой башне.

– Послушайте, месье Бонне, – вывел его из раздумий голос девочки, – я все думаю о том, как вы разоблачили Беатрис.

– И что же ты думаешь?

Николь замедлила шаг.

– Если ваш второй флакон был покрыт каким-то невидимым составом, то жидкость должна была окрасить в розовый цвет и ваши руки, – рассудительно сказала она. – Ведь вы тоже дотрагивались до стекла.

Венсан улыбнулся.

– Не было там никакого невидимого состава, – с удовольствием признался он.

– Что?!

– Видишь ли, я знал, что убийца – Беатрис, но не мог доказать этого, а действовать нужно было быстро. И я солгал. Украсть флакон могла только она, потому что Коринна не бывала у меня. Вот я и придумал про секрет монахов, помогающий изобличить вора.

– Но постойте! – Николь остановилась в изумлении. – Мы все видели, что ваша жидкость из синей стала розовой!

– А, это! – Венсан небрежно махнул рукой. – В пузырьке был всего лишь спиртовой раствор чертовой соли. Сам по себе он синий, а когда вступает в реакцию с водой, розовеет.

- Но Беатрис не мочила рук!
- Для реакции достаточно паров воды, содержащихся в воздухе, а воздух после ночи как раз влажен.
- Значит, если бы граф попросил вас полить из пузырька на его ладони...
- ...они бы тоже порозовели, – подтвердил Венсан. – Но он ведь не попросил.

* * *

На закате небо ненадолго рассекла белоснежная полоса – стая быстрых, как чайки, перистых росчерков, стремительно уносимых ветром за дальние отроги – и по одну ее сторону осталась высокая чистая синева, а по другую растекающееся алое озеро с багровыми берегами и грязно-желтой накипью низких кучевых облаков.

Окна замка Вержи вспыхнули, словно внутри занялось пламя, и отблески призрачного пожара заиграли на серых камнях. Но это продолжалось недолго. Когда солнце село, пламя пропало, как не было, и окна вновь стали темны.

Граф де Вержи поднялся по винтовой лестнице на самый верх сторожевой башни и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Вон.

Стражники бесшумно исчезли один за другим. Лишь последний, убегая, задел плечом дверь и от глухого звука метнулся прочь еще быстрее, словно мелкая рыбешка, испугавшаяся тени хищной птицы над заводью.

Все закоулки Вержи опустели. Попавший внутрь случайный путник решил бы, что здесь свирепствовал мор, ибо не может быть так тихо и пустынно в многолюдном замке.

Обитатели замка были живы. Однако никто из них и носа наружу не посмел бы высунуть в этот вечер.

Причиной тому был Гуго де Вержи.

Вернувшись с похорон, граф надолго заперся в своих покоях. В огромной зале на столах стыли кушанья: Гуго объявил, что на поминальной трапезе не желает никого видеть, и гости убрались восвояси, осуждающе шепчась о нарушении традиций. Повара тревожно переглядывались, слуги ждали приказаний, но никто не осмеливался прервать уединение хозяина замка.

Маркиз де Мортемар тоже закрылся у себя. Кинулись за распоряжениями к начальнику охраны, но Пьер Рю и сам не знал, чего ожидать, и велел оставить все как есть до появления графа.

Предчувствие недоброго овладело всеми и заструилось шепотками в воздухе, как дымок от разгорающегося огонька, грозящего перерасти в пожар. «Его милость, должно быть, с ума сошел!» «С женой разговаривает!» «Призраки явятся сегодня, помяните мое слово!» «Слыхали – Матье пропал? Дурнушка Мари ходит сама не своя, ищет его». «Должно быть, покойницы поманили его за собой, он и сгинул!»

Гуго де Вержи вышел, когда солнце клонилось к закату. И голосом бесцветным и сухим, как песок, сообщил ожидавшим людям, что его младшая дочь, Беатрис, не выдержав угрызений совести, наложила на себя руки.

После этих слов он вновь скрылся за дверью. Ни об омовении тела, ни о молитве над покойной – ни о чем не распорядился больше Гуго де Вержи.

Эта третья смерть, а более всего то, как было сказано о ней, потрясла людей. Тщетно Бернадетта пыталась удержать кухонную прислугу. Все до единого сбежали, охваченные ужасом, словно смерть шла за каждым из них по пятам.

Осталась только нянюшка Коринна. Она билась об пол и кричала, что граф прикончил собственную дочь, пока ее не оглушил начальник охраны ударом могучего кулака.

Маркиз де Мортемар поднялся следом за графом на сторожевую башню.

– Час близок, Гуго.

Оба одновременно взглянули на ночное небо.

К полуночи распогодилось. Мортемар выдохнул и перекрестился. Небеса должны быть совершенно безоблачны, чтобы они могли увидеть отражение луны; кто знает, подействует ли слово, обращенное к камню, если хотя бы малейшая тень закроет серый диск.

Его астрономы предупреждали, что даже в ясную ночь пепельная луна может не появиться, и не в их силах предсказать, случится это или нет. Прежние многолетние наблюдения показывали, что при схождении Кроноса и Марса ее замечали почти всегда.

Но лишь почти. Почти!

Звезды сияли так, что за ними не было видно неба. Млечный Путь серебрился и сверкал, будто там, наверху, в черных ночных водах огромный рыбий косяк шел на нерест, выгибая перламутровые спины.

– Ты когда-нибудь видел такое, Гуго?

– Нет, ваша светлость.

Мортемар положил ладонь на камень, спрятанный под камзолом. Будет ли знак, что схождение близко? Отзовется ли камень на его прикосновение, когда слово будет произнесено?

Жан Лоран не раз задавал себе вопрос, отчего не положился целиком на волю провидения. К чему многолетний заговор? Он мог не интриговать, не искать сторонников, не рисковать их жизнями, не рисковать своей собственной, в конце концов! Гуго де Вержи, когда они были в самом начале пути, добывал деньги для тайного общества, грабя окрестные замки под видом разбойника, и очень быстро ввел окрестных жителей в такой страх, что прозвище «Головорез» боялись произносить вслух. Правда, Жан Лоран в душе подозревал, что Гуго не только пополняет их казну, но и удовлетворяет свои темные желания. Он не возражал. Тем более, после оказалось, что сама судьба хранила его соратника, поведя этим путем: его родной брат, ученый затворник, тайно женился и произвел на свет ребенка. Это означало, что богатства отца не перепадут младшему сыну. Что бы делал оставшийся без огромного наследства Гуго де Вержи, не будь у него в запасе личины Головореза?

Жан Лоран вскинул голову. А сам, он сам каким хотел бы прийти к королевскому трону? Предводителем заговорщиков, познавшим верность и предательство, испытавшим взлеты и падения, готовым жертвовать всем и знающим цену жертвам? Или безвестным ничтожеством, двадцать лет ждавшим мига, когда можно произнести заветные слова?

Маркизу был известен ответ. Он хотел получить власть, зная при этом в глубине души, что получил бы ее и без камня.

– Не странно ли, Гуго? – глухо проговорил он. – Где-то там огромные небесные тела, чей размер не охватить разумом, влияют на судьбы, преломляют ход истории, а мы здесь, внизу, видим всего лишь сближение двух светящихся точек величиной с булавоочную головку. Астрономы говорят, человек не может узреть в этом ничего значительного.

Гуго де Вержи издал тихий смешок.

Удивленный Жан Лоран обернулся к нему.

– Ничего значительного? – Гуго покачал головой. – Или астрономы слепы без своих приборов? Взгляните, ваша светлость! – он указал вверх. – Впервые я вижу своими глазами такое великолепие. К чему искать две светящиеся точки, когда сами небеса возвещают нам, ничтожным, что близится заветный час.

– Что, если луна не появится?

– Простите мою неучтивость, ваша светлость, но вы так же говорили о камне, когда он пропал. Однако камень сам пришел в ваши руки. И так же придет луна. Уже очень скоро.

Оба замолчали. Густой сумрак обволакивал башню. Земля погрузилась в сон. А над спящими лесами и полями мерцали бесконечные россыпи звезд.

– Смотрите! – приглушенно вскрикнул Гуго. – Вон там!

Высоко над лесом был вбит узкий клин черноты – едва ли не единственное место на всем небосклоне, где почти не было звезд. И в самой середине этого клина Мортемар увидел две круглые точки, одну вдвое больше другой.

– Схождение... – благоговейно прошептал он.

Точки приближались друг к другу. Жан Лоран де Мортемар и Гуго де Вержи застыли, не сводя с них глаз. Маркиз сорвал с шеи мешочек и вытряхнул камень на ладонь.

– Что, если призрак луны появится и сразу исчезнет? – прошептал он. – Я должен быть готов произнести слова.

Его внезапно охватила неуверенность. Он, столько раз представлявший, как это случится, именно сейчас осознал, что все это должно сопровождаться каким-то особым ритуалом, а подлая швея утаила от них самое важное. Не может же он, в самом деле, шептать свои слова, прижимая губы к холодному камню! Куда он должен кричать их? В небо?!

– Сейчас, – с непонятно откуда взявшейся уверенностью вдруг сказал Гуго де Вержи. Он выпрямился. Не на схождение планет был обращен его взор, а выше, где под созвездием Рыб вдруг сооткнулся из света звезд странный бледно-серый расплывчатый круг.

– Это оно! – не веря себе, произнес Мортемар. – Луна вот-вот появится!

Они переглянулись. Жан Лоран почувствовал, что графа колотит как в лихорадке, и не сразу понял, что это дрожь его тела передается Гуго.

– Готовьтесь, ваша светлость, – одними губами произнес граф. – Только не торопитесь. Луна должна проявиться целиком.

Мортемар затаил дыхание. Узкий желтый серп высветился в нижней части круга – тоненький ломтик нарождающейся луны. Он становился все ярче и ярче, а бледный диск над ним зрел, наливаясь цветом. И наконец огромный серо-голубой шар повис в небе, точно гигантский фантастический плод, опущенный божественной рукой в сияющее золотом блюде.

Гуго де Вержи хотел сказать что-то маркизу, но губы его шевелились

беззвучно, как у рыбы.

Маркиз глубоко вздохнул и поднял камень на ладони высоко вверх. Теперь он точно знал, что и как нужно делать.

– Я, Жан Лоран де Мортемар, призываю всю силу камня и небесных тел, чтобы осуществилось мое желание...

Договорить он не успел. Откуда-то сверху, из-под крыши башни свалилось существо, показавшееся ему в первый миг огромной летучей мышью, приземлилось перед ним и выбило сокровище из его ладони. Мортемар лишь заметил, как змеится оживший красный ручеек, разливаясь на множество тонких струек.

Камень ударился об пол, отскочил и закатился в тень стены. Существо со всех ног бросилось к нему.

– А-а-а! – зарычал Жан Лоран и ринулся за ним вслед.

Но ему вновь помешали.

Крышка люка откинулась, и оттуда кто-то выскочил. Маркиз краем глаза заметил тень, несущуюся наперерез – и его отбросило назад от страшного удара.

Мортемар не раз бывал ранен. Но все прежние увечья в этот миг показались ему царапинами. Боль не просто пронзила тело Жана Лорана – само его тело стало болью. Сердце будто насадили на иглу. Он упал, ослепленный, хрипя и кашляя.

– Гуго!

Как и маркиз, Гуго де Вержи не был готов к внезапной атаке. Но, в отличие от Мортемара, он узнал нападавших. Как только опасность обрела плоть и имя, Гуго овладел собой.

– Бонне! – прошипел он сквозь зубы, вытягивая меч из ножен. – Ах ты тварь!

Клинок засверкал, рубя воздух на пласты. Венсан попятился и выхватил из-за пояса палку, которой успел отразить два удара, прежде чем она с коротким хрустом разломилась пополам. Он швырнул обломки в лицо графу, увернулся и услышал тонкий веселый свист, когда меч рассек воздух возле его уха.

Где же Птичка?!

– Я, Николь Огюстен, призываю всю силу камня и небесных тел...

Едва уклоняясь от сверкающего лезвия, Венсан успел подумать, что выбрал для себя крайне нелепую смерть. Погибнуть за то, во что веришь, – еще куда ни шло. Но сдохнуть, защищая то, что высмеивал всю свою жизнь, – это совсем никуда не годится.

Лекарь отпрыгнул за стол, на котором валялись объедки ужина

стражников, резко присел, уходя от удара, поскользнулся и упал на спину. Стол опрокинулся на него, придавив к полу, а меч вонзился в деревянную поверхность мигом позже. Рядом с Венсаном упал рассеченный надвое огрызок яблока.

– ...и прошу у тебя, чтобы исполнилось мое желание!

Утробный рев заглушил голос Николь. Поднявшись с пола, качаясь, как раненый бык, Жан Лоран двинулся на девочку.

Венсан оцепенел. Что за дьявольская сила живет в этом человеке?! Удар, который он нанес Мортемару своим кастетом, должен был обездвижить того на ближайшее время. Ушиб сердца, сломанная грудина – вернее было бы бить только в висок, но лекарь побоялся, что Мортемар увернется.

Черт возьми, да он своими ушами слышал хруст перебитой кости!

Однако маркиз шел на Николь, оскалив желтые зубы, на ходу вытаскивая из ножен узкий кинжал.

– Николь! – изо всех сил заорал Венсан, извиваясь в попытках выбраться из ловушки. Над ним Гуго де Вержи, грязно бранясь, пытался вытащить из столешницы застрявший в ней клинок. Но лекарь больше не смотрел на него. Все его внимание было приковано к девочке, поднявшей на ладони черный камень с проблесками красных нитей, и быстро приближающемуся к ней маркизу.

– Николь!

Она не слышала. Не сводя взгляда с луны, Птичка выкрикивала слова, которые должны были вернуть к жизни ее мать.

Маркиз занес для удара руку с кинжалом.

– Николь, беги!!!

Она не успела назвать только имя. Нож Мортемара вошел в ее тело, и девочка громко ахнула, будто выдыхая весь воздух, что был у нее внутри.

А потом она вывернулась как-то неестественно, и осела, и мягко повалилась набок, и Венсан увидел, как свет звезд отражается в стекленеющих глазах.

Он застыл, и время тоже застыло, и тысячи маятников отбили тысячи человеческих жизней, пока Венсан смотрел на ее запрокинутое к небу лицо. А потом его собственная жизнь вспыхнула и сгорела, и остался только серый пепел.

Он даже не почувствовал боли, когда Гуго де Вержи, выдернув наконец свой меч, задел острием его плечо. Только услышал треск рвущейся ткани, а потом что-то теплое потекло по коже.

«Маркиз ее убил».

Жан Лоран, опустившись на одно колено, поднял камень, выпавший из ладони Николь. Его скрюченные от боли пальцы вцепились в стену. С мучительным стоном маркиз выпрямился и ощерил зубы на луну.

– Я! – прохрипел он. – Жан Лоран де Мортемар! Призываю! всю силу небесных тел!..

Он сделал шаг и чуть не упал, споткнувшись об откинутую руку Николь. Некоторое время маркиз смотрел себе под ноги непонимающе, словно забыв, откуда взялось здесь это тело, а затем брезгливо пнул его.

– ...и хочу! Чтобы исполнилось!..

Оцепенение Венсана спало в тот миг, когда он увидел, как дернулась от удара безжизненная кисть Николь. Там, где был только пепел, вдруг взметнулась слепящим белым пламенем нерассуждающая, исступленная ярость.

Граф де Вержи посмотрел сверху вниз на поверженного противника и скривил губы. Слишком легкая смерть для такого поганого отродья! Он опустил меч, целясь клинком в горло лекаря, но вдруг стол, который Гуго небрежно придавливал коленом, подбросило вверх, и клинок скользнул о дерево, вместо того чтобы рассечь беззащитно подставленную шею.

Граф де Вержи едва устоял на ногах. Он не верил своим глазам: лекарь, которого он уже считал трупом, отшвырнул стол, поднялся и теперь шел к нему, покачиваясь, со странным блеском в глазах. Прежде Гуго сказал бы, что проделать такое под силу только Жану Лорану.

Он присмотрелся к Бонне. Губы лекаря шевелились, и, прислушавшись, граф разобрал:

– Я, Венсан Бонне, призываю всю силу...

Гуго все понял. Верно говорят, что умалишенные бывают чудовищно сильны, когда на них накатывает приступ помешательства.

– Ты взбесившийся пес, – с отвращением процедил он. – Я должен был понять это раньше.

Лекарь с тем же диким блеском в глазах направился к нему – раненый, безоружный, перепачканный в крови.

Что ж, безумец сам выбрал свою смерть. Гуго усмехнулся и выбросил вперед руку с мечом, готовясь вспороть негодюю живот.

Он так и не понял, как Бонне смог увернуться от удара. Но только клинок рассек пустоту, а в следующий миг лекарь уже стоял рядом с ним. Кастет врезался в голову Гуго де Вержи, раздробил ему висок и убил его раньше, чем граф повалился под ноги Венсану.

Маркиз обернулся на звук упавшего тела, и слова застыли на его губах.

– Гуго?!

Этого не могло быть. Гуго де Вержи, его соратник и друг, лежал на каменных плитах в луже собственной крови.

– Как?.. – прошептал Мортемар.

Убит? И кем – этим ничтожеством?!

Он перевел взгляд на лекаря.

– Ты, Жан Лоран де Мортемар, – медленно проговорил Венсан, – умрешь здесь, призывая всю силу камня, который не поможет тебе.

Он наклонился и вынул меч из руки мертвого графа.

– Ты, – сказал Венсан, приближаясь к изумленному Мортемару, – ты останешься в памяти не правителем, а предателем. А потом тебя забудут.

Жан Лоран пришел в себя. Он здраво оценил безумный блеск в глазах лекаря, уверенность, с которой тот держал меч, и отринул мысль, что лекарю удалось справиться с Гуго лишь волей слепого случая. Нет, перед ним стоял человек крайне опасный! Он не даст ему закончить обращенные к камню слова, он будет нападать, и не дай бог Жан Лоран собьется или оговорится!

Маркиз быстро взглянул на луну и, убедившись, что она по-прежнему ярка и огромна, бережно положил камень на парапет.

В этот миг Венсан нанес удар. Но меч Мортемара отразил его. Искривленный персидский клинок, тяжелый, обоюдоострый, с переливающейся серебряной волной посередине закрутился вокруг маркиза будто бы сам по себе. Венсан попятился, избегая сверкающего смертоносного диска.

Противники закружили по башне, не спуская друг с друга глаз. За спиной Мортемара лежало тело Николь, за Венсаном – мертвый Гуго де Вержи.

– К чему тебе камень? – спросил маркиз, медленно обходя упавший стол, разделявший его и лекаря. – Твои желания ничтожны!

Он сделал обманный выпад, надеясь достать врага с одного удара. Однако впервые в жизни ему достался противник столь же быстрый, как он сам. Лекарь уклонился и ответил встречным выпадом, который достиг бы цели, если бы не огромный опыт Мортемара. Маркиз подался назад, и клинок сверкнул в дюйме от его лица.

– Что ты хочешь? – выкрикнул Мортемар. – Богатства? Славы?

Вопросы его имели лишь одну цель – отвлечь врага. Тот, кто слушает тебя, уже наполовину побежден.

Но ответом ему был только свист короткого меча.

Больше Жан Лоран ничего не говорил. Он понял, что лекаря этим не проймешь. И тогда маркиз сменил тактику.

– Г-ха!

Сверкнул волнообразный клинок, зазвенела сталь. Мечи скрестились, но здесь перевес был на стороне Мортемара. Лекарь не уступал ему в ловкости, но проигрывал в силе и воинском опыте.

Маркиз отбросил лекаря назад и коротко прошипел, когда лезвие рассекло его руку. Но царапина была пустяковая, она лишь сильнее разъярила его.

Жан Лоран оттолкнул стол и скрипнул зубами, когда боль пронзила грудь. Но больше она не могла его остановить. Маркиз двинулся вперед, вращая мечом и оттесняя лекаря к стене. Перед его глазами стоял камень, в ушах звучали несколько слов, которые он произнесет, когда распорет горло этому выскочке.

Он видел себя на королевском троне, а где-то у его подножия слышал ропот неисчислимой армии, повинующейся каждому приказу. Он наблюдал расцвет страны, богатеющей при правлении Жана Лорана. Читал свое прославленное имя, внесенное в летописи, увековеченное в мраморе. И каждое из этих видений наполняло его душу торжеством, а тело – силой.

Венсан не мог противостоять такой мощи. Он отбивал удары, но рука его слабела. Ему удалось несколько раз достать маркиза, но тот был словно заговорен от ран. Кастет Венсан давно бросил, да от него и не было бы никакого толку: вращающееся лезвие не давало ему приблизиться к Мортемару.

В последней попытке, собрав все силы, Венсан бросился на врага, но мертвый Гуго де Вержи напоследок отомстил ему. Лекарь поскользнулся на его крови и, взмахнув руками, рухнул на спину.

Следующий удар Мортемара выбил меч из рук лекаря. Оружие, зазвенев, упало так далеко, что Венсан не в силах был дотянуться до рукояти. Жан Лоран поставил ногу ему на грудь и занес клинок над поверженным врагом.

– За тебя, мой друг, – горестно сказал он, взглянув на тело Гуго де Вержи.

Пронзительный вопль раздался за его спиной. Прежде, чем Мортемар успел опустить меч, длинная черная фигура налетела на него и повалила на пол, визжа как взбесившаяся лесная кошка.

Венсан отполз в сторону и приподнялся в изумлении. Бернадетта?!

Разъяренная одноглазая фурия вцепилась в лицо маркизу, разрывая кожу. Он драла его, верещала, шипела, раскачивалась, как безумная. Кровь заливала маркизу глаза, крики оглушали. Меч был прижат к полу его собственным телом, и Мортемар никак не мог высвободить клинок.

– Убийца! – визжала старуха. – Паршивый мясник!

Жан Лоран извивался под ней, пытаясь перехватить свое оружие. Крепкие пальцы старухи уже терзали его горло.

– Помнишь меня? – пронзительно закричала Бернадетта, склонившись к лицу маркиза и прожигая его единственным глазом. – Помнишь?!

Ее ладони все сильнее вдавливались в его толстую бычью шею. Лицо Мортемара побагровело, глаза выкатились из орбит. Но ему удалось наконец выдернуть руку с мечом. Маркиз оттолкнулся от пола, сбросил с себя старуху и перекатился на спину. Бернадетта вновь навалилась на него, и тогда Жан Лоран, изогнувшись, ударил ее в бок.

Ключница вскрикнула и разжала пальцы.

Жан Лоран занес руку для второго, последнего удара. И в этот миг тонкое длинное острие ножа, забытого им возле Николь, пронзило шею чуть пониже уха.

Маркиз дернулся. Рукоять меча выпала из ладони. Он перевел недоумевающий взгляд туда, откуда прилетело раскаленное жало, и увидел лекаря, метнувшего его собственный нож, точно копье.

Мортемар прижал руки к шее, но было слишком поздно. Жизнь вытекала из него. Он пытался сосредоточить взгляд на камне, вбиравшем в себя свет призрачной луны, но его заслонило изможденное старческое лицо.

– Умираешь ты, ваша светлость, – сказала Бернадетта. – Взаправду умираешь. Господи, наконец-то...

Луна над ее головой позеленела, раздвоилась и вдруг приблизилась к нему, обретая знакомые черты. Ведьма Черного леса склонилась над Мортемаром, и как он ни пытался остановить ее, отвела его руки от смертельной раны.

Жан Лоран упал, дергаясь в последних судорогах и затих навсегда.

Бернадетта запрокинула голову и что-то закричала протяжно – кажется, то была безумная песнь победы, полная одновременно и скорби, и радости – но у Венсана в ушах стоял глухой шум. Боль, горе, опустошение – все навалилось на него разом. Четко, как никогда, он осознал, что жизнь его кончена, и сколько бы лет ни отпустил ему господь, не будет ни дня, когда он не пожалеет о том, что выжил сегодня.

Задыхаясь, он поднялся и увидел, как медленно гаснет в бездонном небе пепельная луна, будто серебряная монета, опускающаяся в толщу воды. Камень, оставленный Мортемаром на парапете, казался в ее слабом свете не черным, а голубоватым.

Ни о чем не думая, Венсан протянул ладонь и сжал его в кулаке.

– Послушай, – прохрипел он, – мне ничего не надо. Только пусть она живет. Ты слышишь?! ПУСТЬ ОНА ЖИВЕТ!

Луна вдруг сделалась ярче – и исчезла, будто ее стерли одним взмахом руки. Венсану показалось, что он слышит язвительный смех существа с острой бородкой, являвшегося к нему в темницу.

Разум, говоришь? Так ответь теперь, чего стоит весь твой разум, Венсан Бонне, когда ты стоишь над ее телом и умоляешь о чуде! Ты, убежденный прежде, что чудес не бывает, – на что надеешься ты теперь?

«На свою веру».

А во что ты веришь, Венсан Бонне?

Ответ сорвался с его губ сразу, словно он знал его всю жизнь, а не понял только сейчас.

«В то, что любовь сильнее смерти».

Смех громче прежнего был ему ответом.

Чушь! Смерть непобедима, лекарь Венсан. Тысячи тысяч любящих и любимых канули в бездну, из которой нет возврата, и лишь память о них – единственное слабое утешение, доступное оставшимся. Так взгляни в лицо правде, лекарь Венсан. Что скажешь ты?

«Что любовь сильнее смерти».

Глупец! К чему твое упрямство? Ты любил свою жену – и она мертва! Оживила ее твоя любовь? Зачем цепляться за ложные надежды, когда ты сам признавал их бесполезность. Чудес не бывает. А если они и случаются изредка, то дарованы лишь тем невинным, в чьих душах нет места сомнениям. Загляни в свою душу, лекарь Венсан! Что ты видишь там?

«Что любовь сильнее смерти».

Нет ничего сильнее смерти, и ты всегда знал об этом. Так что ж ты теперь задыхаешься, прижимая к себе остывающее тело, зачем выкрикиваешь в небеса одно и то же, когда давно исчез призрак луны, и камень выпал из твоей руки, и глаза ее закрыты навсегда?

Венсан вздрогнул. Что?

Он перевел взгляд на лицо Николь. Глаза ее были закрыты. Несколько мгновений он смотрел на Птичку, не шевелясь, а затем дрожащими руками принялся расстегивать на ней одежду.

Кровь все еще текла из раны под ребрами, там, куда вонзился нож.

– Это невозможно...

Но кровь текла. Придавив пальцами жилку на шее, он уловил отчетливое биение.

– Девка, того гляди, богу душу отдаст, а он сидит, как истукан, и губами шлепает! – злобно прошипели сверху.

Венсан безумным взглядом уставился на Бернадетту, прижимавшую к боку окровавленную тряпку.

– Чего вылупился? Лекарь ты, дьявол тебя дери, или навозное рыло?

Венсан сорвал с себя рубаху и разодрал на полосы. И все то время, пока он останавливал кровь, перевязывал рану Николь, несся в каморку за снадобьями, вливал лекарство в рот девочки, перекладывал ее на стол – все это время старуха, не переставая, кляла на чем свет стоит и его, и его мамашу, и его выродка папашу, и всех потомков Венсана, которые, вне всяких сомнений, будут такими же бурдюками с протухшей ослиной мочой, как их никчемный отец.

Она прервалась лишь тогда, когда он, закончив с Николь, склонился над ней.

– Бернадетта, мне нужно осмотреть твой бок.

– Дырку в своей заднице осмотрите, – посоветовала старуха. – Все интереснее, чем в моих кишках ковыряться.

Даже в лучах слабого светильника, который он зажег, пока обрабатывал рану Николь, Венсан видел, как посерели губы Бернадетты. Морщины провалились, словно их прорезали ножом. Однако глаз сверкал с той же неистовостью, что и раньше, а запас брани по-прежнему был неисчерпаем.

Венсану пришло в голову, что ангелы-хранители порой могут выглядеть очень странно.

– Сиди смирно и не двигайся, – сказал он. – Мне придется разрезать на тебе одежду, чтобы добраться до раны.

Если бы Бернадетта не так ослабла, она бы не позволила ему дотронуться до себя. Но большая кровопотеря истощила ее силы. Железная старуха не издала ни звука, пока он промывал глубокий порез, оставленный мечом Мортемара, и сшивал разошедшиеся края, но в конце концов она все-таки потеряла сознание.

– Почему маркиз должен был тебя помнить? – спросил Венсан, когда ключница пришла в себя.

Бернадетта помолчала, прежде чем ответить.

– Камень принадлежал нашей семье, – наконец сказала она тем низким, будто бы не своим голосом, который ему довелось слышать лишь однажды, когда старуха рассказывала о деревне Левен. – Маркиз узнал о нем. Молодой он был тогда, совсем бешеный. Мужа дочери убил, а после и с моей Жаннет расправился. Его слуги пытали меня... Выкололи глаз, чтобы заставить мою бедную девочку говорить. И бросили, решив, что я

мертва. Сама не знаю, как выжила – должно быть, чудом. Тем более что мне и жить-то не хотелось. Из тех мест пришлось бежать, и принесло меня сюда, в Вержи. А потом снова появился Мортемар. Двадцать лет я молилась, чтобы господь дал мне сил когда-нибудь поквитаться с ним.

Она с трудом подняла ослабшую руку, чтобы перекреститься.

– Снился он мне каждую ночь. Девушке ее возлюбленный так не снится, как мне маркиз де Мортемар. Но теперь уж я посплю спокойно, месье Бонне. Да, спокойно...

Лекарь протянул ей чашку с водой, и старуха жадно приникла к ней. Напившись, она кивнула на спящую Николь:

– Как она?

– Ей нужен покой, – уклончиво ответил Венсан.

– Тут вам его не найти.

Это он знал и без нее.

– Бегите, – посоветовала старуха. – Бегите оба! Вам здесь нет места.

«А где есть?» – хотел спросить Венсан. Их будут искать. Каждую собаку отправят по следам убийц графа и маркиза. Власти не успокоятся, пока не отыщут беглого лекаря и горничную.

– Возьмите камень с собой, – настойчиво продолжала Бернадетта. – Только спрячьте его хорошенько!

Венсан насмешливо улыбнулся и покачал головой.

Он уже вполне пришел в себя, чтобы понимать: никакого чуда не случилось. Просто Мортемар был слишком слаб после удара кастетом, чтобы нанести Николь смертельную рану. Нож вошел неглубоко. Девочка всего лишь потеряла сознание. А он – хорош лекарь! – вздумал хоронить ее раньше времени.

Старуха дернула его за локоть так, что он едва не взвыл от боли в раненом плече.

– Нечего кривить губу, месье Бонне! – прошипела она. – Суньте этот чертов камень себе в карман, я сказала, и поберегите его! Лет через двадцать еще вспомните меня добрым словом.

Венсан внимательно взглянул на нее. Если она верит в его силу, то почему отдает?

– Оставь его себе. Камень твой по праву.

Бернадетта покачала головой.

– Он не принес счастья никому из нашего рода. Некоторым желаниям не должно сбываться, как бы нам этого ни хотелось.

– И ты не желала бы для себя чуда? – тихо спросил он, вспомнив про ее убитую дочь.

Их взгляды встретились.

– Чудо всегда рождается из отчаяния, месье Бонне, – так же тихо ответила Бернадетта. – А во мне давно уже его нет. Теперь, со смертью убийцы моей дочери, я могу обрести покой. Для этого камень мне не нужен. Да и двадцать лет я не протяну, что уж говорить...

Венсан помолчал, а затем наклонился к старухе и бережно обнял ее.

Бернадетта так удивилась, что не сразу нашлась, что сказать.

– Эдак вы меня и совратить задумаете, чего доброго, – хмыкнула она наконец. – Все, все, месье Бонне, хватит тискать старую колоду! Идите же. Да проваливайте, дьявол бы драл вас и вашу мамашу!

Венсан ухмыльнулся и поднялся. Старая карга непостижимым образом помогла ему обрести исчезнувшую было уверенность.

Черт с ними, с собаками. Пусть хоть всех псов округи снарядят на их поиски – он что-нибудь придумает. В конце концов, жизнь спрашивает нас каждый миг, пока мы живы, – а уж со смертью мы как-нибудь разберемся.

– Прощай, Бернадетта.

Небо на востоке уже начинало светлеть. Узкая голубая полоса пролегла над горизонтом, и звезды таяли в ней, как снег, упавший в теплую воду, когда Венсан спустился из башни, неся на руках Птичку, завернутую в одеяло. За спиной его висела тяжелая сума, в которую он наспех побросал все самое необходимое.

Несколько дней пересидим в лесу, думал он, а потом двинемся в Каркассон. На его узких, кривых, как ятаганы, и таких же опасных улочках отыщутся те, у кого они смогут укрыться, пока Птичка поправляется. А затем – в Лион. Шумный, огромный, веселый Лион, прекрасный город, откуда растекаются волны шелка по всей Франции, где печатают и продают книги, куда на ярмарки съезжаются торговцы из самых дальних земель. Там всегда найдется работа.

Глядишь, через пару лет он скопит на новый микроскоп от Гука.

Не оборачиваясь, лекарь направился к винным погребам, откуда начинался спуск в подземелья замка Вержи.

Едва он скрылся за углом, от стены отделилась массивная фигура. Пьер Рю шагнул вслед лекарю, но хриплый голос заставил его замереть на месте.

– Оставьте его.

Начальник охраны резко обернулся. Бернадетта – простоволосая, постаревшая, изможденная стояла на ступенях сторожевой башни, держась за перила. Он и не заметил, как она спустилась.

– Оставьте его, – повторила она спокойным, хоть и очень усталым голосом. – Пускай уходит.

Пьер бросил задумчивый взгляд вверх.

– Как я понимаю, граф и маркиз мертвы, – протянул он, прищурившись. – Кто ответит за их гибель?

Бернадетта села на нижнюю ступеньку и без всякого стеснения вытерла подолом юбки взмокший лоб.

– Его милость Гуго де Вержи потерял рассудок от смерти жены и старшей дочери, – хладнокровно сказала она. – Сначала дочь младшую убил, а потом заманил сюда маркиза и расправился с ним. Понятное дело, его светлость не сдался без боя! От ран-то бедный наш граф и скончался.

Бернадетта вздохнула и перекрестилась.

Медведь не сводил с нее тяжелого взгляда.

– А коли подниметесь наверх, месье Рю, так сами в этом убедитесь, – продолжала старуха. – Они своими собственными мечами да ножами друг друга порезали. Ох, страх божий, месье Рю! У меня, как я увидела это, язык отнялся. Еле-еле нашего лекаря позвала на помощь, благо он поблизости случился, да уж поздно было.

– А девчонка? – не выдержал Пьер. – Что там делала Птичка?

– Какая Птичка? – удивилась Бернадетта.

Она встала и, медленно ступая, приблизилась к нему. Пьер учуял острый запах какого-то лекарства и окинул ее быстрым взглядом. Да она, никак, ранена?

– Если вы про нашу Николь, так ее граф отпустил еще вечером, – с самым бесхитростным видом поведала ключница. – Ведь чуть не повесили девку за чужие грехи! Ох-ох-ох, что ж творится-то у нас...

Медведь сделал еще шаг в ту сторону, где скрылся Бонне, но вновь застыл в нерешительности.

События ночи, что случилась много лет назад, встали перед ним. Он вспомнил, как преследовал женщину, которую Гуго де Вержи приказал убить, и как существо, встретившееся ему на тропе в ночном лесу, заставило его повернуть назад.

Он солгал тогда графу. Сказал, что женщина мертва, но тело ее унесла река. Гуго поверил ему, ведь Пьер никогда не обманывал его прежде...

Но сам он знал, что мутные воды уносили не ту, бежавшую из сгоревшего замка, а другую. Кто была она, Пьер так никогда и не узнал и не желал задумываться об этом. Она зародила в нем ужас такой силы, что он боялся даже шевелить эти воспоминания, мутным илом осевшие на дне памяти.

Но сейчас они сами вернулись к нему. Стоило ему представить Венсана Бонне, бегущего прочь с Птичкой-Николь на руках, как высокая женщина с золотыми волосами заслоняла ему путь. Черты лица ее расплывались, и последнее, чего хотел бы Пьер – чтобы они обрели четкость.

– А лекарь-то пускай, пускай уходит, – снова забормотали рядом, и Пьер вздрогнул: он уже успел забыть об одноглазой ключнице. – Не прижился он у нас, что ж поделать. Да и по совести сказать, никудышный из него врачеватель. Лысого нужно брать, и чтоб непременно в очках!

Эпилог

Они вышли из-под полога леса, боязливо озираясь: мальчик и девочка лет семи, с вытянувшимися от любопытства и страха лицами. Пичужка, беззаботно посвистывавшая на ветке, смолкла при их появлении. Теперь тишину июльского полудня нарушали только их крадущиеся шаги и ровный несмолкающий шелест листвы.

– Может, пойдем уже отсюда, а? – Ноэль старательно напускал на себя беспечность. – Видишь, нету ничего! Одно пожарище.

Он презрительно повозил ногой в земле и пнул в сторону какую-то щепку, чтобы показать, что нисколечко не боится.

Но девочка отмахнулась от него и, на цыпочках переступая через завалы, двинулась к тому месту, где прежде стояла лачуга.

Золу давно разметал ветер, а то, что осталось, вбили в землю летние дожди. Из-под обугленных обломков пробивалась зеленая трава, и нежный тонкий побег вьюнка уже обвился вокруг торчащей наискось из земли доски, когда-то бывшей ступенькой крыльца.

– Ну чего тебе нейметя? – заныл мальчик, нехотя следовавший за ней по пятам.

Девочка обернулась к нему.

– Как ты не понимаешь, Ноэль! – горячо зашептала она. – Сюда никто не приходил до нас!

– Ну и правильно! Чего тут делать?!

– А вдруг мы ведьминские книги найдем!

– Да я их в руки не возьму! – открестился мальчик и на всякий случай сплюнул через левое плечо.

Подружка не слушала.

– А если зуб ведьмы? – мечтательно протянула она. – Представляешь, целый клык!

Ноэль уже готов был предложить выбить свой, лишь бы поскорее покинуть эту поляну, как вдруг случилось странное.

Неподалеку от них послышался приглушенный скрип, а затем прямо из земли начал вырастать человек. Он поднимался, поднимался, поднимался, пока не показался весь, и тогда стало ясно, что это молодая женщина в рваной юбке и грязной мужской рубахе, небрежно завязанной на животе. В одной руке она сжимала толстую книгу с покоробившимися желтыми страницами.

Свободной рукой женщина отряхнула юбку, подняла голову – и увидела детей.

– Рене, беги! – вскрикнул мальчик и бросился прочь.

Но девочка застыла, будто ноги у нее примерзли к земле. Она не могла отвести взгляда от лица женщины – узкого и заостренного, как лисья мордочка, но с широко посаженными большими темными глазами, блестящими, как созревший виноград.

– Эй, ты кто? – нахмурилась женщина.

– Ре-н-н-н-не, – заикаясь, выговорила девочка.

– И что ты здесь делаешь, Рене?

Немного приободренная спокойным голосом, девочка осмелилась сказать правду.

– Я ищу сокровища мертвой ведьмы.

– Мертвой ведьмы? – повторила за ней женщина, и что-то в ее голосе заставило Рене немедленно раскаться в том, что она не соврала.

– Так ты думаешь, ведьма умерла? – странно улыбаясь, спросила женщина.

Рене смотрела на нее во все глаза.

Мальчик, убежавший довольно далеко, увидел, что подружка не последовала за ним, и вернулся, стуча зубами от страха.

– Ведьму сожгли! – крикнул он, стоя в некотором отдалении.

– Это правда, – боязливо подтвердила Рене. – Ведьму сожгли.

О том, что никаких костей на месте пожарища не нашли, девочка умолчала.

Женщина запрокинула голову и расхохоталась. От этого смеха, казалось, ветер обрел силу и быстрее понесся над лесом, ломая старые ветви и стряхивая с дубов отжившие свое листья.

Ноэль еле удержался, чтобы снова не пуститься в бега. Его удерживал страх за Рене, оказавшийся сильнее ужаса перед незнакомкой. Что, если это цыганка, которая крадет детей? Она заболтает Рене, а потом вцепится в нее, бросит в клетку и увезет за сотни лье от дома, чтобы продать бородастым заморским торговцам.

– И вы в самом деле думаете, что колдунью Черного леса можно убить? – отсмеявшись, спросила та. – Глупые маленькие мышата! Колдунья живет, пока жив лес! – она бросила взгляд на гигантские дубы, высившиеся вокруг поляны. – Зарежут ее – а раны затянутся. Сожгут – а она восстанет из пепла. Слыхали вы про золотую птицу, которая умирает в пламени, а потом рождается вновь из серой золы?

Девочка кивнула.

– Рене, не верь ей! – крикнул мальчик и подошел еще немного ближе, готовясь выручить бедную дурочку, зачарованную цыганкой.

– Да кому же и верить, как не мне, – вновь рассмеялась женщина. – Вы хоть знаете, кто я такая?

Ветер, гулявший по ветвям, неожиданно стих. Побледневшая как мел Рене что-то тихо прошептала.

– Что ты сказала, мышонок? – склонилась к ней женщина.

Рене подняла на нее глаза и проговорила дрожащим голосом:

– Ты – ведьма Черного леса!

Будто дожидаясь этих слов, из-за кустов неторопливо показался крупный черный пес с острыми ушами и насмешливо оскалился, глядя на детей.

Этого Ноэль уже не выдержал. Он подбежал к Рене, схватил ее за руку и потащил за собой, пронзительно вопя во все горло. Через несколько шагов девочка будто проснулась: она обернулась, бросила взгляд на женщину, вскрикнула и помчалась прочь еще быстрее Ноэля – только сбитые пятки засверкали среди деревьев.

А вслед им гремели отголоски звонкого эха:

– И скажите всем, кого увидите! Ведьма Черного леса – жива!

Стоя за высоким можжевельником, обмотанным белой паутиной, как веретено пряжей, и слушая разговор Николь с перепуганными детьми, принявшими ее за ведьму, Венсан окончательно убедился, что внезапная догадка, пришедшая к нему еще несколько дней назад, верна. Он до последнего не хотел верить своим предчувствиям, но больше не стоило себя обманывать.

Николь с ним не пойдет.

Может быть, она еще и сама не знает об этом. Возможно, она не придумывает предлоги, чтобы подольше задержаться в лесу, а действительно хочет найти тайник Арлетт. Это ничего не меняет.

Венсан поморщился, представив, как быстро разнесутся новости о колдунье по всей округе. И без того опасное их положение станет еще хуже. Странно, что до сих пор по их следам не отправили охотников с собаками. Пожалуй, надо бы завтра наведаться к замку и осторожно разузнать новости, раз он все еще здесь.

До сих пор Венсан покидал лес только один раз: когда два дня назад на рассвете выбрался на берег реки и с размаху зашвырнул злополучный камень в самую середину, где закручивались и исчезали маленькие водовороты. Он бы без лишних затей выбросил его в лесу, если бы не

Николь. «Пожалуйста, месье Бонне, дойдите до воды, – попросила она. – Камень никому не принес добра. Я хочу быть уверена, что его никто не найдет».

Думая о том, как бы получше замаскировать свою приметную внешность, чтобы не схватили в первой же деревне, лекарь вышел на поляну.

Николь, улыбаясь, почти бежала ему навстречу. Баргест бодро мчался следом и размахивал хвостом как пиратским флагом.

– Только новой ведьмы Черного леса нам не хватало, – хмуро сказал Венсан. – Что ты еще затеяла? К вечеру здесь будет толпа во главе с отцом Годфри.

– Я нашла, нашла ее! – перебила его сияющая Николь.

Только теперь Венсан заметил книгу в ее руках. Мысли о священнике мигом вылетели из его головы.

– Святой Рохус! Ты отыскала тайник!

– Да! Он был там, где я думала! Я боялась говорить вам раньше времени, месье Бонне... Ах нет, лучше смотрите сами!

Николь подвела его к откинутой крышке погреба. Венсан склонился над лестницей и присвистнул.

– Они даже не пытались искать его, понимаете? – возбужденно твердила Николь. – Маркиз не знал, что здесь есть укрытие! Арлетт успела отнести туда все свои книги, а потом закрыла люк и спрятала веревку в траве. Пока вы ходили вокруг, я забралась туда и нашла их все.

– Все книги? – быстро спросил Венсан. – Даже тот травник, о котором ты мне говорила?

– Говорю же вам, все до единой! Но самое ценное вовсе не в травнике.

Она отвела Венсана в сторону, усадила на пенек и сама опустилась рядом с ним:

– Смотрите, месье Бонне, смотрите же!

Лекарь наконец оторвал взгляд от норы в земле и уставился на предмет, которым она размахивала у него перед самым носом.

Это были вручную сшитые тонкими кожаными шнурами тетради из самой простой, грубой бумаги, местами разлохмаченной и склеенной заново каким-то сероватым составом. Обложка из сыромятной кожи кое-где протерлась до дыр и сильно засалилась.

– Это та книга, которую писала Арлетт! – благоговейно сказала Николь. – Она говорила мне о ней, но не показывала. Прошу вас, месье Бонне, прочтите, прочтите мне хоть что-нибудь из нее!

Венсан бережно принял тяжелый том и раскрыл его на середине.

Ровный, четкий, твердый почерк. Ему показалось, он слышит голос той, что выводила эти строки.

– Почему вы молчите? – встревожилась Николь. – Там что-то не то?

Он покачал головой.

– Это не рецепт лекарства, а просто ее мысли. Видимо, Арлетт записывала сюда все подряд... Давай я найду тебе что-нибудь другое. Ты ведь хотела узнать, как она останавливала кровь?

Он попытался перевернуть страницы, но Николь остановила его.

– Читайте это!

Венсан вздохнул и медленно начал:

– «Когда я думаю о том, что жизнь моя была полна несчастий, мне вспоминаются слова моего мужа. Он говорил, что счастлив каждый, кто в своей жизни больше благодарил господу, чем просил у него».

Лекарь замолчал, потому что Николь выхватила у него книгу, прижала к себе и вскочила от переполнявших ее чувств.

– Это она, она! Я же говорила вам, мы ее найдем! А вы не верили!

– Не прыгай, – сказал Венсан, думая о том, что только что прочитал. – Тебе нельзя скакать как горной козе, пока рана не зажила.

– А когда она заживет, мы пойдем к Чертовой Плещи? Я точно знаю, здесь должно быть про дорогу к ней! – Николь потрясла закрытой книгой.

Венсан очнулся от своих размышлений и потянул Птичку за руку, заставив ее снова сесть.

– Что такое, месье Бонне? – насторожилась она.

Лекарь вздохнул. Что ж, этот разговор нельзя оттягивать до бесконечности.

– Боюсь, Чертова Плещь дождется только тебя.

Николь недоумевающе взглянула на него.

– Что это значит?

– Это значит, что ты останешься в лесу, а я направлюсь в город. Это случится через несколько дней, когда я окончательно удостоверюсь, что твоя рана хорошо заживает.

Николь непроизвольно коснулась того места, куда пришелся удар Мортемара.

– Ты ведь не пойдешь со мной, правда? – мягко спросил Венсан.

Он знал ответ. Ему не нужно было смотреть на ее опущенное лицо, чтобы получить подтверждение своим догадкам.

Ее дом – здесь, в лесах Вержи.

– Почему вам непременно нужно уйти?

Венсан не сразу понял, о чем его спрашивает Птичка.

– Почему вам нужно уйти? – настойчиво повторила она. – Разве вы не можете остаться со мной?

– Чтобы тебя схватили за пособничество убийце его милости? – усмехнулся Венсан. – Не для того я перевел на тебя свою лучшую мазь, чтобы снова видеть под виселицей. Я уже наблюдал это один раз, и зрелище не пришлось мне по вкусу.

– Мы здесь достаточно долго, – возразила Николь. – Не думаете ли вы, что, будь за нами охота, мы не могли бы так спокойно оставаться в лесу?

Венсан и сам много размышлял об этом, но объяснения не нашел. За прошедшее время никто не потревожил их в лачуге, к которой вывела его Птичка.

Он настаивал на том, чтобы покинуть хижину как можно скорее, но в первые дни Николь была слишком слаба, а потом он и сам отчего-то успокоился и перестал каждый миг ждать нападения. К тому же внутри нашлось столько разнообразных средств, о назначении которых он даже не догадывался, что ему было чем заняться, пока Птичка восстанавливала силы.

Определенно, этот лес усыплял его бдительность.

– Вы должны остаться здесь! – горячо убеждала его Николь. – Пока нас никто не преследует, к чему вам уходить? Что вы найдете в своем Лионе? Вы можете прожить тут хоть всю жизнь!

Венсан фыркнул.

– И что же, по-твоему, я буду делать в этой глуши?

– Вы будете врачевать, – не задумываясь, сказала Николь.

– Что?!

Он уставился на нее, не зная, смеяться ему или плакать.

Но Николь была серьезна.

– Как вы не понимаете, месье Бонне! Люди станут искать ведьму не для того, чтобы ее убить. Она им нужна! Кто, по-вашему, возьмется исцелять их теперь? Уж точно не новый лекарь Вержи – его еще не скоро привезут в замок.

Венсан против воли вынужден был признать, что в ее словах есть доля истины.

– Вы будете лечить их! – воодушевленно продолжала Николь. – А в свободное время станете исследовать новые травы. Ведь вы этим мечтали заниматься, не правда ли? И вы отыщете снова свою элесию, я видела по дороге к Чертовой Плеши болото, где она может расти. Одному туда идти нельзя, но вместе мы бы справились!

На короткий миг Венсану показалось, что это и впрямь осуществимо.

Он прочтет от корки до корки травник, сохранившийся у Арлетт, и сверит со своим. Может быть, он даже внесет в него дополнения! Скажем, о той же элессии у него есть кое-какие соображения, которых не найдешь ни в одной книге из тех, что он видел прежде...

Но трезвый внутренний голос оборвал эти мечты.

«Тебя будут искать за убийство, и ты выведешь солдат к Николь. Охота на вас пока не началась. Но она неминуема».

Даже если и так. Вдвоем вы скорее спасетесь, чем поодиночке.

Венсан вскинул голову и удивленно взглянул на Птичку. Это она сказала?

Но девушка выжидательно смотрела на него. Озадаченный лекарь даже покосился на дремавшего рядом пса.

Черт возьми, не от Баргеста же он это услышал!

Венсан молчал, раздираемый на части противоречивыми мыслями. Но только что прозвучавшие будто из ниоткуда слова крепко засели в его голове. «Вдвоем вы скорее спасетесь...»

– Послушайте, месье Бонне, вы просто не можете уйти! – проникновенно сказала Николь.

– Это еще почему?

– Потому что без вас я не прочитаю книги матери! Вы должны научить меня читать и писать.

Венсан раздраженно щелкнул пальцами. Да, этого он не учел. Если Птичка отправится к непонятной Чертовой Плещи, не зная пути, то сгинет где-нибудь по дороге в одной из трясин. А она непременно отправится, поскольку то, что эта упрямая ослица вбила себе в голову, невозможно вытрясти оттуда, хоть за ноги ее подвесь.

– Хорошо, – сдался он. – Но только пока ты не освоишь грамоту! Потом мне придется уйти, как мы и решили.

Николь вскочила и закружилась по поляне, распевая что-то бессмысленно-счастливое. «Ветер согнет траву! – разобрал Венсан. – Спутает волосы крошке Мари...»

– Сядь сейчас же, – рассердился он. – Ты худший больной, который у меня когда-либо бывал. И не двигайся с места, пока я достаю остальные книги.

Пока он шел через поляну к погребу Арлетт, и впрямь поднялся ветер, точно Птичка вызвала его своей песенкой. Теплая ладонь взъерошила волосы Венсану, заплескалась в листьях, и где-то за кустом жимолости, отзываясь ласковому шепоту проснувшегося леса, разразился высокой

прерывистой руладой певчий дрозд.

И тотчас, будто лишь ждал условного сигнала, вступил слаженный хор цикад. Дробно ударил дятел, и откуда-то издалека, словно бы с самой окраины мира, донесся до Венсана летящий звон колокола с главного собора в Божани, принесенный ветром в самое сердце леса.

Лекарь остановился. Только что мир был погружен в девственную тишину, и вдруг заговорил, запел, перебивая самого себя, словно пытаясь сообщить ему что-то очень важное разными голосами. Он ошеломленно прислушивался, пытаясь понять, что же именно.

Дон-н-н-н-н! – пел далекий колокол.

Цинь-цин! – звали цикады, и, взволнованный, вторил им дрозд, то приближаясь, то стихая.

Венсан запрокинул голову. Зеленое золото сияло и плескалось над ним. Море леса, вечного, могучего, древнего леса разливалось вокруг, и он, забыв обо всем, плыл в его волнах, не страшась ни бурь, ни злых северных ветров, зная наверняка, что здесь всегда найдется милосердная гавань, которая укроет их и даст приют.

Он смотрел на сгоревшую поляну, но не видел ни золы, ни обугленных останков дома. Трава покрывает ковром то, что мертво, и нежно-розовая жимолость вновь будет пениться и благоухать, и ее опавшие цветки будут как мириады звезд в опрокинутом небе.

В щеку Венсана с разлету врезался недовольно гудящий жук, и лекарь вздрогнул и очнулся.

Черт возьми, так и сам не заметишь, как попадешь под очарование этого леса! Еще немного – и он бы и впрямь поверил, что под его сводами таится волшебство, о котором твердит Птичка.

Венсан обернулся. Девушка дремала, прислонившись к стволу дуба, и пес дремал возле нее, положив длинную морду ей на колени.

«Я научу ее читать и сразу же уйду», – пообещал себе Венсан.

Он направился к погребу Арлетт, повторяя про себя, будто уговаривая: сразу же, сразу же уйду!

Вслед ему тихо рассмеялся святой Рохус, но Венсан этого не слышал.

* * *

Над песчаной отмелью стояла прозрачная вода, в которой застыли, будто пойманные в сеть из солнечных лучей, стайки красноперых мальков. Они собрались вокруг черного камня, наполовину ушедшего в мягкий

песок. Время от времени из-за игры света на камне ярче вспыхивала алая жилка, но рыбешек это не пугало.

Зато они живо разлетелись в стороны, стоило сверху упасть тени. Чья-то рука опустилась в воду, пальцы сомкнулись вокруг камня. Река на миг отразила смуглое лицо и белые растрепавшиеся волосы.

Но когда на берегу появились рыбаки, отмель была уже пуста. Только быстрая птичка носилась над водой, едва не касаясь ее острыми крыльями.